Th.
9

Paed. th. 6749 m

Б 5468.
Paed. Th. 6749 и
12
4

Ф33606

О ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

ПОГАШЕНО

СОЧИНЕНІЕ

ѲЕДОРА БУСЛАЕВА.

Bayerische Staatsbibliothek München

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.
1867.

165

ТИПОГРАФІЯ С ОРЛОВА, НИКИТСКАЯ УЛ., ДОМЪ ЧЕРНЕВОЙ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

7gT |81| 6215

Это 2-е изданіе перепечатано безъ исправленій, не потому, чтобы оно въ нихъ не нуждалось, а потому, что авторъ, за другими учеными занятіями, не имѣлъ возможности въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ слѣдить за литературою педагогическою. Такимъ обра омъ эта книга имѣетъ значеніе, болѣе историческое, какъ опыты и наблюденія одного изъ гимназическихъ учителей русскаго языка и словесности за четверть столѣтія до нашего времени: и если въ ней найдется что нибудь интересное и полезное и теперь; то она только выиграетъ въ глазахъ читателя, будучи оставлена безъ исправленій, въ своемъ прежнемъ видѣ. Впрочемъ, чтобы не ввести кого въ ошибки, особенно недостаточное и неполное въ этомъ изданіи выброшено; такъ что изъ двухъ частей 1-го изданія вышелъ только одинъ томъ съ приложеніемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Педагогическія начала.......................... 1

предметъ и метода преподаванія................. 1

педагогическія партіи.......................... 14

грамматика..................................... 32

1. умственныя упражненія и энциклопедическое ученіе.......................... —

2. обученіе отечественному языку по латинской грамматикѣ............................ 42

3. метода обученія отечественному языку....... 53

4. отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія................. 59

5 грамматики.................................. 72

6. результаты.................................. 75

реторика и піитика............................. 84

1. схоластики и беллетристы.................... —

2. филологи.................................... 90

3. лингвисты и философы........................ 94

4. практика.................................... 102

5. педагоги-систематики........................ 104

чтеніе... 107

письменныя упражненія.......................... 160

Стран.

1. дѣловыя бумаги . 160
2. письма . 163
3. описанія, повѣствованія и разсужденія на выдуманныя учителемъ темы 167
4. отношеніе письменныхъ упражненій къ прочимъ предметамъ преподаванія 173
5. отношеніе письменныхъ упражненій къ преподаванію отечественнаго языка 178
а. правописаніе . 181
б. начальныя письменныя упражненія 184
в. переводы . 186
г. переложенія . 187
д. извлеченія . 189
е. собственныя сочиненія 191
исторія литературы . 193
опыты преподаванія . 194
1. начальная грамматика —
2. чтеніе Карамзина . 237
3. чтеніе древняго памятника 261
4. чтеніе одъ Ломоносова 269
Приложеніе . 303
матеріялы для Русской Стилистики 305
ономатика . 310
народный языкъ . 328
1. тавтологія . 329
2. описаніе . 332
3. эллипсисъ . 333
4. эпитеты . 335

Стран.

5. періодъ........................... 338
6. сравненіе........................... 341
7. фразеологія........................... 344
исторія народнаго языка........................... 346
архаизмы........................... 352
1. ономатика........................... 364
2. изобразительныя выраженія........................... 369
3. бытъ воинскій........................... 370
4. бытъ юридическій. Лѣтопись. Старина........................... 374
5. бытъ религіозный. Отечество. Честь........................... 376
6. бытъ семейный и общественный........................... 381
7. языческій взглядъ на природу физическую. Языческая Символика. Миѳологія, поэзія, игры........................... 386
8. Христіянскій взглядъ на природу физическую. Христіянская Символика. Краснорѣчіе........................... 409
9. зодчество, ваяніе, живопись, музыка........................... 413
10. предложеніе, пословица, періодъ, рѣчь........................... 419
исторія архаизмовъ........................... 430
стихіи чужеземныя........................... 436
1. грецизмы въ церковномъ языкѣ........................... 442
2. время........................... 443
3. науки и искусства........................... 446
4. алфавиты........................... 448
5. варваризмы въ лѣтописяхъ........................... 451
6. варваризмы въ народномъ языкѣ........................... 453
7. исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго........................... —
провинціализмы........................... 463

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ НАЧАЛА.

ПРЕДМЕТЪ И МЕТОДА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Надобно отличать ученую методу отъ учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого вниманія на личность читателя или слушателя: онъ предлагаетъ свою науку единственно тому, кто пойметъ его. Напротивъ того, педагогъ долженъ развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имѣетъ свою цѣну, когда прилична тѣмъ лицамъ, коимъ преподается. «По моему глубокому убѣжденію, говоритъ Аб. Жираръ (*), всякая элементарная для дѣтей книга должна быть средствомъ къ воспитанію. Если же она ограничивается только тѣмъ, чтобы дать свѣдѣнія и развить умственныя способности дитяти: я могу похвалить порядокъ и жизнь, вложенные авторомъ въ его книгу, но не буду доволенъ. Мнѣ даже непріятно видѣть исключи-

(*) Explication du plan de Fribourg en Suisse, par Girard, 1827.

тельно только учителя языка, Естественной Исторіи или географіи и пр., когда я ожидаю бо̀льшаго: воспитателя дѣтей, образующаго разумъ для образованія сердца, и вносящаго свѣточь въ души еще новыя, чтобы освѣтить ихъ благоразуміемъ и добродѣтелью. Нѣтъ ни одного предмета въ обученіи юношества, который, въ рукахъ нѣсколько искусныхъ, не могъ бы служить средствомъ къ воспитанію. Всякій предметъ приноситъ свою дань по своей собственной природѣ. Такимъ образомъ великая обязанность и долгъ воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы собрать эти различныя приношенія, соединить ихъ и поставить въ преуспѣяніе чувствъ благородныхъ, честныхъ и великодушныхъ». Слѣдовательно: чтобы опредѣлить преподаваніе языка, надобно, вопервыхъ, опредѣлить самый предметъ, т. е. языкознаніе, и вовторыхъ, показать, какимъ образомъ этотъ предметъ долженъ быть средствомъ къ воспитанію, и какимъ образомъ довести учащагося до основательнаго знанія и сознательнаго дѣйствованія.

Два рода изученія языковъ: филологическій и лингвистическій (*). «Для перваго языкъ есть только средство къ изученію древней литературы, но средство неистощимо богатое содержаніемъ. Цѣль филолога достигнута, если онъ мало по малу сживается съ древнимъ языкомъ, и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться въ него и чувственно и духовно, такъ усвоиваетъ себѣ его образъ и составъ, что свободно можетъ употреблять его, какъ соб-

(*) Grimm, Deutsche Grammatik, часть I, предисловіе къ третьему изданію 1840 г.

ственное врожденное достоянiе, въ разговорѣ и чтенiи памятниковъ литературы отжившей. Содержанiе и форма взаимно условливаются другъ другомъ, такъ что съ возрастанiемъ уразумѣнiя рѣчи и поэзiи, богатѣетъ и содержанiе для грамматики. Идетъ она шагомъ болѣе твердымъ, чѣмъ смѣлымъ, съ взглядомъ болѣе здравымъ, нежели проницающимъ вдаль на богато-разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любитъ вскапывать ее въ глубину. Такая грамматика преимущественное вниманiе обращаетъ на синтаксисъ, котораго нѣжная ткань даетъ знать о цвѣтахъ и плодахъ изучаемой почвы, и въ которомъ особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхожденiи измѣнчивыхъ звуковъ и отдѣльныхъ формъ, довольствуясь тщательнымъ и обычнымъ употребленiемъ ихъ въ рѣчи. Въ ученiи объ образованiи словъ занимается она не столько обнаженiемъ корней, сколько производствомъ и сложенiемъ словъ. Всѣ правила языка направляются къ лучшимъ произведенiямъ литературы, и неохотно распространяются на области языка, необработанныя искусствомъ и запущенныя. Все грамматическое изученiе неукоснительно служитъ критикѣ словесныхъ произведенiй, полагая въ томъ свое призванiе и цѣль. — Другой родъ изученiя, лингвистическiй, углубляется въ языкъ, какъ въ непосредственную цѣль свою, и менѣе заботится о живомъ и цѣломъ выраженiи. Дѣйствительно, можно изучать языкъ самъ по себѣ и открывать въ немъ законы, наблюдать не то, что́ на немъ выражается, а то, что́ живетъ и вращается въ немъ самомъ. Въ противоположность предыдущему, такое языкоученiе можно на-

звать членоразлагающимъ, ибо оно болѣе любитъ разнимать по частямъ составъ языка и высматривать его кости и жилы, менѣе заботясь наблюдать свободное движеніе всѣхъ его членовъ, и подслушивать нѣжное его дыханіе. Какъ успѣхи Анатоміи вообще зависятъ отъ сравненія, такъ и здѣсь возникло сравнительное языкоученіе, извлекающее правила изъ сближенія цѣлыхъ языковъ или формъ одного и того же языка, исторически развивающихся другъ изъ друга, хотя различныхъ, однако сродныхъ и между собою соприкасающихся. Это изученіе мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы и находитъ себѣ такую же пищу въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ діалектѣ, какъ и въ возвышеннѣйшихъ произведеніяхъ классическихъ Прежде всего берется оно за простѣйшія стихіи въ звукѣ и флексіяхъ и въ гораздо меньшей мѣрѣ занимается синтаксисомъ. Изслѣдователь сравнительнаго языкознанія примѣняетъ свои правила въ безграничной области, которую онъ никогда не можетъ обозрѣть совершенно. Изумляетъ множество открытыхъ и извлеченныхъ корней изъ почвы изслѣдованія; но трудно побѣдить заманчивость къ разнообразію, легко можно разсѣяться, и послѣдовательные выводы возводятъ иногда на такую крутую высоту, съ которой какъ разъ упадетъ, кто легко спутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивахъ вышеописанной филологіи, ограниченныхъ и огороженныхъ, удается сравнительному языкоученію единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается отъ надежнаго основанія. Оно нашло средство обуздать и скрасить дикую, всѣмъ опротивѣвшую этимологію, и положило конецъ преж-

нему произволу; но онъ опять вкрался бы, если бы оно загромоздило себя безконечными исключенiями и аномалiями, и не расширило и не укрѣпило своего основанiя. Въ органическомъ языкѣ нѣтъ неправильностей, которыя не исходили бы отъ глубоко коренящагося закона, нѣтъ исключенiй, которыя, основательно понятыя, не подходили бы подъ правило. Все дѣло въ томъ, чтобы дать первенство закону передъ неправильностью и правилу передъ исключенiемъ». Филологически обработывали грамматику — греческую Буттманнъ, Германнъ, Тиршъ, Маттiэ, Ростъ, Бернгарди, Кюнеръ и друг.; латинскую — Гротефендъ, Цумптъ, Рамсгорнъ, Билльротъ, Кригеръ, Мадвигъ и др. Лингвистически обработывали языкознанiе: Шнейдеръ въ Ausführliche Gram. d. latein. Spr. 1819—1821, 3 ч.; Гумбольдтъ, Ueber die Kawi-Sprache auf der Jnsel Java, 1836; Поттъ, Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen, 1833—1836, 2 ч., Боппъ, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen, 1833—1842. Як. Гриммъ хотя совершеннѣйшiй лингвистъ въ своей Deutsche Grammatik, однако, примѣняя языкознанiе къ реальнымъ предметамъ, даетъ своимъ лингвистическимъ изслѣдованiямъ и филологическiй интересъ, именно въ слѣд. сочиненiяхъ: Deutsche Rechtsalterthümer, 1828; Reinhart fuchs 1834; Deutsche Mythologie, 1835; 2-е умноженное и улучшенное изданiе 1843 года. Отечественный языкъ по существу своему, необходимо долженъ подвергаться и филологическому и лингвистическому способу изслѣдованiя. Хотя лингвистическому слѣдуетъ преимуществовать, ибо

намъ неизвѣстнѣе происхожденіе формъ своего языка, нежели употребленіе оныхъ; однако нельзя упускать изъ виду и примѣненія законовъ отечественнаго языка къ литературнымъ памятникамъ, тѣмъ болѣе потому, что для уразумѣнія древней нашей словесности, на коей держится современный языкъ, требуется нѣкоторыхъ усилій, какія полагаетъ филологъ при знакомствѣ съ памятниками классической древности. Сверхъ того, безошибочное и точное употребленіе отечественнаго языка на практикѣ не довольствуется однимъ врожденнымъ умѣньемъ, но руководствуется извѣстными правилами, и особенно у насъ, потому что произволъ, ложное иностранное вліяніе, мода и педантизмъ весьма много попортили врожденный намъ даръ русскаго слова. До сихъ поръ обучаются у насъ отечественному языку по грамматикамъ, составленнымъ на образецъ латинской и греческой; слѣд. въ нихъ съ одной стороны не достаетъ элемента лингвистическаго, а съ другой много лишняго, особенно въ мелочныхъ правилахъ при склоненіи, спряженіи, управленіи, согласованіи. Именно, за эти ненужныя подробности и оподозрѣна годность отечественной грамматики въ преподаваніи.

Но для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здѣсь-то и выказывается великій недостатокъ грамматикъ Востокова и Греча, не смотря на всѣ ихъ ученыя и научныя достоинства. Оба эти филолога смотрятъ на грамматику только съ ученой стороны, не обращая вниманія на учебную, забывая личность учащагося: между тѣмъ какъ постепенное развитіе сей послѣдней составляетъ важнѣйшую часть отечественной грамма-

тики. Русскій съ малыхъ лѣтъ умѣетъ ужъ и склонять и спрягать правильно, не ошибется въ согласованіи и управленіи — за исключеніемъ весьма немногихъ частностей, которыя однѣ и должны быть замѣчены въ учебникѣ. Дѣтямъ совершенно безполезно знать, что есть этимологія, синтаксисъ, правописаніе, до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ они предложенія съ частями его, слова и категорій частей рѣчи; до тѣхъ поръ, пока не умѣютъ правильно писать, и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядокъ изложенія нашихъ учебниковъ, отъ частей рѣчи восходящій до сантаксиса, противорѣчитъ естественному развитію дара слова. Какъ часть непонятна безъ цѣлаго, такъ и цѣлое безъ частей: часть рѣчи понятна тогда, когда извѣстна рѣчь; а самая краткая и простѣйшая форма рѣчи есть предложеніе. Это начало, выведенное изъ сущности самого предмета, находитъ полное примѣненіе къ личности учащагося: дитя говоритъ предложеніями, а не словами, ему легче понять предложеніе, нежели слово; а начинаютъ обыкновенно съ извѣстнаго, изъ коего извлекаютъ неизвѣстное. Родной языкъ такъ сросся съ личностью каждаго, что учить оному значитъ вмѣстѣ и развивать духовныя способности учащагося. Такимъ образомъ въ самомъ предметѣ преподаванія, въ языкѣ отечественномъ, находимъ мы необходимость педагогической методы.

Не надобно смѣшивать методы съ пріемами преподаванія, зависящими или отъ произвола самого учителя, или отъ личности учениковъ. Такъ, иной учитель, заставляя цѣлый классъ писать подъ диктантъ, вызываетъ одного ученика писать на доскѣ; иной не вызываетъ; или, по-

правляя письменныя упражненія, иной подчеркиваетъ ошибки подъ строками; иной дѣлаетъ замѣчанія на поляхъ, не подчеркивая. Особые пріемы въ способѣ изложенія для дѣтей низшаго, средняго и высшаго сословія, для дѣтей бойкихъ и тихихъ, быстрыхъ и медлительныхъ, и пр.

Метода можетъ быть принята, вопервыхъ, какъ способъ или образъ ученія; напр. одни считаютъ удобнѣе проходить исторію этнографически, другіе хронологически, третьи синхронистически. На этой ступени большая часть нашихъ педагоговъ. Въ значеніи, гораздо высшемъ, метода имѣетъ цѣлью подчинить человѣческій духъ, какъ существо учащееся, извѣстнымъ законамъ. Педагогъ психологически вникаетъ въ познавательную способность дѣтей, и, сообразуясь съ общими законами развитія оной, ведетъ учащагося къ изученію какого либо предмета. На этой ступени педагогическаго образованія все вниманіе учителя съ любовью обращено на лице учащееся; предметъ же изученія остается только средствомъ къ духовному развитію ученика. Такая метода, соотвѣтствующая Кантовой Философіи (*), хотя несовершенна, ибо одностороння; однако желательно, чтобы какъ можно болѣе у насъ распространилась. Тогда не слышались бы жалобы учителей на скуку толковать въ низшихъ классахъ ежегодно одно и тоже. Интересъ учителя не столько въ наукѣ, сколько въ обученіи, въ наблюденіи за развитіемъ дѣтскихъ способностей: слѣдовательно, съ каждымъ новымъ курсомъ открывается преподавателю новое поприще дѣятельности, являющее ему

(*) Кантъ въ предисолвіи ко второму изданію Kr. d. r. V. die Gegen stände müssen sich nach unsrer Erkenntnisz richten.

новые предметы для наблюденія, новыя заботы и новое удовольствіе. Односторонность этой методы выказывается отъ двухъ побудительныхъ причинъ: первая — дурная: совершенное равнодушіе къ наукѣ, къ сожалѣнію столь часто замѣчаемое въ учителяхъ; вторая — добрая: иные педагоги слишкомъ мало цѣнятъ науку изъ крайней любви къ лицу учащемуся; для нихъ предметъ ученія важенъ не самъ по себѣ, а потому только, что является средствомъ къ образованію ума, духовною пищею, веществомъ, переработывающимся въ жизненные соки ученика. Этому мнѣнію діаметрально противополагаются заступники самостоятельности знанія въ обученіи; для нихъ всякая наука, грамматика, математика и пр., есть предметъ, постоянно пребываемый и неизмѣнный. Какъ Эвклидъ, говорятъ они, даже для царя не находитъ особаго пути къ изученію геометріи; такъ же нѣтъ и различныхъ путей къ изученію латинской грамматики или геометріи для различныхъ возрастовъ (*). — Такое противорѣчіе должно было разрѣшиться необходимымъ явленіемъ третьей степени методы: направленіе субъективное, ограничивающееся одною личностью учащагося, должно было расшириться, и уничтожить противорѣчіе между личностью ученика и предметомъ обученія. На этой ступени метода требуетъ совокупнаго развитія предмета изучаемаго и мыслительности учащагося (**). Она столько же не терпитъ одного формаль-

(*) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840.

(**) Слова Спинозы: ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum — объясняютъ эту методу.

наго обученія, сколько и одного матеріальнаго, хотя болѣе наклонна къ послѣднему: ибо матеріальное даетъ учащемуся содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ умственныя способности, формальное же ограничивается только развитіемъ умственныхъ способностей. Такъ напр. выучка наизусть страницы на какомъ нибудь вовсе неизвѣстномъ языкѣ будетъ ученіе чисто формальное, отрѣшенное отъ всякаго матеріальнаго интереса, а только изощряющее память ученика. Если же выучивается что нибудь на извѣстномъ языкѣ, то вмѣстѣ съ упражненіемъ памяти пріобрѣтается и положительное знаніе. Формальное обученіе безъ матеріальнаго возможно: таково обученіе во многихъ плохихъ школахъ, гдѣ заставляютъ дѣтей учить наизусть учебники, изъ которыхъ они не понимаютъ ни слова. Матеріальное же безъ формальнаго быть не можетъ.

Способъ преподаванія двоякій: или заставляютъ ученика самого доискиваться и находить то, чему хотятъ научить его, или же предметъ преподаваемый дается ему готовый, безъ всякаго съ его сороны пытанія. Первая метода называется *гейристическою*, вторая — *историко-догматическою* (*). Иные противополагаютъ гейристическую методу строгонаучной или систематической, почитая характеромъ послѣдней нисхожденіе отъ отвлеченнаго къ конкретному, а первой — восхожденіе отъ конкретнаго къ отвлеченному. Несправедливы тѣ, которые полагаютъ сущность гейристической методы въ разговорномъ, діалогическомъ изложеніи, а историко-догматической въ сплошномъ разска-

(*) Beneke, Erziehungs-und Unterrichtslehre, изд. 2-е, 1842, II, 282.

зѣ: метода эротематическая и акроаматическая основываются только на внѣшнемъ изложенiи, не касаясь сущности самого дѣла (*). Примѣнительность той или другой методы условливается отчасти предметомъ преподаванiя (объективно), отчасти личностью учащагося (субъективно). Такъ все историческое и положительное не можетъ преподаваться гейристически, ибо ученикъ никоимъ образомъ не дойдетъ своимъ собственнымъ разсужденiемъ до факта, подлежащаго только памяти. Напротивъ того, эта метода примѣнительна къ математикѣ, философiи и языку отечественному. Впрочемъ, въ отношенiи субъективномъ, гейристическая метода и въ преподаванiи отечественнаго языка требуетъ извѣстныхъ ограниченiй: малыя дѣти, безъ запаса нагляднаго знанiя и безъ умѣнья выражаться о чемъ либо опредѣленно, не могутъ съ перваго разу обучаться гейристически. Поэтому весьма ошибаются тѣ, которые употребляютъ такъ называемую *сократическую* методу въ первоначальномъ преподаванiи (**); ученики Сократовы были опытные мужи и взрослые юноши, владѣвшiе языкомъ и многими знанiями.

Для желающихъ заняться Педагогикою указываю лучшiя сочиненiя:

Aug. Herm. Niemeyer, Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Aeltern, Hauslehrer und Schulmänner, 9-е изд., 3

(*) Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., I, 142.

(**) Эта мысль Песталоцци; смотр. Krüsi, Erinnerungen aus meinem pädagogischen Leben und Wirken, въ Mager's Pädagogische Revue, Октябрь 1840.

части, 1834, 1835. Содержитъ въ себѣ теорію, руководство къ практикѣ и исторію воспитанія и обученія.

Fr. H. Chr. Schwarz, Erziehungslehre. 2-е улучшенное изд., 3 части, 1-я въ двухъ отдѣлахъ, 1829. Въ первой части исторія воспитанія (лучшая часть), въ третьей обученіе. Нимейеръ и Шварцъ въ свое время были свѣтилами въ области педагогической теоріи, и до сихъ поръ еще остаются наставниками и нынѣшнихъ педагоговъ. Оба они сначала были богословами, но прославлялись не столько Богословіемъ, сколько Педагогикою. Въ ясности и предѣленности изложенія Шварцъ уступаетъ Нимейеру, богатствомъ же содержанія и психологическими наблюденіями выше его.

Fr. Ed. Beneke, Erziehungs-und Unterrichtslehre, 2-е улучшенное изд., 2 части, 1842. Въ первой о воспитаніи, во второй объ обученіи. Все сочиненіе основано на психологическихъ началахъ, постоянно съ эмпирической точки зрѣнія. Послѣдовательностью и точностью, особенно въ системѣ обученія, Бенеке превосходитъ Шварца.

Herbart, Umrisse pädagogischer Vorlesungen, 2-е пополненное изд., въ одной части, 1841. Дѣлится на три отдѣла: основаніе Педагогики, очеркъ общей Педагогики, отдѣльныя отрасли Педагогики. Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ управленіе дѣтьми, обученіе, воспитаніе и Педагогику по возрастамъ; въ третьемъ отдѣлѣ о предметахъ преподаванія, о недостаткахъ учениковъ, о домашнемъ воспитаніи и о школахъ. Хотя это сочиненіе, подобно другимъ Гербартовымъ, не отличается стройнымъ органическимъ построеніемъ; однако при удивительной краткости и опре-

дѣленности содержитъ въ себѣ множество мѣткихъ и рѣшительныхъ педагогическихъ началъ.

J. H. Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837. Хотя уступаетъ предыдущимъ въ самостоятельности; однако, какъ специальное для Гимназій сочиненіе, смѣло можетъ быть рекомендовано учителямъ Гимназіи, по умѣренности здравыхъ началъ и ясному изложенію. Дѣлится на три части: въ первой о назначеніи Гимназіи, во второй о предметахъ гимназическаго преподаванія, въ третьей о методѣ его; въ заключеніи представленъ краткій очеркъ гимназическаго преподаванія, какъ органическаго цѣлаго.

Fr. Cramer, Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume, 2 части, 1832—1838. Въ первой части практическое воспитаніе, начиная отъ Китайцевъ, Индійцевъ, Евреевъ до Христіанской эпохи. Во второй — теоретическое воспитаніе, также отъ самыхъ древнихъ временъ до Лукіана. Единственное для исторіи древней Педагогики сочиненіе; содержитъ въ себѣ множество фактовъ по всѣмъ отраслямъ преподаванія и воспитанія въ древнемъ мірѣ. Обладая филологическою критикою, авторъ искусно умѣлъ вложить педагогику въ общую историческую картину развитія человѣчества, и такимъ образомъ представить исторію воспитанія и обученія въ связи съ исторіею образованности вообще.

K. v. Raumer, Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit. 1843. До сихъ поръ 2 части: въ первой отъ Данта до Монтаня, во второй отъ Бакона до смерти Песталоцци; въ третьей будетъ заключеніе Исторіи и характеристика современной Педаго-

гики. Это сочиненіе лицомъ къ лицу знакомитъ съ педагогами среднихъ и новыхъ временъ. Авторъ положилъ себѣ за правило, общее историческое развитіе Педагогики, въ совокупности съ исторіею цивилизаціи, подчинить отдѣльнымъ біографіямъ знаменитыхъ наставниковъ, мнѣнія которыхъ, подробно изложенныя, съ одной стороны являются историческою характеристикою, а съ другой служатъ матеріаломъ для педагогическихъ соображеній.

F. Diesterweg, Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., 2 части, 1838; готовится 3-е изд. Въ первомъ отдѣлѣ общія начала, во второмъ разсужденія объ отдѣльныхъ предметахъ обученія, отъ религіи до пѣнья и рисованья, отъ азбуки до обученія слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ. При такомъ разнообразіи Дистервегъ не могъ самъ основательно и сознательно говорить обо всемъ: потому большая часть этихъ разсужденій писаны людьми, спеціально занимающимися тѣмъ предметомъ, о которомъ писали. Это сочиненіе должно быть настольною книгою всякому учителю, ибо вмѣстѣ съ здравыми началами предлагаетъ самую полную литературу сочиненій по всѣмъ частямъ Педагогики.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Окончательное рѣшеніе вопроса о преподаваніи отечественнаго языка единственно тогда воспослѣдуетъ, когда, уразумѣвъ другъ друга, примирятся двѣ враждующія партіи педагоговъ и полюбовно согласятъ свои требованія. Партія древнеклассическая отвергаетъ всякое систематическое обученіе отечественному языку, примыкая его къ ла-

тинскому; напротивъ того, реальная, вовсе отстраняя классическую литературу, слишкомъ расширяетъ объемъ преподаванія отечественнаго языка. На сторонѣ классиковъ или гуманистовъ вѣковой авторитетъ и блистательная обработка древней словесности; на сторонѣ реалистовъ жизнь дѣйствительная и сама природа съ своими требованіями. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ партіи неправы въ крайностяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательны обѣ въ своихъ началахъ. Первая глубоко коренится на историческомъ развитіи европейскихъ школъ, вторая на разумномъ отношеніи современнаго быта въ школѣ. Держась одного преданія, безъ соображенія съ настоящимъ, партія гуманистовъ теряетъ историческую нить, связывающую былое съ теперешнимъ: увлекаясь современностью, реалисты забываютъ тотъ животворящій корень, на которомъ разумно движется настоящее. Столкновеніе и борьба противоположныхъ мнѣній, эта педагогическая діалектика весьма выгодна для науки, придавая ей движеніе и жизнь, и чрезвычайно многое обѣщаетъ въ будущемъ, будучи предтечею твердаго, разумнаго начала, на коемъ построится Педагогика. Противоположное только тогда сольется воедино, когда каждая изъ стихій, утративъ свой первоначальный видъ, какъ бы химически претворится въ другую, себѣ противную. Уже есть попытки такого полюбовнаго соединенія; только нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ принадлежатъ людямъ либо той, либо другой партіи: а потому и самое соединеніе является не болѣе какъ безвременнымъ еще столкновеніемъ, въ которомъ, смотря по примирителю, то реализмъ, то гуманизмъ беретъ верхъ надъ своимъ противникомъ. И воз-

можно ли еще теперь примиреніе, когда всякое общественное зло и гуманисты и реалисты взваливаютъ на плеча враждебной себѣ партіи. Нагель (*) всѣ упреки, возводимые гуманистами на реалистовъ, подводитъ къ пяти главнымъ пунктамъ: 1) въ реализмѣ выказывается матеріальное направленіе нашего вѣка; 2) въ реализмѣ вина безбожію и современной безнравственности; 3) въ реализмѣ возмутительныя начала для быта общественнаго; 4) реализмъ ведетъ къ духу кастъ, и 5) полагаетъ ложное начало для преподаванія.

И упреки эти и опроверженія ихъ заключаютъ въ себѣ весьма много дѣльнаго, но, вдаваясь въ крайности, и тѣ и другія, по односторонности своей, недостаточны. Такъ Тиршъ (**) возстаетъ на реалистовъ за матеріальное направленіе: одно изъ двухъ направленій, именно идеальное защищаетъ преданіе, другое—отступается отъ него, ищетъ одного положительнаго, и думаетъ тѣмъ наставлять современность и поколѣнія будущія: это направленіе называется матеріальнымъ, не потому, чтобы оно не признавало идей; но по своему господствующему характеру. Для направленія идеальнаго современная образованность есть сокровище, переданное словомъ и дѣломъ отъ вѣковъ протекшихъ, сокровище, потребленіе коего связано съ изученіемъ языка, судьбы и обстоятельствъ того времени, откуда пришло оно. Сюда относятся не только обѣ классическія литера-

(*) Die Idee der Realschule, von Nagel, 1840.

(**) Ueber den gegenwärtigen Zustand des öffentlichen Unterrichts, 1838, ч. I стр. 6 и слѣд.

туры, но и восточныя вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, и языкъ и литература нашихъ предковъ, и все, что исторически вошло въ жизнь нашу; сюда относится и христіанство съ своими различными формами, и поэзія, и глубокое знаніе исторіи, и философія. Вся наша народная старина съ своими повѣрьями, убѣжденіями и обычаями, на коихъ покоится общественный и политическій порядокъ современнаго быта, слѣд. все, что есть въ религіи, въ высшемъ образованіи и въ самомъ Государствѣ, все это покоится на преданіи, и своими по цѣлымъ столѣтіямъ глубоко внѣдрившимися корнями извлекаетъ изъ него себѣ пищу и возрастаніе. Срубите дерево при корнѣ, отлучите настоящее отъ прошедшаго: что́ станется съ образованіемъ? — Противъ этого идеальнаго направленія воздвигается другое, обращенное къ барышу, приращенію и потребленію мірскихъ благъ. Это матеріальное начало признаетъ сообразнымъ для себя единственно то, что ведетъ къ его цѣли, т. е. что умножаетъ кучу богатствъ, сопряженныхъ съ благополучіемъ и силою въ обществѣ. Для матеріалиста всякое дѣло ничтожно и глупо, если его нельзя сосчитать на деньги, или смѣрять аршиномъ. И на этомъ-то основаніи хотятъ положить все настоящее для сооруженія на немъ будущаго! Занятія восточными языками и древностями реалисты почитаютъ дѣломъ ненужнымъ, ибо все, чѣмъ полезенъ Востокъ для современности, давно уже приведено въ простое и вразумительное ученіе Христіанское. Высшее образованіе въ поэзіи и философіи кажется имъ игрою и глупостью. Общеніе съ классическою древностію, по ихъ мнѣнію, выказываетъ незнаніе современныхъ потребностей

и нуждъ, и влечетъ за собой порчу въ молодомъ поколѣніи, которое, переселясь такимъ образомъ въ міръ опасныхъ мечтаній, становится непотребно для современности. Имъ дорого единственно то, что насущная польза запечатлѣла клеймомъ своимъ,—желѣзныя дороги, пароходы, сахарныя фабрики и новыя изобрѣтенія по части химіи, физики, механики.—Вотъ что говоритъ противъ этого Нагель за реалистовъ: хотя реализмъ исходитъ отъ сознанія, что одни гуманическія учебныя заведенія недостаточны для потребностей сословія промышленнаго, которому классическая древность излишня; однако не ограничивается однимъ временнымъ и насущнымъ, а стремится къ высшей цѣли. Не всѣ достигаютъ этой цѣли, равно какъ не всякій гимназистъ или студентъ университета становится ученымъ. Матеріальное направленіе должно вести къ духовной цѣли. Первоначально изъ своего грубаго состоянія человѣкъ дошелъ до образованности постепенною дѣятельностію матеріальною, сооруженіемъ жилищъ, укрощеніемъ звѣрей, обработываніемъ земли, такъ что каждый значительный шагъ дѣятельности матеріальной былъ вмѣстѣ и шагомъ къ духовному развитію. Чѣмъ же именно нашъ вѣкъ сталъ выше древности, какъ не рядомъ изобрѣтеній, кои хотя были устремлены къ веществу, однако заключаютъ въ себѣ цвѣтъ современнаго развитія духовнаго? Чѣмъ бѣднѣе природа, чѣмъ однообразнѣе и проще отношенія ея къ нашему духу, чѣмъ ýже физическій горизонтъ нашего зрѣнія, тѣмъ ограниченнѣе и тѣснѣе кругъ умственной нашей дѣятельности. Съ возрастаніемъ сокровищъ, доставляемыхъ намъ природою, обогащается наша умственность и образуется

духовная связь разума съ природою. Изощреніемъ нашихъ органовъ производимъ мы духовное вліяніе на природу. Сколько остается тайнаго для ума нашего, когда не достаетъ какого-либо органа! Всякое новое открытіе, коимъ покоряемъ мы природу, есть новый органъ, посредствомъ коего она приходитъ съ нами въ соотношеніе, есть усовершенствованіе собственнаго нашего простаго органа. Какъ зрительная трубка изощряетъ намъ зрѣніе и сближаетъ насъ съ предметами отдаленными, такъ и пароходъ, коимъ духъ человѣческій побѣдилъ бури и непогоды морскія, распространяетъ собственную нашу родину, сближая насъ съ странами самыми отдаленными. Земное назначеніе человѣка быть господиномъ природы. Какъ духъ первоначально возникаетъ изъ плоти, такъ и человѣкъ долженъ образоваться въ природѣ, для того, чтобы воспрянуть отъ нея и овладѣть ею. Вотъ для чего новая промышленная дѣятельность машинами старается замѣнить людей, для того, чтобы люди перестали быть машинами.

Яростно нападаетъ Гинтеръ (*) на реалистовъ за безбожіе и безнравственность, говоря: матеріалисты стремятся только къ одному чувственному, корыстному и грѣшному, и не воображая, что ихъ начала въ основаніи своемъ враждебны церкви. Въ своихъ школахъ, въ кругу самыхъ чувственныхъ и матеріальныхъ наукъ, при односторонности умственнаго образованія, съ гордостью знанія или даже всезнанія назначаютъ они только два часа въ недѣлю для закона Божія, возбуждая въ учащихся пытливый и мудр-

(*) Die Realschulen und der Materialismus, 1839.

ствующій духъ проблематическимъ изложеніемъ ученія церкви. — Что же спасетъ дѣтей отъ невѣрія и безбожія? — Математика? Но Пиѳагорово ученіе не доказываетъ бытія Божія.—Физика и Химія? Въ нихъ не даютъ мѣста никакой думѣ: все проходится практически, примѣнительно къ жизни. Новые языки—Французскій и Англійскій? Избави Боже отъ такого противоядія! это тоже, что у гомеопатовъ similia similibus. Вотъ образованіе реальной школы! Корысть породила ее, къ корысти же и стремится она. Трудъ и болѣзнь принесетъ она въ плодъ свой. Ибо кто не воздаетъ Божьяго Богу, тотъ не воздастъ и Кесарева Кесарю. — Защита Нагеля: дѣйствительно ли нашъ вѣкъ безнравственнѣе прочихъ? Достаточно вспомнить развратъ и безбожіе прошлаго столѣтія, чтобы убѣдиться въ нравственномъ превосходствѣ нашего. Направленіе жизни, нравственное или безнравственное, никакъ не можетъ зависѣть отъ того, чему болѣе учится дитя въ школѣ—латинскому языку или математикѣ.—Изъ среды самихъ гуманистовъ возставали противъ безнравственности отъ обученія древнимъ языкамъ. Извѣстно, какую войну поднялъ Ейтъ (Eyth), учитель въ одной Вюртембергской школѣ, противъ языческой и антихристіянской стихіи въ изученіи древнихъ языковъ, будто бы приносящемъ безбожіе и порчу нашему вѣку. Многіе учители возстали тогда на Ейта, и доказали ему, что классическая древность никогда не повредитъ нравственности, и особенно въ низшихъ и среднихъ школахъ латинскихъ, гдѣ учители столько бываютъ заняты внѣшними формами языка, что имъ и не приходитъ въ голову разсуждать о содержаніи прочтеннаго съ дѣтьми

классика. Гирцель, защитникъ гуманизма противъ Ейта въ своемъ сочиненіи—Die Classiker in den gelerten Schulen, 1838 — разсказывая, какъ его самого въ юности занимали больше всего слова и обороты классиковъ, прибавляетъ: «по всему этому должны мы признаться, что Ейтъ не съ надлежащей точки зрѣнія смотритъ на низшія школы, возлагая на дѣтей, не достигшихъ даже пятнадцатилѣтняго возраста, такія требованія въ отношеніи ученомъ и нравственномъ, кои совершенно противорѣчатъ естественному развитію духа человѣческаго.» Отсюда заключаетъ Нагель: какъ латинскій языкъ не возвыситъ и не унизитъ нравственности дѣтей, такъ и математика съ естественною исторіею. Обвиненіе въ безнравственности преподаванія можетъ быть основано не на содержаніи онаго, а на способѣ и образѣ изложенія.

Далѣе, Тиршъ, а за нимъ и Гинтеръ, укоряютъ реализмъ въ возмутительномъ началѣ для жизни общественной. Гинтеръ рѣзко утверждаетъ, что реальныя школы возникли на развалинахъ революціи, что самая революція и началась и поддерживалась реалистами. Вмѣстѣ съ этимъ гуманисты упрекаютъ своихъ противниковъ въ антинаціональномъ направленіи, подъ вліяніемъ французской образованности. Такъ по этому случаю Шварцъ приводитъ извѣстное двустишіе Шиллера:

Ringe, Deutscher, nach römischer Kraft, nach griechischer Schönheit!
Beider gelang dir; doch nie glückte der gallische Sprung.

Весьма любопытно, что реалисты, защищаясь отъ сихъ упрековъ, съ своей стороны укоряютъ въ революціонномъ началѣ именно гуманистовъ, которые будто бы возбужда-

ютъ въ своихъ воспитанникахъ возмутительныя мечты изображеніемъ древней свободы.

Гуманисты говорятъ, что реализмъ влечетъ за собой касты раздѣленіемъ сословій на ученыхъ и неученыхъ. Это возраженіе дѣйствительно имѣетъ видъ правды: ибо дитя, которое могло бы со временемъ стать украшеніемъ науки, при самомъ началѣ своего ученія навсегда отстраняется отъ поприща, самой природою ему предназначеннаго. Впрочемъ исключенія нейдутъ въ общее правило, и геній, при современномъ просвѣщеніи, всегда найдетъ свою дорогу. Притомъ переходъ изъ одной школы въ другую никому не возбраняется. И въ этомъ пунктѣ реалисты хотятъ сложить съ себя обвиненіе на гуманистовъ, утверждая, что сіи послѣдніе монополіею своего знанія, какъ египетскіе жрецы, скорѣе приведутъ общество къ раздробленію на касты.

Предлагаю начала реалистовъ о воспитаніи и преподаваніи. Замѣчательно, что противъ каждаго гуманисты выставляютъ свое, діаметрально противоположное. (*)

А.

1. Воспитаніе предполагаетъ только одну внѣшнюю цѣль— образованіе человѣка для его будущаго назначенія въ жизни. Гуманисты напротивъ: воспитаніе имѣетъ свою собственную внутреннюю цѣль въ общемъ образованіи человѣка.

(*) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 230.

2. Цѣль преподаванія—сообщеніе полезныхъ свѣдѣній въ самомъ обширномъ объемѣ. По мнѣнію гуманистовъ—образованіе духа.

3. Учи дѣтей предметамъ, а не словамъ; начинай образованіемъ, нужнымъ для свѣта: для высшихъ идей ученикъ еще не созрѣлъ. Гуманисты: начинай идеями и словомъ, какъ выраженіемъ идей; образуй ученика для высшаго міра духовнаго: для здѣшней жизни научитъ его сама жизнь.

Б.

4. При необъятности человѣческихъ знаній самые дѣти должны уже заучивать сколько возможно больше свѣдѣній. Гуманисты: множество предметовъ разсѣиваетъ и ведетъ къ поверхностному знанію: non multa sed multum.

5. Изъ множества предметовъ знанія выбирай полезнѣйшіе для жизни практической. Гуманисты: юношескій духъ полнѣе развивается предметами духовными, нежели вещественными.

6. Образованіе никакъ не можетъ быть ограничено одними языками классическими. Гуманисты: предметъ изученія долженъ имѣть классическую форму, а кромѣ древности нѣтъ ничего классическаго.

В.

7. Ученье для дѣтей должно быть игрою; по мнѣнію гуманистовъ—важнымъ занятіемъ.

8. Преподаванie должно быть разнообразно: потому всѣ предметы проходятся въ одно время; по мнѣнiю гуманистовъ—одинъ за другимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

9. Слѣдуй природѣ въ развитiи духовныхъ силъ и съ ранней поры возбуждай и упражняй въ дитяти всѣ высшiя способности души, умъ, разсудокъ и т. д. Гуманисты: такъ какъ природа сначала даетъ человѣку память, и потомъ уже разсудокъ: потому сначала упражняй дѣтскую память, и тѣмъ укрѣпляй духъ: tantum scimus, quantum memoria tenemus.

Ученiе распалось на двѣ противоположныя части отъ разсѣченiя круга (κυκλὸς, энциклопедiя) наукъ на двѣ половины (*). Гуманизмъ произошелъ отъ того, что изъ круга образованности вырѣзали только одинъ секторъ, и отъ этого сектора—именно наукъ нравственныхъ (историческихъ, антропологическихъ), взяли только сегментъ—классическiе языки и литературы. Первая степень гуманизма — гуманизмъ, основанный на преданiи: онъ ничего не хочетъ знать, кромѣ языковъ древнихъ, отвергая все остальное. Противники Песталоцци возвели его на степень рацiональнаго гуманизма, который основывается на образованiи формальномъ, обращая все вниманiе на обученiе мыслить. Оба эти направленiя, образуя учащихся эстетически и нравственно, и не упуская изъ виду практическаго примѣненiя къ школѣ, въ отношенiи педагогическомъ стоятъ выше новѣйшаго гуманизма, требующаго строгой науки и основательности отъ школьнаго образова-

(*) Mager, Die modernen Humanitätsstudien, 1843, тетр. 2-я.

нія. Эти «основательные» филологи (точно также, какъ и непедагогическіе учители математики, физики, химіи, естественной исторіи, географіи и т. д.) суть истинная зараза многихъ теперешнихъ нѣмецкихъ школъ: ибо они изъ школы дѣлаютъ академическую или университетскую аудиторію; преподаваніе ихъ, будучи только чисто ученымъ, не имѣетъ въ себѣ ничего всесторонне образующаго, ничего воспитывающаго.—Впрочемъ все-таки гуманизмъ стоитъ выше своего противника. Какъ гуманистовъ можно назвать педагогическими еретиками, однако остающимися внутри святилища науки, такъ реалисты суть невѣрующіе, педагогическіе идолопоклонники, стоящіе внѣ. Реализмъ (первоначально извѣстный подъ именемъ филантропизма) произошелъ въ слѣдствіе противодѣйствія всеобщему обученію по латыни. Къ гуманизму относится онъ точно также, какъ, въ области философіи, философскій матеріализмъ къ спиритуализму, или, въ практическомъ быту, какъ либерализмъ къ піетизму. Хотя реалисты зашумѣли очень важно: «намъ надобно не слово, а дѣло;» однако къ этому дѣлу тотчасъ, какъ плевелъ, приросло, и бездѣлье. Еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія многіе нѣмецкіе педагоги совѣтовали въ школахъ читать политическія, ученыя и литературныя газеты, и заставляли учениковъ дѣлать изъ нихъ извлеченія (*)! Изъ круга образованія реализмъ беретъ себѣ, въ секторѣ естественныхъ наукъ, математику, прибавляя къ ней два новыхъ языка и немножко Исторіи.

(*) Kösters, Prorektors zu Weilburg, Gedanken von den niedern und hohen Schulen, 1765. Сляч. Steubers Ueber Gymnasial-Bildung, 1817 стр. 87.

На низшей степени его учащійся образуется ремесленникомъ: будущій красильщикъ учится нѣсколько химіи, механикъ—механикѣ. купецъ—счету и бухгалтеріи, и т. д. Такимъ образомъ упускается главнѣйшее практическое образованіе, именно образованіе характера: молодые люди не учатся ни чувствовать человѣчески, ни думать, ни говорить.—Высшій реализмъ смотритъ далѣе: онъ съ претензіями на государственную службу и на общественное модное образованіе. И здѣсь основаніемъ также физико-математическое знаніе; однако, такъ какъ порядочно образованному человѣку надобно знать литературу, потому нужно учить новымъ языкамъ и заставлять читать греческихъ и латинскихъ писателей въ переводѣ, для того, чтобы умѣть что нибудь сказать о нихъ; нужна также и исторія для будущаго чиновника. Наконецъ реализмъ доходитъ до ученой степени во французской политехнической школѣ.

Часто говорятъ, вмѣстѣ съ Гердеромъ и Песталоцци, что умственныя способности можно образовать на какомъ хочешь предметѣ (*). Но такое мнѣніе совершенно несправедливо: это все равно, что сказали бы, будто всякое общество образуетъ юношу, не только сообщество съ людьми необразованными, но даже съ лошадьми и собаками. Нѣтъ, духъ образуется только посредствомъ духовнаго; впрочемъ

(*) «Если ножъ наточенъ, говоритъ Гердеръ, то имъ можно рѣзать что угодно. Точно тоже и съ остротою и образованіемъ ума. Изощряй и образуй его на чемъ хочешь: довольно того, чтобы онъ былъ изощренъ и образованъ.» Сравненіе не доказательство, и Магеръ очень искусно этому Гердерову сравненію противополагаетъ свое собственное равносильное: алмазъ шлифуется только алмазной пылью.

этимъ не отвергается и природа физическая, какъ предметъ образующій, если будемъ понимать подъ ней не безсвязную груду фактовъ, а органическое, всецѣлое созданіе Божіе, проникнутое тѣмъ же творческимъ духомъ, какъ и нравственный міръ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что изученіе языковъ и литературы всего короче и дружнѣе сближаеть учащихся съ міромъ духовнымъ, нечувствительно возводя ихъ отъ конкретнаго къ отвлеченному и открывая имъ необозримое поле для дѣятельности всѣхъ нравственныхъ силъ ихъ Это общее положеніе гуманисты пріурочиваютъ въ пользу языковъ древнихъ, реалисты же (напр. Магеръ, хотя и считаетъ себя примирителемъ) расширяютъ его и на языки новые: послѣднее весьма полезно въ Германіи, гдѣ, при недостаткѣ энциклопедическаго образованія, филологическая ученость такъ сильна и незыблема, что не страшится никакихъ нападковъ. Напротивъ того, у насъ, при общемъ недостаткѣ спеціальныхъ знаній, такое начало какъ разъ перейдетъ въ беллетристику, которую такъ рѣзко, но чрезвычайно справедливо, осудилъ Кантъ (*): «Беллетристъ или bel esprit есть гуманистъ, по современнымъ писателямъ на живыхъ языкахъ. Слѣдовательно онъ вовсе не ученый—ибо только мертвые языки почитаются языками учеными—но просто модный дилеттантъ изящнаго, не заботящійся о древнихъ классикахъ. Его можно назвать *обезьяною* гуманиста.» Такъ какъ гимназія даетъ основанія такимъ ученикамъ, которые современемъ

(*) Введеніе въ логику, смотр. Jm. Kant, Sämmtliche Werke, изд. Розенкранца и Шуберта, 1838, часть 3, стр. 213.

имѣютъ быть людьми *учеными*, а не просто образованными: потому и беллетристика въ ней должна совершенно подчиниться ученью классическому.

Русское образованіе еще такъ недалеко ушло на поприщѣ древнеклассической филологіи, что наши реалисты не имѣютъ ни малѣйшаго права поднимать противъ оной своего голоса. Намъ еще надо дѣлать, а не спорить: и когда гуманическое образованіе принесетъ у насъ свои плоды, тогда не будутъ намъ съ наивностью говорить, что не нужно учиться латинскому языку, потому что нѣтъ такой страны, гдѣ бы говорили теперь по латыни. Въ гимназіи всѣ предметы равно идти не могутъ. Идеально—совершенная энциклопедія есть воздушный замокъ (*). Математика и языки древніе образуютъ два самостоятельныхъ, противоположныхъ отдѣла: но они мирятся въ первоначальномъ обученіи. Если поставимъ исторію и русскій языкъ въ независимости отъ древней филологіи: реализмъ и беллетристика обуяютъ гимназію. Еще не пришла пора учителямъ русскаго языка думать, что ихъ предметъ есть сосредоточіе гимназическаго курса. Наша грамматика и въ половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоятъ нѣмецкая и французская; исторіи русскаго языка вовсе еще нѣтъ; попытки сравнительнаго изученія русскаго языка съ родственными и соплеменными еще не доросли до на-

(*) Гесснеръ даетъ энциклопедіи высокое значеніе: κυκλος est circulus, quae figura est simplicissima et perfectissima simul; nam incipi potest ubique in illa, et ubique cohaeret. *Cyclopaedia* itaque significat, omnem doctrinarum scientiam inter se cohaerere. *Encyclopaedia* est institutio in illo circulo. Смотр. Isagoge 1, 40.

уки; литература наша, столь богатая для языка и слога, весьма однообразна и скудна родами и видами поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій; стилистики нѣтъ; реторика и піитика ожидаютъ дѣлателей.

Весьма дѣльно и основательно можно примѣнить къ преподаванію многое, что говорятъ гуманисты объ отечественномъ языкѣ, не въ ущербъ его успѣхамъ въ школѣ. Ихъ метода гораздо прочнѣе, потому что держится на преданіи, чуждая опасныхъ нововведеній, строгая нравственностью, скромная и незаносчивая. Предлагаю въ параллели главнѣйшія статьи реалистовъ и гуманистовъ касательно обученія отечественному языку.

1. Реалисты: въ преподаваніи отечественный языкъ преимуществуетъ передъ древними; ибо на немъ дѣти естественнѣе и легче узнаютъ строеніе языка вообще. Гуманисты: отечественный языкъ не можетъ дать дѣтямъ яснаго понятія о грамматическихъ формахъ; ибо онъ такъ тѣсно совпадаетъ съ личностью дитяти, что его никакъ нельзя представить отдѣльнымъ отъ сознанія предметомъ; языкъ же иностранный, и преимущественно древній, какъ чуждый сознанію съ перваго разу, имѣетъ всѣ выгоды объективности преподаваемаго предмета.

2. Рр: начинать грамматическое обученіе отечественнымъ языкомъ. Гг: латинскимъ языкомъ.

3. Рр: вмѣстѣ съ формами языка дѣти должны обогатиться обильнымъ запасомъ нагляднаго энциклопедическаго ученія. Гг: энциклопедія ведетъ къ поверхностному знанію и чужда Грамматикѣ; учи только языку.

4. Рр: развивай судительную силу дѣтей умственными упражненіями. Гг: не пріучай дѣтей умствовать попустому, изощряй ихъ память ученіемъ наизусть грамматическихъ формъ и классическаго писателя.

5. Рр: читай съ дѣтьми какъ можно больше различныхъ писателей отечественныхъ, и со всѣхъ сторонъ развивай душевныя способности учащихся. Гг: ограничься весьма немногими, но самыми лучшими писателями.

6. Рр: читай писателей большею частью современныхъ, въ угоду настоящимъ потребностямъ времени. Гг: истинно хорошее никогда не старѣетъ: читай лучше образцовое, даромъ что оно старинное.

7. Рр: чтеніе должно забавлять дѣтей; скука не принесетъ плода. Гг: школа не для забавы; учи дѣтей побѣждать и скуку; этимъ возбудишь въ нихъ нравственное чувство долга и обязанности.

8. Рр: отечественный классикъ долженъ читаться въ школѣ съ комментаріями точно такъ, какъ и латинскіе или греческіе. Гг: всѣ комментаріи на новыхъ писателей пошлы и смѣшны; убиваютъ въ дѣтяхъ живую воспріимчивость къ прочтенному; влекутъ къ педантству, а не къ истинному сочувствію съ писателемъ. Отечественнаго, близкаго къ намъ писателя, въ школѣ не изучаютъ.

9. Рр: знакомь дѣтей со всѣмъ, что̀ есть прекраснаго въ литературѣ. Гг: раннимъ эстетическимъ наслажденіемъ не притупляй дѣтскаго чувства. Преждевременное удовольствіе неминуемо влечетъ за собой охлажденіе и разслабленіе.

10. Рр: лелѣя свободную воспріимчивость дѣтей при чтеніи писателя, не принуждай ихъ заучивать наизусть прекрасныя произведенія: иначе они наскучатъ имъ, потерявъ интересъ новости. Гг: у дѣтей память помогаетъ разсудку и укрѣпляетъ его. Чѣмъ болѣе учатъ они наизусть, тѣмъ яснѣе понимаютъ заученное: слѣдуя природѣ, не испортишь ничего.

11. Рр: образуй въ учащихся самостоятельный слогъ чтеніемъ отечественныхъ писателей и разнообразными письменными упражненіями на родномъ языкѣ. Гг: лучшіе писатели научились слогу у древнихъ классиковъ, а создали его своими мыслями. Всѣ предметы гимназическаго курса совокупною силою образуютъ въ учащемся слогъ.

12. Рр: сочиненія на отечественномъ языкѣ лучше развиваютъ способности учениковъ. Пиша полатыни, они думаютъ только о грамматическихъ формахъ: на родномъ языкѣ свободнѣе выливаются мысли. Гг: прочнѣе крѣпнетъ грамматика, правильнѣе ложатся предложенія въ латинскихъ упражненіяхъ. Сочиненія на своемъ языкѣ — даръ Божій, на латинскомъ — плодъ науки. Вредно питать въ ученикахъ духъ авторства, заставляя ихъ самостоятельно сочинять. Безвременное авторство ведетъ къ болтовнѣ и посредственности.

13. Рр: излагая Реторику и Піитику, представь характеристику произведеній не только древнеклассическихъ литературъ, но и новыхъ. Гг: отъ учителя нельзя требовать, чтобы онъ зналъ всѣ новыя литературы: греческую и латинскую онъ долженъ знать. То́лки же обо всемъ понемножку влекутъ къ вредной посредственности. Учитель весь-

ма легко можетъ опошлиться, если будетъ судить съ учениками о такомъ писателѣ, котораго не читалъ въ подлинникѣ, а знаетъ понаслышкѣ.

14. Рр: стройно и соразмѣрно проходи съ учениками и философскую и историческую часть словесности. Гг: давай преимущество знанію историческому, положительному, и въ Грамматикѣ и въ Литературѣ.

ГРАММАТИКА.

1. УМСТВЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ.

Неопредѣленное понятіе о предметѣ преподаванія дало поводъ учителямъ русскаго языка восполнять пустоту своихъ уроковъ различными манерами. Когда пошли въ ходъ умственныя упражненія, учители отечественнаго языка первые хватились за нихъ. Но развѣ умственное развитіе дѣтей исключительно лежитъ на отвѣтственности учителя словесности? А учители математики, Исторіи неужели не предлагаютъ въ своихъ урокахъ половину того, чѣмъ набиты книги объ умственныхъ упражненіяхъ? Языкъ есть выраженіе мысли; слѣдов. надобно постигнуть законы мысли, чтобы уразумѣть языкъ: а въ умственныхъ упражненіяхъ анализируется строеніе мысли, слѣдов. они предшествуютъ грамматикѣ и сопровождаютъ ее. Таково оправданіе учителей грамматики, преподающихъ умственныя упражненія; но къ нему присоединяются два потаенные повода: личность учителя — по большой части

философа, и завлекательность энциклопедическаго характера умственныхъ упражненій. Слѣдуетъ рѣшить: 1) необходимо ли предпосылать логическую пропедевтику изученію грамматики; 2) полезно ли упражнять дѣтей опредѣленіемъ логическихъ категорій; и 3) совмѣстна ли съ преподаваніемъ отечественнаго языка энциклопедія нагляднаго ученія и умственныхъ упражненій?

I. Если языкъ есть выраженіе мысли, то почему же не начинать съ дѣтьми прямо отъ языка, и потомъ уже переходить къ мысли? Ибо, изучая языкъ, они изучаютъ и то, что́ имъ выражается, т. е. мысль. Для дѣтей логическія категоріи являются гораздо понятнѣе въ языкѣ, въ Грамматикѣ, чѣмъ въ отвлеченныхъ умствованіяхъ. Учитель долженъ въ самой Грамматикѣ, въ чтеніи басни, въ разборѣ предложенія — учить дѣтей мышленію: тогда онъ сохранитъ самостоятельность своего преподаванія. «Развернемъ какую угодно хорошую грамматику: на всякой страницѣ видимъ категоріи и общія отношенія понятій. Бытіе и дѣйствіе; существенное и случайное; предметъ и свойство; единство и множество; воззрѣнія времени и мѣста; отношенія; содержаніе и форма; внутреннее и внѣшнее; средство и цѣль; причина и дѣйствіе; основаніе и слѣдствіе; возможность, дѣйствительность и необходимость; опредѣленность и неопредѣленность; субъективность и объективность; общность, частность и особенность; всѣ формы сужденій и умозаключеній и множество иныхъ категорій — не выражаются ли въ грамматикѣ формами языка, не объясняются ли во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ, не подлежатъ ли умственному упражненію, и не оживаютъ ли

предъ душою? Поелику симъ упражненіямъ лежитъ въ основаніи чувственное вещество — языкъ, потому они и удобовразумительны ученику. Хотя сначала онъ придерживается формъ, измѣненія и связи словъ и предложеній, но чѣмъ далѣе идетъ онъ въ грамматической наукѣ, тѣмъ болѣе видитъ въ отношеніяхъ словъ отношенія понятій. Изъ легкаго учится онъ труднѣйшему. Потому грамматическія упражненія по своему содержанію суть самыя лучшія и живительныя логическія упражненія; и потому въ Гимназіяхъ учатъ языкамъ только частію для языковъ и Литературы, а большею частію для твердой и живой логики, которая возрастаетъ, и долговременно и многоразлично упражняется въ ученикахъ посредствомъ грамматическаго обученія языку, до тѣхъ поръ, пока не станетъ неотъемлемой собственностію юношескаго духа» (*). Если въ изученіи языка умъ дѣтей упражняется и живѣе, и естественнѣе, и легче, нежели въ Логикѣ, то для чего же занимать ихъ умственными упражненіями? Но скажутъ: нельзя же девятилѣтнему ребенку прямо растолковать, что такое имя, что такое глаголъ, когда онъ не имѣетъ понятія ни о предметѣ, ни о дѣятельности. И дѣйствительно, ему еще рано знать и глаголъ, и имя, а слѣд. и что такое предметъ, что такое дѣятельность. Все дѣло вертится на вопросѣ: что дѣлать съ дѣтьми прежде нежели начнутъ они Грамматику. Чѣмъ приготовить ихъ къ Грамматикѣ? Дѣти и приготовляются къ Грамматикѣ и начинаютъ, и продолжаютъ, и оканчиваютъ ее чтеніемъ и письмомъ. Глава изъ Священной Исторіи

(*) Der Gymnasialunterricht von Deinhardt. 1837. стр. 58 и 59.

или одна басня Крылова и ученику и учителю предложатъ матеріала для умственнаго упражненія гораздо болѣе цѣлой книги нагляднаго ученія или тому подобнаго. Слѣд. не Логика предшествуетъ обученію Грамматики, а наоборотъ Грамматика пріуготовляетъ дѣтей къ Логикѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Гегель: «Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія Грамматики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніемъ Грамматики — категоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая насъ знакомитъ, въ высшей степени удобопонятны для юношества, и нѣтъ ничего духовнаго удобопонятнѣе: еще ограниченныя силы сего возраста не могутъ обнять всего духовнаго царства въ его многоразличіи; отвлеченности же грамматическія совершенно просты. Онѣ точно отдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бытія; ими начнемъ мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагаетъ сіи отвлеченности по силамъ юнаго возраста, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ. Кто можетъ отличить красный цвѣтъ отъ голубаго, еще безъ всякаго опредѣленія цвѣтовъ по Ньютоновой гипотезѣ или по какой иной теоріи, тотъ имѣетъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія, и даже великой важности уже и то, чтобы обратить вниманіе на сіе отличіе. Ибо, если умственныя опредѣленія присутствуютъ въ насъ, какъ въ существахъ мыслящихъ, и мы понимаемъ ихъ непосредственно: то первоначальное образованіе состоитъ въ томъ, чтобы ихъ *имѣть*, т. е. возвести ихъ въ предметъ сознанія и отли-

чить признаками. Такъ какъ грамматической терминологіею обращаемся мы въ области отвлеченія, и такъ какъ сіе ученіе можетъ почесться элементарною Философіею: то Грамматика, и латинская и нѣмецкая, должна быть разсматриваема не только какъ средство, но и какъ цѣль.»

2. Изъ предыдущаго легко уже отвѣтить и на второй нами предложенный вопросъ. Опредѣлить всякій предметъ логически, давать всему строгую систему — дѣло лишнее для дѣтей: на первый разъ довольно и того, если они сумѣютъ отличить предметъ по внѣшнимъ признакамъ, въ самомъ языкѣ содержащимся. Всякая философская теорія въ головѣ учителя есть не иное что, какъ личное убѣжденіе, иногда даже вредное для науки: ученикамъ нужно знать самый предметъ, а не умствованія учителя. Скажу болѣе: забивать голову учениковъ первыхъ трехъ классовъ Гимназіи логическими отвлеченностями и философскими опредѣленіями не только безполезно, но и чрезвычайно вредно. Не въ томъ сила, чтобы дѣти знали, что такое понятіе, что сужденіе, а въ томъ, чтобы умѣли понимать и судить. Лѣкарь не объясняетъ больному, что есть пищевареніе и изъ чего состоитъ прописанный рецептъ, а просто даетъ ему лѣкарство. А философы-учители отечественнаго языка только опредѣляютъ и толкуютъ, а не даютъ духовной пищи своимъ ученикамъ. Дѣтямъ надобно сначала больше матеріала для ихъ памяти, больше осязательнаго. Разумѣніе не можетъ быть непосредственною цѣлью: оно есть естественное слѣдствіе развитія духовныхъ способностей учащагося. Только тогда начинаетъ разсудокъ соединять однородное и раздѣлять различное, когда

память обогатится достаточнымъ запасомъ (*). Неужели можетъ похвалиться философомъ тотъ учитель, который вздумаетъ преждевременно выжимать изъ дѣтской головы понятія, опредѣленія и другія отвлеченности, забывая, что все отвлеченное есть плодъ глубокаго соображенія и опытности? Садовники не вытягиваютъ растеній изъ земли, а только поливаютъ ихъ, да выпрямляютъ тычинками. Но возразятъ: опытъ показываетъ, что десяти и одинадцатилѣтнія дѣти очень легко могутъ вращаться въ логическихъ отвлеченностяхъ. Дѣйствительно, силы юнаго возраста неистощимы; но сколько бывало примѣровъ, что мальчики виртуозы, вырэстая, получали неодолимое отвращеніе къ тому инструменту, за которымъ преждевременно погубили ихъ музыкальный талантъ? Въ старину и женили десятилѣтнихъ дѣтей. Философствующіе учители отечественнаго языка, думая слыть философами, именно тѣмъ и предаютъ себя, что философствуютъ тамъ, гдѣ и не мѣсто и не время философствовать. Тѣ же самыя отвлеченности, надъ коими безвременно и безъ толку дитя ломаетъ голову, въ одно мгновеніе пойметъ въ свое время, какъ подрастетъ: зачѣмъ же насиловать природу, и не слѣдовать ея законамъ? И почему же развивать въ дѣтяхъ только одинъ умъ, оставляя въ сторонѣ и чувство, и нравственность, и даръ слова? А вѣдь умственными упражненіями, кромѣ разсудка, ничего не упражнить. Не полнѣе ли удовлетворитъ всѣмъ способностямъ дитяти чтеніе автора, соразмѣрнаго его силамъ? Тогда учи-

(*) Günther, Ueber den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, стр. 23 и 24.

тель ограничитъ самостоятельно свою науку, и не будетъ бросаться изъ нея во всѣ стороны, выказывая тѣмъ ея безсиліе и несостоятельность. Нечего бояться, что до десяти или двѣнадцати лѣтъ дѣти не съумѣютъ опредѣлить, что есть понятіе, признакъ, сужденіе, что есть причина, условіе и т. д. Впереди остается еще много времени для образованія ума. Напротивъ того, надобно бояться, чтобы раннимъ философствованіемъ не забить голову дѣтей пошлыми общими мѣстами, которыя надолго останутся для нихъ тягостными веригами. Система не даетъ матеріала, а при матеріалѣ будетъ и система: дитя на память учитъ существенное въ наукѣ, и тѣмъ упражняетъ уже свой разумъ. Всякое матеріальное ученіе есть вмѣстѣ и формальное, т. е., развивающее умственныя силы; другими словами: во всякомъ предметѣ ученія есть логика, а тѣмъ болѣе въ Грамматикѣ, какъ показано выше.

3. Впрочемъ, кромѣ формальнаго образованія, метода умственныхъ упражненій и нагляднаго ученія даетъ и матеріалъ ученію, заключая въ себѣ энциклопедію многоразличныхъ свѣдѣній, начиная отъ Богословія и Философіи до Механики, Технологіи и Ремеслъ. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ очень много занимательнаго и наставительнаго для дѣтей: но для чего же браться за все это учителю отечественнаго языка? Законоучитель, учитель Математики, Исторіи, имѣютъ такое же право толковать о нравственности, статистикѣ, о землѣ и небѣ, о звѣздахъ. Но преподаватели отечественнаго языка пріурочиваютъ себѣ эту энциклопедію на томъ основаніи, что языкъ есть всеобщее выра-

женіе всякой дѣятельности человѣка. Въ такомъ случаѣ это основаніе можно повернуть и въ другую сторону: такъ какъ и учители Катехизиса, Математики, Исторіи, учатъ дѣтей и языку, ибо учатъ ихъ на немъ выражать свои мысли: то или вовсе не нужно учителя отечественнаго языка, или же онъ долженъ занимать дѣтей чѣмъ либо исключительно принадлежащимъ его наукѣ. Иные педагоги (*) этой энциклопедіи даютъ болѣе систематическій характеръ, построивая ее на развитіи умственной, нравственной и художественной дѣятельности. Упражненіе каждой дѣятельности заключается въ отдѣльныхъ статьяхъ, снабженныхъ изреченіями и примѣрами. Къ чему же такое насильственное разграниченіе способностей? Въ человѣкѣ развиваются и дѣйствуютъ всѣ способности души заодно. Только слѣпыхъ, горбатыхъ, да калекъ пользуютъ тѣмъ, что̀ лѣчитъ ихъ отдѣльный, мѣстный недостатокъ: здоровому же даютъ пищу для питанія всего тѣла.—Другіе педагоги въ такой начальной энциклопедійкѣ ограничиваются только кругомъ наукъ, извлекаютъ общее понятіе науки изъ отношенія человѣка къ міру духовному и вещественному, отсюда выводятъ дѣленіе наукъ съ опредѣленіемъ каждой, отъ Эстетики до Анатоміи. Спрашивается же, въ которомъ классѣ Гимназіи преподавать такую энциклопедію? И какой учитель Гимназіи возьметъ на себя смѣлость добросовѣстно и съ сознаніемъ дать понятіе обо всѣхъ наукахъ? Говорить же о всемъ какъ нибудь и что нибудь могутъ только од-

(*) Напр. Цоллеръ въ своемъ сочиненіи: Das erste Schul-und Bildungsbuch. 1840.

ни шарлатаны. Но систематикамъ непремѣнно хочется, чтобы дѣти, прежде чѣмъ начнутъ Грамматику, знали, какое мѣсто занимаетъ сія наука въ кругу знаній человѣческихъ. Почему же не поступаютъ такъ учители Математики, Катехизиса, Исторіи? А именно потому, что они довольны богатымъ содержаніемъ своихъ наукъ. Дѣйствительно, надобно было замѣнить чѣмъ нибудь старинную методу Грамматики: не ужели же тѣмъ, чтобы пуститься на фокусы нагляднаго энциклопедическаго ученія?—Отбросимъ всѣ крайности энциклопедическаго ученія, множество всего непонятнаго для дѣтей, и возьмемъ самую скромную, по силамъ юнаго возраста написанную книгу въ этомъ родѣ. Если бы она была замѣчательна своимъ слогомъ, остроуміемъ, глубокомысліемъ, словомъ, если бы она по достоинству была не ниже Естественной Исторіи Бюффона или Басенъ Крылова: то учитель языка могъ бы взять ее въ руководство при чтеніи и грамматическомъ разборѣ. Но гдѣ подобныя книги? Укажите хоть одну. Сочинители дѣтскихъ книгъ пишутъ какъ ни-попало, чтобы только было наивно, просто, да понятно для дѣтей. Но этого мало. Въ школѣ дѣти должны читать и заучивать только то, что имѣло бы для нихъ цѣну и тогда, когда они выростутъ (*). Басни Крылова учатъ наизусть малыя дѣти, ими же зачитывают-

(*) «Для меня книги тоже, что люди, говоритъ Магеръ въ предисловіи къ своей Французской Хрестоматіи: лучше никогда не видать того человѣка, котораго не захочешь увидѣть въ другой разъ: лучше никогда не читать такой книги, которую не вздумаешь еще разъ перечесть.

ся и взрослые. Пушкинъ съ удовольствіемъ читалъ Русскую Исторію, написанную Ишимовой для дѣтей. Слѣд. книги для первоначальнаго чтенія ошибочны именно въ томъ, что, будучи соразмѣрны силамъ дѣтскаго возраста, слѣдов. удовлетворяя субъективной, временной потребности учащихся, не имѣютъ никакой внутренней, матеріальной цѣнности. Пусть же учитель отечественнаго языка дастъ въ руки своимъ юнымъ питомцамъ такую книгу, чтеніе которой оставитъ въ ихъ душѣ слѣды на всю жизнь. Мысли классическаго писателя плодотворнымъ сѣменемъ лягутъ въ нѣжной душѣ ихъ, сначала еще не развитыя. Конечно, дѣти не все поймутъ въ этихъ мысляхъ, ибо и взрослые различно понимаютъ писателя — одни болѣе, другіе менѣе: но довольно уже и того, что они узнаютъ ихъ хотя съ одной внѣшней стороны, запечатлѣвъ ихъ своимъ дѣтскимъ сознаніемъ. Младенецъ еще не понимаетъ высокаго значенія молитвы, но мать уже учитъ его священному обряду, и онъ молится усердно. Дитя не сознаетъ высокой нравственности самоотверженія, но, по примѣру старшихъ, охотно подаетъ милостыню, и радуется, что утѣшилъ тѣмъ убогаго. Пройдутъ годы — и вмѣстѣ съ возрастаніемъ дѣтей, возрастутъ и окрѣпнутъ въ нихъ и тѣ истины, которыя вычитали они нѣкогда въ любимомъ писателѣ, и, проведенныя черезъ многіе случаи жизни ихъ, оправдаются и уяснятся опытностію. Греки учили малолѣтныхъ по Гомеру; наши предки послѣ азбуки тотчасъ заставляли дѣтей читать Псалтирь. Итакъ пусть дитя узнаетъ и пойметъ великія нравственныя мысли. хотя и не во всемъ ихъ глубокомъ объемѣ: оно учитъ ихъ не для одного мгнове-

нія, а на цѣлую жизнь, въ продолженіи коей онѣ разовьются опытомъ и дѣлами (*).

2. Обученіе отечественному языку по латинской грамматикѣ.

Отстранивъ крайность въ ученіи реалистовъ, обратимся къ гуманистамъ. И они, чувствуя несостоятельность отечественной грамматики, прибѣгаютъ къ посторонней помощи. Какъ все преподаваніе сосредоточиваютъ они къ древнеклассической литературѣ, такъ и грамматическое ученіе къ грамматикѣ латинской или греческой. Въ основаніе грамматическому обученію, говорятъ они (**), надобно положить изученіе языка чуждаго. «1. Родной языкъ сроссся съ духовнымъ бытіемъ ученика. Онъ какъ бы кость отъ костей его и плоть отъ плоти его. Слишкомъ близокъ ученику, и потому не можетъ быть прямымъ объектомъ науки, составляя субъективность самого ученика. Ученикъ даже не можетъ никакъ понять, для чего онъ будетъ учиться тому, что знаетъ и безъ науки. Напротивъ того, чужой языкъ выступаетъ передъ нимъ совершенно объективно. Учащійся принужденъ выдти изъ самого себя, чтобы его усвоить; и напряженность духовныхъ силъ, необходимая для сближенія съ предметомъ вовсе чуждымъ, должна быть несравненно больше, чѣмъ

(*) Читатель припомнитъ слова Гегеля: «тоже самое нравственное изреченіе въ устахъ юноши, который *весьма правильно понимаетъ оное*, не имѣетъ того объема и значенія, какіе получитъ оно въ умѣ опытнаго мужа, для коего раскрывается въ немъ вся сила внутренняго содержанія.» Логика Ч. I.

(**) Deinhardt, Der Gymnasialunterricht, 1837, стр. 59—и слѣд.

при изученіи отечественнаго языка, отъ котораго не такъ легко можетъ отрѣшиться учащійся. Въ этомъ отношеніи справедливо говоритъ Ф. А. Вольфъ: чужой языкъ сильнѣе возбуждаетъ вниманіе, и заставляетъ насъ подводить явленія къ умственнымъ соображеніямъ, тогда какъ отечественный коренится на внутреннемъ чувствѣ. 2. Съ этимъ соединяется вторая еще важнѣйшая причина, состоящая въ томъ, что, чрезъ *сравненіе* двухъ языковъ, съ большей ясностью и силою запечатлѣваются въ умѣ отношенія грамматическія и логическія. Только сравненіемъ многихъ языковъ полагается отличіе между отношеніями слова и мысли, между единичнымъ и всеобщимъ. Когда одинъ и тотъ же предметъ выражается и познается въ двухъ различныхъ формахъ, тогда ясно опредѣляется и самое понятіе онаго. Такъ и въ грамматическомъ преподаваніи. Отношенія понятій будутъ выражаться на двухъ различныхъ языкахъ особенными флексіями и различною связью словъ. Какой прекрасный способъ довести такимъ сбразомъ до сознанія, что всякое содержаніе, какъ нѣчто общее, является существеннымъ въ различныхъ явленіяхъ! Какъ понятіе о жизни пріобрѣтается изслѣдованіемъ ея различныхъ формъ и явленій, такъ и объ языкѣ сближеніемъ по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ языковъ. Одинаковость и всеобщность содержанія оживутъ въ различіи и особенности разнородныхъ формъ. Отечественный языкъ предпосылается, какъ извѣстное, основаніе, къ которому все должно относиться. Онъ будетъ мѣриломъ для чужихъ языковъ. Когда ученикъ сознаетъ отношенія грамматическія на своемъ и на чужомъ языкѣ, тогда необходимо извлечетъ для себя изъ различія

формъ того и другаго языка понятіе о единствѣ мысли, какъ всеобщаго, которое повторяется и отражается въ многоразличіи.» Изъ чужихъ языковъ, разумѣется, предпочитаются латинскій и греческій, противъ коихъ не устоитъ никакой другой въ богатствѣ содержанія и въ обработкѣ учебныхъ пособій. Вотъ какъ педагоги (*) опредѣляютъ ничѣмъ незамѣнимую пользу обученія древнимъ языкамъ: 1. «Вначалѣ обученіе языку есть упражненіе памяти, котораго важность для юнаго возраста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Память есть запасъ насущнаго капитала для ума. Чѣмъ меньше у человѣка памяти, тѣмъ меньше и духовнаго содержанія для непрестаннаго употребленія и обработки. Сила человѣка словомъ и дѣломъ, по большой части, зависитъ отъ хорошей памяти. Чѣмъ больше у него духовнаго запасу, тѣмъ сильнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ онъ, тѣмъ больше содержанія и объема дѣламъ его. Человѣкъ безъ памяти никуда не годится; достоинство его возрастаетъ вмѣстѣ съ усиленіемъ памяти. Слѣдовательно, упражненіе ея необходимо для практической дѣятельности и для высшихъ силъ духовныхъ, которыя берутъ изъ памяти запасъ и пересоздаютъ его въ слово и дѣло. Съ этой стороны упражненіе ея является средствомъ къ цѣли. Цѣль въ дѣятельности разумѣнія и воли, для свободнаго развитія коихъ необходима достаточная сила памяти. Она же пріобрѣтается, и развивается, и упражняется въ дѣтскомъ возрастѣ; притомъ тогда имѣетъ и въ себѣ самой конечную цѣль, будучи для дитяти силою вос-

(*) Deinhardt, стр. 197 и слѣд.

принимательною. Дитя понимаетъ предметы преимущественно памятью, а не высшею силою духа. Въ человѣческомъ развитіи есть извѣстная степень—степень памяти, совпадающая съ дѣтскимъ возрастомъ. Образованіе познавательной способности и образованіе памяти, въ этомъ возрастѣ одно и тоже. Не укрѣпись память въ молодости, на всю жизнь будетъ чувствителенъ недостатокъ. Потому-то дѣти находятъ удовольствіе въ упражненіи ея; потому-то великіе люди, въ лѣта зрѣлыя оказавшіе сильное дѣйствіе на человѣчество словомъ и дѣломъ, отличались превосходною памятью въ своемъ дѣтствѣ. Но чемъ же образовать и упражнить ее? Изученіемъ формъ чужаго языка. Чѣмъ тоньше и незначительнѣе оттѣнки въ измѣненіи словъ, тѣмъ сильнѣе она изощряется. Въ этимологіи заучиваются малѣйшія отличія слоговъ и буквъ. Чтобы приступить къ разумному изученію языка, надобно до такой степени впечатлѣть въ свою память этимологическія формы, чтобы никогда не забывать ихъ. Кромѣ этимологіи, разумѣется заучиваніе и лексикальной части древнихъ языковъ, и потомъ правилъ. 2. Между тѣмъ, какъ этимологическое изученіе языка преимущественно образуетъ память: заучиваніе, уразумѣніе и примѣненіе синтаксическихъ правилъ развиваетъ силу судительную. Вначалѣ заучиваніе правила слово въ слово — есть дѣло памяти. Но какъ скоро синтаксическія правила примѣняются къ примѣрамъ и къ переводу съ чужихъ языковъ на свой и съ своего на чужіе, тотчасъ открывается ученику обширное и силамъ его сообразное поле, гдѣ онъ по преимуществу упражняетъ свою судительную силу. Ибо, — что значитъ

судить? Узнавать въ единичномъ всеобщее, возводить единичное къ всеобщему, примѣняя общее къ частному и находя въ частномъ общее. Потому изученіе и примѣненіе синтаксическихъ правилъ есть непрестанное сужденіе. Общее въ сужденіи будетъ правило, а частное — извѣстные примѣры, къ коимъ примѣняется правило. Такъ, при переводѣ съ одного языка на другой, ученикъ въ каждомъ примѣрѣ находитъ примѣненіе заученному имъ правилу. Сверхъ того, при переводѣ съ древняго на родной, узнаетъ онъ въ данномъ примѣрѣ общее правило, и его сужденіе будетъ теоретическое. При переводѣ же съ роднаго на древній, онъ самъ переноситъ правило въ данный примѣръ, и его сужденіе будетъ практическое. Въ первомъ случаѣ беретъ верхъ уразумѣніе, во второмъ дѣйствованіе; въ первомъ онъ какъ бы философъ, въ послѣднемъ художникъ. Когда же примѣры будутъ болѣе подробные, тогда вмѣсто одного правила приложится къ нимъ множество. Потому и сужденіе ученика при переводѣ ихъ будетъ труднѣе, ибо будетъ состоять изъ совокупности многихъ сужденій. Кто не видитъ въ этомъ стройнаго перехода отъ простаго къ сложному? Слѣдующія правила сопровождаются труднѣйшими примѣрами: хотя главная цѣль въ переводѣ и здѣсь будетъ объясненіе и примѣненіе послѣдняго правила, однако и прежнія правила, по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ будутъ здѣсь же повторяться. Такимъ образомъ сужденіе постоянно идетъ къ новому и труднѣшему, постоянно удерживая при себѣ пройденное, простѣйшее.

3. Кромѣ упражненія памяти въ заучиваніи формъ этимологическихъ, и кромѣ упражненія судительной силы на

синтаксическихъ правилахъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ развивается и усовершенствуется третья способность, необходимая для изученія всякой науки, именно, вниманіе къ мелочамъ и незначительнымъ подробностямъ. Въ этимологіи малѣйшая перемѣна въ формѣ слова тѣсно связана съ измѣненіемъ его понятія. Ничтожная перемѣна только одной буквы въ словѣ даетъ другое отношеніе понятію. Поелику отъ столь малаго, повидимому, и незначительнаго зависитъ великое и важное, то на этимологіи, болѣе нежели на чемъ другомъ, научишься обращать полное вниманіе на мелочи. Нельзя проглядѣть ни одной буквы, ни одного знака: все требуетъ точнѣйшаго наблюденія въ грамматическомъ обученіи. Во многомъ иномъ и смѣшно и противно съ важностью хлопотать о мелочахъ; въ грамматическихъ же формахъ и естественно и необходимо, ибо отъ ничтожныхъ подробностей въ буквахъ зависятъ различныя отношенія мыслей.»—Все это весьма дѣльно и основательно для изученія древнихъ языковъ, даже частью и отечественнаго; но какъ же примѣнить къ школѣ? чѣмъ начинать—латинскою или отечественною грамматикою? Гуманисты рѣшаютъ задачу очень просто (*): «Все нужное для нѣмецкой грамматики въ этомъ классѣ (Sexta, соотвѣтствуетъ первому классу нашихъ гимназій) достаточно передается въ латинскомъ урокѣ. Хотя и въ нѣмецкомъ языкѣ дитя узнаетъ части рѣчи, падежи, роды, времена, наклоненія и проч.; однако отъ того нельзя сказать, что оно

(*) Günther, Ueber den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841 стр. 155.

учится нѣмецкой грамматикѣ. Упражняясь въ склоненіи mensa, ученикъ долженъ узнать, что понѣмецки говорятъ der Tisch, ein Tisch и Tisch. Латинскій учитель вмѣстѣ съ латинскими примѣрами постоянно долженъ упражнять дѣтей и въ отечественныхъ. Уже на первомъ склоненіи ученикъ, хотя и не ясно, узнаетъ членъ, нужнѣйшее изъ средствъ нѣмецкаго языка для означенія падежей и чиселъ. Важнымъ шагомъ будетъ для него изученіе правилъ о родахъ въ связи съ прилагательными. Согласованіе прилагательныхъ съ существительными, въ коемъ онъ никогда не ошибется на родномъ языкѣ, доставитъ ему много труднаго на латинскомъ: но онъ опять узнаетъ необходимое и для нѣмецкаго прилагательнаго, именно отличіе между der gute Mann, guter Mann, ein guter Mann, der Mann ist gut, и т. д.» Ошибка подобныхъ гуманистовъ въ томъ, что они не отличаютъ совершенно противоположныхъ методъ въ изученіи чужаго и своего языка. Если мы возьмемъ въ руководство грамматики Востокова, Греча, и друг.; то конечно лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо эти грамматики составлены по методѣ грамматикъ для чужихъ языковъ: начинаются опредѣленіемъ частей рѣчи, склоненіями и спряженіями, съ ненужными для дѣтей подробностями, и потомъ уже предлагаютъ синтаксисъ. Многіе наши педагоги до сихъ поръ все хлопочутъ о спряженіяхъ да склоненіяхъ, и не догадываясь, что Русскіе безъ правилъ умѣютъ правильно и склонять и спрягать. Половцевъ частію примѣнилъ преподаваніе *Русскаго* языка къ требованіямъ *Русскихъ* учениковъ; но и онъ не достигъ своей цѣли, предпославъ этимологію синтаксису,

останавливаться на прочитанномъ и пріискивать въ ономъ примѣры, мы ставимъ себя рѣшительными противниками другаго столь распространившагося способа преподаванія. Въ учебникахъ такого рода находимъ, напримѣръ, рядъ простыхъ предложеній, подлежащимъ которыхъ существительное masculini generis, второй рядъ съ подлежащими женскаго рода, третій — средняго; за тѣмъ четвертый рядъ съ двумя подлежащими, сначала мужескаго, потомъ женскаго, наконецъ средняго рода; далѣе новые роды предложеній, въ которыхъ по два подлежащихъ: одно мужескаго, другое женскаго, и т. д. А тамъ пойдетъ таже исторія съ числами: здѣсь отыскиваются предложенія, подлежащія которыхъ имена существительныя: a) неупотребляющіяся во множественномъ числѣ, b) неупотребляющіяся въ единственномъ, c) имѣющія двоякое множественное; или такія предложенія, въ которыхъ подлежащимъ будетъ: a) сложное, b) производное существительное. Коротко сказать: кажется, будто сочинители такихъ методъ думаютъ, что можно и должно исчерпать всѣ возможныя видоизмѣненія предложеній; по крайней мѣрѣ, будутъ такого мнѣнія бѣдные ученики, живая воспріимчивость которыхъ систематически убивается такой методою. Сочинители, по-крайности, подумали бы вотъ о чемъ: если потребуется нѣсколько дней, даже цѣлыхъ недѣль, чтобы систематически развить всѣ возможныя видоизмѣненія предложенія только съ тремя простыми элементами; то при десяти элементахъ предложенія не достанетъ и жизни человѣческой, чтобы наполнить примѣрами всѣ возможные случаи сочетанія сихъ элементовъ; даже одно только исчи-

сленіе всѣхъ этихъ видоизмѣненій — есть уже дѣло невозможное. Зачѣмъ же хлопотать о томъ, чего и нельзя, да вовсе и ненужно доводить до конца? Или, можетъ быть, такой способъ, дробящій все до безконечности, по преимуществу есть способъ методическій и практическій? Напротивъ того, самый неметодическій и неудобопримѣнительный. — Въ сравненіи съ этимъ хотя еще не до такой степени ошибочна, однако вовсе несообразна съ цѣлію и непримѣнительна къ дѣлу та метода, по которой заставляютъ учениковъ отыскивать примѣры на отдѣльныя правила синтаксиса. Сколько труда стоитъ даже самому учителю найти дѣльный примѣръ на какую нибудь болѣе распространенную форму предложенія. Сколько же труда ученику! и къ чему все это поведетъ? — къ болѣе ясному воззрѣнію, къ сильнѣйшему впечатлѣнію формы предложенія? но нельзя ли всего этого гораздо совершеннѣе достигнуть отысканіемъ примѣровъ въ прочтенномъ?»

На степени того же безразличія между грамматикою своего и чужаго языка стоитъ La Grammaire mise a la portée de l'enfance, par H. A. Dupont, 1839. Дюпонъ начинаетъ этимологію, отдѣляя ее отъ синтаксиса, и учитъ дѣтей фразамъ и по фразамъ; ибо, говоритъ онъ: Pour nous, l'étude de la grammaire est l'étude des phrases. Въ самомъ началѣ спряженія: «спряженіе можетъ быть изустное и письменное. Думаемъ, что въ началѣ должно быть только изустное, и потомъ уже письменное. Это упражненіе для нашихъ учениковъ сначала совершенно механическое: дѣти, еще неумѣющія читать, съ пользою могутъ имъ заниматься» и проч. Послѣ всего этого не удивительно, что

и не связавъ синтаксическимъ разборомъ всѣхъ частей рѣчи въ одно цѣлое. Въ ошибку другаго рода противъ отличія въ преподаваніи отечественнаго языка отъ иностраннаго впалъ Вурстъ (*). Хотя, слѣдуя Беккеру, имѣетъ онъ надлежащее понятіе объ отношеніи этимологіи къ синтаксису; однако въ своемъ руководствѣ принимаетъ методу латинскихъ и греческихъ грамматикъ для изученія правилъ отечественнаго языка: передъ каждымъ правиломъ примѣры, а за правиломъ задачи для упражненія въ ономъ. Всякъ видитъ, что все вниманіе Вурста обращено на правило, какъ средоточіе и примѣровъ и упражненій; а въ этомъ-то и ошибка, ибо правила въ отечественной грамматикѣ стоятъ совершенно въ другомъ отношеніи къ практикѣ, нежели въ грамматикѣ иностраннаго языка. Потому, сосредоточившись на правилахъ, Вурстъ упустилъ изъ виду годность примѣровъ и упражненій, ибо его отрывочные примѣры вовсе нейдутъ для отечественной Грамматики, составляя не болѣе, какъ подмостки, лѣса, на которыхъ онъ строитъ правила, и которые, какъ ненужный хламъ, ученики выбрасываютъ изъ головы, какъ скоро понято правило. И практическія задачи Вурстова учебника не имѣютъ никакой самостоятельной цѣнности, будучи хвостами тѣхъ же правилъ. Въ грамматикѣ латинской и пустой примѣръ имѣетъ значеніе, ибо содержитъ въ себѣ матеріалъ для заучиванія въ неизвѣстныхъ ученику словахъ

(*) Praktische Sprachdenklehre. Слич. извлеченіе изъ этой книги: Практическій Синтаксисъ сложнаго предложенія, составл. П. Перевлѣскимъ, 1842.

и въ грамматическихъ формахъ, къ которымъ онъ еще не пріучилъ свой языкъ и ухо. Вурстовы же примѣры — Feuchter Lehmen ist weich, Mein Buch ist neu, Dieser Griffel ist spizig (стр. 28) и т. п. дѣйствительно подлежатъ осмѣянію (*). Немного выиграетъ такая метода и тогда, когда эту болтовню замѣнимъ мы маленькими отрывочками изъ писателей образцовыхъ, ибо отношеніе правилъ къ примѣрамъ остается тоже самое; а клочки изъ писателей также не даютъ реальнаго содержанія для заучиванія, будучи по большой части фразами, въ коихъ мысль только въ половину выражена, а иногда того менѣе. Въ латинской же или греческой грамматикѣ краткіе цитаты изъ классиковъ не только терпимы, но даже необходимы. Да и въ русской Стилистикѣ отрывочныя фразы изъ писателей имѣютъ свое значеніе и педагогическую цѣнность. Но въ отечественной грамматикѣ первоначальной являются предразсудкомъ, составленнымъ по неумѣнію отличить преподаванія явыка своего отъ преподаванія чужихъ. Все, что Дейнгардтъ говоритъ о примѣненіи правилъ къ примѣрамъ, касательно языковъ древнихъ, можетъ быть отнесено и къ грамматикамъ отечественнымъ, подобнымъ Вурстовой: здѣсь мѣрило ихъ погрѣшности. И какъ скучно для учениковъ подробное исчисленіе различныхъ правилъ съ подраздѣленіями и видоизмѣненіями! Справедливо опровергаетъ Гикке подобныя методы: «Отстраняя всякое подробное изложеніе цѣлой доктрины, говоритъ онъ (**), и заставляя учениковъ

(*) Mager, Die deutsche Burgerschule, 1840 стр. 134.

(**) Der deutsche Unterricht, 1842, 215 — 218.

наглядной воспріемлемостью внѣшнихъ явленій и внутреннихъ ощущеній; потому даръ слова непосредственно связывается съ воспріемлемостью и впечатлѣніемъ, такъ что слова являются сознанію живымъ соотвѣтствіемъ (correlativ) вещей. Въ началѣ изученія чуждаго языка отдѣльное слово не кажется въ соотношеніи съ предметомъ и представленіемъ, а понимается посредственно, именно черезъ слово отечественнаго языка, выражающее тотъ предметъ, или то представленіе. Въ чуждомъ языкѣ каждая форма, каждое слово представляется чѣмъ-то разрозненнымъ и отдѣльнымъ отъ познающаго субъекта, и таковымъ должно быть заучаемо; въ отечественномъ языкѣ умъ обнимаетъ цѣлое, вмѣстѣ все предложеніе, выражающее мысль, и потому отечественная рѣчь есть постоянное выраженіе сужденій, постоянно въ цѣлыхъ предложеніяхъ. Потому твердо полагаемъ мы первымъ правиломъ, что отечественный языкъ не долженъ преподаваться такъ, какъ преподается иностранный, т. е. не наблюденіемъ отдѣльныхъ звуковыхъ видоизмѣненій, не путемъ разсуждающаго наблюденія, а практическими примѣрами, то есть, сообщеніемъ ученику понятнаго и полезнаго такими словами и формами, съ какими хочешь познакомить ученика. Первое дѣло въ области преподаванія отечественнаго языка состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ практическимъ путемъ узналъ всѣ формы рѣчи, чтобы онѣ являлись ему не однѣ сами по себѣ, но постоянно въ органической связи съ мыслію, ими выраженною, такъ, чтобы ученику вмѣстѣ съ формою непрестанно давалось и содержаніе. Итакъ, первое и важнѣйшее дѣло развить практическую способность, состоящую въ томъ,

чтобы понимать выраженное формами рѣчи, и пользоваться ими правильнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ говорятъ люди образованные. Слѣдовательно умѣнье всему здѣсь основаніе: это умѣнье, какъ данное, предпосылается уже самому началу преподаванія, а преподаваніемъ должно еще тверже укрѣпиться. Такимъ ученіемъ мы продолжаемъ впередъ шествіе самой природы, и изустной рѣчью о предметахъ дѣйствительной жизни, внимательнымъ чтеніемъ приличнаго и понятнаго, изустными и письменными упражненіями образуемъ въ ученикѣ способность съ надлежащей легкостью правильно понимать формы рѣчи въ разговорѣ и на письмѣ. На способность говорить обращаемъ мы въ ученикѣ строгое вниманіе, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, опредѣленно, съ толкомъ и со смысломъ. Не одинъ отечественный языкъ, но и всѣ остальные предметы преподаванія должны быть направлены къ образованію въ ученикѣ этой способности, столь необходимой для развитія его умственныхъ способностей, для образованія характера, и вообще для всей жизни. Мы слушаемъ говорящаго сто разъ, прежде нежели однажды прочтемъ имъ написанное. Ужъ по одному этому умѣнье говорить важнѣе всего прочаго. Упражнивъ на преподаваніи языка умѣнье и разумѣніе ученика, мы должны дать ему знаніе, должны объяснить сознанію его то, что болѣе или менѣе ясно представлялось ему; отсюда второе правило: 2) *Формы рѣчи, коими ученикъ умѣетъ уже пользоваться, доводи до его сознанія разборомъ, слѣдовательно, путемъ анализа*. Хотя это правило постановили мы вторымъ, однако это не значитъ, чтобы мы пользовались имъ

Дюпонъ заставляетъ дѣтей даже зубрить наизусть спряженія отечественныхъ глаголовъ и т. п. Разумѣется, если такими методами захотимъ мы тягаться въ преподаваніи отечественнаго языка съ греческою и латинскою грамматикою: насъ тотчасъ побьютъ; ибо все то, чѣмъ самостоятельны грамматики языковъ древнихъ, мы не кстати прикладываемъ къ отечественной, и рядимъ ее въ чужія перья. Гуманисты тотчасъ ихъ ощиплютъ, и все ничтожество методы обнажится.

3. Метода обученія отечественному языку.

Итакъ, гдѣ же искать спасенія самостоятельному и годному для школы преподаванію отечественнаго языка? «Метода (*) всякаго обученія опредѣляется съ одной стороны естественнымъ развитіемъ духа человѣческаго, съ другой сущностью предмета преподаваемаго. Потому мы должны обратить вниманіе на то, съ какими свѣдѣніями въ языкѣ поступаетъ ученикъ въ школу, и какому развитію подлежитъ онъ сообразно съ природою познающаго духа и съ свойствами познаваемаго предмета. Первые начатки упражненія въ отечественномъ языкѣ скрываются въ таинственномъ сумракѣ первыхъ годовъ дѣтскаго возраста.—Никто не помнитъ за собою этого начала, ни наступающей за тѣмъ слѣдующей степени развитія; никто не можетъ составить себѣ представленія объ этомъ темномъ состояніи сознанія, когда народившійся человѣкъ еще не умѣетъ от-

(*) Diesterweg, Wegweiser fur deutsche Lehrer, 1838, I, 329 и слѣд.

личить себя отъ предметовъ, его окружающихъ. Но съ удивительною быстротою заучиваетъ дитя множество словъ и предложенiй, и его радость, при выраженiи своего внутренняго мiра, иногда столь велика, что онъ творитъ собственныя свои слова, выговоромъ коихъ радуетъ и счастливитъ своихъ родителей. Словомъ, узнанiе роднаго языка совершается при темномъ сознанiи, какъ бы инстинктнымъ подражанiемъ, и восходитъ до совершенно быстраго разговора о всѣхъ прiобрѣтенныхъ представленiяхъ, разумѣется, безъ отличiя отдѣльныхъ звуковыхъ частей въ словѣ, и безъ всякаго предчувствiя объ органической связи между мыслiю и словомъ. Поелику таковъ естественный путь, коимъ всякiй человѣкъ узнаетъ свой родной языкъ, то извлекаемъ отсюда первое правило для методы преподаванiя: 1) ***Приводи дитяти всѣ явленiя языка такимъ образомъ, какъ поступаетъ сама природа, то есть, помощiю изустнаго выраженiя непосредственныхъ представленiй, помощiю разговора и чтенiя.*** Этимъ и слѣдующими правилами отдѣляемъ мы методу преподаванiя отечественнаго языка отъ методы преподаванiя иностранныхъ, ибо отношенiе дитяти къ тому и другому совершенно различно. Чужiе языки, какъ показываетъ самое слово, чужды духу, стоятъ внѣ его; напротивъ, отечественнымъ языкомъ обладаетъ уже въ нѣкоторой степени даже семилѣтнее дитя; онъ сталъ его духовной собственностью, какъ бы всосанною вмѣстѣ съ молокомъ матери; дитя даже не можетъ существовать безъ него. Потому-то и не можетъ онъ преподаваться, какъ чужой языкъ. Отечественный языкъ узнаетъ всякiй человѣкъ непосредствено, вмѣстѣ съ

и другимъ разсужденіе: оно нужно не для простаго дѣйствованія, но для сознательнаго. Четвертое и послѣднее общее правило: 4) *Соединяй внѣшнее съ внутреннимъ, форму съ содержаніемъ.* Обученіе языку имѣетъ дѣло хотя съ внѣшнимъ, съ формами и плотью языка; однако никогда не должно забывать, что плоть жива только духомъ, что душа важнѣе плоти, что изученіе формъ самихъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, и что онѣ не могутъ быть исключительнымъ предметомъ наблюденія. Всегда и вездѣ ищи значенія представленій и отношеній. выражаемыхъ формами. Иначе ученіе будетъ нестерпимо сухо, отвлеченно и совершенно внѣшнее, образуя только экстенсивно, а не интенсивно. Постоянная связь содержанія съ формою требуетъ, чтобы учитель никогда не разсматривалъ частей рѣчи и отдѣльныхъ формъ — самихъ по себѣ, но постоянно представлялъ ихъ въ органическомъ цѣломъ, въ предложеніи, показывая отношеніе отдѣльностей къ цѣлому, которое даетъ имъ существенное значеніе. Только такимъ путемъ можно образовать посредствомъ обученія языку.»

4. Отношеніе отечественнаго языка къ прочимъ предметамъ преподаванія.

Итакъ, сущностью самого предмета въ связи съ психологическимъ развитіемъ дитяти опредѣляется метода преподаванія отечественнаго языка, какъ предмета самостоятельнаго, совершенно отличнаго отъ обученія языкамъ иностраннымъ. Вначалѣ отечественная грамматика является

для дитяти самою простою логикою, въ коей отъ удобопонятнѣйшаго и легчайшаго дитя нечувствительно переходитъ къ болѣе трудному, отъ даннаго самою природою къ искомому наукою. Предложеніе есть исходный пунктъ отечественной грамматики; въ предложеніи же и сущность построенія всякаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, что дитя пойметъ латинское выраженіе только тогда, когда переведетъ его себѣ порусски: потому анализъ предложенія отечественнаго предшествуетъ латинскому. Даже для выгодъ самой латинской грамматики надобно предпослать нѣкоторое грамматическое знаніе въ языкѣ отечественномъ. Грамматика отечественная должна быть посредникомъ между врожденнымъ ученику даромъ слова и между латинской грамматикой: т. е., данное природою нечувствительно и постепенно объясняется по русской грамматикѣ, и потомъ, когда ученикъ уже чувствуетъ отношеніе своей рѣчи къ наукѣ объ оной, надобно будетъ перейти къ иностранной грамматикѣ, какъ къ высшей степени теоретическаго изученія языка. Въ противномъ случаѣ, преподаваніе языка будетъ безсмысленно: ибо латинскія склоненія и спряженія, неодушевленныя связью предложенія, безжизненны. Русская же грамматика съ самаго перваго урока знакомитъ дѣтей съ предложеніемъ, и постоянно къ нему примыкаетъ всѣ явленія языка; зная предложеніе, слѣдовательно, глаголъ и падежныя отношенія, дитя чувствуетъ смыслъ латинскихъ спряженій и склоненій, вставляя ихъ въ форму предложенія. Слѣдовательно, первоначальное обученіе отечественному языку относится къ обученію латинскаго, какъ синтаксисъ къ этимологіи, какъ живое предложеніе

тогда только, какъ ученикъ достигнетъ высокой степени въ способности дара слова; мы его можемъ примѣнить тотчасъ же, какъ замѣтимъ, что ученикъ достаточно къ тому приготовленъ соотвѣтственнымъ упражненіемъ. Но все-таки наше мнѣніе таково, что упражненіе должно предшествовать разсужденію и сознанію явленій. Ученикъ сначала долженъ пріобрѣсти умѣнье въ отечественномъ языкѣ, и потомъ уже возвыситься до сознанія о его формахъ и законахъ. Необразованная толпа и не достигаетъ того никогда. Ужъ одно то чрезвычайно много бы значило, если бы всѣ правильно говорили и писали. Но образованному человѣку вмѣняется въ обязанность не только правильное дѣйствованіе, но и разумѣніе законовъ, коимъ подлежитъ дѣйствованіе. Это сознаніе (нельзя сказать *ученіе*, ибо ученикъ еще до вступленія въ школу знаетъ уже всѣ формы, хотя и не умѣетъ ихъ привесть въ порядокъ, произвесть одну отъ другой и проч.), итакъ, это сознаніе должно развиваться разборомъ, или путемъ аналитическимъ. Весьма естественно. Ибо языкъ есть живое цѣлое; человѣкъ никогда не произнесетъ ни одного слова безсмысленнаго, но всегда говоритъ предложеніями, выражающими мысль. Органическое цѣлое ему извѣстно прежде, нежели отдѣльныя части онаго. Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ извлеченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія. Части же его до самыхъ простѣйшихъ стихій, коими заключается процессъ раздробленія, могутъ быть най-

дены только путемъ анализа. Итакъ въ преподаванiи отечественнаго языка сначала упражненiе, потомъ возведенiе формъ къ ясному сознанiю, сначала умѣнье, потомъ знанiе, сначала упражненiе въ языкѣ (Sprechübungen), потомъ упражненiя надъ языкомъ (Sprachübungen), сначала практика, потомъ теорiя, и къ тому же аналитическимъ путемъ. Само собою разумѣется, что отдѣльныя формы языка, имѣющiя между собою нѣчто общее, должны сравниваться и приводиться въ порядокъ; но еще мы не дошли до всеобщихъ законовъ языка: мы заготовляемъ только матерiалы для оныхъ. Путемъ анализа возведши къ сознанiю отдѣльныя частности, преподаванiе слѣдуетъ третьему правилу: 3) ***Съ разборомъ соединяй синтезисъ***, ***совокупленiе отдѣльнаго въ практическихъ упражненiяхъ***. Разнообразное упражненiе добрый знакъ хорошаго преподаванiя: заучиванiе и сужденiе пусть идутъ объ руку съ упражненiемъ и умѣньемъ. Вначалѣ подражанiе, потомъ знанiе; теперь опять упражненiе. Какъ скоро какiя-либо формы языка дошли до яснаго сознанiя въ головѣ ученика, тотчасъ надлежитъ заставить его, чтобы онъ употребилъ ихъ въ дѣлѣ на задачѣ. Когда, напр., объяснены изъ предложенiя падежныя окончанiя, ученикъ самъ составляетъ предложенiя съ различными падежами; или, объяснивъ сослагательное наклоненiе, учитель задаетъ задачу, въ коей ученикъ употребляетъ оное. Такимъ образомъ въ обученiи языку постоянно соединяется знанiе и умѣнье, ученiе и упражненье, восполняя другъ друга. Дѣйствованiемъ начинаетъ ученикъ, имъ же и оканчиваетъ: первое безъ яснаго сознанiя, послѣднее совершенно сознательно. Въ серединѣ между тѣмъ

мальнаго образованія ученика среднимъ терминомъ между знаніями реальными, какъ наглядностью міра осязаемаго, и между математикою, какъ отвлеченіемъ всякаго живаго содержанія въ общую форму измѣренія и числа. Ибо на первой степени своей ученіе языка (слѣд. отечественнаго) неотдѣлимо отъ реальныхъ предметовъ преподаванія, на высшей же степени переходитъ въ область отвлеченія. Въ этомъ же отношеніи преподаваніе математики въ низшихъ классахъ Гимназіи приноситъ великую пользу и обученію языкамъ, пріуготовляя дѣтей къ восхожденію отъ нагляднаго ученія къ отвлеченностямъ грамматическимъ.

Отношеніе преподаванія русскаго языка къ языкамъ новымъ не прямое, а посредственное. Ибо между русскимъ и языками новыми стоитъ языкъ древній. Все, чѣмъ полезны языки новые въ формальномъ отношеніи, заключается уже въ обученіи латинскому, только въ большемъ объемѣ. Потому-то неучащіеся древнимъ языкамъ ни чѣмъ уже не могутъ восполнить существеннаго недостатка. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что формы языка русскаго гораздо богаче французскихъ и нѣмецкихъ: а синтаксисъ, столь важный для формальнаго образованія учениковъ въ языкѣ латинскомъ, весьма бѣденъ въ учебникахъ языковъ новыхъ. Потому въ школахъ реальныхъ, напр. въ корпусахъ, коммерческихъ училищахъ и т. п., грамматика русская получаетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ Гимназіяхъ: ибо въ связи съ церковнославянскою, должна анализомъ формъ замѣнить латинскую и греческую: но только въ высшихъ классахъ, гдѣ единственно возможно строгое грамматическое изученіе отечественнаго языка. Отъ французской грамматики

этого требовать нельзя: ибо дѣти, не учась полатыни, не могутъ узнать въ корнѣ ни одной французской формы. А нѣмецкая могла бы стать на ряду съ русской развѣ только историческая Гриммовская; но и въ сей послѣдней постоянныя сближенія съ языками древними и множество историческихъ подробностей необходимыхъ, но вовсе недоступныхъ для элементарнаго курса. Потому-то учители новыхъ языковъ избрали ближайшій и полезнѣйшій путь— практическій: вѣрно и прямо ведетъ онъ къ цѣли, подкрѣпляясь практическимъ же ученіемъ языка русскаго въ низшихъ классахъ; но поэтому-то именно и не можетъ это обученіе замѣнить теоретической методы латинскаго. Слѣдовательно, можно сказать рѣшительно, что въ реальныхъ школахъ, корпусахъ и т. п. низшіе классы остаются безъ правильнаго и строгаго грамматическаго обученія: ибо порусски склонять да спрягать никто теперь не учитъ, а новые языки формами бѣднѣе латинскаго, и должны изучаться болѣе практически. Въ Гимназіяхъ же отечественный языкъ стоитъ посредникомъ между новыми и древними: такъ, напр., русскій учитель анализомъ предложенія познакомитъ съ значеніемъ падежей, латинскій отдѣлитъ каждый падежъ флексіею; новые же языки къ флексіямъ присовокупятъ члены и вспомогательные предлоги, а русская грамматика укажетъ въ предложеніи на отношеніе падежей къ предлогамъ и т. п. Касательно внутренняго содержанія, т. е. литературы, новые языки стоятъ къ русскимъ гимназіямъ въ иномъ отношеніи, нежели къ французскимъ или нѣмецкимъ: чѣмъ для прочихъ европейскихъ народовъ были литературы древнія, тѣмъ для насъ, кромѣ

къ отдѣльнымъ склоненіямъ и спряженіямъ, какъ мысль къ звуку.

Такимъ образомъ отечественный языкъ постепенно и нечувствительно введетъ ученика въ область науки. Тогда наступаетъ уже время обученія латинскому языку. «Несправедливо поступаютъ, говоритъ Мадвигъ (*), профессоръ Копенгагенскаго Университета, несправедливо поступаютъ, начиная столь рано преподаваніе латинскаго языка, какъ обыкновенно вездѣ заведено. Это предметъ слишкомъ отдаленный и трудный, къ нему дитя не приготовлено еще ближайшимъ и легчайшимъ; потому-то изучается онъ долго и медленно, въ какой-то неясности, которая послѣ съ трудомъ проходитъ. Когда же начинается латинское преподаваніе нѣсколькими годами позднѣе (около двѣнадцатилѣтняго возраста), но съ силами сосредоточенными и съ упражненной способностью заучивать и работать; тогда, думаю я, съ трудомъ, гораздо меньшимъ, можно достигнуть тѣхъ же результатовъ.»

Защищая самостоятельность преподаванія отечественнаго языка, мы должны показать отношеніе, въ какомъ стоитъ обученіе языку къ противоположности своей въ области ученія реальнаго—къ математикѣ (**). «Математика и грамматика суть такіе предметы преподаванія, цѣль коихъ состоитъ во всеобщемъ и чисто формальномъ образованіи

(*) Bemerkungen über verschiedene Puncte des Systems der lateinischen Sprachlehre, 1814, стр. 14.

(**) Der Gymnasialunterricht von Deinhardt, стр. 65 и слѣд. Дейнгардтъ старый учитель Математики и Физики въ Виттенбергской Гимназіи.

духа. Математика и грамматика должны быть логикою для Гимназіи, начиная отъ самыхъ низшихъ классовъ до послѣдняго. Собственно же логика можетъ преподаваться только въ высшемъ классѣ, и то въ лучшихъ Гимназіяхъ, гдѣ случится для того способный учитель. Въ математикѣ систематическая форма логики, въ грамматикѣ ея содержаніе. Во математикѣ ученикъ впервые видитъ образецъ органической науки, и научается доказывающему, основательно и необходимо шествующему впередъ мышленію. Въ грамматикѣ развиваются, упражняются и примѣняются всеобщія отношенія мыслей, входящія во всякую науку; повторяются и присоединяются къ другимъ новымъ до тѣхъ поръ, пока не станутъ въ душѣ ученика живою его собственностью. Вооружившись систематическимъ мышленіемъ въ математикѣ и обильнымъ запасомъ категорій въ грамматикѣ, гимназистъ легко и основательно можетъ проникнуть во всякій родъ знанія и подчинить его своимъ силамъ.» Напрасны всѣ усилія математиковъ замѣнить своею наукою формальную пользу обученія языкамъ, особенно когда дружно, совокупными силами будутъ дѣйствовать русская и латинская грамматики, какъ живая природа и стройная наука, какъ всеобъемлющій синтезъ и дробящій анализъ, въ непрестанномъ, естественномъ переходѣ отъ практики къ теоріи, какъ постепенное восшествіе къ сознанію, и какъ непрестанное утвержденіе памяти. Математика даетъ дитяти первыя понятія объ отвлеченныхъ возрѣніяхъ на пространство и время: грамматическое ученіе наполнитъ эту tabulam rasam живымъ, конкретнымъ содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи грамматика будетъ для фор-

древнихъ, и французская и нѣмецкая, т. е. образцемъ для изученія и подражанія. Конечно, можетъ быть придетъ и наше время самостоятельнаго дѣйствованія: но будушее во власти Божіей. Унизительно для науки предаваться суетному гаданію о томъ, чего еще нѣтъ; неутомимая дѣятельность въ настоящемъ есть залогъ достойнаго будущаго, а прозорливый взглядъ на прошедшее—руководство для настоящаго. Не животворно было для насъ одностороннее изученіе литературъ новыхъ: ибо мы скользили только на поверхности образованія европейскаго, не заглядывая вглубь, откуда оно началось, чѣмъ поднималось, и совершенствовалось. Предметы познаются отъ знанія сокровенныхъ элементовъ, изъ коихъ они слагаются; а прошедшее есть необходимый элементъ жизни народной, слѣд. и литературы: можно ли же узнать литературу французскую безъ знанія языка латинскаго, въ исторіи котораго заключается опредѣленіе многихъ формъ французскаго; или литературу нѣмецкую, возрастаніе коей лежитъ на изученіи языковъ древнихъ? Отсюда связь преподаванія языковъ новыхъ съ древними, основанная на понятіи о живомъ организмѣ развитія литературъ европейскихъ. Слѣд. основательное знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго предполагаетъ уже и знаніе древнихъ, какъ необходимаго элемента оныхъ; слѣд. для собственнаго интереса преподаваніе новыхъ языковъ должно заступаться за усиленное преподаваніе древнихъ; слѣд. только въ гимназіяхъ и въ школахъ нереальныхъ, можетъ быть истинное образованіе европейское.— Всему своя пора: изученіе національнаго элемента литературъ новыхъ, т. е. изученіе языковъ и образованности

среднихъ временъ во всей подробности, придетъ своей чередою: это дѣло университета. Въ средствахъ Гимназіи — посильное сближеніе исторіи языковъ новыхъ съ латинскимъ, греческимъ и славянскимъ. Отсюда необходимость возведенія русской грамматики до сравнительной и исторической. Здѣсь посредничество языка отечественнаго между древними и новыми, здѣсь твердое основаніе отличію національнаго отъ общечеловѣческаго.

Дальнѣйшее объясненіе методы обученія отечественному языку стоитъ въ связи съ остальными предметами преподаванія (*). «Исторію нельзя признать элементомъ (говоря языкомъ химиковъ). Предметы нравственныхъ наукъ имѣютъ свою исторію, но ее нельзя отдѣлить отъ самыхъ предметовъ: какъ исторія догмъ и церкви относится къ Богословію, исторія философіи—къ философіи, исторія языка къ Лингвистикѣ; исторія правъ къ юриспруденціи: такъ и исторія государства къ политикѣ. Конечно, академія можетъ всѣ эти исторіи, безъ самихъ наукъ, собрать въ сотнѣ фоліантовъ, и назвать общимъ именемъ «Всеобщая исторія;» но дѣло останется въ прежнемъ своемъ видѣ: ибо изъ такого собранія всякъ будетъ читать исторію только того предмета, который ему извѣстенъ. Весьма полёзно знакомить юношество съ жизнію великихъ людей, съ всемірными событіями и вообще съ историческимъ развитіемъ жизни народовъ въ политическомъ, художественномъ, религіозномъ и въ другихъ отношеніяхъ; даже въ высшихъ классахъ (и именно только въ высшихъ) слѣдуетъ назна-

(*) Mager, Deutsches Sprachbuch. 1842, VI—VIII.

чить для того особые уроки: но такой предметъ будетъ имѣть цѣнность только въ педагогическомъ отношеніи, и не будетъ онъ Всеобщею Исторіею точно такъ же, какъ и Энциклопедическій лексиконъ. И въ Гегелевомъ смыслѣ Weltgeschichte, т. е. философія исторіи, имѣетъ всѣ недостатки остальныхъ книгъ этого рода. Истинною философіею исторіи могъ бы быть только средній (историческій) терминъ въ философскомъ обозрѣніи цѣлой области всѣхъ нравственныхъ наукъ: т. е. философія права, воспитанія, нравовъ, государства и пр., въ совокупности, составляетъ такъ называемую философію исторіи. Итакъ, если справедливо, что исторія не есть самостоятельная наука, каковы грамматика или юриспруденція; что она между науками не имѣетъ права называться элементомъ; далѣе, если справедливо, что исторія какого-либо предмета непонятна безъ знанія онаго, слѣдов. исторія человѣка предполагаетъ знанія психологическія, исторія государства — политическія, исторія литературы—эстетическія и литературныя (и vice versa); наконецъ, если справедливо и то, что школьное обученіе должно стремиться къ возможной простотѣ и естественности: то необходимы еще многія перемѣны въ преподаваніи. Въ низшихъ и среднихъ классахъ историческое обученіе должно бы примкнуться къ обученію языкамъ, именно къ чтенію на отечественномъ, французскомъ, латинскомъ и проч.; въ высшихъ же классахъ оно усилилось бы начальными основаніями положительной психологіи, этнологіи, естественнаго права, морали, политики, поэтики и прозаики. Пока не будетъ знанія объ этихъ предметахъ, до тѣхъ поръ и исторія оныхъ будетъ столь же безплодна,

сколь недостаточно одно догматическое изложеніе элементовъ сихъ наукъ безъ исторіи. Ясно, какъ много выиграютъ ученики такимъ упрощеніемъ методы: учитель древнихъ и новыхъ языковъ, въ связи съ формальнымъ обученіемъ языка, знакомя ученика и съ исторіею, и съ этнографическими и статистическими и друг. свѣдѣніями (математическія и физическія относятся не сюда, а къ преподаванію физико-математическому), увидитъ совершенно иные плоды отъ своихъ уроковъ, чѣмъ спеціальные учители исторіи, географіи и пр., которые имѣютъ смыслъ только въ высшихъ классахъ. Учащіеся узнаютъ такъ называемое *историческое* гораздо основательнѣе, вычитавъ оное изъ самыхъ источниковъ; чуждые языки будутъ казаться имъ полезнѣе и необходимѣе, и они скорѣе имъ выучатся, подобно тому, какъ дѣти—стрѣлять, тогда заставляютъ ихъ сшибать свой завтракъ съ шеста. И это также не маловажно, что передъ такимъ преподаваніемъ умолкнетъ крикливая толпа реалистовъ. И преподаваніе языка можетъ назваться реальнымъ столь же справедливо, какъ и физико-математическое обученіе, съ тою только разницею, что содержаніемъ перваго духовное, втораго вещественное, или же отвлеченіе отъ вещественнаго. Пора перестать толковать объ одномъ только формальномъ преподаваніи, или формальномъ образованіи: привидѣній въ наукѣ не бываетъ. Если я отношу языки къ реальному, это не значитъ, чтобы хотѣлъ я возвысить содержаніе прочтеннаго по французски или полатыни въ ущербъ знанію языка грамматическому. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кои думаютъ, будто классики написаны для того, чтобы подводить къ

нимъ комментаріи; не считаю себя и на сторонѣ реалистовъ, по мнѣнію коихъ уголъ или площадь, камень или травка способствуютъ къ образованію болѣе, чѣмъ произведенія человѣческаго духа. Нѣтъ! душа воспламеняется душою, и поелику языкъ есть перворожденный души, потому матеріалъ языка—который я называю *ономатикою*—долженъ быть лучшимъ средствомъ къ образованію » Это остроумное мнѣніе Магера можно принять только подъ условіемъ двухъ необходимыхъ уступокъ: а) Магеръ хотя и желаетъ примирить реальное съ гуманическимъ, однако и самъ подходитъ къ реалистамъ, и именно такимъ, кои иногда задаютъ задачи неразрѣшимыя, и составляютъ планы, которые едва ли можно еще выполнить: такихъ реалистовъ онъ самъ хорошо характеризовалъ (*), назвавъ фантастическими, б) Магеръ постоянно является гегелистомъ, и потому проповѣдуетъ превосходство разума надъ преданіемъ, и вноситъ много философскаго въ школу. Впрочемъ возстановленіе живаго содержанія въ языкѣ, и прямое отношеніе филологіи къ наукамъ нравственнымъ, и преимущественно къ исторіи, заслуживаютъ полнаго вниманія: это особенно важно для русскихъ, ибо связываетъ филологію съ изученіемъ лучшаго произведенія нашей литературы, съ исторіею Государства Россійскаго Карамзина. Что же касается до реальнаго содержанія въ чтеніи на различныхъ языкахъ, то это не болѣе, какъ продолженіе и необходимое слѣдствіе методы нагляднаго энциклопедическаго ученія Магеръ вовсе неправъ касательно языковъ

(*) Mager, Die deutsche Bürgerschule, 1840, стр 233.

чуждыхъ, ибо чтенію историческихъ и другихъ источниковъ предшествуютъ года болѣе формальнаго изученія этихъ языковъ. Хорошо, если и съ третьяго класса наши гимназисты начнутъ толковито читать Евтропія и Цезаря. Въ первомъ же классѣ надобно учиться имъ склонять да спрягать, а тамъ разбирать конструкцію. Притомъ мы должны изыскивать средства къ улучшенію преподаванія при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ устроены наши школы; а не мечтать объ идеальномъ преобразованіи учителей языковъ древнихъ и новыхъ въ преподавателей географіи, исторіи и пр. Слѣд. мысль Магера можетъ примѣниться къ преподаванію обратнымъ отношеніемъ: т. е. если всѣ нравственные предметы ученія могутъ преподаваться учителями языковъ, то, наоборотъ, и прочіе учители могутъ замѣнить учителей языковъ, и по преимуществу русскаго (*). «Учитель чуждаго языка вмѣстѣ есть уже и учитель отечественнаго. Всѣ остальные учители дѣйствуютъ также въ области и въ границахъ своего предмета, способствуя изустному и письменному развитію языка учениковъ, на удѣлъ же учителя языка остается только грамматическое обученіе.—При такомъ содѣйствіи всѣхъ учителей къ образованію въ ученикахъ отечественнаго дара слова, преподаватель языка будетъ стоять въ иныхъ отношеніяхъ противъ прежняго. Если справедливо, что языкъ въ каждомъ возрастѣ жизни есть плодъ совокупнаго образованія всего человѣка: то никакъ нельзя требовать, чтобы учитель отечественнаго языка одинъ могъ дать оное. И вообще это за-

(*) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843

виситъ отъ учителей только такимъ образомъ, что каждый вкладываетъ свою частицу въ общее воспитаніе ученика, и за нее только отвѣчаетъ. Такъ точно и учитель отечественнаго языка. Онъ не можетъ одинъ постановить учениковъ на ту степень образованія, слѣдствіемъ коей точный и чистый языкъ; а если бы онъ и захотѣлъ, то никакъ не долженъ, ибо языкъ безъ содержанія есть ложь. И могъ ли бы онъ въ два урока на недѣлѣ усовершенствовать учениковъ въ томъ, что портилось бы нерадѣніемъ другихъ учителей въ остальные двадцать уроковъ? Или на одномъ сочиненіи въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль улучшить слогъ ученика, когда въ теченіи того же времени двадцать другихъ письменныхъ упражненій увлекаютъ его въ противоположныя направленія?—Задача же учителя собственно отечественнаго языка ограничивается (до четырнадцатилѣтняго возраста дѣтей) правильнымъ и яснымъ чтеніемъ, упражненіемъ въ правописаніи, знакомствомъ съ національною литературою по сборникамъ, нарочно для того составленнымъ, и наконецъ письменнымъ и словеснымъ повтореніемъ прочтеннаго или сказаннаго.—Мы совершенно убѣждены, что обученію чужому языку не должно предшествовать *грамматическое преподаваніе* отечественнаго: онъ намъ родной, но не по грамматикѣ. Именно поэтому-то и измѣняется отношеніе слѣдующимъ образомъ: невозможно выучиться чужому языку безъ того, чтобы вмѣстѣ не учиться грамматически и своему.—Ибо правила чужаго языка ученикъ понимаетъ посредствомъ своего, постоянно соображаетъ формы перваго съ послѣднимъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ сравнительною грамматикою учится и

отечественной. Родной же языкъ мы первоначально узнаемъ непосредственно, не такъ какъ языкъ, но какъ мышленіе, дѣйствованіе, ощущеніе, какъ совокупность того, что̀ имъ выражается. Потому чрезвычайно односторонне во главѣ многихъ грамматикъ стоящее опредѣленіе языка, будто онъ есть средство къ выраженію и сообщенію представленій или мыслей. Скорѣй наоборотъ: такъ какъ мы наслѣдуемъ отъ другихъ мысли и знанія помощію языка, то языкъ есть средство, которымъ пріобрѣтаемъ мысли. Обученіе отечественному языку есть не иное что, какъ развитіе положеннаго въ дитяти сѣмени дара слова. Возрастаетъ оно подобно зрѣнію и слуху, подобно душѣ въ зрѣніи и слухѣ, подобно любви къ душѣ. Основательное же грамматическое изученіе отечественнаго языка не можетъ быть предложено ученикамъ ранѣе четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста.» Въ дополненіе послѣдней мысли припомнимъ слова Дистервега: der Volksschüler soll *in der Sprache*, der Gymnasiast *über die Sprache* denken lernen. Впрочемъ Ваккернагель слишкомъ ограничиваетъ преподаваніе отечественнаго языка, придерживаясь въ своихъ мнѣніяхъ школѣ гуманистовъ, хотя и стоитъ въ этомъ отношеніи выше Тирша. «Казалось бы (*), что, примыкая грамматическое обученіе отечественнаго языка къ преподаванію чуждыхъ, мы низошли опять на ту же степень, на которой стояли нѣкогда, и которую такъ рѣшительно защищалъ Тиршъ. Но что прежде дѣлалось изъ равнодушія и нерадѣнія, и на

(*) Клумппъ въ рецензіи на Ваккернагеля, смотр. Pädagogische Revue, 1843, № 1.

чѣмъ упорствовалъ Тиршъ односторонне, то низводится теперь до глубокаго своего основанія; и потому, повидимому, кажущееся одно и тоже, въ сущности совершенно иное. Вопервыхъ, упражненіе въ отечественномъ языкѣ должно и предшествовать и идти рядомъ съ обученіемъ чужимъ языкамъ, о чемъ прежде и не думали; потомъ, правила чужихъ языковъ должны придти въ сознаніе при посредствѣ отечественнаго, слѣд. вмѣстѣ съ правилами онаго; и наконецъ, родной языкъ не будетъ употребляться попрежнему, какъ служитель, но будетъ обработываться, какъ главный двигатель всего духовнаго развитія, и благоговѣйно уважаться, какъ національное святилище.»

5. Грамматики.

Магеръ (*) въ своей рецензіи на книгу К. Ваккернагеля, весьма остроумно раздѣляетъ неудачныхъ преподавателей отечественнаго языка на слѣд. три статьи: 1) нигилистическій формализмъ: раціональные дидактики учатъ наукѣ нѣмецкаго языка (deutsche Sprachlehre), прежде чѣмъ дадутъ своимъ ученикамъ самый языкъ (Вурстъ, Шерръ, Гонкампъ, Прейссъ и мн. др.); 2) мизологическій матеріализмъ: піетисты-романтики заботятся только объ одномъ языкѣ, не желая ничего знать о наукѣ объ языкѣ, и съ нѣкотораго времени проповѣдуютъ крестовый походъ противъ школьныхъ грамматикъ (Гинтеръ, Гильсманнъ, К. Ваккернагель); 3) между тѣми и другими стоятъ тѣ педагоги,

(*) Pädagogische Revue, 1844, № 1.

которые, не пускаясь въ умствованія и теоріи, нашли себѣ жалкую посредственность и идутъ по старинной избитой колеѣ. Столь же мѣтко раздѣляетъ Магеръ и грамматики: 1. Грамматика, какъ полицейское предписаніе, какою представили ее Готтшедъ, Аделунгъ, Гейнзіусъ, Гейзе и друг., по образцу Доната и Французовъ. Хотя и съ этой точки зрѣнія въ грамматикѣ есть польза, ибо надобно въ разговорѣ и письмѣ избѣгать ошибокъ; однако такая наука нисколько не образуетъ ума. 2. Систематическая грамматика (Беккеръ, Герлингъ, частію и Шмиттеннеръ), которая, думая изложить организмъ языка, даетъ только логическую систему; такая грамматика ищетъ сущности вещей не въ самомъ языкѣ, а въ *значеніи*, т. е. она предлагаетъ не частную логику того или другаго языка, но всеобщую, къ которой пріурочиваетъ всѣ языки. Вмѣстѣ съ этимъ опускаетъ она часть лексическую, опредѣленіе смысла отдѣльныхъ словъ и выраженій. 3. Положительная грамматика: а) Гримма историческая и сравнительная въ тѣсномъ смыслѣ, б) Боппа сравнительная въ обширномъ смыслѣ, в) Раппа и Вохера физіологическая 4 Истинно-философская, или, точнѣе, психологическая грамматика, начала которой положены В. Гумбольдтомъ, и для которой надобно еще работать. Магеръ, какъ философъ-гегелистъ, въ этой послѣдней грамматикѣ видитъ соединеніе всѣхъ достоинствъ систематической и положительной грамматики Онъ весьма удачно опредѣляетъ значеніе отечественнаго языка и отношеніе его къ иностраннымъ: «Родное воззрѣніе на міръ не должно стѣсняться и помрачаться изученіемъ чужихъ языковъ; напротивъ того, должно просвѣтляться

и обогащаться сродными съ нимъ стихіями: изученіемъ отечественнаго языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наслѣдниками его духа, такъ что всякъ образованный въ своемъ языкѣ можетъ сказать: la nation, c'est moi; обученіе латинскому, греческому, французскому языку должно изъ насъ сдѣлать не Грековъ, не Французовъ, а гражданъ всему міру, и не такихъ, которые живутъ только такъ называемыми идеями, и, стремясь быть вездѣ, нигдѣ не находятъ себѣ мѣста, но міровыхъ гражданъ въ добромъ смыслѣ, которые, хотя больше всего любятъ свою отчизну и служатъ ей, однако умѣютъ цѣнить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всѣмъ, что предлагаютъ чуждые народы, отдѣленные отъ насъ пространствомъ и временемъ. Поелику мы живемъ и непрестанно обращаемся въ родномъ языкѣ, и посредствомъ его усвоили себѣ особенный способъ къ составленію общихъ понятій и категорій: то уже каждое дитя безсознательно носитъ въ себѣ ключъ къ аналогіи, коимъ открываетъ смыслъ даже и того, что слышитъ только впервые. Такой инстинктуальной понятливости нѣтъ у того, кто сначала учится чуждому языку: генетическою методою образуется ученикъ не въ примѣръ скорѣе чѣмъ обыкновенною грамматическою нашихъ школъ.»

6. Результаты.

Въ послѣдовательномъ порядкѣ разборавъ педагогическую діалектику мнѣній о преподаваніи отечественнаго языка, мы нечувствительно обращаемся отъ послѣднихъ результатовъ

оной прямо къ тому, что еще лѣтъ за двадцать сказалъ великій филологъ нашего времени, Я. Гриммъ (*), о преподаваніи отечественнаго языка: «Мало по малу начинаетъ входить въ употребленіе это сочиненіе (Аделунгова нѣмецкая грамматика) не только въ школахъ, но даже и между людьми взрослыми. Такого несказаннаго педантства никоимъ образомъ не понялъ бы воскресшій Грекъ или Римлянинъ; большая часть современныхъ народовъ смотрятъ болѣе здравымъ взглядомъ, нежели мы: ибо не включаютъ отечественнаго языка въ число предметовъ школьнаго ученія. Окажется тайный вредъ, приносимый этимъ преподаваніемъ, какъ дѣломъ излишнимъ Я увѣренъ, испортится отъ того свободное развитіе слова въ дѣтяхъ и повредится этотъ прекрасный даръ природы который, вмѣстѣ съ молокомъ матери, даетъ намъ и рѣчь, и доводитъ ее до совершенства въ лонѣ отческаго дома. Подобно всему естественному и нравственному, языкъ есть неосязаемая, безсознательная тайна, отъ юности въ насъ вкоренившаяся, и самые органы слова опредѣлившая намъ для собственныхъ отечественныхъ звуковъ, оборотовъ, изгибовъ, жосткихъ или мягкихъ; отъ того схватываетъ насъ завѣтное, вожделѣнное чувство, когда на чужой сторонѣ прозвучитъ намъ родное слово; отъ того и невозможность узнать иностранный языкъ, т. е. въ искреннемъ, родномъ употребленіи его И кто бы могъ подумать, чтобы зародышъ, столь глубоко положенный въ насъ, и возрастаю-

(*) Въ предисловіи къ первому изданію Deutsche Grammatik. ч. 1, стр. IX.

щій по природнымъ законамъ мудрой бережливости, учители грамматики вздумали вытягивать и усиливать пошлыми и неумѣстными своими правилами? И кто не запечатлится о юношахъ и дѣтяхъ вовсе недѣтствовавшихъ, которые говорятъ чисто и правильно, но подъ старость не сочувствуютъ своей юности? Спросите-ка истиннаго поэта, который владѣетъ содержаніемъ, духомъ и правилами языка, разумѣется, иначе, нежели всѣ вмѣстѣ грамматисты и составители словарей, спросите его, чему онъ научился изъ Аделунга, да еще и заглядывалъ ли въ него? За 600 лѣтъ всякій простой мужикъ изъ ежедневнаго своего употребленія зналъ такія совершенства и тонкости нѣмецкаго языка, о которыхъ и не мечтаютъ наши теперешніе, даже лучшіе, учители грамматики. Въ стихотвореніяхъ какого нибудь Вольфрама фонъ Эшенбахъ, или Гартманна фонъ Ауе, никогда даже и неслыхавшихъ о склоненіяхъ да спряженіяхъ, едвали умѣвшихъ читать и писать, отличія существительнаго и глагола постоянно удерживаются въ измѣненіяхъ и въ предложеніи съ такою вѣрностью и точностью, которыя мало по малу можемъ мы открывать только путемъ науки, но употреблять никогда уже не можемъ. ибо языкъ идетъ своимъ неизмѣннымъ путемъ. И сами эти грамматики обманъ и заблужденіе: ясно, какой плодъ онѣ могутъ принести въ школахъ, когда не лелѣютъ, а обрываютъ тѣ распукли, которыя должны бы развертываться сами собою. Весьма важно и неоспоримо замѣчаніе многихъ, что дѣвицы, обыкновенно менѣе мучимыя въ школахъ, умѣютъ чище говорить, красивѣе ставить слова и естественнѣе выбирать ихъ: ибо онѣ образуются болѣе по

внутренне-развивающейся необходимости, а гибкость и утонченность языка возрастаютъ рука объ руку съ духовнымъ усовершенствованіемъ. Всякій нѣмецъ, знающій по-нѣмецки плохо, но правильно, т. е всякій необразованный, можетъ быть названъ, по мѣткому выраженію одного француза (Ch. Viliers: la grammaire en personne). самостоятельною живою грамматикою, которой нѣтъ дѣла ни до какихъ правилъ, составленныхъ учителями языка. Поелику нѣтъ грамматики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ элементовъ, изъ коихъ каждый доходитъ до теперешняго своего вида отъ незапямятной древности: то обученіе грамматическое можетъ быть только строго-ученое.» Въ дополненіе къ этому мнѣнію надлежитъ припомнить объясненіе, высказанное Гриммомъ въ предисловіи ко второму изданію грамматики: онъ нападаетъ только на безсмысленное первоначальное преподаваніе, но нисколько не уничтожаетъ разумнаго обученія отечественной грамматикѣ въ высшихъ классахъ (*).

Авторитетъ Гримма такъ великъ, сужденія его о предметѣ, коему онъ съ любовью посвятилъ всю свою жизнь, такъ безпристрастны, что всякій учитель отечественнаго языка невольно убѣдится въ ихъ глубокой справедливости. Для насъ особенно важно то, что эту Гриммову Филиппику гуманисты обыкновенно бросали въ глаза реалистамъ; между тѣмъ какъ въ ней же и сильная защита обученію языку отечественному. Если слова Гримма не противорѣчатъ

(*) Deutsch. Gr. I, стр. XIX.

послѣдовательному развитію педагогическихъ споровъ, изложенныхъ мною выше: то беру на себя смѣлость сказать, что мы уже стоимъ на пути къ примиренію враждующихъ мнѣній.

Въ заключеніе предлагаю главнѣйшія положенія, съ которыми надлежитъ соображаться въ преподаваніи отечественнаго языка.

1. Все грамматическое ученіе должно быть основано на чтеніи писателя. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы дѣти ясно понимали прочтенное и умѣли правильно выражаться словесно и письменно.

2. Грамматика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ: она не можетъ быть самостоятельною, систематическою наукою въ первоначальномъ обученіи.

3. На первой, низшей, степени, отечественная грамматика, въ связи съ практическими упражненіями, предполагаетъ двѣ цѣли: образованіе и развитіе дѣтскихъ способностей (общая грамматика), и безошибочное употребленіе русскаго языка словесно и письменно (частная грамматика).

4. На высшей степени грамматика является наукою: здѣсь выступаетъ сравнительное и историческое языкознаніе въ связи съ чтеніемъ церковнославянской, древнерусской и новой литературы. Эта степень должна быть необходимымъ восхожденіемъ отъ предыдущей; такъ, напр., первоначально дѣти привыкли безошибочно ставить *ѣ* въ нарѣчіяхъ *гдѣ*, *кромѣ*: теперь объясняется имъ, почему здѣсь слѣдуетъ быть этой буквѣ. Какъ частная русская

Минскаго гор. учил.

грамматика отъ правописанія восходитъ здѣсь до историческойой, такъ общая до сравнительной.

5. Метода первоначальному преподаванію отечественнаго языка должна быть *генетическая*, основывающаяся на постепенномъ развитіи въ дитяти врожденнаго дара слова: она слѣдитъ за ходомъ самой природы, безусловно подчиняя ей предметъ преподаваемый. По этой методѣ ученику не дается ничего новаго, но только уясняется и приводится въ сознаніе то, что онъ уже имѣетъ. Этимъ отличается метода обученія отечественному языку отъ всякой иной. Остальные предметы преподаванія строятся на искусственной системѣ, родной же языкъ развивается и уясняется по законамъ самой природы. Слѣдуя этимъ законамъ, метода становится генетическою. Она столько же основывается на сущности самого предмета, то есть, роднаго языка, сколько и на личности учащагося. Даже можно сказать, что на первой степени юношескаго возраста— родной языкъ и личность совпадаютъ другъ съ другомъ. Изъ этого общаго начала слѣдуютъ частныя положенія:

а) Вмѣстѣ съ языкомъ образовывать и развивать всѣ духовныя способности, разумѣется, на чтеніи писателя.

б) Не подчинять ученія искусственной системѣ; напр. не начинать грамматики опредѣленіемъ этимологіи, синтаксиса, и т. п. Система должна быть въ головѣ учителя и въ успѣхахъ учениковъ, а не въ учебникѣ.

в) Отъ конкретнаго, чувственнаго представленія, въ самомъ языкѣ заключающагося, восходить къ отвлеченностямъ, а не наоборотъ; потому, напр., педагогически ложно обыкновенное опредѣленіе предложенія: предложеніе

есть сужденіе, выраженное словами; для первоначальнаго преподаванія правильнѣе будетъ наоборотъ: сужденіе есть предложеніе, не выраженное словами, а продуманное втихомолку. Предложеніе же объяснить практически при чтеніи писателя.

г) Начинать грамматическое обученіе объясненіемъ предложенія, изъ коего вывести части рѣчи въ связи съ частями предложенія.

д) Склоненія, спряженія, согласованіе, управленіе и т. п. объяснять гейристически; т. е. искусными, но простыми вопросами доводить дѣтей, чтобы они сами съ перваго разу съумѣли отличать грамматическія формы своего языка; напр. учитель спроситъ: можно ли сказать *добрая учитель*, *ученики прилеженъ*? Дѣти сами поправятъ и дойдутъ до понятія о родахъ и числахъ.

6. Такъ какъ языкъ, кромѣ знанія, предполагаетъ и умѣнье: потому и отечественная грамматика не довольствуется только развитіемъ природнаго дара слова, но руководствуетъ ученика въ *искусствѣ* читать, говорить и писать. Все это искусство должно быть основано на практическихъ упражненіяхъ. Доселѣ грамматика и языкъ въ обученіи были двѣ совершенно разрозненныя области, между тѣмъ какъ грамматика, даже какъ руководство къ искусству правильнаго употребленія языка, должна исходить изъ чтенія, разговора и письма. Потому величайшая ошибка многихъ учителей въ томъ, что они заставляютъ дѣтей выучивать, напр., правила правописанія не въ связи съ письмомъ, тогда какъ учебникъ долженъ быть только справочною книгою при диктантѣ.

7. Чтеніе и письмо должны идти въ параллели съ грамматическимъ обученіемъ; такъ, напр., какъ скоро дѣти узнали предложеніе, тотчасъ уже могутъ отдѣлить одно предложеніе отъ другаго—при чтеніи остановкою голоса, на письмѣ знакомъ (сначала только запятою). Слѣдовательно, искусственная система нашихъ учебниковъ, помѣщающая знаки препинанія на концѣ грамматики, вовсе не система, ибо нисколько не примѣнительна въ педагогическомъ отношеніи.

8. Правописаніе и словопроизношеніе не составляютъ теоретической части грамматики: они суть не что иное, какъ примѣненіе этимологическаго и синтаксическаго ученія къ практикѣ.

9. Постоянно надобно отличать преподаваніе отечественнаго языка отъ иностраннаго, слѣд. никогда не говорить дѣтямъ того, что они знаютъ уже сами: стало быть и не мучить ихъ склоненіями и спряженіями со множествомъ подраздѣленій и различій. Подробностей, неизвѣстныхъ дѣтямъ, немного: они узнаются при чтеніи и диктантѣ.

10. Отечественная грамматика, какъ наука, въ низшихъ классахъ замѣняетъ Логику, а въ высшихъ становится сравнительно-историческою грамматикою. Многіе педагоги несправедливо исключаютъ сію послѣднюю изъ гимназическаго курса, между тѣмъ какъ необходимость ея неоспорима—и въ практическомъ отношеніи: ибо сравнительное языкознаніе служитъ руководствомъ въ переводахъ и облегчаетъ изученіе чужихъ языковъ, а историческое необходимо для уразумѣнія памятниковъ древней, средней и даже новой литературы нашей; — и въ теоретическомъ:

ибо только сравнительное изученіе языковъ даетъ истинное и ясное понятіе о законахъ языка, и только историческое изслѣдованіе генетически объясняетъ, почему такъ, а не иначе употребляемъ мы ту или другую форму.

11. Какъ скоро изученіе отечественнаго языка переходитъ въ науку, тотчасъ должно получить систематическій характеръ. Но поелику система имѣетъ цѣнность тогда, когда уже знаешь матеріалы, имѣющіе быть приведенными въ систему: то и систематической сравнительно-исторической грамматикѣ должно предшествовать съ одной стороны практическое изученіе чуждыхъ языковъ въ сближеніи съ русскимъ, а съ другой чтеніе памятниковъ нашей литературы, и древнихъ и новыхъ. Разумѣется, въ головѣ учителя постоянно должна быть система, но онъ сначала передаетъ ее дѣтямъ при чтеніи только частями, объясняя частныя явленія языка. Такимъ путемъ возбудится въ учащихся внутренняя потребность системы, и будетъ для учителя указателемъ, что уже пришло время собрать разрозненные матеріалы въ органическое цѣлое.

12. Такъ какъ много потеряли мы живаго сочувствія къ родному языку, вслѣдствіе постояннаго его движенія и измѣненія, а частію и порчи: потому и онъ, какъ бы нѣсколько чуждый, заключаетъ для насъ много неяснаго, иногда даже неизвѣстнаго, не только въ древней нашей литературѣ, но и въ народной рѣчи. Возведеніе къ сознанію всего неяснаго и неопредѣленнаго требуетъ науки отечественнаго языкознанія, которая, будучи сравнительной и историческою, ни сколько не противорѣчитъ основнымъ началамъ гуманизма, и примиряетъ его съ реализмомъ.

13. Отечественный языкъ и на высшей степени, т. е. сравнительно-исторической, гдѣ только возможно, долженъ преподаваться гейристически: формы устарѣлыя сближать съ теперешними, чуждыя съ родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго.

РЕТОРИКА И ПІИТИКА.

1. Схоластики и беллетристы.

Преподаваніе реторики и піитики обыкновенно страждетъ всѣми недостатками поверхностнаго реализма. Учителей словесности въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на три статьи: одни простодушно проходятъ съ своими учениками, строка въ строку, схоластическіе учебники; другіе, вкусившіе въ Университетѣ плодъ философскаго познанія, берутся за эстетику и философію словесности; третьи, не имѣя призванія философствовать, передаютъ ученикамъ множество фактовъ изъ исторіи всеобщей словесности по университетскимъ тетрадкамъ, по Вильменю, Сисмонди и т. п. Опытный и разсудительный учитель, къ какому бы отдѣлу изъ этихъ трехъ ни принадлежалъ, — часто приноситъ большую пользу, только не теоріею, а практическими занятіями, чтеніемъ образцовыхъ писателей и письменными упражненіями. Что же касается до этихъ трехъ родовъ теоретическаго преподаванія, то, при бѣгломъ взглядѣ на нихъ, увидимъ, какъ они недостаточны.

1) Толкователь устарѣлыхъ реторикъ, не мудрствуя лукаво, приноситъ пользы болѣе, нежели учитель эстетической или исторической школы. Схоластическая реторика знакомитъ учениковъ по крайней мѣрѣ съ терминами и стариннымъ ученіемъ, которое, безъ сомнѣнія, нужно знать всякому образованному человѣку хоть до тѣхъ поръ, пока, въ шутку ли серьозно ли, будутъ говорить и писать о хріяхъ, источникахъ изобрѣтенія и т. п. Учитель даже принесетъ пользу, если эту старобытную теорію пройдетъ при чтеніи писателя. Но величайшее затрудненіе въ томъ, какъ согласить это отжившее ученіе съ современнымъ состояніемъ знанія? Всякій учитель, сколь ни равнодушный къ преподаванію, вѣрно не разъ посмѣется съ своими учениками надъ старинными пріемами схоластическихъ риторовъ, заимствуя свои аргументы по крайней мѣрѣ хоть изъ какого нибудь ежемѣсячнаго изданія. Неужели учитель употребитъ годъ или даже два на такую реторику, которую потомъ профессоръ университета уничтожитъ, и докажетъ слушателямъ, что они учились пустякамъ? Слѣд., какъ же согласить совѣсть учителя съ преподаваніемъ того, во что онъ не вѣритъ, какъ въ отжившее и давно падшее? Какъ сберечь время на болѣе полезное, удержавъ изъ прежней реторики все нужное?

2) Учители эстетической или философской школы еще опрометчивѣе. Не давъ ученикамъ заучить хорошенько ни хрій, ни общихъ мѣстъ, они уже смѣются надъ этою стариною, какъ профессоръ съ каѳедры. Свой курсъ располагаютъ они по идеямъ истины, добра и изящества; покушаются на раздѣленіе искусствъ и т. д. Нѣкоторые учители

охотники толковать гимназистамъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, Геркулесѣ Фарнезскомъ и даже Венерѣ Медицейской. Конечно, не вина учителей Гимназіи, что они разсуждаютъ о томъ, о чемъ не имѣютъ яснаго понятія: для Эстетики нужны музеи и галлереи. Можетъ ли она быть введена въ русское образованіе—это другой вопросъ; но зачѣмъ же гимназистовъ учить тому, что еще не привилось и къ Университетамъ, по своей трудности? Восторженные же возгласы учителей объ Лаокоонѣ не только нелѣпы и смѣшны, но даже и вредны для дѣтей: ибо пріучаютъ ихъ къ поддѣльному восторгу и фальшивымъ ощущеніямъ. Многіе учители, по справедливости недовольные старинными учебниками, берутъ въ руководство университетскія лекціи о теоріи словесности. Ошибка очевидна: что назначено для Университета, то не годится для Гимназіи; и учители Гимназіи унижаютъ тѣмъ глубокомысленные труды профессоровъ, вколачивая ихъ въ голову гимназистамъ почти вытучкой наизусть. Студенты словеснаго отдѣленія читали уже Гомера, Виргилія, можетъ быть даже Данта и Аріоста: для нихъ, разумѣется, понятна университетская теорія Эпоса. Какъ же гимназистамъ растолковать оную во всемъ объемѣ, начиная отъ греческаго Эпоса до Романа, когда они еще ни одной эпопеи не прочли сполна? Еще не сообразнѣе опредѣлять въ Гимназіи такъ называемое философское краснорѣчіе, ибо учители сами, не учась философіи въ Университетѣ, или учась кое-какъ, не въ силахъ уяснить себѣ этого предмета положительно. Притомъ же въ теоріи словесности очень много несостоятельнаго и ни на чемъ неоснованнаго: часто случается читать и слушать жур-

нальные споры о томъ, поэма ли, или романъ, ода или элегія такое-то произведеніе? Вообще, строгое систематическое опредѣленіе родовъ и видовъ поэзіи въ Гимназіи невозможно. Категоріи эпическаго, лирическаго и драматическаго, извлекаясь изъ общей идеи изящнаго въ искусствѣ, проходятъ по всѣмъ родамъ онаго—и по скульптурѣ, и живописи, и поэзіи. Чтобъ объяснить, напр., эпическое, надобно взять въ соображеніе и фронтоны Егинетскіе, и Ельгинскіе антики, и скульптурные идеалы боговъ греческихъ, и Страшный судъ Микель-Анджело, и проч., и проч. Для опредѣленія изящнаго, надобно показать значеніе идеи, и слѣд. переселиться въ самую отвлеченную и возвышенную часть философіи. Но въ Гимназіи все это неисполнимо, какъ бы слѣдовало: то нечего и упоминать ученикамъ, какъ не слѣдуетъ и кой-какъ о томъ, въ чемъ часто и учитель не отдаетъ себѣ яснаго отчета. Надобно же, однако, знать поступающимъ въ Университетъ роды и виды словесныхъ произведеній: какъ же исполнить неисполнимое? Гдѣ прямой и естественный путь къ этому знанію?

3) Едвали не столько же ошибаются учители исторіи, замѣняющіе философскую систему разсказами о жизни и содержаніи сочиненій различныхъ писателей всѣхъ временъ и народовъ. Удивительно, какъ достаетъ смѣлости и совѣсти у тѣхъ, кто, по чужимъ толкамъ, восхищается, судитъ и осуждаетъ такихъ писателей, коихъ не только никогда не читалъ въ подлинникѣ, но, можетъ быть, никогда и не прочтетъ за незнаніемъ языковъ. А многіе наставники словесности любятъ помечтать съ своими учениками

о Рамайянѣ и Магабгаратѣ, о Нибелунгахъ и романсахъ Сида, не видавъ и въ глаза ни одного изъ сихъ произведеній. Пусть люди образованные, но не филологи по ремеслу, толкуютъ и пишутъ о чемъ хотятъ, хватая знанія изъ седьмыхъ рукъ: учителю слѣдуетъ быть скромнѣе и и добросовѣстнѣе. Одно ужъ то вредно и смѣшно въ классѣ, когда учитель, разсказывая содержаніе какого нибудь произведенія, сочиненнаго на неизвѣстномъ ему языкѣ, перековеркаетъ собственныя имена: что почти неизбѣжно при незнаніи языка подлинника. Еще смѣшнѣе, когда учитель, не читавшій въ оригиналѣ, напр., хоть Шекспира, станетъ съ учениками восхищаться глубокими мыслями его драмъ въ переводѣ: ибо во всей глубинѣ и точности передать отдѣльныя красоты геніальнаго сочиненія не возможно. А случается и то, что учитель съ учениками восхищается ошибками переводчика. Изъ исторіи литературы можно останавливаться на подробностяхъ только при такомъ произведеніи, которое не только учитель изучилъ добросовѣство, но и сами ученики прочли: такое ученіе будетъ имѣть смыслъ и цѣну. Конечно, многіе учители на различныхъ языкахъ изучали нѣкоторыхъ классиковъ: но они не должны разсказывать содержанія оныхъ ученикамъ— вопервыхъ, ужъ потому, чтобы не дать имъ повода къ поверхностнымъ и легкимъ толкамъ о томъ, чего они не знаютъ основательно; вовторыхъ, чтобы или слишкомъ подробнымъ, или некраснорѣчивымъ и неискуснымъ разсказомъ не опошлить произведенія, и не отнять у учениковъ охоты прочесть оное когда нибудь въ подлинникѣ. Если кому хочется насладиться красотами Данта или Сервантеса, пусть

тотъ купитъ свое наслажденіе трудомъ, изучивъ ихъ въ оригиналѣ. Тунеядцы въ наукѣ нетерпимы, и учители сами не должны распложать ихъ. Неумѣстное и преждевременное пользованіе чѣмъ нибудь не есть довольство, а порочная роскошь. Если уже необходито, чтобы учитель Гимназіи познакомилъ учениковъ съ иностранными писателями; то пусть ограничится самою голою номенклатурою собственныхъ именъ и оглавленій сочиненій и сочинителей съ самыми краткими характеристиками, чтобы какъ нибудь запечатлѣть ихъ въ воображеніи и памяти учащихся безъ скуки и принужденія. Касательно же подробнаго изложенія содержанія произведеній, думаю, что, кромѣ отечественныхъ да классическихъ греческихъ и римскихъ, никакіе другіе писатели не имѣютъ права быть подробно объясняемы въ Гимназіи: ибо всякій учитель словесности обязанъ прочесть въ подлинникѣ Гомера, Софокла или Горація. Основательное и добросовѣстное чтеніе Гомера и Виргилія, съ подробнымъ разборомъ, лучше всякой теоріи и исторіи Литературы познакомитъ гимназистовъ съ значеніемъ эпоса. Разборъ греческой трагедіи, прочтенной учениками въ подлинникѣ, будетъ для нихъ лучшею теоріею драмы. Конечно, такое знаніе будетъ не полно; для эпоса, напр., необходимо бы познакомиться съ поэмою Данта: но всякій ли профессоръ обладаетъ достаточными къ тому свѣдѣніями, чтобы рѣшиться на этотъ подвигъ добросовѣстно и сознательно? Для Гимназіи же такое всеобъемлющее произведеніе среднихъ временъ вовсе недоступно, ибо предполагаетъ самое подробное знаніе европейской исторіи XII, XIII и XIV в. Произведенія другихъ писателей, какъ

напр., Боккачіо, Петрарки, Аріоста, Тасса и т. п. не могутъ въ Гимназіи трактоваться въ подробности потому, что учитель вѣрно не захочетъ быть орудіемъ соблазна для своихъ питомцевъ: дѣти еще не умѣютъ господствовать надъ страстями; художественное произведеніе измѣряютъ они не эстетическимъ чувствомъ, а совокупнымъ нравственнымъ дѣйствіемъ на всю душу. Лучшіе эпизоды въ Освобожденномъ Іерусалимѣ—объ Ерминіи, Армидѣ и т. п.—вовсе недоступны имъ въ своей эстетической чистотѣ, отрѣшенные отъ всякаго интереса низкаго желанія.

Итакъ non multa, sed multum, вмалѣ учить многому, а не во многомъ малому. Для гимназистовъ строгая система Эстетики невозможна: довольно, если съумѣютъ они отличить эпосъ отъ драмы, трагедію отъ комедіи, оду отъ элегіи. А для этого очень, очень достаточно будетъ и тѣхъ матеріаловъ, которые заготовятъ гимназистамъ исторія русской литературы и учители древнихъ языковъ подробнымъ изученіемъ классиковъ.

2. Филологи.

Опытъ всего важнѣе въ Педагогикѣ; вотъ исповѣдь одного глубокомысленнаго нѣмецкаго учителя Словесности въ томъ, какъ онъ преподавалъ Піитику и Реторику (*):

«Съ 1829 и 1830 г. Теорія Словесности опять принята была въ число учебныхъ преметовъ въ баварскихъ Гимназіяхъ. До той же поры почти по всей Германіи была она

(*) L. Döderlein. Reden und Aufsätze, 1843, стр. 261.

заподозрѣна: причиною этому схоластическая форма сей науки; особенно ученіе о тропахъ и фигурахъ, и педантское примѣненіе ихъ къ чтенію и письменнымъ упражненіямъ. Отвращеніе отъ сей науки мало по малу дошло до такого предразсудка, что вся реторика казалась наукой устарѣлою, сборищемъ пустыхъ формулъ; саморазвитіе и воспитаніе природнаго чувства къ изящному почиталось полезнѣе всякой теоріи; древнія правила изящнаго и постоянное указаніе на подражаніе древнимъ образцамъ считались ярмомъ дарованію. Но общее сознаніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, нашло необходимымъ опять возстановить падшую науку. Тогда я взялъ на себя преподаваніе этого предмета. И Реторикѣ и Піитикѣ училъ я постоянно по правиламъ древнихъ, и сколько возможно тѣснѣе примыкалъ свой предметъ къ гуманистическому ученію, старательно избѣгая того, чтобы не дать своимъ ученикамъ характера реальныхъ школъ. Мой курсъ располагался на три года, по два часа въ недѣлю, ученикамъ отъ 14-лѣтняго возраста до 21 года. Первый годъ посвящался піитикѣ, второй реторикѣ, третій стилистикѣ. Такъ какъ всѣ три класса соединялись вмѣстѣ, то каждому приходилось начинать курсъ не однимъ и тѣмъ же предметомъ. Піитика начиналась элементарной метрикою, ограничивавшеюся изложеніемъ употребительнѣйшихъ метровъ: предѣломъ полагался метръ трагическаго хора. Съ теоретическимъ ученіемъ соединялось практическое упражненіе въ древней версификаціи. Вмѣсто систематическаго изложенія піитики предлагалъ я исторію поэзіи, такъ что все отвлеченное объ эпосѣ или трагедіи излагалось конкретно въ разборахъ Гомера, Со-

фокла или Шиллера. Отрывочное и афористическое преподаваніе этого предмета самое полезнѣйше для юношескаго возраста. И въ исторіи литературы не требуется полноты. Изъ Александрійскаго періода, напр. (за исключеніемъ Буколическихъ поэтовъ), заучивались немногія имена съ краткими замѣчаніями. Гимназисту нѣтъ безславія, если онъ еще не знаетъ Оппіана или Никандра. О древней нѣмецкой поэзіи, напр. о Нибелунгахъ, равномѣрно и о поэзіи всѣхъ новыхъ народовъ, говорилось столько, сколько нужно было для того, чтобы возбудить въ ученикахъ охоту къ изученію ея въ свободные часы, на досугѣ домашнемъ. Я никакъ не могъ рѣшиться на то, чтобы когда нибудь почесть необходимою задачею школы чтеніе Нибелунговъ, или еще тѣмъ менѣе чтеніе Шиллеровой или Гётевой трагедіи. И тѣмъ сильнѣе удивлялся я апатіи такого юноши, который, для чтенія Шиллерова Вильгельма Телля, дожидался бы побужденія со стороны школы. — Преподаваніе реторики требуетъ иного начала. Гимназія должна образовать своего питомца ораторомъ, т. е. прозаикомъ, а не поэтомъ. Даже ученика, одареннаго рѣшительнымъ поэтическимъ талантомъ, благоразумный учитель старательно удерживаетъ на пріобрѣтеніи твердаго навыка въ хорошей прозѣ, и даже скорѣе препятствуетъ изліянію его поэтическаго духа, нежели возбуждаетъ: природа возьметъ свое. Итакъ задача учителя въ томъ, чтобы учащіеся умѣли прозу *воспроизводить* сами, а поэзію *понимать*, наслаждаться и цѣнить ее. Поэтому въ реторикѣ болѣе, нежели въ піитикѣ, отдѣляю я теорію отъ исторіи. Разбираю важнѣйшихъ, т. е. классическихъ историковъ, философовъ и

ораторовъ, преимущественно древнихъ, и обращаю вниманіе болѣе на ихъ сочиненія, нежели на жизнь, и притомъ не на всѣ ихъ сочиненія, а на тѣ, которыя занимательнѣе и полезнѣе возрасту моихъ учениковъ, и которыя я самъ лучше знаю и болѣе люблю. Ибо сколь заслуживаетъ порицанія учитель, сообщающій въ классѣ свои *личныя мнѣнія*, столько приноситъ пользы тотъ, кѣмъ движетъ *личное чувство*, выступающее изъ-за предмета преподаваемаго; пусть будетъ оно и односторонне—только чтобы не было затѣйливо, вычурно и нелѣпо. Отдѣлъ о философіи начинаю обзоромъ области философіи, т. е. исчисленіемъ главныхъ философскихъ наукъ съ краткимъ объясненіемъ. Исторія философіи проходится столько, сколько нужно для философскихъ намековъ у Цицерона. Изъ новыхъ философовъ привожу только такихъ, кои, кромѣ своей системы, имѣютъ и литературное достоинство. Потомъ излагаю первоначальные элементы логики, ограничиваясь тремя частями чистой логики, дающими матеріалъ для умственныхъ и практическихъ упражненій. І. Г. Фоссъ возложилъ на мою совѣсть обязанность, чтобы я училъ своихъ учениковъ составлять правильные силлогизмы. Отъ обзора знаменитыхъ ораторовъ перехожу къ остальнымъ частямъ теоріи, объясняя описанія, посланія и т. п. Изобрѣтеніе прохожу весьма кратко. Расположеніе же давало поводъ къ полезнымъ практическимъ занятіямъ. Не забывалъ я и старомодной хріи. Особенно полезно было для учениковъ извлекать расположеніе изъ разобранныхъ рѣчей.—Стилистика занимаетъ цѣлый годъ. Начинаю грамматикой, съ законовъ общаго языковѣдѣнія, не углубля-

ясь слишкомъ въ философію языка. Вмѣстѣ съ Гриммомъ, я признаю себя рѣшительнымъ противникомъ систематической грамматики отечественнаго языка, какъ необходимаго предмета въ школахъ. Сравнительный синтаксисъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало распространенъ въ Гимназіяхъ. Ученіе о грамматической, логической и реторической правильности слога состоитъ въ моемъ преподаваніи болѣе изъ примѣровъ, чѣмъ изъ правилъ. Тропы и фигуры—разумѣется несравненно въ меньшемъ числѣ, нежели у древнихъ—предлагаютъ самый удобный случай къ упражненію учениковъ въ строгомъ разграниченіи и опредѣленіи понятій. Отличіемъ трехъ родовъ слога въ противоположность безъискуственной рѣчи, оканчивается курсъ.»

Читатели замѣтили, вѣроятно, въ Дёдерлейнѣ истаго гуманиста, но умѣреннаго и скромнаго. Всякое положеніе его проникнуто здравымъ смысломъ и скрѣплено опытомъ. Ни одинъ урокъ при такой методѣ не пропадаетъ для учениковъ даромъ. Только замѣчу, что эта теорія піитики и реторики, неизмѣнно служа древнимъ классикамъ, слишкомъ чуждается исторіи отечественной Литературы. Притомъ, хотя Дёдерлейнъ прекрасно отдѣляетъ піитику отъ реторики въ педагогическомъ отношеніи, однако не проводитъ постояннаго соотвѣтствія между теоріею и практическими упражненіями, безъ коихъ реторика и стилистика и безсмысленны, и мертвы.

3. Лингвисты и Философы.

Успѣхи Филологіи и Лингвистики, подвинувъ впередъ грамматику, предлагаютъ множество новыхъ матеріаловъ

для стилистики, которая, какъ руководство къ практикѣ и какъ наука, должна органически примкнуться къ грамматикѣ: у Дёдерлейна отъ грамматики къ стилистикѣ скачекъ. Разумѣется, такая наука еще въ будущемъ. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, какъ мечтаютъ о ней въ наше время.

Вотъ планъ ученой реторики, составленный Кригеромъ, Ректоромъ Гимназіи въ Эденѣ (*).

«Введеніе объясняетъ отношеніе реторики къ предыдущему и послѣдующему. Показывается, какъ идея и языкъ вовсе не составляютъ того нераздѣльнаго единства, какое представляютъ они съ перваго взгляда. Возможность лжи и разнообразіе въ выраженіи одной и той же мысли различными народами и людьми возбуждаютъ подозрѣніе въ томъ, чтобы сіе единство было первобытное. Такимъ образомъ положится различіе между мыслію и словомъ. Безсловная мысль можетъ и предшествовать слову, и послѣдовать за нимъ. Даже у великихъ писателей (Гегеля, Гёте, Шекспира) остается позади слова безконечное множество мыслей, коихъ они или не хотѣли, или не могли выразить, слѣд. произволъ есть начало словесному творчеству. Здѣсь исходная точка къ первой части, разсуждающей объ идеѣ языка; дальнѣйшее развитіе этой части составляетъ содержаніе второй, объ особенныхъ формахъ языка; за тѣмъ слѣдуетъ третья часть объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ слова, рѣчи и словесныхъ произведеній. Первая часть объ идеѣ языка, въ трехъ отдѣлахъ, разсматриваетъ объективное, чувственное выраженіе языка; субъективное, т. е.

(*) Pädagogische Revue, herausg. von Dr. Mager. 1843. № I, стр. 29.

мысль и ея отношеніе къ слову, и наконецъ единство то о и другаго въ рѣчи. Въ первомъ отдѣлѣ разсматривается звукъ самъ по себѣ, и изъ сравненія звуковъ звѣря и начинающагося языка дѣтей опредѣляется символика языка (вопросъ о началѣ языка: природа или изобрѣтеніе? Платоновъ Кратилосъ. Гумбольдта введеніе въ грамматику языка Кави. Гегель.) Для опредѣленія объективной характеристики звука въ гласныхъ, согласныхъ и въ образованіи словъ. при сравнительной этимологіи, показать противуположныя крайности — междометія и логическое измѣненіе словъ въ склоненіи и спряженіи. Второй отдѣлъ, о мысли, имѣетъ предметомъ общія мѣста. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на три: вопервыхъ, loci ideales: утвержденіе, отрицаніе, отношеніе, соотвѣтствующія тремъ логическимъ категоріямъ—быть, не быть и стать (*); вовторыхъ, loci reales: сочиненіе (coordinatio), подчиненіе, переходъ; вътретьихъ, loci grammatici или syntactici: подлежащее, сказуемое, предложеніе; послѣднее чрезъ сложное предложеніе развивается до періода. Въ общихъ мѣстахъ, имѣющихъ цѣлью найти содержаніе опредѣленной формѣ рѣчи, обозначается противуположность между содержаніемъ и выраженіемъ; сюда идутъ въ расчетъ ложь, двусмысліе, невыразимое. Потребность сообщать мысль будетъ переходомъ къ третьему отдѣлу, о связи звука съ идеею. Сообщеніе мысли постепенно восходитъ отъ тѣлодвиженій до звуковъ, какъ выраже-

(*) Такъ какъ существительнымъ нельзя перевести Гегелево Werden, то и остальные два момента перевожу неокончательнымъ наклоненіемъ, соотвѣтствующимъ, какъ извѣстно, имени существительному.

нія болѣе родственнаго мысли. Переходя отъ втораго къ третьему отдѣлу, можно указать на пресловутое изреченіе: le stile c'est l' homme; или здѣсь вовсе не взята въ расчетъ ложь, и потому мысль остается ограниченная, полувѣрная; или говорится вообще о томъ, что внутреннее выражается внѣшнимъ: тогда положеніе это ничтожно, излишне: ибо точно также можно сказать le rire, l'ècriture, la danse, le travail, la joie, etc. c'est l'homme—потому что въ каждомъ изъ сихъ дѣйствій отсвѣчивается все внутреннее бытіе человѣка; въ этомъ отношеніи и слово будетъ выраженіемъ отдѣльной части общаго, хотя и самое высшее выраженіе. Переходъ отъ первой части ко второй образуетъ общая всѣмъ людямъ потребность къ взаимному выраженію въ формахъ вопроса, отвѣта, доказательства, въ формахъ, кои опредѣляются въ общей части Топики.—Вторая часть объ особыхъ формахъ языка граничитъ съ личнымъ слогомъ, свободнымъ выраженіемъ индивидуума. Дѣлится на три отдѣла. Первый отдѣлъ объ общечеловѣческомъ, что принадлежитъ всѣмъ языкамъ, согласно развиваясь исторически и логически. Измѣненія (флексія) словъ, какъ первобытныя и общія всѣмъ языкамъ, части рѣчи. Общимъ сравнительнымъ синтаксисомъ будетъ переходъ ко второму отдѣлу, объ идіомахъ различныхъ народовъ. Идіомъ есть граница свободѣ языка, ограниченіе общечеловѣческаго въ отдѣльныхъ языкахъ. Задача этого отдѣла показать особыя явленія языковъ въ главныхъ типахъ—восточномъ, еллинскомъ и германскомъ. Оріентализмъ болѣе указываетъ словомъ, нежели высказываетъ (символика, благоговѣйная вѣра въ слово, какъ въ нѣчто таинственное); еллинизмъ наибли-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

жайше совокупляетъ идею и слово; германизмъ, въ противоположность оріентализму, сознаніемъ возвышается надъ словомъ: отчего пропадаетъ внѣшнее, чувственное разнообразіе первоначальныхъ флексій. Третій отдѣлъ—объ индивидуальномъ слогѣ, въ коемъ соединяется, для единой цѣли, общечеловѣческое съ особенностью того или другаго языка. Вопервыхъ, простой слогъ (по Квинтиліану genus tenue; непосредственное единство содержанія и формы); вовторыхъ, противоположность между принужденіемъ и свободою—съ одной стороны фразеологія, пословицы, поговорки и проч.,—а съ другой стороны—произволъ, оригинальность писателя; вътретьихъ, образцовый классическій слогъ. Примѣры последнему слогу выбирать съ осторожностью, и притомъ болѣе изъ греческихъ авторовъ, чѣмъ изъ латинскихъ и нѣмецкихъ, между коими, кромѣ Цицерона, Лютера и Гёте, весьма немногіе обладаютъ слогомъ вполнѣ классическимъ.— Третья часть—система отдѣльныхъ словесныхъ произведеній. Первый отдѣлъ указываетъ на три степени рѣчи: первая, природная или народная (avant la lettre! опущеніе этой рѣчи до сихъ поръ составляетъ чувствительный недостатокъ въ всѣхъ реторикахъ); вторая, умствующая и разсуждающая (verständig reflectirte): она освобождаетъ себя письменами отъ первобытнаго единства, третья, свободноразумная (vernünftige Sprache) сознательно возстановляетъ это первоначальное единство. Второй отдѣлъ раздѣляетъ содержаніе на объективное, субъективное и обсолютное. Каждое изъ этихъ содержаній находится въ каждой изъ трехъ степеней рѣчи (перваго отдѣла): первая, природная степень бываетъ разсказомъ, наблюденіемъ и разговоромъ; вторая—

Bayerische Staatsbibliothek München

исторія, разсужденіе, рѣчь; третья—эпосъ, лирика, драма. Въ системѣ, поэзія стоитъ выше прозы, потому что искусственно-изящный языкъ есть совершеннѣйшій. Послѣдній отдѣлъ развиваетъ понятіе о слогѣ въ тѣсномъ смыслѣ (elocutio) на основаніи грамматической Топики, по качеству, количеству и отношенію. Вопервыхъ, качество слова опредѣляется понятіемъ о χυριολεξία (proprietas съ подраздѣленіемъ объ архаизмѣ, неологизмѣ, пуризмѣ), объ ἀλλολεξία (γλῶτται, синонимы, гомонимы и проч.), о тропѣ. Кстати опровергнуть здѣсь странный предразсудокъ, будто нѣкоторые языки (то греческій, то англійскій, то французскій) такъ отличаютъ рѣчь прозаическую отъ народной и стихотворной, что одно слово принадлежитъ одной рѣчи, другое другой. Вовторыхъ, количество слова отличаетъ рѣчь совершенную отъ эллипсиса и плеоназма. Подъ плеоназмомъ разумѣются повторенія, перемѣны слова при неизмѣнности смысла, грамматическій преизбытокъ. Особенно неопредѣленно понимается первый видъ плеоназма, повтореніе: что можетъ повторяться, какъ (грамматически, логически, реторически), когда, и въ какой мѣрѣ, и въ какихъ границахъ. Та же неопредѣленность и въ понятіи объ эллипсисѣ въ формѣ патетической рѣчи (въ противоположность рѣчи этической, непосредственной, безстрастной). Наконецъ качество и количество соединяются въ отношеніи слова по ладу (nach Ton) и постановкѣ. Этотъ отдѣлъ подраздѣляется на статьи: о простомъ (логическомъ или грамматическомъ) ладѣ, объ эмфазисѣ, или эмфатическомъ ладѣ (по Беккеру, реторическомъ), о ривмѣ (rhythmus), какъ соединеніи логическаго и эмфатическаго лада. Наука объ элементаромъ или

прозаическомъ риѳмѣ являетъ еще обширное поле для обработки.»

Въ этомъ планѣ реторики надобно отличать двѣ стихіи: философскую, по Гегелю, и лингвистическую, какъ результатъ трудовъ Гримма, Гумбольдта, Беккера и друг. Вся система лежитъ на Логикѣ Гегеля, и потому безъ внутренней самобытной основы распадается противорѣчіями, и не имѣетъ самостоятельной цѣны; стремленіе же сплотить филологическое ученіе, общую грамматику, стилистику воедино, заслуживаетъ вниманія учителей. Дѣйствительно, только со стороны грамматики, теоріи и исторіи языка, и можно ожидать воскресенія падшей реторики. Только филологія и лингвистика дадутъ непреложныя начала теоріи словесности и защитятъ ее отъ пошлой болтовни беллетристовъ. Планъ Кригера не противорѣчитъ курсу Дёдерлейна, будучи пополненіемъ и объясненіемъ стилистики. Извѣстныя мнѣ нѣмецкія реторики, всѣ примыкаютъ или къ философской школѣ, или филологической, или беллетрической. Реторика Гоффманна (*) есть самое отвлеченное гегеліанское толкованіе объ изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи. Реторика Ринке (**) сначала предлагаетъ ученіе о словѣ (лексиконъ, синонимы, архаизмы и проч.), потомъ о предложеніи и періодѣ, преимущественно по Беккеру; наконецъ о слогѣ и цѣломъ сочиненіи; причемъ подробно изслѣдуется гейристика (изобрѣтеніе), тематика, экономика

(*) Philosophie der Rede, 1841.

(**) Die Lehre vom deutschen Stil. 1837 и слѣд.

или расположеніе и проч., съ весьма забавными правилами, какъ, напр., выставлять заглавія сочиненіямъ, какъ читанное записывать въ памятныя книжки, какъ соображать сочиненіе, уединившись въ кабинетѣ или въ прогулѣ на вольномъ воздухѣ и т. п. Даровитѣе ихъ обоихъ Теодоръ Мундтъ (*), трактуетъ науку, какъ беллетристъ, что даже видно изъ самаго заглавнаго листа: ästhetisch, literargeschichtlich, gesellschaftlich. Впрочемъ сила лингвистики столь могущественна, что и Мундтъ иногда находится подъ наитіемъ ученія Гримма, Гумбольдта и другихъ. Только отчаянныя философствующія головы еще осмѣливаются, подобно Гоффманну, отрѣшить реторику отъ грамматики. Кригеръ въ своемъ планѣ совокупилъ направленіе философское съ лингвистическимъ. Можно опровергнуть порядокъ содержанія его реторики, односторонній способъ воззрѣнія, подъ наитіемъ Гегеля: но самые факты, вносимые имъ въ реторику, должны быть дѣйствительно удержаны. Такъ напр., дѣленіе рѣчи на народную, безсознательную и разумную, натяжкой примѣненное Кригеромъ къ краснорѣчію и поэзіи, и подведенное подъ Гегелевы рубрики непосредственнаго, умнаго и разумнаго, можетъ занять важное мѣсто въ стилистикѣ, но только съ другой точки зрѣнія—т. е. какъ рѣчь народная въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ; рѣчь письменная, неустроенная и безсознательная въ древнихъ памятникахъ; и наконецъ рѣчь разумная, сознательно по наукѣ обработанная отъ временъ Ломоносова.

(*) Die Kunst der deutschen Prosa, первое изданіе 1837, второе дополненное 1843.

4. Практика.

Сверхъ того, реторики, подобныя Кригеровой, Мундтовой, Ринне, Гоффманновой, недостаточны потому, что ограничиваются одной теоріей безъ постояннаго примѣненія къ практикѣ. Въ этомъ отношеніи стилистики, напр. латинская Ганда (*), имѣютъ большее преимущество, непрестанно служа руководствомъ письменному упражненію учениковъ. Нѣмецкая стилистика Герлинга (**) за исключеніемъ синтаксическихъ правилъ, малымъ отличается отъ старинныхъ реторикъ; однако, какъ сборникъ реторическихъ мнѣній, можетъ съ пользою быть подъ рукою учителя. Реторика же, какъ руководство къ практикѣ, до сихъ поръ составляетъ педагогическую задачу. Нельзя вполнѣ согласиться съ планомъ реторики Герлинга, ибо примѣнительная часть оной отдѣлена отъ теоретической: надобно, чтобы она органически входила въ нее. Теорія словесности въ Гимназіи только тогда возможна и необходима, когда служитъ непрестаннымъ руководствомъ практикѣ.

Потому-то и почитаю методу Гикке (***) самою лучшею, ибо она исходитъ отъ практики и тотчасъ ведетъ къ ней же. Чтеніе писателя, по Гикке, есть исходная точка ученію словесности: теорія и исторія не только примыкаютъ къ нему, но и извлекаются, какъ изъ своего источника: ибо наука словесности предполагаетъ знаніе писателей. Слѣд.

(*) Hand, Lehrbuch des lat. Stils, 1839, изданіе 2-е.

(**) Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik, 2 части, 1837.

(***) Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

самой природой указывается путь преподаванію; какъ у всѣхъ народовъ теорія словесности составлялась въ слѣдствіе изученія образцовъ, такъ и каждый ученикъ долженъ вступить въ теорію черезъ самостоятельное чтеніе. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связываетъ ученика и лишаетъ его свободнаго сознанія, получая видъ предразсудка. Опредѣленіе поэзіи, драмы, лирики, которое учитель даетъ ученику, прежде нежели прочтетъ съ нимъ какую нибудь драму или оду, сковываетъ его фантазію и мутитъ чувство изящнаго. Слѣд. теоретическое ученіе должно быть результатомъ чтенія. Тотъ же самый классическій писатель служитъ и матеріаломъ для письменныхъ упражненій учениковъ: по мѣрѣ чтенія готовится запасъ для теоріи и даетъ вещество для собственныхъ сочиненій. Въ продолженіе долгаго времени ученики набираютъ отрывочныя свѣдѣнія, неимѣющія между собой систематической связи. Дѣло учителя давать этимъ свѣдѣніямъ вѣрное опредѣленіе и показывать ихъ отношеніе къ другимъ соотвѣтственнымъ: поле науки такимъ образомъ мало по малу наполняется; свѣдѣнія наростаютъ и смыкаются одно съ другимъ, подводясь подъ общую мысль, и наконецъ знанія ученика умножаются до того, что могутъ быть приведены въ систему науки. Изъ реторики ученики должны извлечь не только знанія, но и умѣнье. Теорія должна быть оправданіемъ практики, уразумѣньемъ умѣнья. А такъ какъ въ поэзіи ученики должны болѣе ограничиться разумѣніемъ, потому краснорѣчіе въ Гимназіи должно брать верхъ надъ Піитикою; сверхъ того, такъ какъ внѣшнее выраженіе, слогъ, по преимуществу требуетъ упражненія

практическаго: потому въ реторикѣ преимущественно слѣдуетъ обращать вниманіе учащихся на стилистику. Мы не можемъ заставить гимназиста писать философскія сочиненія, исторію, проповѣдь: но должны упражнять его въ слогѣ историческомъ, ораторскомъ, и т. д. Слѣд. главнѣйшею частью реторики въ Гимназіи должна быть та, которая всего ближе примѣняется къ письменнымъ упражненіямъ учениковъ. Только такимъ образомъ мы ограничимъ и опредѣлимъ, что и сколько должно проходить гимназистамъ изъ теоріи и исторіи словесности, и рѣшительно отдѣлимъ преподаваніе гимназическое отъ университетскаго. Теорія словесности съ одной стороны совпадаетъ такимъ образомъ съ руководствомъ къ практическимъ занятіямъ; а съ другой стороны удерживаетъ характеръ филологическій и лингвистическій, примыкаясь къ грамматикѣ.

5. Педагоги-Систематики.

Не знаю, можно ли и скоро ли можно у насъ такую методу соединить съ систематическимъ преподаваніемъ самой науки: по крайней мѣрѣ, для соображенія, предлагаю Магеровъ планъ систематическаго обозрѣнія курса словесности, въ связи съ методою преподаванія (*).

А. Теоретическое образованіе.

АА. Положительная часть (philomathische Bildung).

I. Обученіе языку и Литтературѣ.

1. Языкъ:

а) Грамматика.

(*) Die modernen Humanitätstudien, 1843, тетрадь 2-я, 30—31.

б) Ономатика.

в) Техника: умѣнье.

2) Литература:

α) содержаніе ея посредствомъ чтенія,

β) знаніе литературы:

а) Исторія литературы.

б) Теорія литературы (пiитика и прозаика).

в) Критика.

II. Историческое обученіе: знакомить ученика съ народомъ, частію изъ самаго языка, частію изъ чтенія.

III. Реальное обученіе: избранное чтеніе даетъ обширный запасъ свѣдѣній для наукъ физическихъ и нравственныхъ.

ББ. Философское образованіе: изученіемъ языка мышленіе пріобрѣтаетъ силу и ловкость.

ВВ. Филологическое образованіе: чтеніе образцовъ съ примѣненіемъ къ изустнымъ и письменнымъ упражненьямъ въ слогѣ.

Б. Практическое образованіе: чтеніе должно избираться такое, которое образовало бы въ учащемся благородный образъ мыслей, волю и нравъ.

Въ этомъ планѣ со многимъ можно не согласиться, но попытка разумно совокупить систему науки съ методою преподаванія заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ объясненію этого плана не мѣшаетъ показать, какъ разумѣетъ

Магеръ положительную часть въ словесности (*). «Піитику, какъ положительную науку (не какъ философскую, или часть философіи искусства) раздѣлилъ бы я на три части, изъ коихъ первая, *абстрактная*. содержала бы въ себѣ ученіе о свойствахъ поэзіи, ея родахъ, и о поэтѣ. Нынѣшніе учебники (за исключеніемъ Аристотелева отрывка) содержатъ только одно это. Вторая часть, которую я назвалъ бы *историческою*, и которую можно назвать также и діалектической, показала бы, какъ основныя начала, изложенныя въ первой части, въ теченіе столѣтій у различныхъ народовъ различно проявлялись; въ этой второй части должны занять мѣсто: 1, исторія, 2. характеристика и 3. критика лучшихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ; здѣсь покажется движеніе и развитіе поэтическаго идеала. Третья часть, которую назвалъ бы я *постулятивною*, должна основываться на двухъ предыдущихъ; результатъ ихъ обѣихъ, піитика *современная* и притомъ *нѣмецкая* въ Германіи, *французская* во Франціи и т. д.; техника и руководство для поэтическихъ дарованій, желающихъ образоваться.» Такая наука вовсе не годится для Гимназіи. Даже едва ли она годна и въ другомъ мѣстѣ, ибо науки для образованія поэта и нѣтъ, и быть не можетъ: poëtae nascuntur. Что же касается до піитики и прозаики нѣмецкой, французской или русской, то дѣйствительно такія быть могутъ: ибо у одного народа преимуществуетъ тотъ или другой родъ словесныхъ произведеній, у другаго другой; напр. въ Италіи есть поэма и нѣтъ трагедіи, въ Испаніи романъ и драма, во Франціи особый родъ пѣсни, и т. д.

(*) Pädagog. Revue, 1842, часть 4-я, стр. 301—302.

ЧТЕНІЕ.

Итакъ лучшее и вѣрнѣйшее, что можемъ извлечь изъ различныхъ педагогическихъ мнѣній о преподаваніи словесности въ Гимназіяхъ, есть то, что надобно читать писателей. Чтеніе есть основа теоретическому знанію и практическому умѣнію и практическимъ упражненіямъ.

Нѣкоторые педагоги даютъ своимъ ученикамъ слишкомъ многое и разнообразное чтеніе. Другіе чтеніе отечественныхъ писателей слишкомъ ограничиваютъ, почитая оное дѣломъ постороннимъ для школы. Къ первымъ принадлежатъ и Гикке съ Магеромъ. Хотя я не держусь ни того, ни другаго мнѣнія, однако болѣе согласенъ съ послѣднимъ, не потому, чтобы почиталъ его справедливымъ безотносительно, но потому, что нахожу его полезнымъ примѣнительно къ русской словесности. Разумѣется, можно читать многое и разнообразное съ учениками англійскихъ, итальянскихъ или французскихъ школъ: у нихъ богата литература. На русскомъ же языкѣ такъ немного геніальнаго и классическаго, что учителю, читающему съ своими учениками многое и разнообразное по русски, будетъ стыдно передъ учителями древнихъ и новыхъ языковъ. Въ классѣ греческой и римской словесности гимназисты читаютъ Геродота, Виргилія, Цицерона, и сей-часъ за тѣмъ въ классѣ русской словесности разбираютъ и учатъ наизусть стишки какого нибудь дюжиннаго русскаго стихотворца, или отрывочекъ изъ легонькой и ничтожной повѣ-

сти. Что за безалаберный хаосъ будетъ въ головѣ учениковъ, когда перетасуются въ ней эти доморощенные образцы съ чтеніемъ классиковъ! Если же учитель русской словесности, читая съ гимназистами всякую пустошь, объясняетъ имъ, что вся она ничтожна въ сравненіи съ тѣми писателями, какихъ изучаютъ они у греческаго и латинскаго учителя: то зачѣмъ и убивать дорогое школьное время на пустяки? Двѣ причины могутъ быть для чтенія посредственныхъ, дюжинныхъ писателей: или изученіе языка во всемъ его разнообразіи, или знакомство съ внутреннимъ содержаніемъ произведеній. Но слогъ посредственныхъ писателей не выступаетъ изъ колеи подражанія образцу: такъ всѣ наши новые поэты пишутъ стихомъ Пушкина; но содержаніе дюжинныхъ произведеній вовсе ненаставительно, и безцвѣтно и вяло. Разумѣется, все это говорится въ отношеніи къ школѣ, слѣд. этимъ не порицается наша современная литература сама по себѣ: она предлагаетъ очень много занятнаго для человѣка досужаго: но досугъ не указъ школѣ. Пристрастіе и личность навсегда должны быть изгнаны изъ школьнаго чтенія. Потому-то нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ знакомить дѣтей въ Гимназіи съ новѣйшими современными произведеніями, мѣсто которымъ еще не обозначено въ исторіи русской литературы. Что предлагаетъ русская современность для гимназическаго чтенія? Журнальныя новости и стишки. Но журналы наши ведутъ постоянную войну, слѣд. учителю придется или причалить свои убѣжденія къ которому нибудь одному журналу, и сквозь его критики смотрѣть на все остальное; или изъ каждаго журнала брать понемножку

въ угоду всему пишущему міру. Первое выказываетъ человѣка слабаго, несамостоятельнаго; второе—лукаваго или равнодушнаго: а равнодушіе есть самая плохая посредственность. Не бѣда, что ошибается журналъ, ибо его вліяніе на публику временное, минутное: какъ пишутся его статьи наскоро (въ чемъ никто не усумнится, ибо журналисту изъ мѣсяца въ мѣсяцъ надобно заготовить статью), такъ и читаются, для пріятнаго препровожденія времени Дѣтей мы учимъ на цѣлую жизнь ихъ, слѣдов. не можемъ давать имъ заучивать то, что издается на время, на одинъ мѣсяцъ. Если же что попадетъ въ журналъ живучее, то не умретъ съ слѣдующимъ нумеромъ, а какъ-разъ вѣрно всплыветъ наверхъ: тогда воспользуются и Гимназіи. Столь же опасно полагаться и на сочиненія современныхъ знаменитостей, ибо извѣстно, что наша словесность раздѣляется теперь на множество партій, изъ коихъ каждая рекомендуетъ свою собственную знаменитость, съ различными ее окружающими спутниками. Если примирить всѣхъ, придется и читать всѣхъ. Тогда не останется времени и на дѣло. Если же ограничиться мнѣніями одной партіи, будешь пристрастенъ и одностороненъ. Опытъ уже показалъ, какъ современные классики обманчивы: кто посредственнымъ и даже слабымъ не назоветъ половины такъ названныхъ нѣкогда образцовыхъ сочиненій? Многіе учители не ввѣряются новымъ знаменитостямъ, по справедливости будучи напуганы словами Пушкина (*): «Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и пуб-

(*) Сочиненія Пушкина, XI, 236.

лики: — напротивъ. Едва замѣтили въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшатъ привѣтствовать его титломъ генія, за сладкіе стишки; нѣжно благодарятъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества. Невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гете и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное!» Всякій вѣкъ ошибался: почему же мы правѣе предшественниковъ въ своемъ личномъ вкусѣ? Не будутъ ли и надъ нами смѣяться наши ученики, если мы будемъ хвалить имъ то, что нравится намъ теперь именно потому, можетъ быть, что мы еще не столь образованы, какъ должны быть наши ученики и все слѣдующее за нами поколѣніе! Но скажутъ: надобно слѣдить за вѣкомъ, не отставать отъ современности. Но вѣдь современность выражается не въ стишкахъ да легкой прозѣ. Понятно всякому, какъ полезно и необходимо слѣдить за своимъ вѣкомъ въ глубокихъ филологическихъ соображеніяхъ Гримма и Гумбольдта, въ историческихъ изслѣдованіяхъ Тьери и Раумера: но эта ли современность выражается въ нашей беллетристикѣ? Поэзіи нѣтъ дѣла до наукъ — скажутъ: надобно слѣдить за современнымъ развитіемъ поэзіи — продолжаю словами Пушкина (*): «ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе не справедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ себѣ идти впередъ, и науки, философія и гражданственность, могутъ усовершенствоваться и измѣняться —

(*) Сочиненія Пушкина, XI, 234.

но поэзія остается на одномъ мѣстѣ—цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ »

Да и некогда гимназистамъ слѣдить за современною литературою: имъ еще надобно познакомиться съ писателями прежними. Если они не прочтутъ Ломоносова или Державина въ школѣ, то вѣроятно и никогда въ жизнь свою не прочтутъ ихъ. А современное всегда будутъ читать отъ нечего-дѣлать, какъ выростутъ. Потому, преимущественное вниманіе учениковъ должно быть обращено на сочиненія старинныя. Слѣд. чтеніе должно быть запасомъ Исторіи Литературы. Не надобно слишкомъ заботиться объ образцахъ для родовъ и видовъ поэзіи, и съ этой цѣлію выбирать чтеніе изъ русскихъ писателей, даже классическихъ, каковы Жуковскій, Пушкинъ. Значеніе поэмы или трагедіи лучше всего извлекутъ ученики изъ чтенія Гомера и Софокла въ классѣ греческомъ; оду узнаютъ отъ латинскаго учителя на чтеніи Горація и т. д. Вся задача гимназической теоріи словесности состоитъ въ томъ, чтобы ученики умѣли отличить въ словесныхъ произведеніяхъ одинъ родъ отъ другаго: философскаго же, эстетическаго опредѣленія передать не возможно, слѣд. и теорія драмы или поэмы въ Гимназіи преподаваться не можетъ. Потому, мнѣ кажется, нѣкоторые педагоги слишкомъ много хлопочутъ надъ эстетическимъ разборомъ. Вотъ какъ, напр., Гикке читаетъ писателей съ учениками. Въ низшихъ и среднихъ классахъ, небольшіе поэтическіе разсказы: 1. Чтеніе. 2. Объясненіе подробностей при вторичномъ чте-

ніи 3. Содержаніе и ходъ: что разсказывается? 4. Размѣръ, риѳма, строфы и проч. 5. Главныя части, отдѣлы, акты. 6. Какъ разсказано? Способъ представленія, выраженіе, характеры. 7. Значеніе цѣлаго, извлеченіе главной мысли или основной темы. 8. (Для среднихъ классовъ) сравненіе нѣсколькихъ стихотвореній одного рода. Въ высшихъ классахъ, эпическія и лирическія произведенія: a. Идеальный составъ (der ideelle Gehalt). b. Поэтическая форма: 1. пластическій моментъ; 2. музыкальный моментъ; 3. основной ладъ произведенія (der Grandton); 4. архитектоническій моментъ. Примѣры для сравненій: 1. Сравненіе балладъ и романсовъ Уланда по содержанію и обработкѣ. 2. Сравненіе Шиллеровыхъ балладъ по идеальному составу, по характерамъ, теченію піэсы и по расположенію. 3. Сравненіе стихотвореній различныхъ писателей по сходству основныхъ темъ. 4. Сравненіе балладъ и романсовъ Бюргера, Гете, Шиллера и Уланда—не по ихъ достоинству (чтобы не критиковать), но по матеріи и обработкѣ. 5. Отношеніе этихъ балладъ къ первобытной формѣ грубаго разсказа (т. е. сличеніе старинныхъ и народныхъ разсказовъ съ художественными передѣлками оныхъ).

Для чего столько хлопотъ? Образовать поэта, критика? Но такой задачи никогда не задавала и не задастъ себѣ Гимназія. Будущему поэту надоѣстъ до крайности кропотливое толкованіе о томъ, что и безъ объясненій ему, какъ поэту, ясно. Для критика же чрезвычайно узко ограниченное поприще отечественной литературы. Притомъ будущіе поэты и критики составляютъ исключеніе въ общей массѣ учащихся: для чего же мы будемъ готовить въ ли-

тераторы нѣсколько поколѣній, которые всѣ поступятъ въ званіе чиновниковъ, въ военную службу, или останутся мирными гражданами, безъ всякихъ литературныхъ претензій? Критика дѣло не легкое, и вѣрно учители сами откажутся отъ трудной обязанности воспитать журналиста. Зачѣмъ забираться далеко? Довольно и того, чтобы разобрать съ учениками смыслъ писателя, складъ рѣчи, указать на основную мысль произведенія, а главное прослѣдить логическую связь онаго и внѣшнее выраженіе, преимущественно съ грамматической точки зрѣнія. Сентиментальные возгласы пошлы, а разсужденіе о красотѣ только искажаетъ ее, замѣняя живой образъ отвлеченнымъ предразсудкомъ какой нибудь философской системы. При нынѣшнемъ высокомъ значеніи Филологіи нечего бояться грамматики. Не одна правильность языка подлежитъ ея вѣденію, но и красота его. Ибо, какъ прекрасное лицо предполагаетъ здоровье и цвѣтущую силу, такъ и изящество предполагаетъ правильность. И какъ изящный профиль греческій мы называемъ правильнымъ, такъ и по истинѣ-изящное выраженіе изящно потому, что правильно. Оттого простую, безъискусственную рѣчь древнихъ произведеній ставимъ обыкновенно въ образецъ красоты; оттого мѣткое и точное выраженіе, схваченное изъ устъ народа, возбуждаетъ въ насъ чувство эстетическое, не смотря на то, что это выраженіе только правильно, ибо безъ всякой прикрасы передаетъ мысль, такъ какъ она есть. Законное отправленіе органической жизни вмѣстѣ и необходимо, и пріятно: сонъ и утоленіе голода или жажды подкрѣпляютъ силы человѣка и вмѣстѣ доставляютъ ему удовольствіе. Такъ

и рѣчь, какъ органическое отправленіе, вмѣстѣ сообщаетъ мысль и нравится намъ, если живо и здраво схватываетъ то, что хотимъ выразить. Благозвучіе, одно изъ главныхъ достоинствъ красоты словесной, основывается на сочетаніи звуковъ гласныхъ и согласныхъ, слѣд. на грамматикѣ; быстрота и живость—на краткихъ предложеніяхъ, эллипсисѣ, на употребленіи видовъ глагола и т. п.; живописность дѣйствія на отличіи свойствъ, выражаемыхъ прилагательными и причастіями, отъ выражаемыхъ глаголами и т. д. Тропы, составлявшіе въ Реторикахъ главу объ украшеніи, ведутъ свое начало отъ Словаря; ибо перенесеніе названій отъ одного понятія къ другому есть необходимый путь изслѣдованію лексикологическому. Все, что относится въ словесномъ произведеніи къ внѣшнему выраженію, подлежитъ грамматикѣ. Что же касается до внутренняго содержанія, до истины, нравственности, изящества: то идетъ въ особыя науки—каковы Философія, Юриспруденція, Исторія, Эстетика и проч. Потому, чтобы не разбѣгаться во всѣ стороны и не толковать обо всемъ—слѣд. о многомъ кое-какъ, лучше всего учитель долженъ строго опредѣлить себѣ ту точку зрѣнія, съ которой онъ можетъ смотрѣть на писателя, не выходя изъ области своего предмета: а его область грамматика, въ обширномъ смыслѣ принимаемая. Въ ней, въ періодахъ, въ предложеніяхъ и т п., учитель найдетъ и свою эстетику, и философію, и нравственность, и исторію. «Въ предложеніи есть свои тѣлодвиженія, звуки, краски; оно можетъ соединить въ себѣ дѣйствія почти всѣхъ искусствъ, и преимущественно живописи, устраняя, впрочемъ, всѣ намѣренные

эффекты оныхъ. Простая постановка подлежащаго съ сказуемымъ являетъ глазамъ нашимъ совершенно живую фигуру, глаголъ приводитъ въ движеніе ея поступь и одушевляетъ дѣйствіемъ; придаточное предложеніе, опредѣленія и дополненія живописно группируютъ ее; полнота выраженія одѣваетъ ее приличною драпировкою съ прекрасными складками, и шествіе ея — музыка, очарованіе риѳма» (*). Эстетическій элементъ заключается въ языкѣ необходимо, ибо мысль, переходя въ слово, подлежитъ закону творческой фантазіи: потому основательное объясненіе писателя грамматическое будетъ вмѣстѣ и эстетическое.— Почитаю излишнимъ распространяться о томъ, сколько въ языкѣ философіи; укажу только нѣсколько мѣстъ изъ Гегеля, гдѣ философъ беретъ языкъ въ помощь своимъ умствованіямъ: въ Энциклопедіи (**): объясненіе словъ aliud—aliud стр. 183, aufheben стр. 191, мѣрять 214 и 215, Seyn и Wesen 225, имѣть 254, Urtheil 326, правда и истина 334; въ Феноменологіи духа (***): здѣсь, теперь 73, auch 84, однако 85, свойство 86, и проч. Именно только филологическимъ объясненіемъ писателя поставимъ мы себя въ выгодный нейтралитетъ между гуманистами и реалистами. «Чтеніе отечественныхъ писателей остается на досугъ ученика, говорятъ гуманисты (****): настоящая же работа — въ изученіи древнихъ класиковъ. Если ученикъ от-

(*) Th. Mundt, Die Kunst d. deutschen Prosa, 1837, стр. 120, 121.

(**) Изданіе 1840 года, часть I.

(***) Изданіе 1841 года.

(****) Deinhardt, der Gymnasialunterricht, стр. 143.

клоняется отъ этой работы, и въ урочные часы читаетъ отечественныя произведенія даже со вниманіемъ и тщательностью, а о древнихъ классикахъ не радѣетъ; то непремѣнно сдѣлаетъ онъ изъ себя человѣка эстетическаго, мечтательнаго и сентиментальнаго, остроумнаго, чувствительнаго и приторнаго, который ни къ чему важному и годному не годится, а принадлежитъ къ обществу гуляющихъ по собраніямъ и вечеринкамъ, гдѣ много толкуется и ничего не рѣшается о театрѣ, Шиллерѣ, Гете и т. п.» Но здѣсь также крайность: ибо можно читать и своихъ писателей, и греческихъ съ римскими; впрочемъ много и правды, которая тѣмъ страшнѣе для насъ, что мы очень малое имѣемъ въ своей новой литературѣ, что̀ бы могли поставить наравнѣ не только съ древними классиками, но даже съ Шиллеромъ и Гёте. Напротивъ того, реалисты почитаютъ необходимымъ чтеніе отечественныхъ писателей потому, что ученикъ пріучается на нихъ схватывать общую мысль и обнимать цѣлое: тогда какъ при писателяхъ древнихъ и вообще чужихъ онъ ломаетъ голову на отдѣльныхъ выраженіямъ и словахъ; потому говорятъ они (*): «какая помощь и для произведенія чужеземнаго, въ которомъ ученикъ находитъ удовольствіе тогда только, какъ дочитаетъ до конца! Если привыкнетъ онъ, при чтеніи отечественныхъ писателей, во всемъ открывать цѣлое; то и при чтеніи чуждаго произведенія сумѣетъ опознаться въ подробностяхъ оригинала, и тѣмъ облегчитъ трудъ учителя въ объясненіи онаго. И какой высокой и живой ин-

(*) Hiecke, Der deutsche Unterricht, стр. 72 и 73.

тересъ возбудится и къ иностранной литературѣ, если трудъ и терпѣніе, необходимые для уразумѣнія отдѣльнаго періода, будутъ казаться ученику только неизбѣжною дорогою къ свободному обозрѣнію цѣлаго, къ совершенному усвоенію онаго!» Слѣд. если мы примемъ и при отечественномъ произведеніи по преимуществу объясненіе филологическое, то сравняемъ чтеніе писателя отечественнаго съ иностраннымъ: значитъ, стало быть, уничтожимъ пользу чтенія отечественнаго? Нѣтъ, именно потому, что реалисты тоже увлекаются. Вопервыхъ, подробности подводить къ общему гимназисты научаются изъ уроковъ Исторіи, Географіи, Математики, точно такъ же, какъ изъ чтенія писателя: вовторыхъ—аргументы, бревіаріи, введенія и т. п. при одахъ Горація, при книгахъ Тацита, пѣсняхъ Гомера и проч. ясно указываютъ на то, что читающему подробные комментаріи надобно знать и общую мысль, и слѣдить ее по всѣмъ стихамъ и періодамъ произведенія; въ третьихъ, главная мысль произведенія, какъ жизненная сила, разливается по всѣмъ частямъ онаго; слѣд. чѣмъ болѣе вникаемъ въ подробности, тѣмъ безошибочнѣе и тверже схватимъ общую мысль: надобно только въ подробностяхъ видѣть органическія части живаго цѣлаго; въ четвертыхъ, въ классическихъ произведеніяхъ предложенія съ предложеніями и періоды съ періодами связываются такими тѣсными узами, что учители древнихъ литературъ необходимо должны и сами объяснять ученикамъ общую мысль для уразумѣнія особенностей, и ученики съ своей стороны изъ ближайшаго сцѣпленія частей произведенія древняго необходимо извлекаютъ для себя понятіе о

стройномъ единствѣ произведенія; слѣд. въ этомъ отношеніи чтеніе классическое болѣе помогаетъ отечественному, а не наоборотъ. Въ пятыхъ, учась по новымъ легкимъ произведеніямъ схватывать общее, гимназисты разъучатся достаточно вникать въ подробности и будутъ во всемъ верхоглядами: что существенно повредитъ всякому основательному изученію. Изъ всего этого вывожу, что чтеніе, и свое и иностранное, должно быть одинаково: углубляться въ подробности словъ, оборотовъ, предложеній, и постоянно разсматривать частности въ связи съ общимъ, ибо словесное выраженіе отличается отъ всякаго другаго именно тѣмъ, что во всякомъ предложеніи виднѣется необходимая часть живаго цѣлаго. Къ этому надобно прибавить еще два необходимыхъ условія: ограниченныя требованія и способы гимназическаго курса, и неустроенное состояніе языка русскаго: первое отклоняетъ всякія высокопарности, второе требуетъ тщательнѣйшаго изученія языка. Наконецъ, самыя побудительныя причины для филологическаго объясненія: первая: при бѣдности общаго содержанія и такъ называемыхъ гуманныхъ идей въ русскихъ произведеніяхъ, неистощимое богатство языка еще непочатаго, свѣжаго, мощнаго и глубокаго; и вторая: при шаткости и болтливой неопредѣленности правилъ эстетическихъ и критическихъ, непреложные законы филологическіе. Именно глубокимъ и всеобъемлющимъ взглядомъ на подробности отличается человѣкъ знающій отъ профана: дилеттанты, не разумѣя техники искусства, хватаются за общія мысли произведенія, т. е. за общія мѣста; истинный знатокъ видитъ въ ничтожной для непривычнаго мелочи высокое значеніе.

ибо здраво понимаетъ ее, и чувствуетъ ея отношеніе къ цѣлому.

Касательно объясненія отечественныхъ писателей есть два противоположныя мнѣнія: гуманисты почитаютъ смѣшнымъ, пошлымъ и вреднымъ комментаріи на современныхъ писателей; напротивъ того, реалисты объясняютъ ихъ также кропотливо и педантски, какъ Горація или Пиндара. Дѣйствителано, объясненія на современниковъ какъ разъ могутъ обратиться въ пустую болтовню, и только загромоздятъ смыслъ текста. Особенно нетерпимы комментаріи такъ называемые эстетическіе Впрочемъ строгая филологическая критика можетъ быть допущена; она даже необходима, ибо пріучаетъ къ отчетливому сознательному чтенію, на которое столь мало обращаютъ вниманіе люди необразованные, и къ отличію истиннаго достоинства словесснаго выраженія отъ ложнаго блеску и натянутыхъ фразъ. Охотники что нибудь почитать отъ нечего-дѣлать увлекаются только однимъ занимательнымъ содержаніемъ, нисколько и не предчувствуя гармоническаго соотношенія между звукомъ и мыслію; ихъ не увлекаютъ красота рѣчи, простота, точность выраженія, правильная связь мыслей: они скользятъ только на поверхности того, что читаютъ; ибо не привыкли при чтеніи писателя обращать вниманіе на то, что составляетъ существенное въ произведеніи. Именно, чтобы уничтожить такое безсмысленное чтеніе, надобно съ учениками читать образцовыхъ русскихъ писателей, и объяснять ихъ. Главная задача должна состоять въ томъ, чтобы объясненія были необходимы, не случайны. Потому учитель обязанъ всѣ свои мнѣнія осно-

вывать на данныхъ, самимъ авторомъ указанныхъ, слѣд. обязанъ свою филологическую экзегетику подчинить такъ называемой субъективной, т. е. заставить, чтобы писатель объяснялъ самъ себя. Такъ, при чтеніи Карамзина, надлежитъ сличать слогъ его Исторіи съ древними источниками; оды и рѣчи Ломоносова обьяснять его Реторикою, стихотворенія Державина — объясненіями, имъ самимъ сообщенными, поэтическіе переводы Жуковскаго сличать съ подлинниками и т. д.

О способѣ чтенія также разногласіе мнѣній. Одни педагоги заставляютъ учениковъ учить писателя наизусть, другіе полагаютъ это вреднымъ. «Изусть-ученіе вредитъ разуму и памяти (*). Что остается отъ хорошо упражненной памяти? любовь къ предмету, изящное, посредствомъ коего я съ нимъ соединяюсь; а эту внутреннюю связь не пріобрѣтешь выучкой наизусть Только непріятное способно къ тому, вокаблы, числа, имена. Прекрасное же удерживается, какъ собственность, какъ непосредственно понятое; прекрасное разлюбишь, заучивая наизусть. У дитяти притупляется всякое чувство къ поэзіи отъ долгаго заучиванья наизусть стихотворенія. Гораздо полезнѣе упражнять память на произведеніяхъ чуждыхъ языковъ, на выучкѣ одной страницы пофранцузски или полатыни. Говорю только противъ выучиванья наизусть, а не знанія наизусть. Я видалъ людей никогда неучившихъ ничего на-

(*) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, стр. 97 и слѣд.

изусть, и знавшихъ многое на память. Удовольствіе читать и слушать, и потомъ вновь перечитывать и переслушивать, ведетъ къ такому основательному знанію, которое, при нуждѣ, легко можетъ быть доведено и до знанія наизусть. — Потому учитель долженъ руководить ученика, какъ учить на память; долженъ вмѣстѣ съ нимъ заучивать наизусть, и тѣмъ препятствовать, чтобы ученикъ не впалъ въ мертвящій механизмъ. Долженъ помогать ему вникать во внутреннюю связь произведенія и въ содержаніе каждаго предложенія, какъ необходимаго звена между предыдущимъ и послѣдующимъ. Поэтому на прозу должно болѣе обращать вниманіе, нежели на поэзію. Стихотвореніе уже своею внѣшнею формою поддерживаетъ механизмъ ученія наизусть, и ведетъ ученика отъ стиха къ стиху только формально, а не внутреннею связью.» — Все это весьма дѣльно, только за исключеніемъ излишняго человѣколюбія и заботливости объ эстетическомъ чувствѣ гимназистовъ. Память съ толкомъ не только не вредитъ разуму, но даже помогаетъ ему, и у дѣтей часто замѣняетъ самый разумъ. Года гимназическаго ученія именно таковы, когда память и воображеніе берутъ верхъ надъ умственными соображеніями. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что лучшіе ученики хотя отчетливо понимаютъ, что учитель объясняетъ, однако все-таки выучиваютъ уроки слово въ слово. На урокѣ дитя всегда болѣе или менѣе въ принужденіи: свободной игры духовныхъ силъ его никакъ не добудешь. Чувство эстетическое убивается и анализомъ также, какъ и выучкой наизусть. Нечего дѣлать — стерпится слюбится; а изъ школы нельзя сдѣлать ни те-

атра (*), ни литературнаго вечера. Толковитое заучиваніе наизусть всегда и всему будетъ приносить пользу.—Учитель вмѣстѣ съ учениками неоднократно прочитываетъ разбираемое произведеніе. Это необходимо, но безъ заучиванія на память недостаточно. «Перечитываніе одного и того же соотвѣтствуетъ продолжительному разсматриванію картины, прочтеніе одинъ разъ бѣглому взгляду. Глазъ безпрепятственно можетъ соображать всѣ подробности картины въ одно время, ухо собираетъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ одну за другой; слышанное прежде — уходитъ вдаль, болѣе и болѣе утрачивая свою ясность, такъ что воспоминаніе не можетъ совокупить для себя въ одно цѣлое всѣхъ частностей, какъ въ картинѣ. Только повторительное чтеніе дастъ представленію стройность и жизнь.— Малыя дѣти съ удовольствіемъ слушаютъ нѣсколько разъ одни и тѣ же разсказы или одну и ту же пѣсню. Взрослые хотя и не любятъ повторенія, однако черезъ нѣсколько дней охотно внимаютъ тому же, что недавно слышали» (**). Постепенное уразумѣніе писателя и произношеніе съ толкомъ и чувствомъ даетъ ученику новый интересъ въ неоднократномъ прочитываніи того же. Только основательная вдуманность въ каждое слово и предложеніе, и въ связь предложеній ведетъ учащагося къ чтенію

(*) Забавно мечтаніе Гикке знакомить учениковъ съ цѣлымъ впечатлѣніемъ драмы на театральномъ представленіи. стр. 123. Стало быть для объясненія совѣщательной рѣчи, классъ превращается въ площадь, для судебной въ Сенатъ и т. д. Вотъ куда изъ класса заводятъ учителя съ учениками эстетическія мечтанія.

(**) K. Wackernagel, ibid., стр. 93.

съ толкомъ. Величайшая ошибка заставлять учениковъ читать ораторски то, что они не совсѣмъ понимаютъ: это влечетъ къ манерности и портитъ чувство обманомъ. Увлекательное театральное чтеніе лежитъ внѣ обязанности гимназической, вопервыхъ ужъ потому, что изъ самихъ учителей немного хорошихъ чтецовъ; вовторыхъ, драматическое чтеніе, не имѣя до сихъ поръ положительныхъ законовъ, не можетъ быть предметомъ строгой науки. Только правила, основанныя на синтаксисѣ, даетъ учитель для произношенія: слѣд. долженъ выучить читать съ толкомъ и смысломъ; чувство придетъ само собой. Впрочемъ если учитель умѣетъ читать изящно, то его примѣръ будетъ руководителемъ ученикамъ.

О предметахъ чтенія два мнѣнія: одно стоитъ за хрестоматію, другое за цѣлыя произведенія. Variatio delectat, говорятъ собиратели хрестоматій (*): для учителя и учениковъ нѣтъ ничего утомительнѣе чтенія одного и того же въ продолженіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцовъ; притомъ вещи познаются изъ сравненія (**), а на одномъ только писателѣ не узнаешь ни его самого, ни слога, будь этотъ писатель даже Гёте. Польза хрестоматій болѣе и болѣе признается. Не дойдетъ ли это до крайности? Распредѣленіе хрестоматій обыкновенно бываетъ съ точки зрѣнія реальной, а не филологической. Однѣ располагаются по родамъ и видамъ краснорѣчія и поэзіи, напр. Хрестоматія Магерова, старыя французскія и мн. др. Но если въ опре-

(*) K. Wackernagel, стр. 4.

(**) Hiecke 246.

дѣленіи родовъ словесныхъ произведеній немного заботы учителямъ отечественнаго языка, то нечего и раздѣлять хрестоматіи такимъ образомъ: зачѣмъ неважное для школы брать основаніемъ дѣленію? Такая хрестоматія обыкновенно задаетъ себѣ задачи неисполнимыя: подъ рубрикою романовъ, повѣстей, поэмъ, драмъ, предлагаетъ изъ этихъ родовъ произведеній только отрывки, изъ коихъ разумѣется нельзя узнать ни драмы, ни поэмы, ни романа. Притомъ заглавія надъ отдѣлами статей: исторія, ода, элегія— и проч —выказываютъ въ компилаторахъ хрестоматій недостатокъ педагогическаго такта. Подъ вліяніемъ заглавія ученикъ получаетъ понятіе о піесѣ прежде, чѣмъ прочтетъ ее: слѣд. его сужденіе о родахъ и видахъ словесныхъ произведеній будетъ предразсудкомъ, понятіемъ преждевременно составленнымъ о предметѣ. Потому, въ избѣжаніе такого вреда, лучше было бы составлять хрестоматіи (какъ К. Ваккернагеля), не раздѣляя піэсъ по родамъ слога или поэтическихъ и прозаическихъ произведеній, для того, чтобы ученики, съ помощію учителя, изъ самой вещи выводили себѣ понятіе и названіе, а не наоборотъ. Раздѣленіе хрестоматіи по предметамъ даетъ ей характеръ энциклопедіи, заставляя учителя выступать изъ области своей науки и толковать о предметахъ, болѣе или менѣе ему извѣстныхъ. Такъ Дистервегъ дѣлитъ свое собраніе на три отдѣла: религія, природа и человѣкъ; Гауптъ (*) къ этимъ тремъ отдѣламъ прибавляетъ еще два: искусство и наука, съ подраздѣленіями: Архитектура. Живопись,

(*) Deutsche Prosa, 1841.

Скульптура, общая Грамматика, Философія, Богословіе, Юриспруденція, Медицина и проч., и проч. Невозможно никакъ рѣшить, въ какомъ отношеніи стоятъ подобныя энциклопедіи къ теоріи языка, къ филологіи: ибо все вниманіе компиляторовъ обращено на внутреннее содержаніе. Иныя хрестоматіи, какъ Магера, Гикке и м. д., берутъ въ расчетъ личность учащихся, будучи расположены по возрастамъ дѣтей. Это едвали не основательнѣе: только надобно замѣтить здѣсь два обстоятельства: вопервыхъ, все приличное для малолѣтныхъ должно быть таково, чтобы годилось и для учениковъ взрослыхъ (*): слѣд. хрестоматія для послѣднихъ можетъ и должна заключать въ себѣ и то, что въ хрестоматіи первоначальной; разумѣется, наоборотъ нельзя. Вовторыхъ, степени возраста и смышлености учащихся такъ непримѣтно переходятъ и сливаются, что рѣзкаго разграниченія въ книгѣ никакъ быть не можетъ. Притомъ и въ самомъ легкомъ, напр., въ басняхъ Крылова, много для дѣтей необъяснимаго, и наоборотъ искусный учитель легко растолкуетъ дѣтямъ многое, что для другаго кажется труднымъ. Итакъ въ чемъ же существенная польза хрестоматій? Въ разнообразіи? Но если оно только ради забавы учениковъ, то не можетъ быть достоинствомъ учебной книги. Если же касается только внутренняго содержанія, то ничего не даетъ филологическому курсу словесности; если же касается слога, то какъ нельзя изъ чтенія одного писателя узнать слогъ вообще, такъ

(*) Магеръ въ предисловіи къ Французской Хрестоматіи и въ Pädagogische Revue, 1843 No 5, въ рецензіи на Гикке.

и изъ отрывковъ нельзя познакомиться ни съ однимъ писателемъ. Невыгоды одинаковы и на той и на другой сторонѣ, съ тою только разницею, что короткое знакомство съ слогомъ одного писателя образцоваго будетъ знаніемъ болѣе прочнымъ и основательнымъ, тогда какъ отрывочное чтеніе понемножку изъ того и другаго даетъ ученію легкое и поверхностное направленіе.

Двухъ родовъ хрестоматіи полезны и необходимы для Гимназіи: первоначальная и историческая. Первоначальная для низшихъ классовъ, гдѣ еще дѣти не созрѣли для продолжительнаго классическаго чтенія. На такой хрестоматіи они выучатся плавно читать, узнаютъ первоначальныя основанія грамматики, правописаніе. Историческая же должна быть сборникомъ литературныхъ памятниковъ: нѣкоторые предложитъ вполнѣ, изъ большихъ отрывки; такая хрестоматія, слѣд., должна быть какъ бы историческою библіотекою, служа матеріаломъ для исторіи литературы. Какъ образецъ исторической хрестоматіи, рекомендую Вильгельма Ваккернагеля Altdeutsches Lesebuch, 2-е умноженное и улучшенное изд., 1839, съ словаремъ и варіантами; содержитъ памятники Литературы отъ IV до XV вѣка включительно. Для классическаго же дѣтскаго чтенія желательно бы было, чтобы у насъ явилась когда нибудь книга, подобная народнымъ разсказамъ, собраннымъ и выданнымъ братьямъ Гриммами.

Польза же хрестоматій эстетическихъ и энциклопедическихъ только относительная: вопервыхъ, они содержатъ отрывки изъ такихъ произведеній, коихъ цѣликомъ читать дѣтямъ еще рано по нѣкоторымъ причинамъ; вовторыхъ,

доставляютъ случай въ маломъ объемѣ и за дешевую цѣну пріобрѣсти разнообразныя свѣдѣнія о текущей литературѣ, хотя и отрывочныя, но тѣмъ не менѣе любопытныя. Въ этомъ отношеніи хрестоматіи полезны, и дай Богъ, чтобы они вытѣснили собою нескладныя притчи и наставленія умственныхъ и наглядныхъ упражненій, которыя пишутся обыкновенно безъ большихъ претензій на слогъ и мысли. Но очевидно, что собственно мѣсто такихъ хрестоматій не классъ словесности: пусть будутъ они домашнимъ чтеніемъ для учениковъ, пусть замѣнятъ онѣ имъ чтеніе журналовъ, сказокъ, повѣстей. Учитель можетъ руководить учениковъ, указывая имъ ту или другую піесу для досужаго прочтенія, можетъ брать отъ нихъ и краткій отчетъ въ какой заблагоразсудится ему формѣ, словесно или письменно. Только, повторяю, энциклопедическое и эстетическое чтеніе хрестоматій очень желательно было бы изгнать изъ Гимназіи, и употребить класное время съ большею пользою.

Множество французскихъ, нѣмецкихъ хрестоматій нисколько не доказываетъ необходимости русской для Гимназій: ибо наша литература еще нейдетъ въ сравненіе съ французскою и нѣмецкою, по неустроенному состоянію языка письменнаго и разговорнаго, и по бѣдности внутренняго содержанія. И вездѣ высшіе таланты рѣдки, а тамъ и подавно, гдѣ меньше соревнованія и больше монополіи. Что сказалъ Гёте (*) о нѣмецкой беллетристикѣ, очень идетъ и къ намъ: «стихотворная образованность такъ распространилась въ Герма-

(*) Eckermann. Gespräche mit Goethe, 1837, I, стр. 243.

нія, что уже никто не пишетъ дурныхъ стиховъ. Молодые поэты, присылающіе мнѣ свои произведенія, нисколько не хуже своихъ предшественниковъ, а такъ какъ сихъ послѣднихъ очень высоко цѣнили и цѣнятъ, то новые поэты вовсе не понимаютъ, почему и ихъ не хвалятъ также. И все-таки нельзя сдѣлать для нихъ ничего поощрительнаго, именно потому, что ихъ цѣлыя сотни, а излишняго нельзя желать, когда остается непочатымъ много гораздо полезнѣйшаго. Если бы изъ нихъ былъ одинъ выше всѣхъ, было бы хорошо, ибо для свѣта нужно одно превосходное.» А школа имѣетъ полное право быть еще взыскательнѣе публики. Итакъ если мы отбросимъ все посредственное и преходящее, останется для ученія хотя немногое, но по истинѣ превосходное. Непонятно, для чего читать съ учениками подражателей Карамзину и Пушкину, а не обратиться къ самимъ образцамъ и источникамъ? Если отъ временъ Карамзина нашъ слогъ и поднялся, или измѣнился, то все же въ слѣдствіе трудовъ Карамзина. Слогъ его до сихъ поръ еще окончательно не разработанъ, и не принесъ еще тѣхъ плодовъ, какіе имѣетъ принести, ибо такъ называемый Карамзинскій слогъ, коимъ многіе нынѣ пишутъ, по большой части усвоилъ себѣ только отрицательныя качества—каковы легкость періода, гладкость фразы, иногда переходящая въ безцвѣтность и вялость, мѣрная проза, приторная въ своей крайности, славянизмы, которые, будучи въ оправѣ истертаго выраженія, придаютъ рѣчи напыщенность и театральность и т. п. Не этому Гимназія должна учить своихъ питомцевъ по исторіи Карамзина.

Исторію Карамзина надлежитъ разсматривать какъ средоточіе гимназическаго курса словесности. Къ ней должны примкнуться и теорія словесности съ стилистикою и исторіею литературы, и собственныя упражненія. Никакая русская хрестоматія не замѣнитъ полноты ея. Если бы кто возразилъ, что съ филологическимъ направленіемъ я небрегу внутреннимъ содержаніемъ, думаю о словахъ безъ живаго смысла: то именно тѣмъ и опровергну возраженіе, что вмѣсто disjecti membra хрестоматіи предлагаю живое, цѣлое произведеніе. Защитникъ хрестоматіи скорѣе дѣйствуетъ съ ущербомъ внутреннему содержанію, ибо въ отрывкѣ мысль не полна. Касательно же слога, вся выгода на моей сторонѣ, ибо никто изъ нашихъ писателей, кромѣ Ломоносова и Пушкина, не внесъ въ свои произведенія столько филологическаго изученія, сколько Карамзинъ въ свою исторію. Литературную школу можно уподобить живописной или скульптурной. Нынѣшніе живописцы учатся своему искусству, копируя по преимуществу Рафаэля, Тиціана, или инаго какого начальника цѣлой школы. Изучивъ основателя, легче сладишь съ его послѣдователями. Такъ какъ современный, и притомъ прозаическій слогъ въ Гимназіи нужнѣе устарѣлаго и поэтическаго, то Карамзинъ для нея необходимѣе Ломоносова и Пушкина. Прекрасная проза послѣдняго есть дальнѣйшее развитіе карамзинской, и можетъ быть изучена только послѣ оной. Какъ современный слогъ нашъ воспитался Карамзинымъ и Пушкинымъ, пусть такъ же воспитываются и Гимназіи: тогда школа не будетъ противорѣчить обществу, а притомъ оснуется на прочномъ историческомъ ходѣ современной нашей литера-

туры. И какъ Карамзинъ отъ перваго до послѣдняго тома своей исторіи болѣе и болѣе усовершенствовался, пусть и ученики въ послѣдовательномъ порядкѣ читаютъ изъ перваго, потомъ изъ втораго тома и т. д. Самъ Карамзинъ постепеннымъ развитіемъ своего слога будетъ наставлять учащихся: учитель словесности останется въ сторонѣ, и только будетъ руководствомъ для уразумѣнія его исторіи. Такимъ образомъ учащійся самъ надъ собой замѣтитъ, какъ силы его болѣе и болѣе возрастаютъ, когда послѣдовательно изучитъ Карамзина, такъ сказать, генетически: ему ясны будутъ всѣ преобразованія его, ибо увидитъ ихъ источникъ и постепенный ходъ. Итакъ, кромѣ соотвѣтствія съ развитіемъ современной литературы классъ, словесности будетъ органически устроенъ по историческому развитію слога самого Карамзина.

Вотъ истинное примѣненіе методы генетической къ стилистикѣ! Разумѣется, изъ исторіи Государства Россійскаго должны быть избраны для подробнаго изученія только мѣста лучшія, и по преимуществу имѣющія отношеніе къ литературѣ. Для этого необходима была бы хрестоматія Карамзинская. Она же была бы вмѣстѣ и историческою: ибо слогъ Карамзина находится подъ непрестаннымъ вліяніемъ древнихъ источниковъ. На изученіи Карамзина учащіеся ясно поймутъ, что все прошедшее въ языкѣ и литературѣ никогда не умираетъ для настоящаго, а какъ необходимый элементъ, входитъ живительною силою, чудотворно претворяется въ современное, и остается залогомъ усовершенствованію для будущаго. Современный слогъ ежеминутно движется, слѣд. учить ему невозможно внѣ исто-

рическаго развитія, и самъ Карамзинъ покажетъ, сколько русскаго и теперешняго въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы, начиная отъ XI в. Могутъ сказать мнѣ: если домогаться живаго историческаго развитія, то не естественнѣе ли начать старинною литературою, откуда Карамзинъ почерпалъ многое для своего слога, и потомъ постепенно дойти до исторіи Государства Россійскаго? Нельзя: ученики еще дѣти, нельзя ихъ насильственно отторгнуть отъ современности, и увлекши въ отдаленное прошедшее, говорить, что и тамъ тоже, что нынѣ у насъ. Пусть они увидятъ это сами, и сами почувствуютъ необходимость прошлаго въ современномъ. Наконецъ, пусть ихъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ будетъ образцовое произведеніе Карамзина, а не личность наставника; пусть сама Исторія Государства Россійскаго, какъ средоточіе прошедшаго и настоящаго, нечувствительно сдружитъ ихъ съ древностью, въ законной и простой формѣ настоящаго; пусть самъ Карамзинъ введетъ ихъ въ нашу древнюю литературу.

Чтеніе писателя, и для матеріала, или такъ называемаго изобрѣтенія мыслей, и для расположенія и для выраженія, принесетъ самые надежные плоды. Выгоды неисчислимыя и ученику, и учителю, и самому предмету обученія. Ученикъ выигрываетъ тѣмъ, что учится не личнымъ мнѣніямъ учителя, или школьнымъ системамъ безъ всякаго содержанія: короткое знакомство съ писателемъ есть уже неоцѣненное пріобрѣтеніе, и ученикъ на всю жизнь свою будетъ съ благодарностью вспоминать того учителя, который заставилъ его полюбить и изучить исторію Государства Россійскаго. На сторонѣ учителя та выгода, что при чте-

нiи писателя онъ избѣгаетъ скользкихъ построенiй Теорiи словесности, ничтожныхъ общихъ мѣстъ о чистотѣ и красотѣ слога, правильности расположенiя и т. п. Главное искусство его стоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ за себя говорить изучаемаго писателя, и тѣмъ наставляетъ дѣтей въ стилистикѣ и реторикѣ. Тогда умолкнутъ насмѣшки надъ учителями словесности, что они занимаютъ учениковъ своихъ пустою болтовнею и съ вѣтру нахватанными фантазiями.—Еще болѣе выгодъ касательно успѣховъ грамматики и реторики. Учитель, отстраняясь отъ всякихъ учебныхъ руководствъ, самостоятельно обращается къ писателю, и изъ него самого извлекаетъ законы языка и словесныхъ произведенiй. Такимъ образомъ вѣрованiе въ школьныя руководства рушится подъ авторитетомъ классическихъ писателей; и всякъ, занимающiйся словесностью, вложитъ свою собственную лепту въ науку, ибо трудится по источникамъ.

Изученiемъ Карамзина мы нисколько не отстраняемся отъ существующихъ теперь грамматикъ, ибо въ основанiи ихъ принятъ авторитетъ карамзинской рѣчи: но даемъ предмету болѣе обширный объемъ. Словарь и грамматика еще невполнѣ воспользовались трудами Карамзина, а пуристы надавали намъ нѣсколько правилъ, которыя противорѣчатъ слогу Карамзина. Латинскiя грамматики не ставятъ Цицерону или Титу Ливiю въ ошибку какое-либо единажды попавшееся выраженiе, нѣсколько противорѣчащее общему употребленiю; но замѣчаютъ оное, какъ исключенiе.

Внимательное чтенiе Карамзина не только ученикамъ, но и учителю доставитъ весьма много новаго, и повлечетъ къ

важнымъ соображеніямъ, обогативши запасомъ словъ и выраженій для стилистики, образовавши судительную силу разборомъ расположенія. Для примѣра укажу нѣсколько выраженій, любопытныхъ частію для синонимики, частію для грамматики и стилистики (*).

Имена существительныя: зная же, что такъ называемый вѣчный ***миръ*** есть пустое слово, они заключили ***перемиріе*** отъ 1 Августа до 26 Октября, V, 34. говорили о ***мирѣ***, но заключили только ***перемиріе***, IX, 169. жестокую ***осаду*** превратить въ тихое ***облежаніе***, IX, 338. не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ ***подманѣ*** нашихъ Вельможъ, IX, 100.

Имена прилагательныя: наступить на Россію конною и ***судовою*** ратію, VI, 20. сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго ***опасливаго*** ума Іоаннова, IV, 152. Австрійскій кабинетъ, издавна ***опасливый***, IX, 277. ***ливной*** дождь затопилъ многія улицы, X, 13. Государь боялся ***спѣшною*** ѣздою утомить его, XI, 48. никто не смѣлъ взглянуть на ***оглашенныхъ*** измѣниковъ, XI, 104.

Мѣстоименія: судъ нелицемѣрный, безопасность ***каждаго*** и общая, IX, 6, для отличія отъ мѣст. ***всякій***.

Глаголы: онъ не ***былъ***, но ***бывалъ*** тираномъ, XI, 182. двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, ***обтекаемыя*** Двиною и Полотою, IX, 295. ***увязилъ*** коня въ болотѣ, XII, 221.

Частицы: сквозь (**) степи и пустыни достигнувъ до

(*) По второму изданію Исторіи Государства Россійскаго.

(**) Слич. 2-й части стр. 160 и 161.

Ханскаго стана, IV, 33. *сквозь* безопасныя для него степи, IX, 201. опасности пути дальнаго, невѣдомаго *сквозь* степи, IX, 375, вм. *чрезъ*. пощади насъ, преступниковъ, не *для* моленія нашего, но *для* своего милосердія, VI, 46 вм. *за*, *по*. насъ немного, *а* врагъ силенъ; *но* Богъ не въ силѣ, *а* въ правдѣ, IV, 25, для Синонимики союзовъ. распустивъ слухъ, *что будто бы* я участвовалъ въ семъ замыслѣ IX, 215, плеоназмъ въ союзѣ. онъ лишился тогда супруги: *хотя*, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; *но* умъ Софіи, и пр. VI, 326.

Синтаксисъ: онъ *не* могъ избавить Россію отъ ига, IV, 69—70. въ Ордѣ находился сынъ Михайловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, *коими* Михаилъ былъ долженъ Царю, V, 28. *нѣсколько* тысячъ земледѣльцевъ *шли* впереди, V, 23. Гречь односторонне предложилъ правило, ограничившись примѣромъ изъ сочин. Карамзина, VIII, 248: *нѣсколько* иностранцевъ *стояло* на улицѣ и *смотрѣло* на пожаръ, см. Греча, Практ. Русск. Грамм. 1827, стр. 264.

Сличеніе грубаго матеріала древнихъ памятниковъ нашей литературы съ художественною обработкою ихъ въ Исторіи Государства Россійскаго можетъ предложить самые любопытные результаты, не только для расположенія и выраженія, но и вообще для критики Карамзина. Критика философская болѣе или менѣе шатка и подвержена сомнѣнію: ибо всякій можетъ и не признать философскаго основанія, на коемъ полагается критика. Притомъ философствованіе или безусловно (и часто безсознательно!) покоряется чужому мнѣнію, какъ аксіомѣ, или же переходитъ въ лич-

ное мечтаніе и доводитъ до произвольныхъ предположеній. Съ писателемъ классическимъ шутить нельзя; опасно съ вѣтру кричать, что то́ и другое у него ошибочно, нехорошо. Надобно какое-либо положительное мѣрило, самимъ разбираемымъ авторомъ принятое за правду. И такъ для исторіи Карамзина основаніемъ критики будутъ историческіе и литературные источники, по коимъ она составлена.— Разумѣется, что говорю о критикѣ литературной, оставляя въ сторонѣ историческую со всѣми ея условіями и правилами.

Исторія Карамзина и въ отношеніи содержанія и слога предлагаетъ самое разнообразное изученіе. Кромѣ образца историческихъ разсказовъ, въ ней есть и повѣствованія, и разсужденія, и письма, и рѣчи различныхъ родовъ и юридическіе акты. Будучи составлена по источникамъ, требуетъ изученія памятниковъ нашей литературы отъ древнѣйшихъ временъ до дома Романовыхъ. Слогъ ея, напитанный всею древнею словесностью, въ современной формѣ предлагаетъ множество старинныхъ словъ и оборотовъ, которые Карамзинъ воскресилъ и ввелъ въ употребленіе. Вся исторія Государства Россійскаго такъ крѣпко держится на преданіи, что изучать ее—значитъ вмѣстѣ изучать и древніе памятники нашей литературы; послѣдовать Карамзину въ слогѣ—значитъ, подобно ему, воспитать себя въ древней нашей литературѣ.

Для примѣра и соображенія извлекаю изъ Ист. Гос. Рос. (по 2-му изд.) выраженія, намѣренно заимствованныя Карамзинымъ изъ древнихъ памятниковъ.

сіи варвары (Обры) *великіе тѣломъ и гордые умомъ* (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы 40.

Славяне думали, что оно (божество) ужасаетъ людей грозными привидѣніями или *страшилами* 82.

творили надъ умершими *тризну* 102.

посланные Олегомъ, Великимъ Княземъ Русскимъ, и *всѣми сущими подъ рукою* его, Свѣтлыми Боярами, къ вамъ, Льву, Александру и Константину (брату и сыну перваго), великимъ царямъ Греческимъ, на *удержаніе* и на *извѣщеніе* отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между Христіанами и Русью 136.

первымъ словомъ да *умиримся* съ вами Греки 136.

также и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* къ нашимъ свѣтлымъ князьямъ Русскимъ 136.

когда убійца *домовитъ* и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго 137.

проводимъ (лодью) сквозь всякое *страшное* мѣсто до *безстрашнаго* 138.

прислать его (Русина, умершаго въ Греціи) имѣніе въ Русь къ *милымъ ближнимъ* 139.

съ моремъ кто *совѣтенъ* 150.

которую (цѣну) хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ* (или присягою) 153.

клянутся *хранить истину* союза 154.

обручи и мечи 154.

поди въ дань съ нами. *Ходить въ дань* значило тогда объѣзжать Россію, и собирать налоги 156.

когда же иные враги *помыслятъ на Грецію*, да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними, Если же я или *сущіе подо мною* не сохранятъ сихъ *правыхъ* условій, да *имѣемъ клятву* отъ Бога, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ *желты какъ золото*, и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены 191 и 192.

Императоръ, окруженный *златоносными* всадниками 192.

изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ—что называлось: *возить повозъ* 244

клѣти, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись *помостомъ* или сѣньми; спальни назывались *одринами* 253.

ТОМЪ II.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго 19.

Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ* 26.

холопомъ *обѣльнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) человѣкъ купленный при свидѣтеляхъ 48.

закупъ, то есть, наемникъ или на время закабаленный человѣкъ 48.

выдаетъ его *на потокъ*—или въ руки Государю 49.

съ вора *клѣтнаго*—т. е. домашняго или горничнаго—взыскивается въ казну 3 гривны, съ вора *житнаго*, ко-

торый унесетъ хлѣбъ изъ *ямы*, или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ 52.

имя *набойная* (лодья) происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его 55.

опознавъ вещь у горожанина, идетъ съ нимъ *на сводъ*, то есть спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? 55 и 56.

ежели мать умретъ *безъ языка*, или безъ завѣщанія...64.

истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ* 12 *гражданъ* 65.

взяли въ *тали*, или въ аманаты 110.

онъ не *блюдетъ* простаго народа 183.

давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ 191.

заключивъ союзъ съ Изяславомъ. не хотимъ нарушить онаго, и *не можемъ играть душею* 232.

нѣтъ! сказалъ Князь: *я добылъ* Кіева и Переяславля головою 233.

опоясалъ мечемъ многихъ сыновей Боярскихъ 235.

навсегда остался (Гейза) другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ* 259.

еще *не обсохли* уста твои, которыми ты цѣловалъ Крестъ въ знакъ искренняго дружества 310.

ТОМЪ III

нѣтъ! сказали ему жители: ты *ударилъ пятою* Новгородъ 47.

(Романъ и Александръ) долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ, или *подручниковъ* 129.

Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія* 134.

не *обинуяся лица сильныхъ*, по словамъ лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ (Всеволодъ Георгіевичъ) казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ 125.

сѣдлами закидаютъ (Суздальцы) Новгородцевъ 156.

встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ 157

жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами* 201.

ограды деревянныя, или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ, или *дѣтинцевъ* 204

стѣнобитныя орудія, или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны 204.

Нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ *капи*, или 24 пуда, куну Смоленскую 213.

другіе Князья Мордовскіе были *ротниками*, или присяжными данниками Георгія 275.

съ того времени сіе мѣсто (гдѣ убилась Евпраксія съ младенцемъ), въ память ея называлось *заразомъ*, или убоемъ 278.

ТОМЪ IV.

граждане, по выраженію лѣтописца, *стремились* къ Даніилу *какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному* 8.

пріятный голосъ сего Князя (Алекс. Невскаго) *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ 22.

Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать* на лице Биргера 26.

Новгородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ*—такъ у насъ именовали рыцарей Ливонскихъ 99.

три дни стояли Россіяне *на костяхъ*, то есть, на мѣстѣ сраженія 101.

донынѣ—пишетъ Митрополитъ—уставы церковные *были омрачены облакомъ Еллинской мудрости* 123.

между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть разоривъ оную 128.

такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова* 148.

онъ можетъ послать три *ватаги*, для ловли на море 168.

не позволять *самосуда* ни себѣ, ни княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ 170.

не заплатилъ ли я ему (хану) *выхода*, или царской пошлины? 179.

...гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть *держитъ* и слово наше *владѣетъ* 192.

зобница ржи стоила тамъ 5 гривенъ 103.

Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ *Грозныя Очи* 201.

христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ 214.

и руки его (рода Московскихъ Князей) *взыдутъ на плеща враговъ нашихъ* 216.

...*въ вотчину* и *въ дѣдину* 223.

отрубивъ голову ему и юному Ѳеодору, *розняли ихъ по составамъ* 233.

голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью* 241.

въ *челяднѣ*, или въ людской избѣ 243.

оставляю сію *душевную* грамоту 244, вм. духовную.

ожерелье матери ея, *чело* и гривну 245.

не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* 288.

судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ и *численныхъ* людей 291. Люди *численные*—то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную IV. 244.

ТОМЪ V.

Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ* 42.

мѣсто было изобильно, *пчелисто* и *пажитно* 46.

доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ монашествѣ 56.

«Мамай *со всѣмъ Царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя,» писалъ онъ къ Великому Князю: «Ягайло также; *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся 63.

сталъ *на костяхъ*, или на полѣ битвы 72.

гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы? 63.

сія многолюдная столица *кипѣла* прежде *богатствомъ и славою* 87.

посадникъ, бояре, *житые* (именитые) и черные люди сѣхъ пяти концевъ 94.

черный боръ, или дань, собираемую съ чернаго народа 96.

Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ 102. Здѣсь Карамзинъ написалъ уже отъ себя, по примѣру лѣтописи Слич. V, 42.

что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы 104.

силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ 107.

вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную* 122.

ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ 126.

немедленно *били челомъ* 163.

онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ* 173.

вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре 200.

земля Русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ; *держала страхъ*, платила дань 201.

Князь возстаетъ на Князя, братъ остритъ мечъ на брата, племянникъ *куетъ* копіе на дядю 217.

въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына Великимъ *Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ*, (Нижній Новгородъ, Муромъ) 221.

да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ Церкви Греческой* 232.

намѣстникъ беретъ куницу *шерстью* 235 и 237.

уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ или земледѣлецъ, схвативъ татя, отпуститъ его за деньги, а намѣстники о семъ узнаютъ 235.

былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи 239, рыцарскія игры.

пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ 262.

легатъ отъ ребра (a latere) *Апостольскаго* 292.

Митрополитъ *отдалъ ее* (Вѣру) *на златѣ* Римскому Папѣ 294.

мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ Митрополита, но прошу твоей услуги. Иди въ свою Епископію, въ городъ Муромъ; *возьми* дѣтей Великаго князя *на свою епитрахиль* и привези ко мнѣ 322.

Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Васильеву Крестомъ и Евангеліемъ 325.

народъ утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ минувшаго зла* 343.

въ 1228 году они (поединки) уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судьями, и назывались *Полемъ* 387.

вмѣстѣ съ судьями и *докладчиками* засѣдали Присяжные 388.

дѣло предлагалось такъ называемыми *разскащиками*, или стряпчими 388.

монетчики назывались *денежниками* 401.

сразились, не только оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ друга*, 406.

принявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его Княженія *воскипѣла* славою 407.

кротко-повелителенъ съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами 407.

благотворя всѣмъ, (Димитрій) могъ называться *окомъ слѣпыхъ*, *ногою хромыхъ*, *трубою спящихъ въ опасности* 407.

о день скорби и *туги*, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія 407.

оба (князь и княгиня) жили единою добродѣтелію, какъ *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ластовица 407.

княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненныя* 407.

ТОМЪ VI.

немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, *искать ратной чести* 18.

принудили Ибрагима заключить миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго: то есть, исполнить всѣ его требованія 23.

въ земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старинѣ* 25.

въ утвержденіе договора цѣлуй крестъ къ Великому Новугороду за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую *въ правду*, *безъ извѣта*; а послы наши цѣловали крестъ *Новгородскою душею* къ честному Королю за Великій Новгородъ 33. слич. *честный* Король Польскій 31

не уклоняйтееся отъ *святой*, *великой старины* 35.

ополченiе наше (говорятъ лѣтописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освѣщенному солнцемъ 55.

самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила* нѣкогда *все Христiанство* 60.

она (Софiя) одѣлась въ *царскiя ризы* 65.

во всю дорогу (легатъ Папскiй) ѣхалъ съ Латинскимъ *крыжемъ* 66.

ты, Великiй Князь, обязанъ слать ко мнѣ Царю *поминки* или дары ежегодные 87.

рыбiй зубъ и поставъ *рудожелтаго* сукна 103.

онъ *привелъ Великiй Новгородъ во всю волю свою* 128.

сiи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные вельможи любили свое имѣнiе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и не преставали *шептать* Государю, что лучше искать мира 152.

мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмета, не царя, но разбойника и *богоборца* 155.

шлетъ твоему величеству *тяжелый поклонъ съ легкимъ даромъ* 187.

Государь, пожаловавъ его въ *золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя *остроги* или шпоры 216.

ему велѣно было именемъ Iоанновымъ *спросить Максимилiана о здравiи*, *но не править поклона* 222.

ревностнымъ *обѣтникомъ Св. Николая* 231.

пользуясь *незгодою Россiи*, Литва завладѣла ихъ странами 248.

другъ и братъ великое дѣло; не скоро добудешь его 257.

правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ 272.

ты отъ чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ моему порогу* 273.

присягнули въ вѣрности къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками 284.

когда же *ни добромъ, ни лихомъ* не возьмемъ Кіева 291.

Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Литвѣ 296.

Москвитяне и *Татары* не *саблями свѣтлыми* рубили поганыхъ 308.

Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служивыхъ* Татаръ 309.

требуя *поля* и единоборства 355.

самые злочестивые цари Ординскіе, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую: *не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ* 362.

ТОМЪ VII.

посламъ и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ 23.

говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи 28.

ты, Царь всея Руси, *держишь насъ въ старинѣ* 33.

твой намѣстникъ утѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ 33.

народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* 35.

а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не противились 36.

вы *держали имя наше честно и грозно* 36.

предъ лицемъ Государя мы единомысленно дали ему ***крѣпкое слово своими душами*** за себя и за васъ, братья, исполнить его приказаніе 37.

требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить ***по старинѣ***, исполнили ***двѣ воли*** Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ намѣстниковъ 38.

другихъ среднихъ и младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ ***развода*** 42. т. е., что ихъ не выведутъ изъ Пскова.

онъ просилъ новаго ***опаса***, и получилъ его 55. опасная грамота.

земля наша, твоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ ***тихостію*** 64.

Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи ***съ очами свѣтлыми*** 65.

изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, ***возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ Христіянскихъ*** 92 и 93.

молили его объявить искренно, желаетъ ли, или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы ***не плодить рѣчей*** безполезно? 93.

онъ ***здравствовался*** съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна 95.

здравая политика велитъ намъ мириться съ Литвою, ибо ***время воюетъ*** сію Державу 100.

не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго князя 102.

объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита*, *широкаго ума* 157.

но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ*: ибо не зналъ, что онъ, самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго царства 161.

и да *высится* рука христіанъ надъ невѣрными 167.

мы природные вамъ Государи, а вы наши *извѣчные* Бояре 167.

служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да царствуетъ надъ землею 167.

а ты Князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену, долженъ охотно пролить всю кровь свою *и дать тѣло свое на раздробленіе* 168.

жаловались также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіиными Греками, которые, по ихъ словамъ, *замѣшали* Русскую землю 181.

Великій Князь, какъ говорили тогда, *судилъ и рядилъ* землю всякое утро до самаго обѣда 181.

опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную*, *убойную* 187. слич. VII, 129: Волохи нутники мои и стадники.

Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новогородскихъ 191.

(иконы) Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра* 191.

Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла 207.

свѣчами *Богоявленскими* зажгли *брачныя*, обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольца 221.

свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ *сѣнникъ* 222.

на лавкахъ стояли *оловянники* съ медомъ 222.

Князь Юрій Іоанновичь сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ* 223.

въ дверяхъ знатнѣйшій Бояринъ *выдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь 223. свадебный обрядъ.

защитникъ Государства, отецъ вельможъ и народа, мудрый *вѣщеглагольникъ* духовенства 229.

ТОМЪ VIII.

въ болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума и мысли* 14.

Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: Государь *жалуетъ* и Хановъ и Князей, смотря по ихъ *услугамъ*, а не даетъ никому *урока* 20.

поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла казнить 43. кто поддѣлываетъ и обрѣзываетъ деньги.

Казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли 54.

воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня 66.

Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему

ужасъ для строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ 99.

одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ* 109.

описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности 109.

Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втопталъ* въ городъ 115.

вы, угождая имъ, *кладете бритву на брады свои*, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами 142.

въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость 156.

имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми *наѣздами* 162.

Татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ 164.

Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лѣтописца 170.

но явились Муромцы, дѣти боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестью* 171.

наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* наканунѣ дня роковаго 173.

послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ* 183.

многіе витязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* 184.

тутъ же послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ, Царствѣ Казанскомъ* 189.

терзаемый бѣдствіемъ отечества, ты, Царь великодушный, возложивъ *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ на труды и на смерть; *страдалъ до крови* 193.

а вы Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *первыми мертвецами* 208.

важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *кирилловскаго ѣзда* 214. т. е. путешествія въ Кирилловъ монастырь.

Князя Симеона *выставили на позоръ* и заточили на Бѣлоозеро 216.

въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала тогда безоружная, мирная робость 222.

Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно и безъявочно* 223.

племянники и дѣти мои единодушно *дали мнѣ поводы уздъ своихъ:* я властвую надо всѣми улусами 228.

Король *Нѣмецкій сгрубилъ* намъ 247.

скажемъ вамъ также *не въ укоръ*, но единственно *въ разсудъ*: кто Государь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? 249.

ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники; угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно 249.

шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя *мужей рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода Курбскій 280.

мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ *блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ* 281.

читали торжественно донесеніе Адашева, радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего *темнаго* царства, гдѣ дотолѣ *сабля Русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ* 296.

не говори *безлѣпицы* и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе 297.

она (Ливонія), съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Россіи 302.

такъ называемые *сторонщики* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ 304.

избираю тебя, моего *любимаго*! иди и побѣждай 305. *любимый* вм. любезный часто употребляется въ древнемъ языкѣ: напр. «И по семъ же слышахъ, *любиміи*, како грѣхъ ради нашихъ»... Акты Историч. I, стр. 58.

ТОМЪ IX.

обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* царскихъ 6.

сей *Богомъ урожденный* Царь 6.

вымышляютъ дѣтскія *страшила* 13.

начали забавлять Царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и *свѣтлыми* пирами 18.

Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему голову — за *противное* слово (говоритъ Лѣтописецъ) 27 и 28.

знаю только дѣла церковныя; не *стужайте* мнѣ государственными 38.

руки твои наполнились плѣна и богатства 43.

онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя *житію молчальному* или пустынному 49.

Царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ *для книжнаго дѣла* 49.

печать на одной сторонѣ должна представлять образъ Богоматери съ младенцемъ, а на другой руку *благословенную* съ именемъ Митрополита 52.

такъ было до временъ *великаго мстителя неправдамъ*, моего дѣда; до славнаго родителя моего, *обрѣтателя древней нашей отчины*, и до меня *смиреннаго* 54.

Митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ грубятъ, стужаютъ ему 75. Здѣсь послѣдній глаголъ является прямо въ собственной Карамзина рѣчи. Слич. IX, 38.

мы всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за тобою *бить челомъ Государю и плакаться* 76.

однимъ словомъ, люди земскіе, отъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ опричныхъ; первые были *ловомъ*, послѣдніе *ловцами* 86 и 87.

убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго лодьѣ малой* 95. т. е. не давать ему Митрополіи.

люди умирали скоропостижно, *знаменіемъ*, какъ сказано въ лѣтописи: вѣроятно пятномъ или нарывомъ 110.

въ Казанской (области) и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя *тучами* выходили изъ лѣсовъ 110.

дворянъ *первой* и *второй статьи* 115.

Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева, или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города Ливонскіе останутся у Короля 115.

Іоаннъ *взялъ* Кучума *подъ свою руку*, *въ обереганіе* 134.

Бояре, Дворяне, Приказные люди надѣли *смиренное платье*, или трауръ 139.

кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ*: всенародно били, сѣкли съ утра до вечера 149.

сіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе*, *паденіе*, *разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль* 151.

Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами 165.

слышали вдали *прыскъ* и ржаніе табуновъ 179.

жгу и пустошу Россію (писалъ Ханъ) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *примѣняю* къ праху 185.

послы увѣряли, что Король во всемъ *исправится и добьетъ челомъ* Царю за вину свою 192.

200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по *Нѣмецкому чину* 192.

нынѣ видимъ противъ себя одну *саблю*, Крымъ; а если отдадимъ Хану завоеванное нами, то Казань будетъ *вторая сабля*, Астрахань третья, Ногаи четвертая 210.

злочестіе *высится*; Христіянство *никнетъ* 214.

мы Цари *изначальные* и происходимъ отъ Августа Кесаря 229.

шестою Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, *женищемъ* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева 274.

началъ *копать борозды* (или вести траншеи), 331 и 332.

но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца Литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ *перенять* нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились 337.

кидали гранаты (*кувшины съ зеліемъ*) 337.

отдать ему, но только *въ конечной неволѣ*, всю Россійскую Ливонію 342.

сія вылазка была сорокъ шестая — *и прощальная* 347.

нязываться полнымъ отечествомъ или *Вичемъ* 356.

сидѣлъ Іоаннъ только съ Боярами, Дворянами *сверстными* и Князьями *служилыми* 359.

утверждалъ, что мы *новоуки* въ Христіанствѣ 362.

Католики вольны (сказали Антонію) жить у насъ по своей Вѣрѣ, *безъ укоризны и зазору* 367.

принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ не *тяглыхъ* и не бѣглыхъ 376.

съ обязательствомъ *не дѣлать рудъ*, и если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оловянную, то немедленно возвѣщать о семъ казначеевъ Государевыхъ 377.

имъ должно *покрыть* вины свои совершеннымъ усмиреніемъ Остяковъ и Вогуличей 384.

казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое *дѣло студное* 390.

Государь и народъ *воспрянули духомъ* 398.

заиграло Кучюмово сердце, какъ сказано въ лѣтописи 407.

не льзя ничего купить на торгу или *съ лавки* безъ поруки 450.

дни черезъ два совершается *избранiе*, объявляемое ему *благовѣстниками*, Архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ 464.

избранный, между осьмью стоящими *огненниками*, подъ орломъ, читаетъ Исповѣданiе Вѣры 465.

ТОМЪ X

на громогласномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россiя увидѣла *постника* и *молчальника* 6

и да боятся *серна небеснаго* 16.

въ угодность имъ *не затворимъ дорогъ* въ свою землю 29

желаетъ всегда *блюсти ихъ подъ своею рукою* 31.

въ *высокохвальномъ* Королевствѣ Шведскомъ 49

служить ей усердно *до издыханiя* 64.

Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему *манить* Султана и не раздражать до общаго возстанiя Европы на Оттоманскую Имперiю 65.

я кину свое бѣдное Царство и побѣгу, *куда несутъ очи* 66.

избывая мiрскiя суеты и докуки, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису 82.

они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову 101.

онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался 133.

началъ играть съ ними ножемъ въ *тычку* 139.

Богъ даровалъ ему побѣду *раденіемъ и промысломъ Борисовымъ* 153

сами *пойдемъ на Москву своими головами* 174.

онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Дунаю* 182.

имѣю 40.000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6000 стрѣльцовъ съ *огненнымъ боемъ* 194

изъявивъ Ѳеодору желаніе быть съ нимъ *въ крѣпкой любви* 199.

правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи* 211.

въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной философіи, изобрѣтенія Финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей* 259, т. е. безъ Ариѳметики.

слова были писаны *связью*, или невразумительными чертами 269.

а въ деревянномъ городѣ или *Скородомѣ* (то есть *на скоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники 271.

нѣсколько пѣтуховъ разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ *безкостныхъ*, тетеревей съ шафраномъ 275.

подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ* 280.

ТОМЪ XI.

тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне 6.

доносишь о всякихъ *скопахъ и заговорахъ* 7.

чтобы *въ дѣлахъ разрядныхъ и земскихъ не доводить Государя до кручины* 8.

устроилъ еще *плавную*, или судовую рать на Окѣ 15.

клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопрительному* 20.

имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ,—лице свѣжее, румяное, брови *союзныя* 49.

не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ* 50.

Александръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не стоилъ ея сильнаго вспоможенія 69.

она стоя пила *чашу Борисову* 74.

политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной*... 85.

взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла* 124.

желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами 175.

Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ Царевичу, а къ Царю *съ повинною* отъ имени войска 194.

граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу 202.

на службѣ *прямить* и мужествовать неизмѣнно 210.

Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость* 218.

положили *избыть* Разстригу и Ляховъ 387.

ТОМЪ XII.

покрыть милосердіемъ вину заблужденія 31.

Вельможи его—говоритъ лѣтописецъ—были въ смущеніи и въ *двоемысліи* 96.

велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей, копающихъ въ ея нѣдрахъ 104.

Св. Сергій—говоритъ Лѣтописецъ—*охрабрилъ* и невѣждъ 109.

требовать и *молить слезно* 255.

главнымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ* 255.

ручаемся вамъ *душами* за Боярина Шеина и гражданъ 256.

всѣ, *отъ мала до велика*, и тамъ и въ другихъ городахъ цѣловали крестъ Владиславу 257.

Москвитяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ—очевидецъ 266.

вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами* и *головами* для изгнанія Ляховъ 274.

Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы* 274.

имя *львообразнаго* Стратига 295.

многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ 297.

(Дѣти Боярскіе) стоятъ нынѣ *со всею землею* противъ измѣнниковъ и враговъ 312.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

1. Дѣловыя бумаги.

Часто случается слышать жалобы родителей на то, что ихъ дѣти, учась въ Гимназіи всякимъ премудростямъ, не умѣютъ написать простаго объявленія или росписки. Удовлетворяя практической потребности, учители внесли въ Реторику руководство къ сочиненію дѣловыхъ бумагъ, какъ то: газетныхъ объявленій, квитанцій, свидѣтельствъ, прозебъ и т. п. Для образца привожу изъ теоретико-практическаго руководства Гуртеля, профессора Политехническаго Института въ Вѣнѣ (*):

«§ 223. Объявленія бываютъ:

1) о предметахъ потерянныхъ, нанимающихся или продающихся;

2) о предложеніи чего либо;

3) объ особенныхъ событіяхъ, о чьей нибудь смерти и другихъ семейныхъ обстоятельствахъ;

4) о вспомоществованіи бѣднымъ и несчастнымъ;

5) о благодарности за оказанное благодѣяніе;

§ 224. Для возвращенія потерянной вещи объявляется:

1) когда и гдѣ потеряна;

2) что потеряно; признаки потерянной вещи;

(*) Grundrisz der Aufsatzlehre, 2-е изд., 1841.

3) кто потерялъ, или покрайней мѣрѣ мѣсто, куда нашедшій имѣетъ возвратить потерянную вещь.

Примѣръ: потеряна табакерка:

7-го числа сего мѣсяца, между 5 и 6 часами вечера, на дорогѣ отъ такого-то мѣста (имя рекъ) черезъ такія-то улицы и такую-то площадь и до такого-то дома, потеряна золотая табакерка.

Форма ея плоская, нынѣшняя; на срединѣ крышки въ дубовомъ вѣнкѣ буква F, отъ коей идутъ лучи до самыхъ краевъ; узкіе бока украшены арабесками; по угламъ орлы; на нижней доскѣ волнистыя линіи.

Нашедшій благоволитъ вручить оную на такой-то улицѣ дворнику въ домѣ подъ No I, за что получитъ три дуката золотомъ.

Вѣна, такого-то числа, мѣсяца и года.

§ 243. Квитанціи суть такіе документы, которые даетъ кто-либо въ полученіи денежной суммы отъ того, кто обязанъ былъ ему выдать оную. Онѣ важны для выдавшаго потому, что обезпечиваютъ отъ вторичной выдачи.

Въ квитанціи должно быть означено:

1) сколько денегъ;

2) отъ кого, т. е. имя платящаго;

3) за что.

§ 244. Подъ послѣднимъ пунктомъ разумѣется причина платы, будетъ ли то жалованье, или награда, или долгъ и т. п. За работу или за товары квитанція совершается обыкновенно подъ счетомъ: *отдано сполна, такой-то*»— и пр. Читатель самъ видитъ ясно, что систематическая теорія такой Реторики договорилась до пустяковъ.

О такихъ руководствахъ къ дѣловымъ бумагамъ надобно замѣтить слѣдующее: 1) исчислить всѣ случаи, при коихъ необходима дѣловая бумага, не возможно: слѣд. учебникъ всегда будетъ неполонъ, руководство недостаточно. 2) Если уже учить, какъ пишутся квитанціи, то еще необходимѣе учить, какъ составляются счеты и счетныя книги: Реторика перейдетъ въ Бухгалтерію. 3) Въ практической жизни объявленія стольже необходимы, какъ просьбы и рапорты: Реторика перейдетъ въ Юриспруденцію. 4) Слѣд. практическое руководство къ составленію дѣловыхъ бумагъ ни коимъ образомъ не можетъ войти въ Реторику, какъ органическая часть органическаго цѣлаго. Маленькія наставленьица, попадающіяся въ учебникахъ, касаются только однѣхъ формальностей, которыя стоятъ наравнѣ съ адресами на письмахъ, т. е. съ правилами, что Генералъ величается *Его Превосходительство*, Князь или Графъ *Его Сіятельство* и т. д. 5) Не имѣя никакого научнаго достоинства, эти руководства содержатъ нѣкоторую педагогическую цѣнность, и особенно для низшихъ учебныхъ заведеній, откуда дѣти выходятъ прямо въ купцы или ремесленники. Литературное образованіе лежитъ внѣ средствъ и цѣли уѣздныхъ училищъ; но надобно, чтобы кончившіе въ нихъ курсъ умѣли написать письмо или объявленіе, а то для чего же они учились писать? 6) Что же касается до Гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то въ нихъ, кажется, вовсе не должно быть мѣста руководствамъ къ дѣловымъ бумагамъ: или покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не заведутся учители Юриспруденціи, и не возьмутъ ихъ подъ свое ученое и разумное покрови-

тельство, давъ имъ строгое юридическое значеніе. 7) Если учитель русскаго языка выучилъ своихъ учениковъ основательно обдумывать заданную тему, правильно располагать мысли, точно выражать оныя: то ему уже вовсе не нужно будетъ и намекать, какъ пишутся ярлыки о продажѣ домовъ или наймѣ комнатъ, выставляемые на воротахъ или на будкѣ дворника. 8) Слѣд. Гимназія должна образовать въ ученикѣ *умѣнье, способность*; примѣненіе же остается на удѣлъ самой жизни: школа никакъ не можетъ предупредить всѣхъ случаевъ, въ коихъ понадобится ученику писать о томъ или другомъ.

2. Письма.

Ступенью выше стоятъ упражненія въ письмахъ. Съ одной стороны примыкаютъ они къ дѣловымъ бумагамъ, а съ другой восходятъ до литературнаго, изящнаго произведенія. Такъ какъ всякому чаще всего приходится писать письма, потому съ раннихъ поръ появились особыя руководства, подъ именемъ письмовниковъ, изъ коихъ древнѣйшій у насъ относится ко временамъ Петра Великаго подъ названіемъ: *Приклады, како пишутся комплименты*. Впослѣдствіи письмовникъ вошелъ въ Реторику. Примѣръ руководства къ письмамъ привожу изъ Фалькманна (*):

«1. (Понятіе). Подъ именемъ письма разумѣется рѣчь, написанная къ одной или многимъ особамъ. Письмо иногда

(*) Praktische Rhetorik für die obern Klassen der Schulen und zum Selbstunterrichte, 1831, стр. 336 и слѣд.

не требуетъ отвѣта, иногда требуетъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ мѣна письмами: корреспонденція есть не иное что, какъ письменный разговоръ.

2. (Отличительный признакъ). Отличительная черта письма индивидуальность, коею выражаются характеръ пишущаго и отношенія лицъ, между которыми переписка. Отсюда извлекаются всѣ реторическія правила для писемъ.

3. (Содержаніе). Содержаніе письма столь же разнообразно, какъ и разговора; ибо нѣтъ ни одной самой ничтожной вещи, которая не могла бы быть предметомъ письма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для письма рѣшительно все равно, *о чемъ* пишется, главное, чтобы было написано въ хорошемъ тонѣ. Потому въ письмахъ часто касаются до десятка различныхъ предметовъ и весьма рѣдко бросаютъ глубокій и всеобъемлющій взглядъ на что либо одно.

4. (Порядокъ). Распорядокъ письма дѣлимъ мы на внутренній и внѣшній. Внутренній или расположеніе, будучи обще у письма съ другими сочиненіями, зависитъ отъ содержанія, и только въ немногихъ случаяхъ бываетъ обстоятельно и подробно развито. Но на него имѣютъ существенное вліяніе цѣль письма, длина его, особы, къ коимъ пишется, и обстоятельства, при коихъ пишется. Подъ внѣшнимъ распорядкомъ разумѣется все то, чѣмъ отличается письмо отъ другихъ сочиненій по внѣшности, какъ-то: постоянное обращеніе къ лицу, въ началѣ воззваніе, на концѣ подпись своего имени, означеніе мѣста и времени, т. е. гдѣ и когда написано, иногда postscriptum и приложенія, запечатаніе, иногда вложеніе въ особую бумагу

(конвертъ), надпись (адрессъ) со всѣмъ, что къ тому относится».

Это систематическое обозрѣніе конвертовъ и адрессовъ до такого наивнаго педантства пошло, что почитаю умѣстнымъ прекратить выписку; развѣ только прибавлю изъ 7-й статьи, что достоинство письма, между прочимъ, должно состоять *сколько возможно въ непогрѣшительномъ качествѣ бумаги, чернилъ и подчерка*. Учители словесности заслуживали бы самаго живѣйшаго состраданія, если бы принуждены были учить такимъ пустякамъ. Отъ раздѣленія писемъ на роды Фалькманнъ прямо ведетъ къ практическимъ упражненіяхъ. Онъ ихъ дѣлитъ на письма дружественныя—отъ равнаго къ равному, вѣжливыя—къ высшей особѣ, или не столь знакомой, дѣловыя и ученыя. Для практическаго руководства приводятся письма, на которыя ученики должны писать отвѣтъ, разсказываются вымышленныя обстоятельства, соображаясь съ которыми ученики ведутъ переписку, и т. п. Такъ, въ примѣръ дружественнаго письма, между прочими, приводится письмо отъ товарища, проигравшагося въ карты и просящаго у ученика взаймы денегъ, чтобы обмануть отца. Ученикъ долженъ написать отвѣтъ. Примѣръ выбранъ, вѣроятно съ педагогическою цѣлью, чтобы гимназистъ обругалъ своего товарища за дурное поведеніе. Какъ на дружественныхъ письмахъ Фалькманнъ учитъ своихъ учениковъ лицемѣрить въ дружбѣ, любви, обманывать своихъ товарищей, поддѣльными, небывалыми чувствованіями; такъ—еще хуже—на такъ называемыхъ вѣжливыхъ—отравляетъ еще благороднѣйшія движенія сердца, напр. благодарность и призна-

тельность къ благодѣтелю. заставляя писать благодарственныя письма. Какъ мало теплаго, человѣческаго чувства въ тѣхъ учителяхъ, которые думаютъ, что дѣтей надобно учить даже изливать свою благодарность передъ благодѣтелемъ! Выучатъ только одному—напыщеннымъ фразамъ, льстивымъ выраженіямъ безъ мысли и чувства. И будто можно, какъ въ куклы, играть признательностью и благотворительностью, и всѣми возвышенными побужденіями души! Къ сожалѣнію, многіе учители вовсе не догадываются, какъ портятъ они чистыя сердца своихъ питомцевъ, заставляя выдумывать небывалыя чувствованія. Ложь никогда не родитъ ничего добраго (*). По-моему лучше вовсе не учить дѣтей писать письма, нежели, вмѣстѣ съ письмами, научить только одной болтовнѣ и загрязнить ихъ душу лицемѣріемъ и обманомъ. О дѣловыхъ и ученыхъ письмахъ надобно сказать тоже, что и о дѣловыхъ бумагахъ: надобно знать дѣло; а безъ самого дѣла и дѣловое, и ученое письмо будетъ бездѣльно. Не худо припомнить слова Гердера (**) противъ сочиненія писемъ въ школѣ: «заставляй ученика описывать, что онъ самъ испыталъ и наблюдалъ, во всей истинѣ; описывать факты изъ исторіи и географіи во всемъ ихъ свѣтѣ; описывать исторію Религіи и человѣчества во всей силѣ. Онъ пріобрѣтетъ всѣ роды слога, ибо пріобрѣтетъ всякій родъ мышленія. Конечно не будетъ онъ учиться здѣсь сочинять пустопорожнія, отвра-

(*) Слич. Günther, Ueber den deutschen Unterricht, 1841. стр. 34 и слѣд.

(**) Ideal einer Schule (Werke z. Philos u Geschichte, Bd. X, 331).

тительныя письма, хріи и уродливые стихи; за то научится кой-чему лучшему: живости и очевидности въ образахъ, повѣствованіяхъ и картинахъ; сильному и неподдѣльному чувству въ ситуаціяхъ. Та вышеупомянутая метода портитъ навѣки: портитъ образъ мышленія и образъ выраженія, ничего не даетъ, и отнимаетъ многое: истину, жизненность, силу, словомъ, природу; на всю жизнь не даетъ ничего добраго, но весьма много злаго; дѣлаетъ тощихъ педантовъ, вычурныхъ періодистовъ, пошлыхъ писакъ, коими полна Германія; такая метода ядъ на всю жизнь.»

3. Описанія, повѣствованія и разсужденія на выдуманныя учителемъ темы.

Весьма естественно, что ученики даже высшихъ классовъ Гимназіи всегда въ большомъ затрудненіи найти тему, собрать матеріалы и расположить оные. Потому многіе учители, задавъ тему, разсуждаютъ о ней съ учениками въ продолженіи цѣлаго урока; ученики изъ собственныхъ соображеній и словъ учителя набираютъ матеріялы и приводятъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ, на слѣдующій урокъ приносятъ письменное расположеніе, и потомъ уже готовятъ сочиненіе. Для упражненій подобнаго рода есть даже особыя руководства; таково, напр., Герцога, директора и профессора Гимназіи въ Бернбургѣ (*). Для примѣра привожу первую задачу, на тему: почему воспоминанія о дѣтствѣ самыя пріятныя?

(*) Stoff zu stylistischen Uebungen in der Muttersprache, 2-е улучшенное и пополненное изд. 1838.

«I. Введеніе.

1) Человѣкъ рѣдко умѣетъ жить въ настоящемъ. Охотнѣе занимается будущимъ и прошедшимъ. Такъ бываетъ во всякомъ возрастѣ. Юноши живутъ болѣе въ будущемъ. старики въ прошедшемъ.

2) Опытъ научаетъ: изъ возмужалаго возраста старецъ сохраняетъ болѣе мрачныя воспоминанія, чѣмъ свѣтлыя; дитя легко забываетъ и радость и горе, но возрастая припоминаетъ изъ своихъ раннихъ лѣтъ болѣе радостное, чѣмъ печальное.

II. Чѣмъ объяснить это?

1) Отрицательно. Не потому, чтобы дѣтскія радости были выше.—Неужели взрослому человѣку придетъ мысль и охота забавляться дѣтскими играми? хотя любуемся мы ими съ наслажденіемъ, но не промѣняемъ на такія удовольствія, къ которымъ мы по лѣтамъ способнѣе.—Сравненіе высшихъ радостей юноши и мужа съ радостями дитяти. Не смотря на то воспоминанія о дѣтскихъ радостяхъ такъ пріятны!

2) Причина должна заключаться въ чемъ-либо иномъ. Въ чемъ же?

а) Дѣти невиннѣе: они еще не испытали собственныхъ своихъ нравственныхъ недостатковъ; все кажется имъ въ прекрасномъ цвѣтѣ; они не заботятся о мнѣніи общественномъ; не знакомы съ душевными страданіями, потому-то воспоминанія о дѣтскихъ радостяхъ чужды раскаянія.

б) Въ дѣтскомъ возрастѣ впервые просыпается чувство къ наслажденію радостями. А всякое первое благо незабвенно и сладко: потому и продолжительное воспоминаніе о всякомъ благѣ, которое достается намъ впервые (такъ и первая любовь). Всѣ позднѣйшія радости только повтореніе прежнихъ. Теряется не сила къ ощущенію радостей, а новость.

в) Дѣти легко забываютъ непріятное, и живо припоминаютъ пріятное, и съ этими воспоминаніями переходятъ въ другіе возрасты. Впрочемъ остаются нѣкоторыя и непріятныя изъ юношества воспоминанія; однако въ послѣдствіи мы удостовѣряемся, что все непріятное послужило намъ къ усиленію и улучшенію нашего характера.

г) Дѣтскій возрастъ есть возрастъ надежды. Дѣти рѣдко разочаровываются въ надеждѣ. Частая перемѣна въ дѣтскомъ быту; переходъ изъ класса въ классъ; всегда что нибудь новое. Потому для дитяти время летитъ не такъ скоро, какъ для мужа и старца, которые при однообразіи своихъ занятій удобно могутъ судить о долготѣ и краткости времени.

д) Дѣти малымъ бываютъ счастливы. Ихъ радости дешевле. Они беззаботны. Взрослые заботою покупаютъ себѣ радости.

III. На всемъ этомъ основывается идея древнихъ о золотомъ вѣкѣ».

Къ сожалѣнію, надобно замѣтить, что подобныя руководства относятся къ тѣмъ учебнымъ пособіямъ, которыя въ Германіи называются ослиными мостами, т. е. разжевыва-

ваютъ все, такъ что ученикамъ ничего не остается дѣлать, какъ глотать. Главнѣйшія причины ихъ негодности: 1) учитель долженъ быть энциклопедистомъ для того, чтобы руководствовать учениковъ въ сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; слѣд. матеріалы, имъ сообщаемые ученикамъ, будутъ весьма недостаточны, а иногда и вовсе ложны. 2) Ученики сами не въ состояніи писать о такихъ предметахъ, которыхъ они не изучали, или не знаютъ, и о такихъ чувствованіяхъ, которыхъ они не ощущали; такъ, напр., вышеприведенная тема вовсе чужда гимназисту, ибо онъ еще живетъ въ томъ возрастѣ, о которомъ заставляютъ его уже воспоминать. Или еще несообразнѣе для дѣтей предлагаетъ Герцогъ тему: о радостяхъ старческаго возраста. 3) Слѣд. всѣ подобныя задачи будутъ весьма скудны содержаніемъ, такъ что ученикъ или только перефразируетъ то, что слышалъ въ классѣ, или же канву сочиненія, данную учителемъ, разведетъ пустою болтовнею: обыкновенно бываетъ послѣднее, особенно съ учениками прилежными. 4) Казалось бы, здѣсь больше выгодъ на сторонѣ расположенія; но при бѣдности содержанія, расположеніе будетъ тощею и безжизненною формальностью, которая пріучитъ только къ педанству и къ суетному, бездѣльному мышленію, безъ знанія и опытности. Мышленію, какъ огню, нужна пища, иначе оно будетъ потѣшнымъ огнемъ. 5) И въ отношеніи слога, или выраженія, такія задачи безплодны: ибо уста говорятъ истинно и краснорѣчиво только отъ преизбытка мыслей и чувствованій. Здѣсь же дѣти научатся только натянутымъ, пошлымъ выраженіямъ, общимъ мѣстамъ, педантскимъ, напыщеннымъ фра-

замъ, чахлому и безжизненному представленію. 6) Наконецъ, такая метода письменнымъ упражненіямъ не имѣетъ никакого твердаго основанія и ни съ чѣмъ не связывается. Чтеніе писателей отечественныхъ и иностранныхъ вовсе не берется въ расчетъ. Разсужденія учениковъ по различнымъ отраслямъ наукъ преподаватель отечественнаго языка цѣнитъ только по слогу и расположенію, не будучи судьею содержанія: будто содержаніе не главнѣйшая часть сочиненія! Описанія и повѣствованія, не воспитанныя отчетливымъ изученіемъ писателей, но взлелѣянныя только однимъ празднымъ воображеніемъ ученика, и по большой части не согрѣтыя ни малѣйшимъ сочувствіемъ, развиваютъ ложную сентиментальность и авторскія замашки, всегда столь смѣшныя въ ученикѣ.

А сколько муки приносятъ дѣтямъ подобныя сочиненія, и преимущественно потому, что ученики еще бѣдны мыслями. «Я еще живо припоминаю себѣ изъ своего учебнаго возраста, говоритъ одинъ педагогъ (*), сколько терзали учениковъ этими мнимыми пробными камнями, и ничему столько не радовался я, по выходѣ изъ школы, какъ тому, что навсегда отвязался я отъ этого беззаконнаго развязыванія зародыша моихъ мыслей, которое угрожало мнѣ черезъ каждыя три или четыре недѣли. Въ этомъ удостовѣряетъ меня не одно воспоминаніе о собственныхъ мукахъ, но и постоянное наблюденіе надъ сотнями моихъ учениковъ. Сочиненіе лежитъ гирею на душѣ ихъ, не въ

(*) Проф. Боннель въ Neues Jahrbuch der berl. Gesellsch. für deutsche Sprache, часть 2, тетр. 4.

примѣръ тяжелѣе всѣхъ прочихъ учебныхъ занятій вмѣстѣ. Чѣмъ это объяснить? а разумѣется тѣмъ, что требуютъ отъ учениковъ *собственныхъ произведеній.*»—«Нѣтъ ничего несообразнѣе (*), какъ требовать отъ дѣтей собственно ихъ мыслей и собственнаго изложенія оныхъ. Дѣти еще не умѣютъ ни совладѣть съ своими мыслями, ни вращать ихъ въ какой-либо предписанной формѣ.» «Дѣти должны производить, говоритъ Ф. А. Вольфъ, тогда какъ надъ ними самими только что совершается процессъ произведенія. Напрасно трудятся они, и выдутъ изъ нихъ или пошлые болтуны, или же скороспѣлки, которые ничего порядочнаго не сдѣлаютъ, когда придетъ время для собственныхъ произведеній. Это не что иное, какъ духовное загрязненіе и скаредное уродство.» «Всего недостойнѣе такія задачи, на которыхъ принуждаютъ дѣтей выставлять на позорище собственное ихъ внутреннее бытіе. Объ этомъ удачно и остроумно замѣчаетъ Борманнъ: «есть старинное, въ народѣ распространившееся преданіе, что человѣкъ умретъ, если увидитъ самого себя. Это внѣшнее представленіе мысли, будучи понятно въ своемъ основаніи, содержитъ глубокую истину. А именно, всякій человѣкъ питаетъ нѣкоторую боязнь объектировать самого себя, или извлекать себя изъ самого себя, и ставить отдѣльнымъ отъ себя предметомъ » «Дитя, прибавимъ мы, легко можетъ побѣдить эту боязнь, дѣлая себя предметомъ собственныхъ мыслей и чувствованій; но тогда оно теряетъ уже часть своего дѣтства, и подвер-

(*) Отто Шульцъ въ Schulblatt für die Provinz Brandenburg, 1836, 4-я тетр.

гаетъ себя опасности ошибаться въ своихъ духовныхъ силахъ и вести странную и опасную игру своими чувствованіями» (*).

4. Отношеніе письменныхъ упражненій къ прочимъ предметамъ преподаванія.

Замѣчательно, что учители, выдумывающіе для ученическихъ сочиненій темы, кромѣ нравоучительныхъ, всего чаще задаютъ историческія. Нѣкоторыя истины столь ясны и свѣтлы, что къ нимъ приходятъ и блуждающіе во тмѣ по окольнымъ дорогамъ.—И дѣйствительно, какое богатое поприще предлагаетъ для письменныхъ упражненій исторія! Но главное, чтобы описываемыя историческія событія имѣли отличительный характеръ, были бы замѣчательны по своему историческому вліянію на жизнь народа; и особенно не надобно забывать, чтобы источниками для этихъ описаній служили классическіе образцы (**). Такъ, напр., войны могутъ быть предметомъ для сочиненій: 1. Завоевательныя: а) романически-героическаго характера (походы Александра Великаго), б) воинственно-политическаго характера (Цезарь въ Галліи). 2. Войны за свободу: а) отраженіе сильнаго врага (Персидская война), б) низпроверженіе ига (отпаденіе Нидерландовъ). 3. Славное, великодушное отступленіе (Анабазисъ). 4. Рѣшительная всемірная битва двухъ наро-

(*) Слич. Diesterweg, Wegweiser, I, 379; Herling, Theoretisch-Praktisches Lehrbuch der Stylistik, 1837, I, предисловіе, стр. IX.

(**) Hiecke, Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

довъ на животъ или на смерть (Пуническія войны). 5. Гражданскія войны (Пелопоннезская). 6 Религіозныя (Гугеноты). 7. Войны смѣшаннаго характера, гдѣ соединяются и политическіе, и религіозные, и патріотическіе, и завоевательные интересы (Тридцатилѣтняя), и т. д. Тоже самое должно сказать и о Географіи, или Естественной Исторіи, гдѣ только введена сія послѣдняя. Напр. общее географическое обозрѣніе; частное описаніе извѣстной страны въ отношеніи къ естественнымъ произведеніямъ, къ образованію земли, къ исторіи и т. д.; теченіе рѣки (Рейна, Днѣпра, Волги); образованіе горъ (Алпійскихъ, Кавказскихъ); въ отношеніи этнографическо-статистическомъ, описаніе образа жизни народовъ южныхъ и сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, описаніе крѣпостей, городовъ торговыхъ, приморскихъ, нагорныхъ, столичныхъ, и т. п. Чтеніе классиковъ греческихъ и римскихъ также должно примѣняться къ письменнымъ упражненіямъ; напр. изъ чтенія Цезаря можно извлечь слѣд. темы: 1. Храбрость нѣкоторыхъ воиновъ въ Галльскомъ походѣ. 2. Характеристика Римскаго войска въ Галліи подъ начальствомъ Цезаря. 3. Какое участіе принимали въ дѣлахъ Цезаря его сподвижники? 4. Политическія отношенія Галліи до завоеванія ея. 5. Воинскія и 6. Политическія дѣйствія Цезаря при завоеваніи Галліи. 7. Цезарь въ Галліи.

Такъ какъ въ Гимназіи всѣ учители совокупными силами стремятся дать ученикамъ общее образованіе, потому непремѣнно должны помогать другъ другу. Какъ учитель отечественнаго языка иногда по необходимости входитъ въ

области преподаванія другихъ учителей, ибо языкъ есть выраженіе всякой духовной дѣятельности человѣка: такъ и прочіе учители должны помогать въ образованіи отечественнаго дара слова не только изустными упражненіями, но и письменными. Многіе, къ сожалѣнію, вовсе не хотятъ этого понять. Начальники часто жалуются именно на учителя русскаго языка, когда замѣтятъ, что ученикъ разсказывая урокъ историческій или географическій, сдѣлалъ какую нибудь грамматическую ошибку; а учители Исторіи или Географіи остаются правы за то, что потакаютъ грамматическимъ ошибкамъ своихъ учениковъ: языкъ имъ кажется дѣломъ постороннимъ; будто онъ лежитъ на отвѣтственности только учителя словесности. Но можноли сему послѣднему въ немногіе уроки твердо и безошибочно научить тому, что всѣ остальные учители портятъ своимъ невниманіемъ и небреженіемъ? Если уже для образованія изустнаго выраженія необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ учителей, то тѣмъ паче для письменнаго.—Для учителей древнихъ языковъ пусть письменно переводятъ ученики классическихъ писателей, для учителей новыхъ языковъ— французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ; да не такъ какъ это весьма часто дѣлается: т. е. учители чужихъ языковъ смотрятъ въ переводѣ только на то, понялъ ли ученикъ автора, а какъ выразился порусски, о томъ имъ и горя мало. Притомъ учители новыхъ языковъ, какъ иностранцы, по большой части плохо знаютъ по русски; слѣд. переводы съ новыхъ языковъ не приносятъ никакой пользы для языка отечественнаго. Въ этомъ случаѣ учитель французскій и нѣмецкій пускай передаютъ ученическіе переводы

учителю отечественнаго языка. Прочіе учители тоже должны задавать гимназистамъ письменныя упражненія, даже учитель математики, разумѣется только изъ физики. О темахъ изъ Исторіи и Географіи сказано уже выше: учители этихъ предметовъ, задавая письменныя упражненія, сами увидятъ, сколько принесутъ ученикамъ пользы: до сихъ поръ они обогащаютъ только ихъ память, посредствомъ же сочиненій предметы ихъ преподаваній войдутъ живительнымъ элементомъ въ общее духовное образованіе ученика, въ воспитаніе его характера. Обыкновенно говорятъ, что учитель отечественнаго языка оказываетъ самое сильное вліяніе на нравственное направленіе ученика. И дѣйствительно, такое мнѣніе останется правдою до тѣхъ поръ, пока онъ одинъ будетъ упражнять учениковъ въ сочиненіи. Впрочемъ нравственныя и религіозныя темы, задаваемыя въ классѣ словесности, часто вредятъ нравственности, вызывая въ ученикѣ лицемѣрное изліяніе добродѣтельныхъ чувствовованій, и такимъ образомъ вовлекая въ ханжество. Потому-то законоучитель постоянно долженъ быть правителемъ нравственности учениковъ; онъ не столько образовываетъ умъ и память учащихся, сколько сердце и душу со всѣми ея сокровенными движеніями. Чѣмъ же онъ можетъ повѣрить успѣхи своихъ учениковъ на поприщѣ искренняго, внутренняго совершенствованія всего духовнаго бытія ихъ? Нравственность не въ словѣ, а въ дѣлѣ и благородномъ чувствѣ. Не заучиванье наизусть, а внутреннее, въ себя углубляющееся, созерцаніе дружитъ насъ съ правдою. Одно изъ лучшихъ средствъ къ тому сочиненіе.

Потому (*): «прямое, сообразное съ школою содѣйствіе всѣхъ предметовъ преподаванія должно состоять въ томъ, чтобы каждый учитель, въ извѣстное время, напр., въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, одинъ разъ или дважды, задавалъ ученикамъ письменныя упражненія.—Такимъ образомъ ученику придется писать болѣе, нежели тогда, когда бы предоставлено было упражненіе въ письмѣ только одному учителю отечественнаго языка. Слѣдовательно, не будетъ и несообразныхъ, съ вѣтру пойманныхъ темъ, какія обыкновенно выдумываютъ учители словесности единственно для того, чтобы образовать слогъ во всемъ разнообразіи, выбирая предметы для сочиненій изъ всего круга наукъ: какъ будто бы учитель отечественнаго языка есть вмѣстѣ и учитель исторіи, и технологіи, и естественной исторіи.»

«Очевидное и главное свидѣтельство духовнаго образованія есть отечественный *слогъ* (**): только жаль, что ему нельзя непосредственно выучить, какъ исторіи, математикѣ и др.; тоже нельзя учить и такъ, какъ учатъ латинской стилистикѣ. Онъ не есть плодъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ знаній въ отечественномъ языкѣ, ни частыхъ упражненій письменныхъ, ни внимательнаго чтенія писателей: но съ одной стороны есть врожденное дарованіе, а съ другой плодъ общаго духовнаго совершенствованія.

(*) K. Wackernagel, Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, страницы 86, 87.

(**) Döderlein, Reden und Aufsätze, 1843, стр. 243.

Можно сказать, что совокупное гимназическое обученіе способствуетъ развитію отечественнаго слога, какъ цвѣту всякаго образованія; и чѣмъ справедливѣе пословица: le style c'est l'homme, тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобы слогъ *давался*: слогъ не дается точно также, какъ и характеръ.»

5. Отношеніе письменныхъ упражненій къ преподаванію отечественнаго языка.

Учитель отечественнаго языка долженъ выучить дѣтей правильно писать *чужое*, и потомъ сочинять *свое*. Къ первому относится правописанье, ко второму, кромѣ собственно сочиненій, переводы, извлеченія и т. п. И то и другое не должно выходить изъ предѣловъ предмета преподаванія, т. е какъ правописаніе исключительно основывается на грамматикѣ, такъ сочиненія, извлеченія, переводы на чтеніи образцовыхъ писателей, на исторіи литературы, на сравнительномъ языковѣдѣніи и т. п. Всѣ собственныя письменныя упражненія учениковъ Бенеке (*) подводитъ къ четыремъ статьямъ: 1) дается *содержаніе* вмѣстѣ съ словеснымъ выраженіемъ онаго, т. е. вмѣстѣ съ *формою*; 2) дается *содержаніе*, но во *внѣшнемъ* или *внутреннемъ воззрѣніи* на предметъ. слѣд. безъ формы; 3) дается *форма*: найти содержаніе; 4) ни того ни другаго не дается: *найти и форму и содержаніе*. Эти статьи идутъ въ восхо-

(*) Erziehungs-und Unterrichtslehre, 1842, II, 414 и слѣд.

дящемъ порядкѣ: первая легчайшая; къ ней относятся отвѣты на вопросы о томъ, что уже было сказано: письменное или словесное повтореніе предложеннаго учителемъ; извлеченіе изъ прочтеннаго, и т. п. Переводъ съ чужаго языка составляетъ переходъ ко второй статьѣ: ибо хотя дается и содержаніе и форма, но форму надобно передѣлывать, самостоятельно вращаясь въ понятіяхъ роднаго языка. Ко второй статьѣ относятся описанія предметовъ природы видимой и духовной, произведеній искусства. Къ третьей подражанія въ формѣ басни, повѣсти, письма, разговора и т. п. Послѣдняя статья имѣетъ самое обширное примѣненіе: на низшей ея степени дитя пріискиваетъ сказуемое къ подлежащему, подлежащее къ сказуемому, дополненія, опредѣленія и обстоятельства къ тому и другому; на степени высшей сочиняетъ, напр., на заданную пословицу, описываетъ вымышленный характеръ и т. д.—Изъ этого обозрѣнія слѣдуетъ исключить, вопервыхъ, все то, что лежитъ въ обязанности не одного учителя русскаго языка, но и прочихъ учителей; и вовторыхъ, всѣ упражненія, несоотвѣтствующія дѣтскому и юношескому возрасту. По моему мнѣнію, учитель русскаго языка, ограничиваясь собственнымъ своимъ предметомъ, могъ бы подвести всѣ письменныя упражненія учениковъ къ тремъ отдѣламъ: 1) къ выраженію, 2) расположенію и 3) изобрѣтенію. Въ первомъ случаѣ даны и содержаніе и расположеніе; слѣдуетъ найти выраженіе: переводъ съ чужаго языка. Переложеніе съ церковнославянскаго и древнерусскаго и для выраженія даетъ матеріалы, изъ коихъ слѣдуетъ избрать реченія, приличныя современному слогу. Во

второмъ случаѣ—или даны содержаніе и форма—привесть ихъ въ порядокъ: сюда относятся систематическія извлеченія плановъ изъ прочтеннаго; переработка стариннаго памятника нашей словесности по мысли, требующей инаго порядка въ расположеніи; систематическая обработка какого либо предмета, извлеченнаго изъ различныхъ книгъ и писателей. Или же дано одно содержаніе—привесть въ порядокъ и пріискать выраженіе: обработка какого нибудь произведенія съ языка чуждаго: не просто переводъ, но или извлеченіе плана, или измѣненіе онаго, или извлеченіе изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ, приведенное въ стройный порядокъ; письменное изложеніе урока изъ словесности, съ измѣненіемъ расположенія. Въ третьемъ случаѣ, такъ какъ не дается содержанія, то вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, не дается и расположенія, и выраженія: упражненія этого рода должны задаваться съ большой разборчивостью и въ извѣстныхъ границахъ. Темы на такія сочиненія должны быть предоставляемы на волю самихъ учениковъ: учитель заблаговременно долженъ одобрить то, о чемъ имъ вздумается писать, и все-таки указать на нѣкоторые источники, чтобы обогатить содержаніе сочиненія или дать образецъ для расположенія.—Учитель отечественнаго языка такимъ образомъ примкнетъ письменныя упражненія къ своему предмету: въ выраженіи и расположеніи онъ главный руководитель; касательно же матеріала для сочиненій, онъ даетъ исторію словесности, отрывокъ изъ образцоваго писателя, точно такъ какъ учитель исторіи или географіи—факты своихъ наукъ.

а) Правописаніе.

Правописанье на низшей своей степени лежитъ въ обязанности учителя не грамматики, а азбуки и чистописанія. Пока эта простая истина не признается и не приведется въ исполненіе въ нашихъ школахъ, до тѣхъ поръ не будетъ успѣшной педагогической методы въ обученіи правописанью (*). Сначала дитя должно учиться писать такъ, какъ слышитъ и говоритъ: здѣсь связь правописанья съ звуковою методою азбуки. Буквичная метода, т. е. обученье читать по буквамъ, т. е. *буки азъ ба*, или *бе а ба*, изгнанная теперь изъ школъ, не принесетъ такой пользы для правописанья, какъ звуковая, по которой дитя съ перваго разу знакомится съ элементами слова въ естественномъ и живомъ соединеніи оныхъ. Если дитя правильно пересчитаетъ порядокъ звуковъ въ словѣ, то въ послѣдовательности и напишетъ соотвѣтствующія звукамъ буквы, не пропустивъ ни одной, ибо твердо умѣетъ складывать Если же къ тому съ самаго начала при чистописаньи будетъ обращаться вниманіе и на правописанье, т. е. если на чистописаньи дѣти привыкнутъ писать правильно многія слова и выраженія: то учитель грамматики, на такомъ твердомъ основаніи, легко и скоро можетъ выучить дѣтей писать правильно. Грамматическое обученіе правописанью не ограничивается уже правиломъ—писать такъ, какъ говоришь и слышишь, а требуетъ писать, какъ должно грам-

(*) Diesterweg, Wegweiser, I, 367—374.

матически, согласуясь съ законами производства и измѣненія словъ, и связи предложеній: слѣд. учитъ не только правильно писать слова, но и отдѣлять ихъ знаками препинанія. Къ этому надобно прибавить одно весьма важное условіе: въ обученіи правописанью не дѣлать никакихъ нововведеній, не смотря даже и на то, еслибы они были истинными улучшеніями: но слѣдовать общему употребленію. Ибо мы учимъ дѣтей для жизни, какъ она есть. Разноголосица же съ обществомъ ни къ чему доброму не поведетъ учениковъ. Осужденіе общепринятаго возбудитъ въ нихъ духъ неразумной гордости и суетнаго чванства, неразлучнаго съ дерзкимъ осмѣяніемъ. Учитель можетъ писать, какъ ему угодно, какъ находитъ правильнѣе: ученики же должны писать такъ, какъ пишутъ всѣ.

Главнѣйшія начала при обученіи правописанью:

1) Элементарная ступень, т. е. писать какъ говоришь и слышишь, должна быть отдѣлена отъ высшей, отъ собственнаго правописанія.

2) Идти впередъ какъ можно осмотрителенѣе: не начинать новаго до тѣхъ поръ, пока ученики не укрѣпятся въ показанномъ.

3) Съ упражненіемъ соединять объясненіе.

4) Сначала дѣти списываютъ себѣ на тетрадь написанныя на доскѣ слова и предложенія.

5) Потомъ переписываютъ изъ книги заданные учителемъ для того уроки.

6) Далѣе переписываютъ на бумагу выученное наизусть, разумѣется, безъ книги.

7) Наконецъ пишутъ подъ диктантъ.

8) При диктантѣ учитель, сказавъ предложеніе, заставляетъ нѣсколькихъ учениковъ повторить оное, для того, чтобы убѣдиться, что они правильно его разслышали. Притомъ можно заставлять пересчитывать въ порядкѣ всѣ буквы сказаннаго слова.

9) Когда уже продиктовано, при корректурѣ учитель употребляетъ слѣдующіе разнообразные пріемы: или заставляетъ учениковъ дома сличить продиктованное съ подлинникомъ, если диктовалось изъ хрестоматіи; или пишетъ самъ, или же лучшій ученикъ, на доскѣ, и помѣрѣ писанія ученики поправляютъ свои тетради, для того, чтобы не сидѣли даромъ, пока исписалась бы вся доска; или ученики мѣняются тетрадями и поправляютъ другъ друга: или учитель беретъ тетради домой и замѣчаетъ ошибки, но не поправляетъ: это дѣло учениковъ; при этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить одно обстоятельство: нѣкоторые ученики, или по разсѣянности или по недобросовѣстности, кой-какъ поправляютъ подчеркнутое учителемъ слово; для того лучше не подчеркивать ошибки подъ строками, а дѣлать знакъ противъ строки на поляхъ, тогда ученикъ обязанъ будетъ прочесть цѣлую строку и найти ошибочно написанное слово. Учитель не долженъ ограничиваться какимъ-либо однимъ изъ этихъ пріемовъ, но пользоваться всѣми. Сверхъ означенныхъ можетъ употреблять и другіе.

10) Касательно полицейской части при диктантѣ, надобно также держаться нѣкоторыхъ пріемовъ: разсаживать учениковъ по числу ошибокъ; лѣнивыхъ и неисправныхъ заставлять дома одинъ или даже нѣсколько разъ переписать правильно то, въ чемъ надѣлали много ошибокъ. По-

лезно также разъ десять или двадцать написать правильно какое нибудь слово, въ которомъ ошибаешься.

11) Обыкновенно не радѣютъ дѣти о правописаньи, когда пишутъ для учителей прочихъ предметовъ. Надобно, чтобы всѣ учители строго слѣдили за правописаньемъ учениковъ.

12) Правописанье должно обратиться въ привычку; ученикъ долженъ дойти до того, чтобы и безсознательно, не думая, писалъ правильно. Потому весьма неудачна метода тѣхъ, которые учатъ правописанью по ошибочно написанному или ошибочно напечатанному, заставляя учениковъ поправлять ошибки. Какъ же дитя привыкнетъ къ правильности, если постоянно читаетъ только ошибки? Намѣренно напечатанныя съ ошибками практическія упражненія въ правописаньи могутъ употребляться съ пользою только на экзаменахъ, или и въ урокѣ, но уже при испытаньи, чтобъ увѣриться въ знаніи ученика.

13) Дальнѣйшее и окончательное утвержденіе учениковъ въ правописаньи при сочиненіяхъ и переводахъ.

б. Начальныя письменныя упражненія.

Въ низшихъ классахъ еще нельзя задавать ни переводовъ, ни извлеченій, ни переложеній. Для переводовъ требуется знанія чужихъ языковъ и нѣсколько упражненнаго отечественнаго періода. Вредно и опасно слишкомъ рано задавать дѣтямъ переводы, даже и тогда, когда они порядочно владѣютъ языкомъ, съ котораго переводятъ. Сначала имъ надобно укрѣпиться въ руской рѣчи: иначе

они исказятъ ее варваризмами. Извлеченіе изъ хрестоматіи въ началѣ также неудобно, хотя не столько мучительно для дѣтей, какъ переводъ. Это еще не главная бѣда, что они будутъ слово въ слово выписывать по цѣлымъ строкамъ: а не хорошо то, что, выписывая изъ разныхъ мѣстъ статьи, пріучаются къ безсвязному, нелогическому изложенію. Въ высшихъ классахъ и извлеченіе имѣетъ смыслъ. Переложеніе съ русскаго на русскій же едва ли не опаснѣе извлеченія. Передъ ученикомъ лежатъ, напр., басни Крылова или сказки Пушкина, и онъ немилосердно искажаетъ ихъ, переписывая на тетрадь своею дѣтскою рѣчью. А важнѣйшая-то ошибка въ томъ, что дѣти получатъ дурной предразсудокъ, что туже самую мысль можно выразить другими словами, нежели тѣ, въ какія облекъ ее классическій писатель. Переложеніе стиховъ въ прозу также имѣетъ свою невыгодную сторону: ученики съизмала пріучатся думать, что стихотворная форма есть нѣчто случайное въ поэзіи, и что всякое поэтическое произведеніе можно разложить въ прозу. И вообще есть что-то неорганическое, мертвящее и убивающее въ ученическихъ первоначальныхъ переложеніяхъ.

Такъ какъ сочиненіе есть тотъ же разсказъ и разговоръ, только на бумагѣ: то самымъ естественнымъ началомъ собственныхъ сочиненій долженъ быть нечувствительный переходъ отъ изустнаго разсказа къ письменному. Заставляя ученика правильно пересказать разсказанную басню, учитель учитъ его уже и сочинять. Итакъ, постояннымъ разсказываньемъ дѣти приготовляются къ сочиненіямъ. Впослѣдствіи, когда они нѣсколько укрѣпятся въ правописаньи,

учитель задаетъ имъ дома написать на бумагѣ *тоже самое и точно также*, что разсказывали въ классѣ. При этомъ надобно обратить вниманіе на два обстоятельства: 1. для сочиненій учитель долженъ разсказывать или читать изъ писателей образцовыхъ, изъ Русской и Священной Исторіи, и т. п.: однимъ словомъ, всегда что нибудь *дѣльное*. 2. Строго наблюдать, чтобы не было у учениковъ книги съ тѣмъ разсказомъ, который должны они пересочинить: въ противномъ случаѣ, вмѣсто сочиненія, будутъ извлеченія и переложенія, съ своими вредными слѣдствіями.

в. Переводы.

Письменныя упражненія должны органически смыкаться съ теоретическою частью преподаванія. Въ грамматикѣ переводамъ соотвѣтствуетъ сравнительное языкознаніе. Каждый народъ смотритъ на вещи посвоему, съ своей точки зрѣнія. Можно рѣшительно сказать, что слова на разныхъ языкахъ, выражающія совершенно одну и туже мысль, не имѣютъ одного и того же значенія (*); ибо всякое слово выражаетъ особое впечатлѣніе, особенный взглядъ на природу: а на каждый предметъ можно смотрѣть со множества точекъ зрѣнія. Такъ *жито*, понѣм. Getreide (двн. gitrakidi) означаетъ выносимое изъ земли (getragen), полат. frumentum зн. и плод (fruges, fructus) и пользованіе имъ (fruor); послав. *збожіе* или *сбожіе* (богатство), *обиліе*,

(*) W. Humboldt, Sprachbau, 222.

употребляются вм. *жита*. Одинъ и тотъ же предметъ одаренъ различными свойствами, и каждый языкъ называетъ его по одному какому либо свойству. Напр. лиса—красная, волосатая, хищная, лукавая: понѣм. слово лиса зн. красный (т. е звѣрь), посанскр. lomaça, lopâçaka—волосастый, слич. гр. ἀλώπηξ; лат. vulpes (одного корня съ нѣм. wolf: гот. vilvan—грабить) зн. грабителя, хищника, пофр. въ старину также volps; нынѣшнее же le renard перешло въ нарицательное отъ собственнаго имени Reinardus, Reinhart fuchs, Renart.—Сравнительная этимологія и и особенно сравнительный синтаксисъ постоянно примѣняется къ переводамъ. Дѣти не только узнаютъ, но и учатся примѣнять къ дѣлу идіотизмы отечественные, и строго отличать отъ иностранныхъ. Будетъ великая заслуга учителя словесности, если онъ на переводахъ убѣдитъ своихъ учениковъ въ томъ, что всякое классическое сочиненіе вполнѣ изящно только на своемъ языкѣ, и что никакой переводъ не замѣнитъ подлинника, ибо всякій языкъ выражаетъ впечатлѣнія по своему.

г. Переложенія.

Переложеніе древнихъ памятниковъ нашей литературы такъ же тѣсно связывается съ историческимъ языковѣдѣніемъ, какъ переводы съ сравнительнымъ. Карамзинъ долженъ ввести въ упражненія этого роду, ибо его Исторія предлагаетъ множество образцевъ переложенія. Кто сличалъ эти переложенія съ подлинниками, знаетъ, сколько замствовалъ изъ нихъ Карамзинъ, и, вѣроятно, убѣжденъ,

что писать Карамзинскимъ слогомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть самостоятельнымъ—значитъ перелагать древніе памятники. Если цѣль обученія состоитъ въ томъ, чтобы дать ученику общія начала, коимъ бы онъ слѣдовалъ, и кончивъ ученье, т. е воспитать ученика такъ, чтобы онъ, вышедши изъ школы, былъ самъ себѣ учителемъ: то лучшій наставникъ въ слогѣ Карамзинъ. Слѣдуя ему, будешь самостоятеленъ. Какъ при переводахъ сличаются выраженія чисто русскія съ варваризмами, такъ при переложеніяхъ показывается отношеніе стариннаго языка къ современному. Переводы даютъ слогу общеевропейское, многостороннее направленіе; переложенія удерживаютъ его на родной почвѣ. Разумѣется, что переложеніе не всегда можетъ быть надстрочное, и потому иногда переходитъ въ переработку. Напр. написать по лѣтописямъ о Мамаевомъ побоищѣ, объ Александрѣ Невскомъ, присоединеніи Новагорода, Пскова, и т. п. Древніе памятники писаны частію на церковнославянскомъ, частію на древнерусскомъ языкѣ, весьма близкомъ къ теперешнему народному: такъ что отъ сочиненій религіозныхъ, черезъ посланія, лѣтописи, юридическіе документы, нечувствительно переходишь къ древнимъ русскимъ стихотвореніямъ, а отъ сихъ послѣднихъ къ народнымъ сказкамъ и пѣснямъ. Потому въ переложеніяхъ, кромѣ архаизмовъ, научаешься отличать и выраженія чисто народныя, и также провинціализмы. Слѣд. въ Стилистикѣ статьи объ архаизмахъ, народномъ языкѣ и провинціализмахъ относятся къ переложеніямъ точно такъ же, какъ варваризмы къ переводамъ. Мы не можемъ теперь постоянно удерживать старинную связь предложеній

и періодовъ: потому ученикъ древнему матеріалу долженъ иногда давать современную форму предложенія: этому научитъ его Карамзинъ.

д. Извлеченія.

Извлеченія также органически связываются съ теоретическою частью курса, примыкаясь съ одной стороны къ чтенію писателя, а съ другой къ логическому отдѣлу Реторики, къ расположенію. Упражненія этого роду могутъ быть слѣдующія:

1. Извлеченіе выраженій. Ученики выписываютъ изъ какого нибудь классическаго произведенія замѣчательныя слова и выраженія, тропы, фигуры, синонимы и т. п. Такъ напр. изъ Исторіи Пугачевскаго бунта (по изданію 1834 года): а) отдѣльныя слова: *слѣдъ* ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался 116. ночью, въ *волновую* погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу 162. кто былъ скуденъ, *очутился* богатъ 134. прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою 166. б) Падежи: Голицынъ потерялъ до четырехъ сотъ *убитыми* и *ранеными* 91. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ *убитыми* и три тысячи пятьсотъ *взятыми* въ плѣнъ 95. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ *убитыми* и *ранеными* 113. Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемь-сотъ человѣкъ *убитыми* и сто восемьдесятъ *взятыми* въ плѣнъ 131. Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ *убитыми* и *ранеными* 133. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ

убитыми и до семи тысячъ *взятыми* въ плѣнъ 156. в) Числа: бунтовщики потупили *голову* 160. Зарубинъ уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое *верхами* 17, вм. верхомъ. г) Предлоги: доносщикъ *названъ отъ* Пугачева Полковникомъ 121. (Меллинъ) взялъ подъ караулъ Прапорщика Шахмаметева, *посаженнаго* въ Воеводы *отъ* самозванца 145. д) Согласованіе: *взято* въ плѣнъ *три тысячи* бунтовщиковъ 97. е) Порядокъ словъ: въ смутное *сіе* время 13. ж) Сравненія: выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби битой десятью барабанщиками 67. все это насъ такъ ободрило — говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ,— какъ будто мы съѣли по куску хлѣба 103. — Такія извлеченія не только обогатятъ слогъ учениковъ, но и будутъ имъ живою, самостоятельною грамматикою и Стилистикою. Для образца можно имъ указать еще въ этой части стр. 151 — 177 и во второй стр. 224 — 225, 305 — 309, 339, 343.

2. Извлеченіе содержанія. Это упражненіе должно замѣнить такъ называемыя общія мѣста. Дѣти еще бѣдны мыслями и фактами: пусть выписываютъ они себѣ отрывочныя замѣчанія изъ того, что читаютъ. Это пріучитъ къ наблюдательности и обогатитъ знаніемъ.

3. Извлеченіе плана. Оно служитъ примѣненіемъ теоріи расположенія къ чтенію писателя и къ письменнымъ упражненіямъ, и чрезвычайно укрѣпляетъ судительную силу. Изъ разобранной статьи ученикъ извлекаетъ главную мысль, и проводитъ ее черезъ всѣ частности: главная мысль бу-

детъ какъ бы подлежащее, частности же — различныя сказуемыя, ее опредѣляющія. Надобно, чтобы отдѣлы плана съ подраздѣленіями ученикъ означалъ цыфрами, буквами, отдѣлялъ въ новую строку, и т. п.

Е. СОБСТВЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Собственныя сочиненія должны быть не болѣе, какъ видоизмѣненіе и соединеніе вышеозначенныхъ упражненій. Содержаніе ихъ — чтеніе писателей и теоретическій урокъ словесности. Желательно, чтобы въ высшихъ классахъ Гимназіи ученики дома составляли краткое письменное обозрѣніе того, что̀ услышатъ въ классѣ отъ учителя словесности. Особенно исторія литературы можетъ дать богатый матеріялъ. Напр. въ классѣ прочтена Державина ода Богъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нее, самимъ поэтомъ сдѣланными: учитель ставитъ въ параллель строфы оды съ историческими обстоятельствами, при коихъ она была написана; указываетъ главную мысль, и проводитъ ее черезъ всю оду, — т. е. что человѣкъ долженъ возноситься къ Богу не фантазіею, не тщетными словами, а умиленною молитвою и слезами. Ученики гораздо лучше поймутъ и учителя и разобранное сочиненіе если сообразятъ дома, на бумагѣ. Пускай незаучивается беллетрическая часть курса словесности, а передается отъ учениковъ письменно. Для соображенія предлагаю нѣсколько темъ:

О Ломоносовѣ: по статьѣ Батюшкова, по письмамъ Ломоносова, по его портфелю (въ Очеркахъ Россіи Пассека) и т. п.

О Недорослѣ Фонъ Визина и о комедіи вообще: по статьѣ Кн. Вяземскаго, по Гоголеву Разъѣзду.

О Кантемирѣ: по разговору Батюшкова.

Жизнеописаніе нѣкоторыхъ преподобныхъ писателей древнихъ: по житіямъ Святыхъ.

Характеристика Князей и Царей Русскихъ: по лѣтописямъ и по Карамзину; взять въ соображеніе отрывокъ изъ Хронографа Кубасова, помѣщенный въ Славянской Хрестоматіи Пенинскаго.

Характеристика древнихъ великихъ людей: по Плутарху, Курцію, Корнелію Непоту и др.

Изложеніе нѣкоторыхъ теоретическихъ мнѣній о поэзіи: по теоріи поэзіи въ историческомъ развитіи, Проф. Шевырева; по чтеніямъ о словесности, Проф. Давыдова.

Описаніе нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ, обрядовъ, игръ: по сочиненію Снегирева объ этомъ предметѣ; по сказаніямъ Русскаго народа, Сахарова (*).

Такъ какъ ученики начнутъ писать собственныя сочиненія, уже достаточно упражнившись и постоянно упраж-

(*) Вѣроятно, интересно будетъ нѣкоторымъ узнать, что сочиняютъ нѣмецкіе гимназисты. Т. Гейнзіусъ въ послѣдніе два года, въ Берлинской Гимназіи, между прочими, вотъ какія задавалъ темы: Шиллеръ какъ дидактическій поэтъ. Дантъ и его Божественная Комедія. О характерѣ романтической школы. Жизнь Демосѳена. О характерѣ Маркиза Позы. О характерѣ Креона въ Антигонѣ. О Греческой драмѣ. О единствѣ въ эпосѣ. Reineke fuchs. Das Kirchenlied. Объ Емиліи Галотти Лессинга, и объ его же Лаокоонѣ. О поэзіи по цѣли и средствамъ. Сравненіе трехъ греческихъ трагиковъ: Есхила, Софокла и Еврипида. Что способствовало процвѣтанію краснорѣчія у древнихъ. О Цицеронѣ какъ ораторѣ Смотр. Zeitgemäsze Pädagogik der Schule, стр. 184—185.

няясь въ слогѣ на переводахъ, переложеніяхъ: то въ сочиненіи преимущественное вниманіе слѣдуетъ обращать на расположеніе, и притомъ на расположеніе не только главныхъ частей плана, но и подробностей. То есть, слѣдуетъ наблюдать за теченіемъ мысли и за логическимъ естественнымъ переходомъ отъ одного предложенія къ другому. Для этого весьма полезно выставлять на поляхъ тетради противъ каждаго періода цыфру. Когда такимъ образомъ всѣ предложенія будутъ на перечетѣ: тогда ученикъ ясно увидитъ, не повторилъ ли онъ во второмъ періодѣ то, что было уже въ первомъ; естественно ли слѣдуетъ второй періодъ за первымъ, или его перемѣстить туда, гдѣ третій и т. д. Слѣд. Логика должна проходить черезъ всѣ предложенія, связывая ихъ неразрывною цѣпью.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Отрывочныя свѣдѣнія, набранныя учениками въ теченіи цѣлаго курса изъ чтенія писателей и изъ матеріаловъ для письменныхъ упражненій, должны быть приведены въ систему, разумѣется уже въ послѣднемъ классѣ Гимназіи. Это систематическое обозрѣніе будетъ вмѣстѣ и повтореніемъ. Такъ какъ историческое направленіе гораздо надежнѣе философскаго, и доступнѣе юношескому возрасту: то, безъ сомнѣнія, это общее обозрѣніе должно состоять въ исторіи русской словесности и языка. До сихъ поръ въ нашихъ Гимназіяхъ мало обращаютъ вниманія на древнюю церковнославянскую литературу, между тѣмъ какъ короткое знакомство съ нею необходимо всякому образован-

ному человѣку, ужъ для одного того, чтобы отчетливо понимать Св. Писаніе и церковную службу. А для основательности науки выгода огромная: потому что древніе памятники дадутъ исторіи литературы направленіе филологическое. Критическая оцѣнка писателей должна развивать въ ученикахъ не одно чувство эстетическое, но и нравственное: а наша старина предлагаетъ для того безцѣнные памятники. Хотя преимущественное вниманіе обращается на сочиненія, однако великую пользу можно принести и жизнеописаніемъ сочинителя. Такъ, жизнь Ломоносова будетъ для дѣтей образцомъ учебной и ученой дѣятельности, ибо жизнь его дѣлится на двѣ половины: въ первой онъ только учится, во второй и учится и учитъ; въ первой онъ ученикъ, въ послѣдней учитель.

Такъ называемая теорія словесности взойдетъ въ исторію, какъ часть. Напр. ученіе о стихосложеніи начинается чтеніемъ стиховъ, оканчивается же исторіею нашего стихосложенія отъ силлабическихъ виршъ и древнихъ стихотвореній черезъ теоріи Тредьяковскаго, Державина до нашихъ временъ.

Главное дѣло въ исторіи литературы — основательность: т. е. говорить ученикамъ по большой части только о такихъ произведеніяхъ, которыя они прочли и изучили. Этимъ опредѣляется и объемъ и метода науки.

ОПЫТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.

1. НАЧАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА.

Съ самаго начала слѣдуетъ пріучать дѣтей читать такъ, какъ говорятъ, и отклонять ихъ сколько возможно отъ чте-

нія чисто механическаго. Для того заставлять перечитывать одно и тоже выраженіе до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ его и не прочтутъ, какъ слѣдуетъ. Начинать простыми предложеніями, утвердительными, отрицательными, вопросительными, съ разборомъ логическимъ и вещественнымъ (réelle); разборъ грамматическій придетъ послѣ. Учитель постоянно даетъ вопросы, и не ограничивается единственно собственнымъ своимъ объясненіемъ. Сначала дѣлаетъ онъ разборъ логическій, впрочемъ не говоритъ при немъ ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ. Заставляетъ дѣтей отыскивать подлежащее черезъ сказуемое и дополненіе, а сказуемое и дополненіе черезъ подлежащее; подлежащее черезъ опредѣленіе, и опредѣленіе черезъ подлежащее. Дитя механически прочло, напр., слѣдующее предложеніе: Богъ сотворилъ небо и землю. Учитель спрашиваетъ: кто сотворилъ небо и землю? потомъ: что говорится здѣсь о Богѣ? послѣ дать объясненіе вещественное, т. е. опредѣлить значеніе словъ: Богъ, сотворилъ, земля, небо. Заставить дитя еще разъ прочесть это преложеніе, и уже по самому способу выраженія, по голосу, какимъ прочтетъ, можно судить, что оно поняло.—Чтобы убѣдиться окончательно, разумѣютъ ли дѣти прочтенное, самое лучшее средство—заставить ихъ тоже самое сказать другими словами, нѣкоторымъ образомъ перевесть. Потомъ приступить къ разбору предложеній болѣе сложныхъ и длинныхъ. Здѣсь отыскивается главная мысль. Вмѣстѣ съ дѣтьми перечитавъ то же самое нѣсколько разъ, заставить ихъ переложить прочтенное по своему, своими словами — словесно или письменно: здѣсь начало собственнымъ сочи-

неніямъ. Всѣ эти упражненія, образуя судительную силу дѣтей и вмѣстѣ уча ихъ правильному чтенію, развязываютъ даръ слова и учатъ Грамматикѣ. И только послѣ этакихъ упражненій можно уже будетъ приступить собственно къ Грамматикѣ и разбору грамматическому (*).

Понятно, что въ первоначальныхъ урокахъ нельзя взять для чтенія писателя классическаго. Надобно избрать что нибудь самое краткое, для дѣтей удобопонятное и занимательное; надобно разбудить судительную ихъ силу разсказами самыми яркими, такими, гдѣ бы они съ перваго разу могли быть судьями, слѣд. могли бы судить. Для первыхъ уроковъ заимствую у одного Голландскаго педагога упражненія въ отличіи истиннаго отъ ложнаго (**):

Учитель предварительно говоритъ дѣтямъ, чтобы они внимательно разсудили, чему въ слѣдующихъ разсказахъ можно повѣрить и чему нѣтъ.

1. Двѣ собаки гнались за зайцемъ, а заяцъ обернулся назадъ, искусалъ собакъ, да и прогналъ ихъ.

Разборъ. Двѣ собаки гнались за зайцемъ: о комъ говорится? что сказано о двухъ собакахъ? сколько было собакъ? за кѣмъ гнались собаки? сколько было зайцевъ? Если дѣти отвѣтили на эти вопросы, значитъ, поняли предложеніе.—А заяцъ обернулся назадъ: о комъ здѣсь говорится? что же сдѣлалъ заяцъ? куда онъ обернулся?—искусалъ собакъ, да и прогналъ ихъ: кто? что сдѣлалъ? ко-

(*) Essai sur l'éducation du peuple, par Willm, Inspecteur de l' Academie de Strasbourg, 1843, стр. 197 и слѣд.

(**) De l'instruction publique en Hollande, par Victor Cousin, 1837, стр. 290 и слѣд.

го искусалъ и кого прогналъ?—Можно ли этому повѣрить? почему нѣтъ? здѣсь выступаетъ разборъ вещественный: ибо дѣти отличаютъ собаку отъ зайца. Учитель опять спрашиваетъ: могутъ ли летать собаки и зайцы? кто же можетъ летать? стало быть собаки и зайцы не птицы? что же они такое? Такимъ образомъ довести дѣтей до того, чтобы они сказали, что собаки и зайцы звѣри. Разборъ вещественный заключается логическимъ.

2. Одинъ ручеекъ вытекалъ при подошвѣ горы; потомъ текъ на гору до ея вершины, и наконецъ, перетекши черезъ гору, спустился на другую ея сторону.

Разборъ. О чемъ вы прочли? что же было съ ручейкомъ? откуда онъ вытекалъ? что такое подошва горы? потомъ куда онъ текъ? *на* гору или *подъ* гору? все ли равно, что *на* гору текъ, что *подъ* гору? до какихъ поръ текъ онъ на гору? все ли равно, что подошва горы, что вершина? можетъ ли ручей перетечь черезъ гору? стало быть вы знаете, почему здѣсь неправда. Какое различіе между ручьемъ и рѣкой? что больше? чѣмъ они сходны?

3. Была одна курица, и снесла эта курица двѣнадцать яицъ, и стала ихъ высиживать. Черезъ десять дней вывела она и цыплятъ; изъ одного яйца вывела она два цыпленка, изъ другаго яйца вывела она четыре цыпленка, изъ третьяго яйца вывела она шесть цыплятъ, а было и такое яйцо, изъ котораго вывела она двѣнадцать цыплятъ.

Разборъ. О чемъ мы читаемъ? что же прочли о курицѣ? о сколькихъ курицахъ говорится? а сколько она снесла яицъ? что значитъ: высиживать яйца? что случилось съ курицой черезъ десять дней? сколько вывела она цып-

лятъ изъ одного яйца? сколько изъ другаго? можно ли изъ одного яйца вывесть двѣнадцать цыплятъ? на кого курица болѣе похожа, на собаку или ворону? довести дѣтей до того, чтобы они назвали ворону и курицу птицами. Какое различіе между курицею и цыпленкомъ? какъ называются дѣти собакъ, лошадей, коровъ, овецъ?

4. Загорѣлся домъ со всѣхъ четырехъ угловъ; прилетѣла добренькая птичка, да своими крылышками и потушила пожаръ.

Разборъ. Загорѣлся домъ со всѣхъ четырехъ угловъ: о чемъ говорится? что случилось съ домомъ? какъ онъ загорѣлся, съ одного конца, или съ двухъ? кто прилетѣлъ? почему эта птичка была добренькая? прилетѣвши, что сдѣлала птичка? чѣмъ она потушила пожаръ? почему это неправда? чѣмъ же можно потушить пожаръ?

5. Одинъ разъ левъ очень проголодался, и пошелъ по лѣсу искать себѣ пищи; долго онъ искалъ, и не могъ найти. Что же онъ сдѣлалъ? поднялся на задніа лапы, да и полетѣлъ, какъ птица, вверхъ для того, чтобы сверху лучше видѣть во всѣ стороны.

Разборъ. Кто проголодался? что такое левъ? какъ же левъ хотѣлъ помочь своему горю? нашелъ ли онъ себѣ пищи? на какія лапы поднялся левъ? кромѣ заднихъ лапъ какія бываютъ еще? поднявшись на лапы, что сдѣлалъ левъ? для чего полетѣлъ? все ли равно, что вверхъ, что внизъ; что вверху, что внизу? можетъ ли летать левъ? кто же летаетъ? дѣти опять отличаютъ звѣрей отъ птицъ.

6. Однажды лѣтомъ въ сильные жары вдругъ замерзли всѣ рѣки; а когда пришли зимніе морозы рѣки растаяли.

Разборъ. Кто замерзъ? когда замерзли рѣки? что растаяло? когда растаяли рѣки? о чемъ же здѣсь говорится? что говорится о рѣкахъ? бываетъ ли жаркій морозъ, холодный жаръ, теплый снѣгъ, холодный огонь? Въ этой исторійкѣ ложь переложить на правду: т. е. зимою замерзли, лѣтомъ растаяли.

7. Маленькой барашекъ встрѣтился на лугу съ волкомъ; барашку очень хотѣлось ѣсть, и потому онъ убилъ волка и съѣлъ его.

Разборъ. Кто встрѣтился съ волкомъ? что случилось съ барашкомъ? какой былъ барашекъ—большой или маленькой? гдѣ встрѣтился барашекъ съ волкомъ? кому хотѣлось ѣсть—барашку или волку? кто кого убилъ? кто кого съѣлъ? можетъ ли это быть? Дѣти должны разсказать эту басню наоборотъ: т. е. волкъ проголодался и съѣлъ барашка.

8 Былъ такой искусный плотникъ, что одинъ одинехонекъ построилъ огромный домъ только въ одну ночь.

Разборъ. Почему плотникъ былъ искусенъ? можетъ ли быть искусный столяръ, живописецъ, музыкантъ? можно ли въ одну ночь одному человѣку построить огромный домъ? это вперитъ дѣтямъ понятіе о времени.

9. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ растутъ на деревахъ алмазы, золото, серебро, коровы, лошади и овцы.

Разборъ. Что растетъ? на чемъ растутъ алмазы и пр.? могутъ ли на деревахъ расти лошади, овцы? довести дѣтей до понятія о растеніяхъ въ противоположность животнымъ. Гдѣ случаются такія чудеса? дать понятіе о мѣстѣ.

10. Жилъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, и сдѣлалъ онъ изъ золота воробья; и этотъ золотой воробей леталъ и клевалъ пшеницу, какъ живой.

Разборъ. О комъ говорится сначала? а потомъ о комъ? можетъ ли золотыхъ дѣлъ мастеръ сдѣлать воробья изъ золота? можетъ ли золотой воробей быть живымъ? показать отличіе вещи неодушевленной отъ предмета живаго.

11. Одинъ шалунъ разложилъ огонь, зажегъ прудъ и сожегъ всѣхъ рыбъ, которыя были въ пруду.

Разборъ. Что сдѣлалъ шалунъ? что онъ разложилъ, что зажегъ и кого сожегъ? гдѣ были рыбы? гдѣ водятся рыбы? можетъ ли горѣть вода?

12. Одному шалуну мальчику вздумалось наловить себѣ птичекъ; вотъ взялъ онъ въ одну руку хлѣба, а другою сталъ манить ихъ къ себѣ: птички обрадовались корму, и слетѣлись къ мальчику на руку; и мальчикъ очень легко наловилъ себѣ птичекъ и былъ радъ.

13. Однажды ночью поднялась сильная буря съ градомъ и дождемъ, перебила всѣ окна и сломала много крышъ съ домовъ и церквей. Особенно жалко было то, что вѣтеръ свалилъ огромную гору на большой городъ: жители съ великимъ трудомъ на силу могли поднять гору, и поставили на прежнее мѣсто.

14. Воронъ увидѣлъ жирнаго барана, и, вцѣпившись въ него своими когтями, поднялъ его на воздухъ и за одинъ разъ всего его съѣлъ, усѣвшись на деревѣ.

15. Нѣкоторый мясникъ, не успѣвая распродавать всей говядины, вздумалъ убивать только половину коровы.

Точно также разобрать и остальные разсказы. Въ урокѣ можно пользоваться различными пріемами. Сначала учитель спрашиваетъ, ученики отвѣчаютъ; потомъ одинъ ученикъ спрашиваетъ, другой отвѣчаетъ; одинъ разскажетъ, другой объяснитъ, почему въ разсказѣ неправда; третій—ложный разсказъ передѣлаетъ на правильный. Упражненія надъ такими разсказами могутъ продолжаться недѣли двѣ-три; главная цѣль въ томъ, чтобы дѣти пріучались понимать прочтенное; средства къ ней логическій и вещественный разборъ. Этими разсказами дѣти нечувствительно приготовятся къ чтенію басенъ и сказокъ.

Разборъ сказки Пушкина О рыбакѣ и рыбкѣ:

> Жилъ старикъ съ своею старухой
> У самаго синяго моря;

О комъ мы прочли? кто жилъ? съ кѣмъ жилъ старикъ? чья была старуха? гдѣ жилъ старикъ съ старухой? какое море, красное или черное? что такое море?

> Они жили въ ветхой землянкѣ
> Ровно тридцать лѣтъ и три года.

Кто жилъ въ землянкѣ? что разумѣется подъ словомъ *они*? гдѣ они жили? долго ли они тамъ жили? что такое землянка? какое различіе между избой и землянкой? все ли равно, что годъ, что лѣто?

> Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,

О комъ говорится? что дѣлалъ старикъ? что ловилъ старикъ? чѣмъ ловилъ старикъ рыбу? кромѣ невода еще чѣмъ можно ловить рыбу? какъ называется тотъ, кто ловитъ рыбу? стало быть старикъ былъ рыбакъ, рыболовъ.

> Старуха пряла свою пряжу.

Опять о старикѣ говорится, или нѣтъ? чѣмъ же занималась старуха? что она пряла? можно ли прясть ленъ, коноплю, шерсть? какъ называется женщина, которая прядетъ? выходитъ, что старуха была пряха. Все ли одно, что пряха, что ткачиха?

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,

Кто закинулъ неводъ въ море? что закинулъ въ море? куда закинулъ? зачѣмъ закидываютъ неводъ въ рѣку, въ озеро?

Пришелъ неводъ съ одною тиной;

Кто пришелъ? можетъ ли ходить неводъ? съ чѣмъ пришелъ неводъ? что такое тина, грязь, песокъ, глина?

Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,

Кто закинулъ неводъ? въ первый разъ или въ третій?

Пришелъ неводъ съ травою морской:

А въ первый разъ съ чѣмъ пришелъ неводъ? почему трава названа морскою? все ли одно, что трава, что цвѣты, что деревья?

Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,

Въ который разъ закинулъ онъ неводъ? что вытащилъ онъ въ первый разъ? что во второй? теперь увидите, что вытащилъ онъ въ третій разъ:

Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.

Съ чѣмъ же пришелъ неводъ въ третій разъ? видали ли вы золотыхъ рыбокъ? какая была рыбка? простая или не простая, золотая? какая это была рыбка — плотичка, карась или ершъ?

Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:

Кто взмолился? что такое *взмолиться*? все ли одно, что проситъ, молитъ? какимъ голосомъ просила рыбка? можетъ ли рыбка говорить понашему?

Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.

Вотъ какъ просила рыбка: кого же она просила, съ кѣмъ она говорила? Старче тоже, что старикъ. О чемъ она просила? куда отпустить? кого отпустить? зачѣмъ же рыбкѣ хотѣлось въ море? живетъ ли рыба въ воздухѣ?—кто обѣщается дать откупъ? что такое откупъ? прочтите слѣдующій стихъ, и узнаете, что такое откупъ. Она хотѣла дать ему за себя все, что угодно старику, только чтобы онъ отпустилъ ее въ море. Какой откупъ хотѣла она дать ему? дорогой или дешевый?—кто хотѣлъ откупиться? чѣмъ хотѣла рыбка откупиться?

Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобы рыба говорила.

Что же случилось со старикомъ, когда онъ услышалъ, какъ заговорила рыбка человѣчьимъ голосомъ? почему же онъ удивился и испугался? Если не знаете почему, прочтите два остальные стиха, и узнаете: потому что онъ никогда не слыхивалъ, чтобы рыба говорила. Что такое рыбачилъ? кто рыбачилъ? какъ долго старикъ рыбачилъ? слышалъ ли онъ прежде, чтобы говорила рыба? стало быть онъ въ первый разъ услышалъ, какъ понашему заговорила рыба: потому онъ удивился и испугался. Все ли равно, что удивиться, что испугаться? когда бросится на васъ большая собака, вы удивитесь или испугаетесь? Если бы

вы сами услышали, какъ заговорила рыбка, удивились ли бы вы, или испугались?

Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо,
Ступай къ себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Что же сдѣлалъ старикъ? куда онъ отпустилъ рыбку? что онъ сказалъ ей? какое слово сказалъ онъ ей, ласковое или грубое? хорошо ли говорить грубости? кому онъ сказалъ ласковое слово? — что старикъ говорилъ рыбкѣ? когда мы говоримъ: Богъ съ тобою? хотѣлъ ли старикъ взять откупъ съ рыбки? нуженъ ли ему былъ откупъ, или нѣтъ? кому не надо было откупа? чего не надо было старику?—Еще что сказалъ онъ ей? куда онъ велѣлъ ей идти? гдѣ онъ велѣлъ ей гулять? почему рыбкѣ въ морѣ просторно? Въ этой комнатѣ просторно или тѣсно? за чѣмъ же отпустилъ старикъ рыбку? Видите, какой онъ былъ добренькій. А если бы съ вами тоже случилось, что съ старикомъ, отпустили ли бы рыбку?

Нѣсколько времени упражняя учениковъ такимъ отчетливымъ чтеніемъ, учитель нечувствительно пріуготовитъ учениковъ къ уразумѣнію главныхъ началъ грамматики. Надобно только избирать для чтенія статьи легкія и образцовыя; напр. изъ басенъ Крылова, изъ сказокъ и повѣстей Пушкина, Жуковскаго, изъ писемъ Карамзина. Если у учениковъ нѣтъ книгъ для чтенія, можно писать на доскѣ; такъ какъ они еще не знаютъ правописанія и самымъ писаньемъ затрудняются, то учитель крупно и раз-

борчиво самъ пишетъ на доскѣ, разумѣется, предложенія по два вдругъ, и много уже по три. Дѣти сначала не пишутъ на тетрадяхъ, а читаютъ и разбираютъ написанное учителемъ на доскѣ. Смотря по успѣхамъ, черезъ мѣсяцъ или два, могутъ начать писать и сами. Такъ какъ дѣтямъ очень трудно сообразить цѣлую статью вдругъ, напр. все, что разобрано выше изъ сказки Пушкина; то передъ чтеніемъ статьи учитель кратко скажетъ только, о чемъ будетъ читать, и приступаетъ къ разбору по предложеніямъ. А потомъ уже, когда дѣти разобрали всю статью и ее поняли, пусть разсказываютъ своими словами: тогда уяснится имъ главное содержаніе статьи.

Удостовѣрившись, что дѣти привыкли вникать въ прочтенное, учитель въ продолженіе урока удѣляетъ отъ чтенія нѣсколько времени на грамматику — столько, сколько нужно для точнѣйшаго уразумѣнія прочтеннаго. Такимъ образомъ при чтеніи статей всегда должны быть краткіе грамматическіе эпизоды.

Всего естественнѣе и легче передать дѣтямъ первыя понятія о частяхъ рѣчи въ связи съ понятіями о предложеніи и частяхъ его. Учитель беретъ изъ разобранныхъ статей отдѣльныя краткія предложенія и начинаетъ объяснять грамматически, напр. такимъ образомъ:

Помните, мы читали и говорили о ручейкѣ, какъ онъ текъ черезъ гору (разск. 2). Если я скажу только два слова: ручей течетъ — понимаете ли, что я сказалъ? о чемъ я говорю? о ручьѣ. Что говорю о ручьѣ? что онъ течетъ. То, о чемъ говорятъ, называется **подлежащимъ**; а то, что говорится о подлежащемъ, называется **сказуемымъ**. Ручей

течетъ: которое подлежащее? которое сказуемое? Помните также, что читали мы о томъ, какъ загорѣлся домъ (разск. 4), и какъ проголодался левъ (разск. 5)? Ну разскажите же. Теперь я вамъ скажу: загорѣлся домъ: о чемъ здѣсь говорится? гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? почему? Проголодался левъ: гдѣ подлежащее, гдѣ сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что ручей, домъ, левъ — подлежащія; течетъ, загорѣлся, проголодался — сказуемыя; но замѣтьте, что я говорю подлежащее вмѣстѣ съ сказуемымъ: ручей течетъ. Подлежащее и сказуемое, вмѣстѣ соединенныя, называются предложеніемъ: слѣд. домъ загорѣлся, левъ проголодался — предложенія. Такъ какъ подлежащее есть то, о чемъ говорится, а сказуемое то, что говорится о подлежащемъ: то въ предложеніи мы говоримъ что нибудь (сказуемое) о какомъ нибудь предметѣ (подлежащее). Сколько частей узнали вы въ предложеніи? двѣ. Слѣд. подлежащее и сказуемое части предложенія; а потому вотъ какъ надобно ихъ опредѣлять: подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи; сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ въ предложеніи.

Подлежащее есть предметъ для разговора. Названіе предмета именуется еще *именемъ существительнымъ*; потому что всякій предметъ *существуетъ* (*), т. е гдѣ нибудь находится — или передъ глазами: окно, домъ; или далеко

(*) Послѣдователь Жирара, Ламбрускини всегда объясняетъ дѣтямъ грамматическую терминологію: смотр. Studio della lingua nativa въ его журналѣ Guida dell' educatore e letture per i fanciulli, 1839 и 1840, № 45, 47, 48, 50, 52, 54 и 55.

отъ насъ, и мы ихъ не видимъ; напр. горы, моря; или хотя и около насъ, но невидимые; напр. воздухъ. Въ темной комнатѣ и всѣ предметы бываютъ невидимыми, однако они въ ней находятся, т. е. существуютъ, стало быть названія ихъ все же имена существительныя. Есть еще много предметовъ, коихъ хотя мы никогда не видимъ, ни днемъ, ни ночью, однако они все-таки существуютъ; напр., Бога мы не видимъ, но Онъ существовалъ прежде всѣхъ вещей, прежде земли и неба, и будетъ существовать во вѣки вѣковъ: слѣд. названіе Богъ есть имя существительное. Ангеловъ мы также не видимъ, но ихъ видятъ праведники на небесахъ: стало быть и Ангелъ — имя существительное. Молитву можно видѣть, когда она написана на бумагѣ, или напечатана въ святцахъ; но ее можно и слышать, когда ее читаетъ священникъ въ церкви: потому молитва существуетъ, названіе ея имя существительное. Когда ты читаешь молитву про себя, тогда, хотя и ты самъ ея не слышишь, ни я, и никто изъ людей, однако она существуетъ: потому что ее слышитъ самъ Богъ, если твоя молитва доходна къ Богу. Стало быть молитва и тогда будетъ именемъ существительнымъ: гдѣ же тогда она существуетъ? въ головѣ, въ сердцѣ. Такимъ образомъ нечувствительно можно довести дѣтей отъ предметовъ вещественныхъ къ духовнымъ.

Теперь будемте искать именъ существительныхъ въ томъ, что вы прочли. Въ 1 разсказѣ: гдѣ существительныя? почему собака и заяцъ существительныя? Вы помните, что и собаки и зайцы называются звѣрьми: звѣрь также имя существительное; сыщите нѣсколько названій звѣрей—всѣ

они будутъ существительныя имена. Во 2 разсказѣ: почему имена сущ. ручеекъ, гора, вершина, сторона? какое различіе между ручьемъ и ручейкомъ, рѣкою и рѣчькой, горою и горкой? что больше? ручеекъ, рѣчка, горка имена сущ. уменьшительныя. Что больше: нога или ножища, рука или ручища? ножища, ручища — имена сущ. увеличительныя. Что меньше: рука или ручка, нога или ножка? видите, что рука, нога, гора, ручей — не увеличительныя и не уменьшительныя: это имена сущ. обыкновенныя. Въ 4 разсказѣ: какое различіе между существительными: домъ и птичка? птичка живетъ, клюетъ кормъ и летаетъ; домъ не движется самъ, онъ не живой, не поетъ, какъ птичка; не кричитъ, какъ звѣрь; не говоритъ, какъ человѣкъ; не плаваетъ по своей волѣ, какъ рыба: звѣрь, рыба, человѣкъ—предметы одушевленные, домъ, дерево, камень, гора, вода—неодушевленные. И вода движется, да не такъ, какъ звѣрь или человѣкъ: воли у ней нѣтъ идти туда, куда хочетъ: помните, вы сами говорили, что вода не можетъ течь на гору (разск. 2.); а звѣрь и человѣкъ ходятъ и на гору и подъ гору. Часы съ кукушкою кукуютъ, какъ птица: но та бѣда, что кукуютъ только черезъ часъ, а живая кукушка когда захочетъ, тогда и кукуетъ. Стало быть предметы одушевленные дѣлаютъ по своей волѣ, какъ захотятъ. Правда, что человѣкъ можетъ дѣлать, что хочетъ, однако долженъ дѣлать только добрыя дѣла; за злыя наказывается: потому васъ наказываютъ за лѣность, за ослушаніе. А птичка, какъ видите, была добренькая: почему? стало быть помогать ближнему — доброе дѣло. Птичка могла сдѣлать доброе дѣло потому, что она

предметъ одушевленный. А какое различіе между птичкой и птицей? Въ 5 разсказѣ: какіе предметы левъ и лѣсъ — одушевленные или неодушевленные? почему? левъ добръ или золъ? а лапа, также какъ левъ, предметъ одушевленный? если отрубите у звѣря лапу, или у птицы крыло: и лапа и крыло будутъ мертвыя, стало быть неодушевленныя Лапа есть часть льва: какія еще части льва? какія части птицы? теперь припомните, какъ глупъ былъ мясникъ (разсказъ 15), вздумавшій убивать только половину коровы: онъ не умѣлъ отличать предметовъ одушевленныхъ отъ неодушевленныхъ, и предмета отъ частей его. Какія части дерева? дерево состоитъ изъ различныхъ частей, каковы: корень, стволъ, вѣтви, листья; а лѣсъ изъ одинаковыхъ, только изъ деревьевъ, точно также какъ полкъ изъ солдатъ, толпа изъ людей: лѣсъ, полкъ, толпа называются имен. сущ собирательными, потому что лѣсъ есть *собраніе* деревьевъ, полкъ — солдатъ, толпа — людей. Въ 6 разсказѣ: почему рѣка предметъ неодушевленный? воду нельзя назвать существ. собирательнымъ, потому что какъ ни дѣли воду, все остается таже вода: и капелька вода, и рѣка вода, и море вода; напротивъ того части лѣса деревья, толпы — люди. Точно также золото, серебро, желѣзо, молоко, вино, какъ ни дроби, все выходитъ тоже золото, тоже молоко и пр. Такіе предметы называются веществами дѣлимыми. Они мѣряются, тогда какъ прочіе предметы считаются, напр. пудъ золота, стаканъ воды. Въ 9 разсказѣ: какія вы знаете государства? назовите. И Россія есть государство, и Франція государство, и Турція и Персія также. Видите, что государство есть имя *общее* и

Россіи, и Франціи и пр., а Россія *собственное* имя государства, гдѣ мы живемъ, Франція *сабственное* имя государства, гдѣ живутъ Французы. Извѣстно ли вамъ собственное имя того государства, гдѣ алмазы и коровы растутъ на деревахъ? У каждаго изъ насъ есть собственное имя: одному имя Иванъ, другому Николай, и пр., а общее намъ всѣмъ—человѣкъ. Скажите нѣсколько собственныхъ именъ городовъ, рѣкъ, деревень. Въ 3 разсказѣ: сколько было курицъ? сколько яицъ? какое различіе между: курица и куры, яйцо и яйца? итакъ первое—единственное число, потому что одна курица, одно яйцо; второе—множественное, потому что когда говорю яйца, курицы, разумѣю много яицъ и курицъ. Когда говорю: цыплята, сколько цыплятъ вы разумѣете, двѣнадцать, или больше, или меньше? Когда же скажу: двѣнадцать цыплятъ, пять цыплятъ, вы тотчасъ скажете *опредѣленно*, сколько ихъ. Названія чиселъ: пять, шесть, двѣнадцать, именуются числительными: они означаютъ множественное число предметовъ *опредѣленно*, именно сколько числомъ; а множественное число существ. именъ, напр. куры—означаетъ много куръ, а не извѣстно сколько.

Разумѣется, въ продолженіе всѣхъ сихъ упражненій надобно постоянно указывать дѣтямъ на подлежащее и сказуемое, и на предложеніе. Такъ какъ при опредѣленіи принадлежностей именъ существительныхъ болѣе нужна наглядность, потому и считаю полезнѣе упражнять дѣтей сначала именами существительными, и потомъ ужъ глаголами и прилагательными.

Для опредѣленія глагола учитель беретъ тѣже разсказы. Разскажите, какъ двѣ собаки гнались за зайцемъ (разск. 1). Собака бѣжитъ: гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое? какъ называются оба слова вмѣстѣ? Сказуемымъ обыкновенно бываетъ *глаголъ*. Глаголъ есть старинное реченіе и значитъ то же, что слово: стало быть глаголъ есть все то, что говоритъ, что *сказываетъ* о предметѣ: потому-то глаголъ и бываетъ *сказуемымъ*. Итакъ: бѣжитъ—будетъ сказуемое и глаголъ. Когда я говорю: собака, заяцъ, — вы понимаете два предмета. Но когда говорю: собака бѣжитъ, вы понимаете только одинъ предметъ: собака; а бѣжитъ есть только ея движеніе. Какъ движутся птицы, рыбы? птицы летаютъ, рыбы плаваютъ: гдѣ здѣсь глаголы? и такъ глаголъ означаетъ движеніе предметовъ. Разскажите, какъ птичка потушила пожаръ (разск. 4). Что птичка сдѣлала? потушила пожаръ. Пожаръ, вы знаете, существительное: а потушила что такое? и глаголъ и сказуемое: потушила означаетъ дѣло, дѣйствіе птички: стало быть, кромѣ движенія предметовъ, глаголъ выражаетъ и дѣйствія ихъ. Домъ загорѣлся: здѣсь глаголъ не означаетъ ни дѣйствія, ни движенія, а выражаетъ то, что случилось съ домомъ. Человѣкъ говоритъ, птица поетъ: здѣсь глаголъ означаетъ способность, умѣнье. Камень лежитъ, дерево стоитъ: означаетъ, какъ предметъ находится, и т. д. Слѣдовательно глаголъ выражаетъ движеніе, дѣйствіе, умѣнье, способность и пр.

Разскажите, какъ жаръ заморозилъ всѣ рѣки (разск. 6) Можно ли сказать: ледъ грѣетъ, ледъ жжетъ? эти слова не

соединяются потому, что грѣть и жечь способность огня, а не льда: стало быть здѣсь подлежащее и сказуемое не связываются (т. е. нѣтъ связи вещественной). Можно ли сказать: огонь горю, огонь горимъ? какъ же надобно? (связь формальная). Въ рѣчи мы принуждены отдѣлять предметъ отъ его дѣйствія или движенія; а на самомъ дѣлѣ, въ природѣ, дѣйствіе нераздѣльно съ предметомъ, въ немъ и при немъ находится. Чтобы выразить сущую истину, нужно бы названіе дѣйствія произносить въ одно время съ названіемъ предмета. Можно ли это? Скажите въ одно время: и дерево и растетъ. (Ученики смѣясь пробуютъ, и разумѣется не могутъ) (*). Написать это можно бы, да только та бѣда, что буквы одного слова смѣшаются съ буквами другаго:

Др Еа Рс Ете Втъ О. (**)

Впрочемъ природа избавила насъ отъ такого затруднительнаго письма, давъ нашей рѣчи способъ для соединенія подлежащаго съ сказуемымъ гораздо простѣйшій: чувствуете что дерево растемъ—нескладно, а дерево растетъ—складно: вся разность въ окончаніяхъ, слѣд. окончаніемъ глаголъ связывается съ подлежащимъ. Можно ли сказать: деревья растетъ, дерево растутъ? стало быть при единственномъ числѣ одно окончаніе глагола, при множественномъ—другое.

(*) Беру весьма остроумный пріемъ Ламбрускини.

(**) Сначала написать *дерево*, а потомъ уже вписать *растетъ*. Ученики будутъ чрезвычайно внимательны, посмѣются и поймутъ совершенно.

Найдите глаголы и сказуемыя въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ. Какое различіе въ глаголахъ: жилъ старикъ и они жили? *онъ* въ море закинулъ неводъ, *онъ* рыбачилъ: кого понимаете вы подъ словомъ *онъ*? стало быть *онъ* употреблено вмѣсто старика; а *они* жили, вм. старикъ и старуха. Онъ, они—называются *мѣстоименіями*, потому что стоятъ *вмѣсто имени*. Увидите тотчасъ, что есть и другія мѣстоименія и имѣютъ другое употребленіе.

Басня Крылова, Лисица и Сурокъ.

Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.

Сурокъ говорилъ лисицѣ: куда *ты* бѣжишь? складно ли бы было, если бы онъ сказалъ ей: куда *я* бѣжишь? когда мы говоримъ кому нибудь, употребляемъ *ты*, *вы*: ты бѣжишь, вы бѣжите; а о себѣ говоримъ *я*, *мы*: я бѣгу, мы бѣжимъ. А когда говоримъ о комъ нибудь другомъ, употребляемъ *онъ*, *они*, напр. о старикѣ и старухѣ: онъ жилъ, они жили. Слова: я, мы, ты, вы, онъ, они, называются мѣстоименіями. — Лисица отвѣчаетъ сурку:

Охъ, мой голубчикъ, куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей...

Можно ли сказать: ты терплю? а какъ же надобно? стало быть лиса о себѣ говоритъ. Хорошо ли сказать: я знаешь? видите, что здѣсь лиса говоритъ сурку. Я, мы, означаютъ лицо говорящее; ты, вы — лицо, которому говорятъ, или лицо слушающее; онъ, они — лицо или вещь,

о коихъ говорятъ: лицо говорящее называется первымъ, слушающее вторымъ, а послѣднее третьимъ. Стало быть мѣстоименіями означаются лица, участвующія въ разговорѣ. Замѣтьте, что лисица сказала просто: терплю, а не я терплю; видите, что лице выражается, кромѣ мѣстоименія, и окончаніемъ глагола: терплю, терпи-шь, терпи-тъ, терпи-мъ, терпи-те, терпя-тъ.

Не надобно выпускать изъ виду, что учитель предлагаетъ всѣ эти грамматическія правила въ постоянной связи съ чтеніемъ. Объяснивъ на чтеніи личныя мѣстоименія, тотчасъ заставляетъ дѣтей читать что нибудь, и обращаетъ ихъ вниманіе на объясненное; напр. продолженіе сказки о рыбакѣ и рыбкѣ:

Воротился старикъ ко старухѣ,

Подлежащее? сказуемое? куда воротился къ кому?

Разсказалъ ей великое чудо.

Кто? подлежащее сказано уже прежде. Гдѣ глаголъ? что и кому разсказалъ?

Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;

Кто здѣсь говоритъ? гдѣ сказуемое? *Я* — подлежащее, стало мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ.

Понашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.

Кто говорилъ? какъ говорила рыбка? говорила, просилась, откупалась — глаголы и сказуемыя. Куда просилась?

чѣмъ откупалась? пожелаю — кто? я пожелаю или ты пожелаю, или же рыбка пожелаю? Здѣсь узнаете первое лице по окончанію глагола: пожела-ю.

Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.

Здѣсь подлежащее опять первое лице: я не посмѣлъ, я пустилъ.

Старика старуха забранила:
Дурачина, ты, простофиля!

Найти мѣстоименіе Котораго лица? почему?

Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.

Здѣсь *ты* подлежащее; не умѣлъ, взялъ — его сказуемыя. Чье было корыто? что случилось съ корытомъ?

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.

Кто? куда пошелъ? и *онъ* бываетъ подлежащимъ. Замѣтьте, что старикъ говорилъ: я не посмѣлъ, я пустилъ; но можно сказать: и ты не посмѣлъ, ты пустилъ, и онъ не посмѣлъ, онъ пустилъ, мы не посмѣли, вы не посмѣли, они не посмѣли. Видите, что иногда глаголъ не имѣетъ своего личнаго окончанія, и различается по лицамъ только мѣстоименіями.

Когда вы говорите: *небо*, *земля*, вмѣстѣ съ этимъ сказываете уже и то, что онѣ есть, существуютъ. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли у васъ теперь деньги въ карманѣ, или нѣтъ, потому говорятъ: у меня теперь есть деньги, вчера были деньги, завтра будутъ деньги. Вчера ужъ прошло,

завтра еще будетъ, а теперь — сегодня, нынче: всѣ эти слова означаютъ время: вчера — прошедшее; теперь, сегодня, нынѣ — настоящее; завтра — будущее. Можно ли сказать: завтра были деньги? вчера будутъ деньги? видите, что прошедшее *вчера* складно съ *были*, а будущее *завтра* — съ *будутъ*: выходитъ, что глаголъ можетъ означать различныя времена: настоящее — есть, прошедшее — были, былъ; будущее — будутъ, я буду, ты будешь, мы будемъ, вы будете.

Ученики читаютъ басню Крылова, Лжецъ; учитель останавливаетъ ихъ вниманіе на временахъ глагола, напр.

Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.

Сколько глаголовъ въ первомъ стихѣ? слѣдовательно сколько сказуемыхъ? можно ли сказать: вчера говоритъ, завтра говоритъ? завтра видалъ? стало быть говоритъ—настоящее время. видалъ — прошедшее. Лжецъ говоритъ, что онъ видалъ ужъ давно, можетъ быть, *третьяго году, прошлаго году:* слѣд. и эти слова означаютъ прошедшее время. Во второмъ стихѣ можно ли сказать: увижу вчера, третьяго году? это будущ. время. Время означается глаголомъ гораздо опредѣленнѣе, нежели другими словами, напр. можно сказать: теперь видѣлъ, теперь вижу, теперь увижу.

Подлежащее и сказуемое называются частями предложенія, а существительное, глаголъ, мѣстоименія частями рѣчи. Есть еще другія части предложенія и рѣчи, какъ вы тотчасъ увидите.

Читайте далѣе о рыбакѣ и рыбкѣ, и увидите, что старикъ проситъ у ней *новое* корыто, потому что у нихъ было уже *старое* корыто. И книга можетъ быть новая, старая. Книга новая: сколько предметовъ? видите, что предметъ только одинъ—книга; а новая не предметъ, потому что нѣтъ такого предмета, который бы назывался новая, а бываетъ новое корыто, новая книга, новое платье. Какая еще можетъ быть книга? напр. эта книга, что лежитъ на столѣ, ужъ не новая, а старая, большая, запачканая. Видите, сколько сколько словъ можно *приложить* къ одной книгѣ: всѣ они называются *прилагательными* именами, потому что *прилагаются* къ существительнымъ: они означаютъ не предметъ, а то, что *принадлежитъ* предмету; слѣд. прилагательныя означаютъ принадлежность предмета, его качество, т. е. *каковъ* предметъ или *какой* предметъ. Потому-то, когда я спрошу васъ: *какое*, *каково* корыто, вы отвѣчаете прилагательнымъ: старое или новое. Качествами отличается одинъ предметъ отъ другаго; напр. я отличаю ученика прилежнаго отъ лѣниваго, одного награждаю, другаго наказываю; отличаю человѣка добраго отъ злаго, одного люблю, другаго нѣтъ. Видите, какъ важны качества въ предметахъ. Старайтесь имѣть хорошія качества, т. е., чтобы о васъ говорили: ученикъ добрый, прилежный, внимательный, учтивый, вѣжливый, послушный: все это будутъ имена прилагательныя. А какія противоположныя этимъ качества? Теперь найдите въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ имена прилагательныя: синее море—что еще бываетъ синимъ? какіе бываютъ цвѣта? ветхая землянка—а землянка не ветхая какъ называется? прилагатель-

ное новый противоположно ветхому или старому. Трава морская: трава бываетъ зеленая, желтая, густая, сухая, рѣчная, болотная. Золотая рыбка; противоположное здѣсь же сказано: простая рыбка. Дорогой откупъ—а напротивъ того: дешевый откупъ. Ласковое слово: это хорошее качество, а грубое слово—дурное качество слова.

Найдите прилагательныя, противоположныя слѣдующимъ: большой — высокій — длинный — широкій—сильный — толстый — богатый — тихій — холодный — сладкій — пріятный — острый—сухой —черный—храбрый—умный—честный—истинный—скупой. Я вамъ скажу нѣсколько существительныхъ, съ которыми не связываются, не согласуются прилагательныя: бѣлая сажа, черный снѣгъ, сухая вода глубокое дерево, высокая яма, горькій сахаръ, горячій ледъ, радостная печаль: поправьте сами, какъ надобно сказать (связь вещественная).

Складно ли будетъ, если скажу: добрая старикъ, добрый старуха, добрый дѣло? Вся неловкость происходитъ отъ окончаній: добр-ый старикъ—складно, добр-ая старикъ—нескладно; и наоборотъ добр-ая старуха—связно, добр-ый старуха—нѣтъ. Прилагательное само по себѣ одно не ставится, а прилагается къ существительному, и по различнымъ существительнымъ принимаетъ различныя окончанія: старикъ—мужчина, старуха—женщина; найдите нѣсколько названій мужчины, нѣсколько названій женщины: съ названіями мужчины говорится—добр-ый: добрый старикъ, добрый ученикъ, отецъ, учитель; съ названіями женщины говорится—добр-ая: добрая старуха, добрая ученица, мать,

сестра. Названія мужчины рода мужескаго, а женщины—женскаго. Нѣкоторые предметы, напр. дерево, зеркало, море—не мужескаго, не женскаго рода, а средняго: о старикѣ скажите высокій старикъ, о старухѣ—высокая старуха, а о деревѣ какъ? высок-ое дерево, о рыбкѣ—золотая рыбка, о воробьѣ—золотой воробей, а о зеркалѣ—золот-ое зеркало. Прилагательныя, прилагаясь къ существительнымъ, принимаютъ родъ существительныхъ, потому что только предметъ можетъ быть мужчиною или женщиною: слѣд. родовыя окончанія прилагательныхъ: мужеское—добр-ый, золот-ой, син-ій; женское—добр-ая, золот-ая, син-яя; среднее—добр-ое, золот-ое син-ее. Хотя мужчиною и женщиною можетъ быть только лицо одушевленное, однако мы различаемъ роды и въ предметахъ неодушевленныхъ: морск-ой берегъ, морск-ая трава, высок-ій домъ, высок-ая изба. Теперь скажите, хорошо ли говорить: добрый старики, добрые старикъ? какъ же надобно? видите, что съ единств. числомъ существительнаго ставится прилагательное въ одномъ окончаніи: добры-й старикъ; а съ множественнымъ въ другомъ: добры-е старики. И число въ прилагательныхъ именахъ зависитъ отъ числа существительныхъ. Прилагательное, ставясь при существительномъ, не должно ему противорѣчить окончаніемъ ни въ родѣ, ни въ числѣ, т. е. должно съ нимъ быть согласно и въ родѣ и въ числѣ, должно съ нимъ *согласоваться*: потому что оно одно стоять не можетъ, и стоитъ при существительномъ, а чтобы стать при немъ, оно должно быть съ нимъ согласно, одинаково въ родѣ и числѣ. Теперь найдите въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ прилагательныя

съ существительными, и скажите, въ какомъ они родѣ и въ какомъ числѣ

Прилагательныя присовокупляются къ существительнымъ для того, чтобы объяснить предметъ, сказать каковъ онъ, *опредѣлить* его, потому прилагательныя въ предложеніи бываютъ словами *опредѣлительными*: итакъ, синее есть слово опредѣлительное моря, ветхая—землянки и пр. Прилагательное есть часть рѣчи, опредѣлительное слово—часть предложенія.

Глаголы—былъ, были, буду, будутъ—могутъ стоять со всякимъ прилагательнымъ; напр. ученикъ былъ здоровъ, ученики будутъ прилежны, я буду внимателенъ. Сказуемымъ въ этихъ предложеніяхъ не одинъ глаголъ: былъ, будутъ, буду, а глаголъ вмѣстѣ съ прилагательнымъ: потому что этотъ глаголъ, присоединяясь ко всякому прилагательному, имѣетъ значеніе общее, не ясное, неопредѣленное, а сказуемое должно сказать о предметѣ что нибудь, опредѣленное; потому-то и соединяется здѣсь глаголъ былъ, буду, съ словомъ опредѣлительнымъ. Одно же прилагательное, безъ глагола, не можетъ быть сказуемымъ, потому что сказуемымъ всегда бываетъ глаголъ, стало быть прилагательныя: здоровъ, внимателенъ, соединенныя съ глаголомъ былъ, буду: былъ здоровъ, буду внимателенъ—перестаютъ быть прилагательными, и становятся глаголами. Я здоровъ, ты здоровъ, онъ здоровъ—также предложенія; это видно изъ того, что подлежащія личныя мѣстоименія—я, ты, онъ—могутъ стоять только съ глаголами, а глаголъ здѣсь пропущенъ: я есмь здоровъ, ты еси здоровъ, онъ

есть здоровъ: есмь, еси, есть, есмы, есте, суть—настоящее время того же глагола, отъ котораго прошедшее—былъ, будущее—буду. Итакъ, здоровъ, какъ часть рѣчи, есть имя прилагательное, а, какъ часть предложенія, переходитъ въ глаголъ.

Учитель встрѣтилъ бы большое затрудненіе, если бы вздумалъ, прежде глагола, объяснить дѣтямъ прилагательное, какъ сказуемое: вопервыхъ потому, что дитя тотчасъ смѣшаетъ сказуемое съ опредѣленіемъ; вовторыхъ, учитель долженъ или коверкать русскій языкъ, прибавляя—есть: книга есть полезна,—или на первомъ шагу затруднить ученика, растолковывая опущеніе связи; вътретьихъ, беретъ сказуемое составное, въ которомъ кромѣ связи долженъ будетъ объяснить согласованіе, слѣд. развлечетъ вниманіе ученика рѣшеніемъ двухъ вопросовъ вмѣсто одного.

Значеніе падежей объяснить на той же сказкѣ Пушкина Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, отпустилъ онъ рыбу золотую; если я скажу только: старикъ ловилъ... старикъ отпустилъ... вы не знаете кого, и тотчасъ спросите: кого, что ловилъ? кого, что отпустилъ? на вопросъ кого, что—говорится—рыб-у, рыбк-у, а на вопросъ: кто, что—рыб-а, рыбк-а: какъ взмолится золотая рыбка. Такое измѣненіе въ окончаніи имени или мѣстоименія называется падежемъ: на вопросъ: кто, что—бываетъ падежъ: именительный; на вопросъ кого, что—винительный. Подлежащее бываетъ въ именительномъ падежѣ. Найдите въ этой сказкѣ именительные падежи. Винительный падежъ бываетъ при глаголѣ: старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пря-

жу; глаголы, требующіе послѣ себя винительнаго падежа, называются **дѣйствительными**; слѣд. дѣйствительные глаголы въ этой сказкѣ: ловилъ, пряла, закинулъ и пр. Найти винительные падежи. Винит. пад. при глаголѣ дѣйствительномъ называется *дополненіемъ*. Окончанія на вопросы: кѣмъ, чѣмъ—называются **творительнымъ** падежемъ: старухой, неводомъ, голосомъ и пр.; кому, чему—**дательнымъ**: и сказалъ *ей* ласковое слово, т. е. рыбкѣ, твоего *мнѣ* откупа не надо, т. е. старику, воротился старикъ ко старухѣ; кого, чего—**родительнымъ**: у самаго синяго моря. Падежи дополняются особыми словами, стоящими *предъ* именами и мѣстоименіями, и потому называются они *предлогами*: твор. пад. старухою—стоитъ съ предлогомъ *съ*: съ своею старухой; род. моря—съ предлогомъ *у*; винит. море съ предлогомъ *въ*, и пр. У насъ есть одинъ такой падежъ, который бываетъ только съ предлогомъ, и потому называется **предложнымъ**: о рыбакѣ и рыбкѣ, въ ветхой землянкѣ. Такъ какъ въ разговорѣ намъ часто случается назвать того, съ кѣмъ говоримъ, то мы употребляемъ особый падежъ для имени того, къ кому обращаемся, или кого *зовемъ*: потому этотъ падежъ называется **звательнымъ**: отпусти ты, старче, меня въ море. Слово въ этомъ падежѣ не составляетъ части предложенія, потому и ставится въ запятыхъ. Прилагательное согласуется съ существительнымъ не только въ родѣ и числѣ, но и въ падежѣ. Отыскать прилагательныя съ существительными въ род., дат. и др падежахъ. И для множественнаго числа именъ и мѣстоименій бываютъ тѣже самые падежы и познаются по тѣмъ же вопросамъ: отыскать въ сказкѣ Пушкина.

Измѣненіе словъ по числамъ и падежамъ называется склоненіемъ, а измѣненіе по лицамъ и временамъ—спряженіемъ: имена и мѣстоименія склоняются, глаголы спрягаются.

Такъ какъ прилагательное бываетъ и словомъ опредѣлительнымъ, т. е. собственно прилагательнымъ и глаголомъ: потому и надобно отличить прилагательное склоняемое—внимательный ученикъ, отъ спрягаемаго—ученикъ былъ внимателенъ: первое бываетъ словомъ опредѣлительнымъ, второе—сказуемымъ.

Кромѣ прилагательныхъ опредѣлительными бываютъ еще нѣкоторыя слова, напр. въ тойже сказкѣ: жилъ старикъ съ *своею* старухой «у *самаго* синяго моря; надобно ей новое корыто; «*наше*-то совсѣмъ раскололось. Слова: мой, твой, свой, нашъ, вашъ — мѣстоименія, потому что мой—что *мнѣ* принадлежитъ, твой—что *тебѣ* принадлежитъ и т. д. Всего лучше можно опредѣлить предметъ, о которомъ хочу говорить,—указавъ на него пальцемъ. Если я скажу—маленькая книжка, вы еще не знаете, которая книжка; но если я укажу пальцемъ, вы тотчасъ видите, о которой книжкѣ сказалъ я вамъ. Именно есть въ языкѣ такія слова, которыя такъ опредѣляютъ то, о чемъ хотимъ сказать, будто бы мы указываемъ пальцемъ: эта книжка, этотъ ученикъ это перо; та книжка, тотъ ученикъ, то перо; иногда вмѣсто этотъ, эта, это—употребляется сей, сія, сіе. Этого еще мало: къ такому опредѣленію можемъ присовокуплять еще другое, отъ чего наше указаніе на предметъ бываетъ еще опредѣленнѣе: этотъ самый ученикъ, эта самая книга.

Всѣ эти указывающія и опредѣляющія слова, какъ часть предложенія, называются опредѣлительными, и слѣд. согласуются съ своимъ именемъ, а, какъ часть рѣчи, суть мѣстоименія.

Кромѣ подлежащаго, опредѣленія и дополненія, есть еще одна часть предложенія: познается она по вопросамъ: какъ, гдѣ, куда, откуда, когда, какъ долго, сколько, чѣмъ и др. и называется *обстоятельствами*. Найдемъ ихъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ: какъ жилъ старикъ, одинъ или съ кѣмъ нибудь: съ своей старухой—обстоят. Гдѣ онъ жилъ? у самаго синяго моря—обст. Они жили у моря въ чемъ, какъ, гдѣ? въ ветхой землянкѣ—обст. Какъ долго, сколько времени? ровно тридцать лѣтъ и три года—обст. Когда закидывалъ старикъ неводъ, сколько разъ? одинъ разъ, въ другой разъ, въ третій разъ—обст. Куда закидывалъ неводъ? въ море—обст. Откуда выходилъ неводъ, и откуда притащилъ онъ рыбку? изъ моря—обст. Какъ молила рыбба, какъ она молвила? голосомъ человѣчьимъ—обст. На вопросы: гдѣ, куда, откуда, бываютъ обстоятельства мѣста; на вопросы: когда, какъ долго, сколько времени—обстоятельства времени; на вопросы какъ, съ кѣмъ, чѣмъ, какимъ образомъ—обстоятельства образа Теперь видите, что обстоятельствами мы называемъ в р е м я, м ѣ с т о, гдѣ и когда что дѣлается, о б р а з ъ, т. е. какимъ образомъ что дѣлается. Теперь разберите, какими частями рѣчи выражаются исчисленныя нами въ сказкѣ обстоятельства. Видите, что всѣ они выражены именами существительными, прилагательными, мѣстоименіями, именами числительными. Но есть

особенная часть рѣчи, которую мы употребляемъ только для обстоятельствъ: называется нарѣчіемъ. Нарѣчія времени, на вопросы: когда? вчера, нынѣ, сегодня, завтра; съ котораго времени? смолоду, изстари, испоконъ вѣку; до котораго времени? донынѣ, досихъ поръ, дозавтра. Нарѣчія мѣста, на вопросы: гдѣ? здѣсь, тамъ; куда? туда, сюда, домой; оттуда, отсюда. Нарѣчія образа, на вопросы: какъ, какимъ образомъ? учусь хорошо, дурно, прилежно, внимательно, много, мало.

Теперь вы знаете всѣ части предложенія, знаете, что во всякомъ предложеніи долженъ быть глаголъ, т. е. сказуемое; сказуемое съ подлежащимъ суть главныя части предложенія, а опредѣленіе, дополненіе и обстоятельство— второстепенныя. Отдѣлимте же въ сказкѣ одно предложеніе отъ другаго:

1) жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря;
2) они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года.
3) старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
4) старуха пряла свою пряжу.
5) разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
6) пришелъ неводъ съ одною тиной;
7) онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
8) пришелъ неводъ съ травой морской;
9) въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
10) пришелъ неводъ съ золотой рыбкою, съ непростой рыбкой, золотою.
11) какъ взмолится золотая рыбка,
12) голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
13) отпусти ты, старче, меня въ море,
14) дорогой за себя дамъ откупъ;
15) откуплюсь, 16) чѣмъ только пожелаешь.

17) удивился старикъ, 18) испугался:
19) онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
20) и не слыхивалъ, 21) чтобъ рыба говорила.
22) отпустилъ онъ рыбку золотую,
23) и сказалъ ей ласковое слово:
24) Богъ съ тобою, золотая рыбка!
25) твоего мнѣ откупа не надо;
26) ступай себѣ въ синее море,
27) гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Теперь взгляните на конецъ каждаго предложенія, и увидите, что стоитъ какой нибудь знакъ: или запятая, или точка съ запятой, или двоеточіе, или точка. Стало быть одно предложеніе отдѣляется отъ другаго знакомъ *препинанія*, т. е. остановки, потому что, читая, мы нѣсколько останавливаемъ голосъ при окончаніи предложенія.

Учитель совершитъ уже большую половину труда, если покамѣстъ выучитъ дѣтей отдѣлять одно предложеніе отъ другаго только запятою. Впослѣдствіи, спустя полгода или и больше, легко можно будетъ растолковать и другіе знаки. А главное, только что дѣти начнутъ писать, чтобы тотчасъ отдѣляли предложенія знакомъ: это вѣрное ручательство, что они понимаютъ предложеніе и связь его съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Упражненіе въ знакахъ препинанія должно идти постепенно. Умѣя отдѣлять предложенія запятыми, дѣти учатся отдѣлять запятыми же части предложенія: нѣсколько подлежащихъ, нѣсколько сказуемыхъ, нѣсколько дополненій или одинаковыхъ падежей, нѣсколько опредѣлительныхъ, или прилагательныхъ, отдѣляются запятыми; напр. въ 9 разсказѣ отдѣляются запятыми подлежащія: алмазы, золото, серебро, коровы, лошади. Впрочемъ, если опредѣленія не

равносильны, а одно опредѣляетъ другое, то между ними запятой не ставится, напр. новое деревянное корыто, у самаго синяго моря. Такое соединеніе опредѣленій называется *включеніемъ*. Употребленіе двоеточія передъ вводною рѣчью весьма легко; потому объяснить его прежде точки съ запятой, напр:

Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:

Здѣсь двоеточіе потому, что далѣе идутъ собственныя слова рыбки. Дальнѣйшее объясненіе знаковъ идетъ въ связи съ объясненіемъ предложеній сложныхъ.

Какъ знаки препинанія отдѣляютъ слова и предложенія, такъ есть особая часть рѣчи, соединяющая, связывающая слова и предложенія. Въ 1 разсказѣ предложенія: двѣ собаки гнались за зайцемъ, заяцъ обернулся назадъ—связываются словомъ *а*; искусалъ собакъ, прогналъ ихъ—связываются словами *да*, *и*. Слова *а*, *да*, *и* называются *союзами*, потому что связываютъ слова и предложенія. Если *и* соединяетъ одну часть предложенія съ другой, т. е. подлежащее съ подлежащимъ, опредѣленіе съ опредѣленіемъ и пр., то передъ нимъ не ставится запятой; напр. въ 9 разсказѣ: золото, серебро, коровы, лошади *и* овцы. Если же *и* соединяетъ два предложенія, то передъ нимъ ставится запятая (а иногда и точка съ запятой), напр. въ 7 разсказѣ: барашку очень захотѣлось ѣсть, *и* потому онъ убилъ волка.

Въ заключеніи о частяхъ рѣчи объяснить междометіе, въ связи съ знаками препинанія: т. е. они отдѣляются или запятыми или знакомъ восклицанія, и, точно такъ какъ звательный падежъ, не составляютъ части предложенія.

Общее значеніе частей предложенія и рѣчи составляетъ первую ступень грамматической пропедевтики. Теперь наступаетъ время къ объясненію утвердительнаго, общаго, частнаго и особеннаго, причины, цѣли, средства и т. п.

Вы уже знаете какія свойства противополагаются вотъ этимъ: новый—большой—высокій—толстый—богатый—холодный и пр. Назовите ихъ. Итакъ большому противоположно маленькій, высокому—низкій, богатому — бѣдный, холодному—жаркій. Но все ли равно что невысокій и низкій, небогатый и бѣдный, нехолодный и жаркій? вѣдь вы чувствуете, что здѣсь нехолодно, однако и не жарко; многіе изъ васъ не богаты, однако и не бѣдны. Стало быть небогатъ, нежарокъ не будутъ противоположны богатому, жаркому: эти слова означаютъ только, что, напр. такого-го человѣка нельзя назвать богатымъ, нынѣшній день нельзя назвать жаркимъ: такія слова называются *отрицательными*. Сила отрицанія находится въ частицѣ *не*, которая называется нарѣчіемъ отрицательнымъ. Если эта частица стоитъ передъ сказуемымъ, то предложеніе называется *отрицательнымъ*, напр. въ сказкѣ Пушкина: и *не* слыхивалъ, чтобы рыба говорила. Сія частица отъ глагола отдѣляется, т. е. пишется не слитно съ нимъ. Это небольшое слово такъ важно, что, прибавивъ или убавивъ его, весьма часто, вмѣсто правды, скажешь ложь. Напр. Богъ всемогущъ—великая правда; а если бы мы сказали: Богъ *не* всемогущъ, то это было бы не только ложь, но и великій грѣхъ: видите, что ложь и неправда всегда ведутъ къ грѣху. Говорите же всегда правду. Вы что нибудь сша-

лили, васъ спрашиваютъ: за чѣмъ ты нашалилъ? Если вы скажете: виноватъ—сдѣлаете доброе дѣло, потому что раскаятесь въ своемъ проступкѣ; если же скажете: *не* виноватъ,—то къ своей винѣ прибавите еще другую, бо̀льшую. Теперь видите, какъ важно въ разговорѣ это отрицательное нарѣчіе *не*!

Припомните, что во 2 разсказѣ говорится только объ *одномъ* ручейкѣ, который текъ вверхъ, въ 3 разсказѣ только объ *одной* курицѣ, которая изъ яйца выводила двѣнадцать цыплятъ. Но вѣдь вы знаете, что *всѣ* ручьи текутъ внизъ: знаете также, что *всякая* курица можетъ вывесть изъ одного яйца только одного цыпленка. Если говорится что нибудь обо всѣхъ или обо всемъ, то предложеніе бываетъ *общимъ*: всѣ птицы летаютъ. Если же только о чемъ нибудь одномъ, то предложеніе бываетъ *особеннымъ*: городъ Москва стоитъ на Москвѣ рѣкѣ. Если же говорится и не о всѣхъ, и не объ одномъ чемъ либо, а о нѣсколькихъ, о многихъ или немногихъ предметахъ, то предложеніе бываетъ *частнымъ*: напр. нѣкоторыя птицы пріятно поютъ. Но нельзя сказать, что всѣ птицы пріятно поютъ: потому что вороны, воробьи, кричатъ вовсе непріятно. Стало быть одно и тоже предложеніе, будучи общимъ, правильно; а измѣняясь въ частное, становится ложнымъ. И на оборотъ, истинное частное, становясь общимъ, переходитъ въ ложь. Напр. всѣ твари созданы Богомъ—истина; нѣкоторыя твари созданы Богомъ—ложь, и думать такъ грѣшно. Нѣкоторые люди воры—истина; всѣ люди воры—гадкая ложь, и думать такъ грѣшно и посты-

дно, потому что оскорбляешь ближняго. Видите, любезныя дѣти, какъ часто сужденія наши бываютъ ложны; а потому, что мы приписываемъ что нибудь всѣмъ, что прилично только одному, или нѣкоторымъ. Особенно дѣти впадаютъ въ погрѣшность ложныхъ сужденій оттого, что говорятъ много, а мало знаютъ. Итакъ говорите только то, что знаете дѣйствительно, что сами видѣли и слышали, и не говорите о предметѣ вообще прежде, нежели не узнаете всѣхъ частей его. Слова означающія общее частное и особенное, т. е. *весь*, *вся*, *все*, *всѣ*, *всякій*, *каждый*, *нѣкоторый*, *нѣсколько*, *одинъ*, относятся къ мѣстоименіямъ.

Для чего старикъ закидывалъ неводъ въ море? чтобы наловить рыбы. То, для чего что нибудь дѣлается, называется цѣлью (*). Для чего говорила рыбка съ старикомъ? она хотѣла на свободу, это была ея цѣль. Неводъ же есть орудіе, инструментъ, которымъ ловятъ рыбу: орудіе, которымъ что нибудь добывается, называютъ средствомъ. Ружье есть орудіе, инструментъ: изъ него стрѣляютъ въ цѣль, такъ чтобы только до цѣли летѣла пуля и въ ней оставалась. Такъ точно и цѣль всякаго дѣла человѣческаго есть тотъ конецъ, для котораго оно дѣлается. А средство, какъ ружье, есть орудіе, которымъ достигается цѣль. Блаженство на томъ свѣтѣ есть цѣль нашей жизни; а достигается она добрыми дѣлами и молитвою; стало быть добрыя дѣла и молитва—средства, коими пріобрѣтаетъ человѣкъ блажен-

(*) Примѣняю метоту Вильмсена къ чтенію писателя; смотр. Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen.

ство. Средства бываютъ и добрыя и злыя для одной и той же цѣли. Напр. одни добываютъ деньги трудомъ, другіе воровствомъ: трудъ доброе средство, воровство—злое. Цѣль выражается въ языкѣ словами *за*, *для того чтобы*, а средство творит. падежемъ.

Почему испугался старикъ, когда заговорила рыбка? Потому что онъ никогда не слыхивалъ, чтобы рыбы говорили. Это была причина его испуга. Какая бываетъ причина наказанію ученика? — Безъ причины ничего не дѣлается на свѣтѣ. Она выражается въ языкѣ словами *ибо*, *потому что*.

Когда мы разговариваемъ, то или спрашиваемъ, или же отвѣчаемъ: такъ въ баснѣ Крылова, Лисица и Сурокъ, сурокъ спрашиваетъ лисицу: *куда* такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки? а лиса отвѣчаетъ. Когда вы хотите узнать сколько часовъ, спрашиваете: *который* часъ? вы спрашиваете своего товарища: *откуда* идешь? *гдѣ* былъ? *когда* придешь ко мнѣ? *что* дѣлалъ ты дома? *кто* тамъ пришелъ? *какъ* тебя зовутъ?—слова, которыми спрашиваемъ, называются вопросительными: который, кто, что—вопросительныя мѣстоименія; откуда, куда, гдѣ, когда, какъ—вопросительныя нарѣчія. Кромѣ того мы спрашиваемъ еще вотъ какъ: знаешь *ли* ты урокъ? отпустилъ *ли* старикъ рыбу? *ли*—союзъ вопросительный. Послѣ вопросительнаго предложенія ставится знакъ вопроса. А передъ вопросительнымъ предложеніемъ, если только не имъ начинается рѣчь, ставится запятая: въ этомъ случаѣ оно часто перестаетъ быть вопросительнымъ; напр. я знаю, куда ты идешь, гдѣ былъ; вижу, кто пришелъ; учитель любитъ ученика,

который учится прилежнно. Здѣсь слова: *куда*, *гдѣ*, *кто*, *который*—связываютъ два предложенія: и то предложеніе, въ которомъ они находятся, называется *придаточнымъ*; а къ которому прибавляется придаточное, называется *главнымъ*. Когда вопросительныя слова стоятъ въ придаточномъ предложеніи, тогда называются *относительными*, потому что относятся къ главному предложенію.

Вмѣсто—который учится прилежно—можно сказать: *учащійся* прилежно; который учился прилежно—*учившійся* прилежно; учащійся, учившійся—называются причастіями: они происходятъ отъ глагола, замѣняютъ глаголъ съ относительнымъ мѣстоименіемъ, и суть не что иное, какъ прилагательныя: отъ прилагательныхъ простыхъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ времена: учащійся—настоящее, потому что вмѣсто: который учится; учившійся—прошедшее, потому что вмѣсто: который учился. Ясно, что предложеніе съ причастіемъ будетъ также придаточнымъ предложеніемъ. Кромѣ прилагательныхъ, отъ глаголовъ происходятъ и нарѣчія: учась, выучившись; отъ посмотрѣть—посмотря, отъ думать—думая. Предложеніе съ дѣепричастіемъ также бываетъ придаточнымъ. Предложеніе придаточное ставится въ запятыхъ.

Теперь разберемъ басню Крылова: Мальчикъ и Змѣя, и разставимъ знаки.

Мальчишка схватилъ змѣю—главное предлож.; думая поймать угря—придаточн. предлож.; главное соединяется съ слѣдующимъ главнымъ союзомъ *и*, стало быть передъ *и*

запятая. Далѣе главное: и сталъ блѣденъ; придаточныя: возрившись отъ страха.—какъ его рубаха. Стало быть знаки должны стоять такъ:

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змѣю, и, возрившись отъ страха,
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.

Далѣе: змѣя говоритъ—главн. предлож ; на мальчика спокойно посмотря—придаточное. Послушай—одно предложеніе; коль ты умнѣй не будешь—другое предлож.; то дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ—третье. Стало быть знаки:

Змѣя, на мальчика спокойно посмотря,
„Послушай,“ говоритъ: „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.

Послѣ *говоритъ* стоитъ двоеточіе, потому что слѣдуютъ слова, которыя говоритъ змѣя. На сей разъ Богъ проститъ—главное предлож.; но берегись впередъ—другое главное предлож., и знай—третье главное предлож.; съ кѣмъ шутишь—придаточное предлож. Замѣтьте, что передъ союзомъ *но* по большой части ставится точка съ запятой, въ противоположность союзу *а*, передъ коимъ по большой части ставится запятая. Итакъ знаки:

На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!

Для яснаго понятія о придаточномъ предложеніи, слѣдуетъ объяснить придаточныя подлежащія, опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя предложенія. Т. е. придаточное предложеніе составляетъ главному: а) или подлежащее: *кто любитъ Бога и ближняго*, награждается

свыше—любящій Бога и ближняго награждается свыше; б) или опредѣленіе: ученикъ, который *прилежно учится*, достоинъ награды—прилежный ученикъ достоинъ награды; в) или дополненіе: учитель награждаетъ того, *кто прилежно учится*—учитель награждаетъ прилежно учащагося; г) или обстоятельство, и притомъ аа) времени: *когда сотворены были звѣзды*, восхвалили Господа всѣ Ангелы великимъ гласомъ; бб) мѣста: Рай находился тамъ, *гдѣ Тигръ и Ефратъ соединяются при Персидскомъ заливѣ*; вв) образа: на горѣ Ѳаворѣ одежда Спасителя стала бѣла, *какъ снѣгъ*, а ликъ сіялъ, *какъ солнце*, гг) причины: старикъ испугался, *потому что никогда не слыхивалъ говорящихъ рыбъ*; дд) цѣли: старикъ закинулъ въ море неводъ для того, *чтобы наловить рыбы*, и проч. Надобно предупредить, чтобы ученики не впали въ ошибку, опредѣляя придаточныя по внѣшнимъ признакамъ: такъ напр. не всякое предложеніе съ относительными *когда*, *гдѣ*, бываетъ обстоятельственнымъ; напр. никто не знаетъ, *когда придетъ страшный судъ*; человѣкъ не знаетъ, *гдѣ будетъ по смерти*: эти предложенія придаточныя дополнительныя, ибо глаголъ *знать* требуетъ дополненія; и стоятъ они вмѣсто дополненія *того*, т. е. никто не знаетъ *того*.. , т. е. времени, когда.. ., мѣста, гдѣ....

Если союзы связываютъ два равныхъ предложенія, т. е. главное съ главнымъ или придаточное съ придаточнымъ, то называются *сочиняющими*; если же соединяютъ главное съ придаточнымъ, или придаточное съ подчиненнымъ ему придаточнымъ, то называются *подчиняющими*. Въ первомъ случаѣ соединеніе предложеній называется *сочиненіемъ*, во второмъ *подчиненіемъ*. Для объясненія сочиненія и различныхъ сте-

пеней подчиненія полезенъ слѣдующаго роду разборъ, напр. басни Крылова: Волкъ и Пастухи:

А. Волкъ самъ молвилъ про себя

Б. 1) близко обходя пастушій дворъ	2) и видя сквозь заборъ	3) прочь уходя въ досадѣ

В. 1) что спокойно пастухи барашка потрошатъ	2) а псы смирнехонько лежатъ

Г. 1) выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ.

А. главное предложеніе; при немъ Б три придаточныхъ; при Б 2-мъ два придаточныхъ В.; при В 1-мъ одно придаточное Г. Б—придаточныя на первомъ планѣ, В—придаточныя на второмъ, Г—придаточные на третьемъ. *И* союзъ сочиняющій, ибо соединяетъ придаточное Б 1-е съ придаточн. Б 2-мъ. *Что* союзъ подчиняющій, ибо соединяетъ придаточное подчиненное В 1-е съ придаточнымъ подчиняющимъ Б 2-мъ. *А* союзъ сочиняющій, ибо связываетъ два придаточныхъ, В 1-е съ В 2-мъ.—Послѣ такого разбора дѣти непремѣнно правильно отдѣлятъ предложенія знаками:

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ,
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ, и пр.

Первоначальная Грамматика, кромѣ уразумѣнія прочтеннаго, учитъ и правильному письму. Какъ на чтеніи дитя учится преимущественно синтаксису, такъ на письмѣ— этимологіи. Особенности склоненій, спряженій, образованія словъ объясняются на письмѣ. Такъ, напр. окончанія родит муж. и сред. ед. прилаг. на—*аго*,—*его*, въ противоположность мѣстоименіямъ: тотъ, этотъ, одинъ, какой, такой, кончащимся на—*ого*. Творит. муж. и средн. ед. прилаг. на—*ымъ*,—*имъ*, въ противоположность предложному на—*омъ*,—*емъ*. Падежи именъ существит. на *ѣ*: здѣсь предупредить ошибку, чтобы не ставить *ѣ* въ винит., а именно отличить, напр.: иду въ поле, и хожу въ пол*ѣ*. Указать на творит. ед. мѣстоим. съ *ѣ*: кѣмъ, чѣмъ, всѣмъ, тѣмъ. Во множ. во всѣхъ падежахъ *ѣ* мѣстоим. тѣ, всѣ. Прилагат. множ. имен. муж. на—*е*, женск и средн. на—*я*. *Ѣ* въ глаголахъ, кончащихся въ прошедшемъ на—*ѣлъ*. въ настоящемъ на—*ѣю*; въ нарѣчіяхъ: гдѣ, здѣсь, кромѣ и проч., предупредивъ, что *прежде* кончится на *е*; *ѣ* въ сравнительной степени, и т. д. Когда попадется въ диктантѣ глаголъ, учитель объяснитъ, какого онъ спряженія, для того, чтобы правильно написать окончаніе:—*ешь*, или—*ишь*. *утъ*,—*ютъ*, или—*атъ*,—*ятъ*. Когда попадется предлогъ передъ глаголомъ, объяснить, почему пишется слитно; отдѣльно же онъ ставится когда управляетъ падежемъ, и т. п. Однимъ словомъ, случаевъ, неизвѣстныхъ дитяти въ отечественномъ правописаніи, весьма немного: надобно только укрѣпиться въ правилахъ на практикѣ; слѣд. никогда не должно заучивать ихъ въ учебникѣ, а постоянно примѣнять къ дѣлу на письмѣ.

Предложенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ, дитя, хотя безъ *видимой* системы, однако *систематически* и *методически* приготовляется къ изученію Грамматики, какъ науки. Когда, такимъ образомъ въ продолженіи года или даже и двухъ, ученики узнаютъ языкъ на практикѣ, на чтеніи и письмѣ: тогда, какъ повтореніе, можно предложить имъ систематическій сводъ отрывочнымъ и разрозненнымъ ихъ знаніямъ. Взыскательный учитель да не почтетъ недостаткомъ, что я опустилъ многія весьма важныя грамматическія положенія: моя цѣль показать методу, а не представить *полный* учебникъ; и она будетъ совершенно достигнута, если читатели увидятъ, что я умѣлъ соединить первоначальное грамматическое ученіе съ чтеніемъ и развитіемъ нравственныхъ способностей дѣтей.

2. Чтеніе Карамзина.

Лѣтопись Нестора.

(томъ I.)

Въ первомъ томѣ своей Исторіи Карамзинъ еще весьма недостаточно пользуется языкомъ лѣтописца. Возьмемъ лучшія мѣста Нестора—похвалу Ольгѣ, крещеніе Руси, и посмотримъ, какъ передалъ ихъ Карамзинъ.

«Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга—по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія*—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.» томъ I, глава VII)

Денницу спасенія еще можно понять, но *луна спасенія*— пустая, непонятная фраза. Въ Несторѣ такъ: «Си бысть предътекущия Крестьяньстѣй земли аки деньница предъ солнцемь и акі зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ в калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ неѡмовени крещеньемъ святымъ.» Въ подлинникѣ ясные, полные образы и уподобленія, притомъ съ строгимъ синонимическимъ различіемъ денницы и зари: первая предшествуетъ солнцу, вторая спутница всякаго свѣта (оттуда зарево). Ольга у Нестора не луна спасенія, а сіяетъ, какъ луна въ нощи, и соотвѣтствуетъ Владиміру, который называется сонцемъ (припомнить въ древнихъ поэмахъ: Владиміръ красное солнышко). Такимъ образомъ разобранное выраженіе Карамзина можетъ служить примѣромъ излишней краткости въ ущербъ ясности, смысла и изящества. Любопытно также замѣтить, что Карамзинъ не обратилъ здѣсь вниманія едвали не на самое лучшее мѣсто во всей Несторовой лѣтописи: «мы же рцемъ къ неи (т. е. къ Ольгѣ): радуися, Руское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное ѡтъ Руси, сію бо хвалятъ Рустие сынове, аки начальницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь».

«Тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ, дай имъ познать тебя, Бога истиннаго: утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!»... *Въ сей великій*

день, говоритъ Лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*» (томъ I, глава IX).

Подлинникъ: «Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье іего, възрѣвъ на небо, рече (проще, чѣмъ у Карамзина): Боже, сотворивый небо и землю! призри (церковная, молитвенная форма, и сильнѣе и шире выражаетъ мысль, нежели *благослови*) на новыя люди сия (т. е. на людей обновленныхъ, перерожденныхъ, а не на новыхъ дѣтей, какъ у Карамзина), и дажь имъ, Господи, оувѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже оувѣдѣша страны Хрестьянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну (прекрасное слово, къ сожалѣнію, пропущенное у Карамзина), и мнѣ помози (проще и сильнѣй, чѣмъ *будь помощію*), Господи, на супротивнаго врага (и проще, и осязательнѣе, и соотвѣтственнѣе тому вѣку, нежели: *въ искушеніяхъ зла*), да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни іего.» Что же касается до выраженія: *земля и небо ликовали*, будто бы сказаннаго лѣтописцемъ, то оно у Нестора иначе—и проще, и полнѣе, и понятнѣе: «и бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, *толико душь спасаемыхъ.*» Опустивъ сіи послѣднія слова, Карамзинъ лишилъ эту мысль высокаго нравственнаго значенія.

Удачнѣе переложилъ Карамзинъ рѣчь Святослава:

«Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!

Сличивъ съ подлинникомъ, увидимъ ясно, какъ Карамзинъ Несторову связанную союзами рѣчь измѣнилъ въ отрывистую. Курсивомъ означены союзы и лишнія выраженія, пропущенныя Карамзинымъ.

«Оуже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею стати противу, *да* не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми; мертвыи *бо* срама не имамъ, *аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати* (опущено у Карамзина, какъ ослабляющее краткую рѣчь повтореніе и объясненіе): *но* станемъ крѣпко, *азъ же* предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою.»

Въ подлинникѣ лучше, нежели у Карамзина: некуда дѣться; стать противу—неокончательное наклоненіе вмѣсто глагола съ вспомогательнымъ *должны*; земля Руская вм. отечества сообразнѣе съ тѣмъ вѣкомъ. За то у Карамзина сильнѣе: мертвымъ не стыдно, вм. срама не имамъ; при глаголѣ *иду* опущено мѣстоименіе 1-го лица. Кость, честь смотр. въ Приложеніи.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

(ТОМЪ III, ГЛАВА VII.)

1 Игорь, князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ и говоритъ: «хочу
2 преломить копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ свою голову или *шлемомъ испить*

2. «Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.» Копье, глава, шлемъ см. въ Прилож.

3 *Дону*!» Многочисленная рать собирается: кони ржутъ
4 за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ
Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ: Игорь
ждетъ милаго брата Всеволода.»

5 Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей:
6 «они подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; луки у нихъ

4. «Комони ржуть за Сулою; звенить (новѣе, и болѣе поэзіи, чѣмъ гремитъ: звонъ славы напоминаетъ звонъ колокольный) слава въ Кыевѣ: трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода.»—У Карамзина тотъ же порядокъ и построеніе словъ, что и въ подлинникѣ: доказательство, какъ близокъ къ нашей рѣчи текстъ Слова о П. И. Замѣтить мѣрныя дактилическія окончанія предложеній и у Карамзина и въ подлинникѣ: Сýлою. Кіевѣ, Новѣгóродѣ (Новѣградѣ). Трубы трубять, милый см. въ Прилож.

6. «Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, (пропущено у Карамзина это прекрасное выраженіе) конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ.» У Карамзина почти слово въ слово: такъ родственень намъ языкъ Слова о П. И. Тѣже дактилическія окончанія предложеній: пóвиты, вскóрмлены, свѣ́домы, знáемы, натя́нуты, отвóрены, натóчены, сѣ́рые, сами́мъ себе. Замѣчательно, что для двухъ послѣднихъ дактилей Карамзинъ намѣренно измѣнилъ порядокъ словъ подлинника. Бытъ воинскій, яругы, сѣрый волкъ см. въ Прилож.

натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые: ищутъ чести самимъ себѣ,
7 а князю славы. Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на
8 багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены, ихъ дѣвицы красныя взяты въ

7. «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше (Карамз. не выразилъ этого поэтическаго олицетворенія солнца); нощь стонущи ему грозою птичь убуди (и этотъ поэтическій образъ у Кар. сглаженъ); свистъ звѣринъ въ стазби (свистъ звѣря придаетъ болѣе мрачный оттѣнокъ, чѣмъ ревъ).... Уже бо бѣды его (Игоря) пасетъ птиць (понятнѣе и короче: сила мысли зависитъ отъ глагола пасти); подобію влъци грозу въсрожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ (картина опредѣленна и ярка; у Кар. вообще сказано: предвѣщаютъ ему гибель), лисицы брешутъ на чрълеными щиты.» Изъ разбора этого мѣста очевидно выступаетъ поэтическое превосходство подлинника надъ прозаическимъ переложеніемъ Карамзина. Чудесное предзнаменованіе, орлы, золотой см. въ Прилож.

8. «Съ заранія въ пяткъ потопташа (сильнѣе выражаетъ гибель враговъ, а сломлены—можетъ означать только: сдвинуты съ мѣста) поганыя плъкы Половецкыя, и рассушясь стрѣлами по полю (быстрота дѣйствія, не замѣченная Карамзинымъ), помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злата, и паволокы, и драгыя оксамиты.» Въ подлинникѣ изображается самое дѣйствіе—помчаша, у Карамзина уже результатъ онаго—взяты въ

плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для
9 Россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя
10 непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ юга черныя тучи, или новыя полки варваровъ: «вѣтры,
11 Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами на во-
12 иновъ Игоревыхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дружиною: «сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о шле-

плѣнъ, и потому не живописно; въ подлинникѣ вмѣстѣ съ дѣвицами влекутся и злато и проч.; Карамзинъ быстроту дѣйствія вовсе останавливаетъ, хладнокровно раздѣляя, что было взято въ плѣнъ и что въ добычу.—«Орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорьчьи Половѣцкыми.» Исчисленіе видовъ (орьтмы, япончицы, кожухи) гораздо картиннѣе общей суммы ихъ или рода (одежды и наряды, какъ у Кар.). Мосты мостятъ—дѣйствіе, теперь совершающееся, живописнѣе результата онаго: лежатъ вмѣсто мостовъ. Красный, мосты мостить см. въ Прилож.

9. «Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславличю.» Опущеніе глагола съ дательнымъ падежемъ сильнѣе и быстрѣе выражаетъ дѣйствіе.

10. «Чръныя туча съ моря идутъ.» Объясненіемъ *или*... Карамзинъ разрушилъ поэтическій образъ.

11. «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы.» Се—для живѣйшаго представленія въ настоящемъ. *Съ* моря—и шире и далѣе, и пластичнѣе схватываетъ дѣйствіе, нежели *отъ* моря.

12. «Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши (сыплетъ—менѣе силы и быстроты) на вои стрѣлами (творит. вм.

13 мы ихъ мечами булатными. Гдѣ сверкнетъ златый ши-
шакъ его, тамъ лежатъ головы Половецкія.» Уже два
14 дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: «земля
облита кровію, усѣяна костями. Въ третій день пали
15 наши знамена: *кроваваго вина* не достало; кончили

винительнаго: сыпать стрѣлы и сыпать стрѣлами), гремлеши о шеломы мечи харалужными.» У Карамзина двусмысліе: о шлемы *ихъ* мечами: къ чему относится *ихъ*, къ шлемы или мечами?

13. «Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкая» Тоже правильное построеніе періода, что и у Карамзина: слѣд. въ древнихъ памятникахъ нашей литературы можно учиться и періоду. «Посвѣчивая» шишаку приличнѣе, нежели «сверкнетъ:» и приставка *по* означаетъ уже умѣренное качество: «сверкнетъ» слишкомъ много. Замѣтить, что и 12 и 13 періоды оканчиваются у Кар. и въ подлинникѣ дактилемъ: була́тными (харалу́жными), полове́цкія. У Кар. разсказъ, въ подлинникѣ же поэтическое обращеніе къ Всеволоду. Туръ см. въ Прилож.

14. «Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Руской земли.» Изъ близкаго, послѣдовательнаго сравненія съ нивою Кар. сдѣлалъ фразу; ибо «*по*сѣяна» и «*по*лита,» употребляющіяся для растеній, измѣнилъ въ болѣе общія понятія «*у*сѣяна» и «облита:» слѣд. замѣтить силу предлоговъ. Притомъ, сначала земля вспахана (подъ копытами), потомъ посѣяна, далѣе полита и наконецъ уже взошло; Кар. обрубилъ начало и конецъ полнаго сравненія и переставилъ порядокъ глаголовъ неестественно. Сравненіе съ пашнею см. въ Прилож.

15. «Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Ру-

пиръ свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли
16 за отечество.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ «поютъ веселыя пѣсни на берегу синяго моря, звеня
17 Русскимъ золотомъ.» Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: «ты можешь Волгу раскропить веслами, а
18 Донъ вычерпать шлемами».—Рюрику и Давиду: «ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными.»—Роману и Мстиславу Волын-

скую.»—Словами «гостей» и «отечество» Кар. подновилъ подлинникъ. Сравненіе съ пѣснями, родственное выраженіе см. въ Прил.

16. «Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ.» Строеніе предложеній тоже самое, что и у Кар. Дактилич. окончаніе: зо̀ло̆то̆мъ. Красный см. въ Прил.

17. «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.» Хотя у Кар. измѣненъ порядокъ словъ, но соотношеніе между словами симметрическое тоже, что и въ Словѣ: у Кар. оба глагола въ срединѣ, въ Словѣ оба на концѣ; и у Кар. и въ Словѣ дактилич. окончаніе: шлѐмӑмй, вы̀лья̆тй. Шлемъ см въ Прил.

18. «Ты, буй Рюриче и Давыде, не вaю ли злаченыи шеломы по крови плаваша (обагряются—мало)? не вaю ли храбра дружина рыкаютъ (опредѣленное дѣйствіе, ярятся—болѣе общее, слѣд. менѣе изобразительное) акы тури, ранены (у Кар. точнѣе ранить можно и пулею и камнемъ), саблями калеными, на полѣ незнаемѣ?» Замѣчательно, что и подлинникъ и переложеніе раздѣляются на двѣ части, оканчивающіяся дактилемъ: пла̀вӑшӑ, не зна̀ӗмѣ̆; кро̀ві̆ю̆, калѐны̆мй. Такимъ образомъ самые памятники

19 скимъ: «Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булат-
20 ные».—Сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: «о вы, славнаго гнѣзда шестокрыльцы! заградите поле врагу стрѣлами острыми».
21 Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *осмомысломъ*, прибавляя: «сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подпираешь* горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кі-

литературы нашей частію воспитали въ Карамзинѣ мѣрную прозу. Въ послѣдствіи Карамзинъ исправился отъ недостатковъ ея. туръ, каленый см. въ Прилож.

19. «Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.» Дактилическое окончаніе и въ подлинникѣ и переложенія.

20. «Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрилци!... Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!» На концѣ Кар. измѣнилъ порядокъ словъ, постановивъ прилагательное на концѣ, для того, чтобы придать дактилическое окончаніе предложенію: острыми. Въ подлинникѣ дактилемъ оканчиваются далѣе два слѣдующія выраженія: русскую, и—Святъславлича.

21. «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча беремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями.» Въ первомъ предложеніи Кар. поставилъ на концѣ «златокованномъ» для дактиля. Въ подлин-

22 еву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя.» Въ тожь время сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: «дружину твою, Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея
23 полизали. Ты самъ выронилъ *жемчужную* душу свою
24 изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.» Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «на берегахъ Нѣмана стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла....
25 О времена бѣдственныя! Для чего нельзя было *пригвоздить* стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ» (или

никѣ «своими желѣзными» у Кар. «желѣзными своими» мѣстоименіе послѣ прилагательнаго, слѣд. и тотъ и другой порядокъ словъ равно употребительны; окончаніе періода: отдалённыя— дактиль. Золотой, суды рядя см. въ Прилож.

22. «Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.»

23. «Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе.» Въ 22 и 33 періодахъ близость переложенія къ подлиннику. Душа см. въ Прилож.

24. «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ (выпустивъ это, Кар. испортилъ подробное, обстоятельное сравненіе), вѣютъ душу отъ тѣла.» Видя такую близость подлинника къ языку Карамзина, ученики заохотятся читать древніе памятники.

25. «Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.»

26 сдѣлать безсмертнымъ!)... Между тѣмъ супруга плѣ-
неннаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской
27 стѣны смотря на чистое поле: «Для чего, о вѣтеръ
сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы
Ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ вол-
новать синее море *и лелѣять* корабли на зыбяхъ его?...
28 О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стре-

26. Пѣсня Ярославны въ подлинникѣ начинается игривою прелюдіею: «полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.» Далѣе вся пѣсня дѣлится на три куплета, изъ коихъ передъ каждымъ повторяется: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи.» А у Карамзина эти слова являются не поэтическимъ раздѣленіемъ куплетовъ, а разсказомъ историческимъ, и потому стоятъ только въ началѣ пѣсни. Дунай, пѣсни см. въ Прилож.

27. «О вѣтрѣ! вѣтрило! чему, Господине, насильно вѣеши? Чему мычеши (сильнѣе нежели навѣялъ) Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?» Напрасно не оставилъ Кар. дѣепричастія «лелѣючи.» а измѣнилъ придаточное предложеніе въ главное. Въ словѣ о П. И, точно такъ, какъ въ народной нашей поэзіи, обыкновенно заключается періодъ придаточными предложеніями съ дѣепричастіями на-*чи*.—Жаль, что Кар. не удержалъ слѣдующихъ за тѣмъ прекрасныхъ словъ: «чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»—Зыбя̆хъ его̆: дактилическое окончаніе. Олицетвореніе вѣтра.

28. «Ярославна рано плачешь Путивлю городу на забороле, аркучи:» о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы

мяся въ землю Половецкую; ты несъ на себѣ ладіи
Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ
друга милаго, да не шлю къ нему утреннихъ слезъ мо-
29 ихъ въ синее море!... О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ
тепло и красно: почто же знойными лучами своими
изнурило ты воиновъ моего друга въ пустынѣ безвод-
30 ной?... «Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу,
онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества,
31 стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ
коня, садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію.

сквозѣ (для чего «стремяся» у Карамзина?) землю Половецкую (тотъ же порядокъ словъ и дактилич. окончаніе, какъ и у Кар.), ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли посады до плъку Кобякова (одинаковое дактилич. окончаніе и въ подлинникѣ и у Кар.): възлелѣй (Кар. ослабилъ и лишилъ поэзіи, измѣнивъ въ «принеси»), господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.» Лада см. въ Прилож.

29. «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:» свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ (для чего Кар. измѣнилъ въ «для всѣхъ?») тепло и красно еси: чему, Господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.» Олицетвореніе солнца.

30. «(Князь Игорь) връжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.» Эти сверхъестественные подвиги, разсказанные въ поэтическихъ образахъ, Кар. передаетъ съ положительностію и хладнокровіемъ историка. Волкъ, сравненіе съ пѣснями см. въ Прилож.

32 Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку заставляетъ
33 оную привѣтствовать Князя: «Не мало тебѣ, Игорь
величія, Хану Кончаку досады, а Русской землѣ весе-
34 лія.» Князь отвѣтствуетъ: «Не мало тебѣ, Донецъ,
величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ,
стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*,
одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа зе-
ленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками на стру-
35 яхъ, чернетьми на вѣтрахъ» Игорь, прибывъ въ Кі-
евъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго во храмъ Пиро-
гощей Богоматери, и сочинитель, повторивъ слова Бо-

33. «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа.» За исключеніемъ слова «нелюбіе,» все остальное у Кар. слово въ слово. Дактилич. окончаніе. Олицетвореніе и разговоръ см. въ Прилож.

34. «О Донче! не мало ти величія, лелѣяву Князя на влънахъ, (у Кар. волна́хъ свои̌хъ—для дактиля) стлавшу ему зелѣну траву (Кар. поставилъ прилагательное позади существительнаго) на своихъ сребреныхъ брезѣхъ (у Кар. опять прилагательное позади: въ подлинникѣ проще, менѣе вычурной перестановки), одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу (у Кар. дактиль и опять прилагат. позади); стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ!» Сличивъ этотъ періодъ съ переложеніемъ, ученикъ удивится близости языка Слово о П. И. къ слогу Карамзина, и съ убѣжденіемъ примется изучать старинные памятники нашей словесности, какъ матеріалъ вѣчно неизмѣнный для языка и слога рускаго. Серебряный см. въ Прилож.

35 и 36. «Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря.» Жаль, что Кар. опустилъ

яновы, «худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы.» восклицаетъ: «счастлива земля и веселъ на-
36 родъ, торжествуя спасеніе Игорево. Слава Князьямъ и дружинѣ.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

(томъ V, глава IV).

1 Князь Владиміръ такъ говоритъ Димитрію: Воеводы наши крѣпки, витязи Русскіе славны, кони ихъ борзы, доспѣхи тверды, щиты червленые, копья злаченыя, сабли булатныя, *курды* Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы Нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки свѣдомы.
2 Хотятъ витязи положить свои головы за Вѣру Христі-

послѣднее предложеніе, ибо стройность и красота этого періода состоитъ въ томъ, что къ пословицѣ, какъ къ главной мысли, прилагается частный случай, какъ меньшая посылка умозаключенія.—«Страны ради, гради весели.» «Княземъ слава, и дружинѣ.» Пословица, о теченіи ораторской рѣчи въ Сл. о П. И., о примѣтахъ см. въ Прилож.

1. и 2. «И говоритъ Князь Владимеръ Андрѣевичь: Господине Князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а Руские оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ (повтореніе одного и того же неудачнаго глагола портитъ рѣчь) велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчаны Фряйския, корды Лятцкіе, сулицы Немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, березі имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити (живописнѣе нежели у Кар. «положить») за вѣру Христіянскую и за твою обиду Государя Великаго Князя.» Со-

3 анскую и за обиду Великаго Князя Димитрія... Великая Княгиня Евдокія съ женами Воеводскими сидитъ печально въ златоверхомъ теремѣ, подъ окнами южными, смотритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ слезы ручьями, и приложивъ руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ:

чинитель Побоища подражалъ Слову о П. И. смотр. періодъ 6-й. Въ Словѣ о П. И. болѣе сжатости, силы и упругости; въ Побоищѣ—растянуто. Карамзинъ все это мѣсто передалъ столь искуственной мѣрной прозою, что его переложеніе можно прочесть слѣдующими стихами. Сначала идутъ хореическія окончанія, потомъ дактилическія:

Воеводы наши крѣпки,
витязи Русскіе сла́вны.
кони ихъ бо́рзы,
доспѣхи тве́рды,
щиты червле́ные,
копья злаче́ныя,
сабли була́тныя,
курды Ля́цкія,
колчаны Фряжскіе,
сулицы Нѣме́цкія;
всѣ пути знако́мы имъ,
берега Оки свѣ́домы.
хотятъ ви́тязи
положить свои го́ловы
за Вѣру Христіа́нскую
и за обиду Вели́каго
Князя Дими́трія.

3. «Княгини же Великая Евдокѣя съ своею снохою (снохи тогда у ней еще не было, потому опущено у Кар.) и иными

4 Боже великій! умоляю Тебя смиренно, сподоби меня еще видѣть моего друга, славнаго между людьми, Князя Димитрія! Помоги ему на враговъ рукою крѣпкою! Да не падутъ Христіане отъ Мамая невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ злаго Батыя! Да спасется остатокъ ихъ и

княгинями и с воевотскими женами възыде на златоверхіі свой теремъ в набережный и сядѣ подъ южными окны... А въ слезахъ не можетъ словеси рещи; слезы бо от очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печално и шибъ руцѣ свои к персемъ, и рече:» Подлинникъ предложилъ Карамзину не слишкомъ связный матеріалъ, изъ коего онъ искусно округлилъ періодъ.

4. Плачь Евдокіи есть подражаніе пѣснѣ Ярославниной въ Словѣ о П. И. смотр. отъ 26 до 29 періода. Въ Словѣ поэтическій романсъ въ трехъ куплетахъ съ прелюдіями, въ Побоищѣ—ораторская рѣчь; въ пѣснѣ Ярославны—нѣжное чувство жены, въ плачѣ Евдокіи—реторика самого сочинителя; въ первой съ поэзіею перепутаны остатки язычества въ обращеніи къ вѣтру и солнцу; во второмъ съ реторическими прикрасами историческіе факты и чувство христіанское. — «Господи Боже великіи, призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего (моего друга—какъ у Кар.—приличнѣе женѣ) видѣти славнаго во человѣцѣхъ Великаго Князя Димитрея Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! (у Кар. все это выражено вдвое короче) не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Татары отъ злаго Батыя (историч. ошибка). Отъ таковыя же беды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіянству.» Растянуто.

5 да славитъ имя Твое Святое! Уныла земля Русская:
6 только на Тебя уповаемъ, Око Всевидящее! Имѣю двухъ
младенцевъ беззащитныхъ: кому закрыть ихъ отъ вѣтра
бурнаго, отъ зноя палящаго? Возврати имъ отца, да
царствуетъ во вѣки!...
7 Славный Волынецъ, мужъ исполненный ратной муд-
рости, на канунѣ битвы, въ глубокую ночь, зоветъ
Великаго Князя въ чистое поле, да узнаетъ тамъ судь-
8 бу отечества. Впереди станъ Мамаевъ: за ними Рос-

5. «Отъ тое бо рати Руская земля оуныла. (Кар. измѣнилъ порядокъ словъ для дактиля) Ни на кого же бо надежи не имамъ, токмо на тебя всевидящаго Бога.»

6. «Азъ же оуньлая имѣю двѣ отрасли, Князя Василія, да Юрія, но еще и тѣ мали сутъ. Егда похизитъ ихъ вѣтръ с оуга или з запада (не разумѣются ли здѣсь Татары и Литовцы?): то не могу терпѣти, ни на что же опираяся; ихъ или зной поразитъ, тако же имъ погибнути (Карамзинъ сжалъ въ одно предложеніе съ двумя дактилями, для того и прилагат. послѣ существительныхъ); а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову (народное русское выраженіе): то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.»

7. и 8. «И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы ронися (въ другихъ спискахъ: росніи, розни) являшеся. По истинѣ бо рече: нощь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Дмитрей Волынецъ Великому Князю примѣту: Войску оуже бо вечерняя заря потухла. Димитрей же сядѣ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выехавъ на поле Куликово и ставъ посреде обоихъ полковъ...» У Карамзина сжатая передѣлка.

9 сійскій. *Внимай*! сказалъ Волынецъ ... и Димитрій,
обратився къ Мамаеву стану, слышитъ стукъ и кличъ,
подобный шуму многолюднаго торжища, или созидаемаго
10 града, или звуку трубъ безчисленныхъ. Далѣе грозно
воютъ звѣри и кричатъ вороны; гуси и лебеди пле-
щутъ крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу
11 необычайную. *Обратися къ стану Русскому*! говоритъ
Волынецъ—*что слышишь?*... *Все тихо*, отвѣтствуетъ
Димитрій: *вижу только сліяніе огней небесныхъ съ*

9. «Обратився на полки Татарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки городы ставятъ, аки трубы гласяще.» Въ подлинникѣ сравненіе живописнѣе, ибо глаголы (снимаются, ставятъ, гласяще) выражаютъ совершающееся дѣйствіе, а прилагательныя (многолюднаго, созидаемаго, безчисленныхъ)—свойство предмета, слѣд. болѣе дѣйствуютъ на судительную силу, чѣмъ на воображеніе.

10. «И бысть же назади Татарскихъ полковъ (у Кар. «далѣе» неопредѣленно) волцы воютъ вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше»—въ подлинникѣ очевиднѣе изображена мѣстность, слѣд. живѣе описаніе: «противу же имъ на рецѣ на Непрядве гуси и лебеди и оутята крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ.» Кар. не выразилъ мысли: въ подлинникѣ ясно, что птицы подаютъ грозу тѣмъ, что крыльями плещутъ *необычайно*; а Кар. прибавилъ это послѣднее слово къ *грозѣ*. Гаданіе по птицамъ см. въ Прилож.

11. «И рече Волынецъ: обратижеся, Князь, на полки Рускія! и якоже обратищася и бысть тихость велика. Волынецъ же рече Великому Князю: что еси, Господине, слышалъ? Онъ же рече: ничто же, брате, слышати, но токмо видѣхомъ, отъ

12 *блестящими зарями*... Волынецъ сходитъ съ коня;
ухомъ приникаетъ къ землѣ; слушаетъ долго, встаетъ
13 и безмолвствуетъ. Великій Князь требуетъ отповѣди.
14 *Добро и зло ожидаетъ насъ*, говоритъ ему сей муд-
рый витязь: *плачутъ обѣ страны, единая какъ вдо-*
15 *вица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты*
побѣдишь, Димитрій; но много, много падетъ нашихъ!
16 и 17 Димитрій пролилъ слезы... Сходятся рати подъ
18 густою мглою. Знамена Христіанскія воспрянули: кони

множества огней зари имашася.» Мысль понятна и изящна: такъ много разложено огней, что отъ нихъ занимается заря: у Карамзина непонятная фраза, ибо *сліяніе огней небесныхъ съ блестящими зарями* ничего не значитъ.

12. «Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часъ и ставъ, абие нониче.» Языческая примѣта—слушать землю.

13. «И рече ему Князь Великій: что есть, брате, примѣта?» О примѣтахъ см. въ Прилож.

14. «Едина ти есть на ползу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущуся на двое (прекрасное выраженіе; Кар. не ясно представилъ гаданіе землею), едина страна, аки нѣкая жена плачющеся чадъ своихъ Еллинскимъ языкомъ (слѣд. примѣта дурная, языческая; елленская: у Кар.» вдовица «ничего не значитъ), другая же страна аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ.»

15. «Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а крестіянъ множество падетъ.» Повтореніе «много, много» подновляетъ слогъ.

16. «Слышав же то Князь Великіи, прослѣзився»...

17. 18. «Бывъше же оутра того мгла: начаша гласы трубныя

подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы наши
19 громко, Татарскія глухо. Стонетъ земля на Востокъ до
20 моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле отъ тягости пере-
21 гибается; воды изъ береговъ выступаютъ... Часъ на-
22 сталъ. Каждый воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ:
Господи! помози Христіанамъ! и быстро впередъ
23 устремился... Сразились, не только оружіемъ, но и
сами о себя избивая другъ друга; умирали подъ но-
гами конскими; задыхались отъ тѣсноты на полѣ Кули-
24 ковѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ сіянія мечей, лѣсъ ко-

от обоихъ странъ снимати ся. Татарьскія же трубы аки онемѣша, Рускія же паче оутвердишася.»

19. «Велми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ (прекрасное выраженіе, пропущенное у Кар.) на восток до моря, на западъ же до Дуная.»

20. «Поле же Куликово прегибающеся,» Кар. прибавилъ «отъ тягости,» для ясности—«вострепеташа лузи и болота, рѣки же озера (опредѣленнѣе и изобразительнѣе, чѣмъ воды) изъ мѣстъ своихъ выступиша.»

21. «Наставшу же второму часу дни»...

22. Оудариша кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: Боже Крестьянскіи помози намъ! Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася.»

23. «Не токмо оружіемъ біющеся, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами оумираху, от великія тѣсноты задыхахуся, яко не мощно бѣ вмѣститися имъ.» Послѣднее предложеніе, какъ лишнее, Кар. опустилъ.

24. «Трепетали силніи молніе от облистанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейнаго сломленія.

25 пій трещитъ и ломается. Удалые витязи наши какъ вели-
26 чественная диброва склонялись на землю. О чудо! раз-
верзлось небо надъ полками Димитрія; видимъ свѣтлое
облако, исполненное рукъ человѣческихъ, которыя дер-
27 жатъ лучезарные вѣнцы для побѣдителей.... И се во-
ины Князя Владиміра рвутся изъ засады на Мамая,
какъ соколы на стадо гусиное, какъ гости на пиръ
брачный; ударили, и врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы
тебѣ, Мамай! вознесся до небесъ, и въ адъ нисходишь!*

«За молніею слѣдуетъ громъ: *молнія* отъ облистанія мечей, *громъ* отъ ломки копій—слѣд. сравненіе выдержано прекрасно. У Карамзина же сравненіе случайное, фраза: ибо какимъ образомъ заря кровавая бываетъ отъ сіянія мечей? О копьяхъ и у Кар. хорошо: но не вяжется съ предыдущимъ, тогда какъ въ подлинникѣ обѣ части сравненія выражаютъ двѣ половины одного и того же дѣйствія—грозы.

25. «Руские оудалцы побіени суть, аки сильніи древа сломишася.» Сравненіе вѣрно, ибо сильный ломается, а не склоняется, какъ у Карамзина, который совершенно испортилъ мысль подлинника: притомъ не ясно что значитъ: величественная доброва склонялась? гнулась отъ вѣтра, или падала?

26. «Во шестую годину сего дни, видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися и той же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ: каяждо рука держащи оружіе и отпустишася отъ облака того на на главы христіански.»

27. «И выедоша из дубравы единомысленныя друзи, аки соколы испущени, и оударишася на стада жаравлина.»—«непрестанно порывающеся, аки званныи на бракъ сладкаго вина пити.»

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ДИМИТРІЮ.

(ТОМЪ V, ГЛАВА IV.)

1 Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юношествѣ, другіе въ лѣта среднія, или въ старости: Димитрій
2 всю жизнь совершилъ во благѣ. Принявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его Княженія *воскипѣла* славою; былъ для отечества стѣною и твердію, а для враговъ огнемъ и мечемъ; кротко повелителенъ съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ умъ высокій, сердце сми-

«Бѣжаша же Татарове, глаголюще своими языки: Оувы и тебѣ, честный Царю Мамаю! высоко вознеслъся еси, и до ада зъшелъ еси!» У Кар. подновлено выраженіемъ «до небесъ.» Соколъ см. въ Прилож.

1. «Инѣмъ бо человѣкомъ въ начадцѣхъ похваленіе бываетъ, инѣмъ бо въ средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо всь съ похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего свръши.»

2. «Богомъ дарованную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе царство сътвори» Кар. далъ искусную форму этимъ словамъ, намѣренно поставивъ ближе два раза «Богъ,» и соединивъ это предложеніе съ другимъ, не связывающимся съ предыдущимъ въ подлинникѣ: «и вскипѣ земля Русская въ дне княженіа его.» «Бываетъ же другомъ стѣна и *твердь* (Кар. этому слову въ такомъ значеніи далъ право гражданства и въ нашемъ языкѣ), противнымъ же мечь и огнь—Князи Рускыя въ области своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бываше»—

ренное; взоръ красный, душу чистую; мало говорилъ,
разумѣлъ много; когда же говорилъ, тогда Философамъ
заграждалъ уста; благотворя всѣмъ, могъ назваться
окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спящихъ въ
3 *опасности*.... Когда же Великій *Царь* земли Русскія,
Димитрій, заснулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аэръ* возму-
4 тился, люди ужаснулись. О день скорби и *туги*, день
мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ:
5 «*О горе намъ, братіе! Князь Князей преставился*;
6 *звѣзда, сіяющая міру склонилась къ Западу!*» О су-
пружеской взаимной любви Димитрія и Великой Кня-

слѣд. увѣтливъ можно употреблять и съ дательн. падежемъ— «высокій умъ, смиренный смыслъ—красенъ бѣ взоромъ и чистъ душею» прилагат. съ творительнымъ народнѣе, нежели у Кар. съ глаголомъ «имѣлъ.» «Вмалѣ (не то, что мало) глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель препираше и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше.... яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ.» Въ послѣднихъ выраженіяхъ дат. пад. лучше родительнаго. Кар. смягчилъ эту фигурную рѣчь, прибавивъ: «могъ назваться.»

3. «Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій Царь Димитрій Рускыя земли, аэръ възмутися, земля трясошеся и человѣци смятошася.»

4. «День той день скорби и туги, день тмы и мрака, день захлипаніа и кричаніа.» Кар. внесъ въ Рускій языкъ слова *туга* и *захлипаніе*.

5. «Но токмо слышахъ народъ глаголющь: о горе намъ братье! Князь Княземъ (лучше и древнѣе, чѣмъ Князей) успе; звѣзда сіяющая всему міру къ западу грядетъ!»

7 гини Евдокіи сказано такъ: «Оба жили единою душею
въ двухъ тѣлахъ; оба жили единою добродѣтелію, какъ
златоперсистый голубь и *сладкоглаголивая* ластовица,
съ умиленіемъ смотряся въ чистое зерцало совѣсти...»

3. Чтеніе древняго памятника.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СКАЗАНІЯ О ВЗЯТІИ ПСКОВА. (ПСКОВСК. ЛѢТОП. СТР. 176—178. СЛИЧ. КАРАМЗИНА ИСТ. ГОС. РОС., ТОМЪ VII, ГЛАВА I.)

1 И Князь же Великой велѣлъ своимъ Бояромъ по
свой думѣ творити, какъ себѣ здумали; и Бояромъ
Псковскимъ и Посадникомъ и всякимъ жалобнымъ лю-
дѣмъ учали говорити: Государь приказалъ вамъ всѣмъ
копитися въ Царской дворъ свой исполна; а кой не
будетъ, ино боялся бы Государевы казни; а Государь
2 хочетъ всѣмъ управу дати. И Посадники пошли на
3 Владычень дворъ съ воды. И Бояре спрашивали: ужели

7. «Обѣма едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное житье, яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица съ умиленіемъ смотряху своего спасеніа въ чистѣй совѣсти.» Смотрѣть спасенія, находить спасенія въ чистѣй совѣсти—мысль проста и ясна: у Кар. же довольно наивная, вычурная картина. Голубь и ластовица сладкоглаголивая см. въ Прилож.

2. *Съ воды*, потому что были на водокрещеніи.

3. *Спрашивали*—руская форма, образовавшаяся еллипсомъ изъ прошедшей описательной, *скопилися*, idem; зн. просто собрались; а существ. *скопъ* зн. заговоръ, собраніе заговорщиковъ, напр.

и 5) всѣ скопилися? Они же рекоша: вси. И Посадниковъ и Бояръ и купцовъ ввели въ полату, а молодшія
6 люди на дворѣ осталися. И внидоша Великаго Князя Бояре, рекоша Псковичамъ: поиманы есте Богомъ и Государемъ и Великимъ Княземъ Васильемъ Ивано-
7 вичемъ всеа Русіи. И ту посадиша Посадниковъ, а молодыхъ людей переписавъ, подаваша Новгородцомъ по
8 улицамъ поити и кормити и беречи до управы. И переняша Псковичи полонянную свою вѣсть и горе отъ
9 Филипа поповича, отъ купчины, отъ Псковитина. А онъ ѣхалъ къ Новугороду и сталъ у Веряжи, и услышавъ тую злую вѣсть, и оставя товаръ и погонилъ къ Пскову, и сказалъ Псковичамъ, что Князь Великій че-
10 лобитщиковъ Псковскихъ всѣхъ переималъ. И нападень (*на*) Псковичь страхъ и трепетъ, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли,

Древн. Рос. Вивліоѳ. VIII, 62: также мнѣ самовольствомъ, скопомъ, заговоромъ ни на ково не приходити.

4. *рекоша* окончаніе-*ша*.

5. *Молодшій* руская полногласная форма, нынѣшняя же *младшій*—церковнославянская.

6. У Карамз. «вы *поиманы* Богомъ и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.»

9. *И*, повтореніе союзовъ.

10. У Карамз. «отъ трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, язву и Нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ отчаяніи.» *Таковы* родит. жен. ед. отъ краткой формы.

якоже многажды приходиша Нѣмцы на нихъ и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, яко же нынѣ.
11 И собрашася на Вѣчи, начаша думати: ставити ли
12 щитъ противъ Царя и запиратися ли во градѣ? И воспомянувше крестное цѣлованіе, что не мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути противъ Великаго
13 Князя. А Посадники и Бояре и вси люди лучшіе у
14 него. И послаша гонца Еустафія Сотцкаго бити челомъ со слезами отъ мала и до велика, чтобъ ты Государь нашъ Великій Князь Василей Ивановичь жаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои преже сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; Богъ воленъ да и ты сво-
15 ею отчиною и съ нами людишками своими. И прислалъ

11. Щитъ см. въ Прилож. у Кар. «ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?»

12. Рука см. въ Прилож. на Государя руки подняти—ни воздвигнути противъ Великого Князя: синонимическій параллелизмъ см. въ Прилож.

14. бити челомъ, отъ мала и до велика, отчина см. въ Прил. *преже* руская форма, церковнослав. *прежде*, людишки см. въ Прил. у Кар. «бьемъ тебѣ челомъ отъ мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны*, и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты воленъ въ своей отчинѣ.» Замѣтить, что въ подлинникѣ болѣе рускаго складу, нежели у Карамзина; напр. для чего церковнославянская здѣсь форма: *да жалуешь*? Псковичи говорили, *чтобъ ты жаловалъ*.

15. *Третьякъ* языческое или свѣтское имя; старина см. въ Прил. *есте изволпли* церковнославянск. форма: вспомог. глаголъ

Князь Великій Діяка Третьяка Далматова зъ жаловальнымъ со льстивымъ словомъ, и Псковичи обрадовались отъ Государя жалованья и старины, еже Третьякъ имъ на Вѣчи сказалъ первую и новую пошлину поклонъ отъ Великаго Князя, что де и отчина моя Псковичи, только хотите въ старинѣ прожити, и выбъ есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ Вѣчя не было, да и колоколъ бы Вѣчной сняли, а здѣсь быти двѣмъ Намѣстникомъ, а по пригородомъ по Намѣстнику же
16 быти; и вы еще въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль не сотворите Государю и не изволите, ино какъ Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой: и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто Го-
17 сударевы воли не сотворитъ. Да Государь нашъ хо-
18 четъ побывать на поклонъ къ Троицы во Псковъ. Да

не выпустился, вѣроятно, потому, что во 2-мъ, а не въ 3-мъ лицѣ. Вообще замѣтить, какъ мѣшаются формы церковныя съ рускими. У Карамз. «чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ* исполнили *двѣ воли* Государевы.» Въ подлинникѣ тавтологія въ звукахъ: изволили двѣ воли; см. въ Прил. *быти*—неокончат. наклоненіе вм. изъявит. пригороды меньшіе города при главномъ.

16. Богъ по сердцу положитъ см. въ Прил.

17. Троица вм. Пскова см. въ Прил.

18. *да*, плеоназмъ въ союзѣ: такъ какъ *да* (соединит.) союзъ сочиняющій, слѣд. не можетъ связывать предложенія придаточнаго съ главнымъ, то второе *да* слѣдуетъ почесть не болѣе, какъ вставкою для благозвучія. Изъ этого мѣста видно, что вѣче было съ ступенями, кои назывались степенями; у Кар. также: сѣлъ на степени Вѣча.

19 отговоривъ то, да сѣлъ на степени. И Псковичи уда-
риша челомъ въ землю, и не могли противъ его от-
вѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя; и никого же
нѣсть, иже бы тогда не плакалъ; токмо тые не испу-
20 стили слезъ, иже младенцы сущіи (ссущіе) млеко. И токмо
ему отвѣщали: посолъ Государевъ, дастъ Богъ заутра
21 и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ скажемъ. И
бѣ тогда во Псковѣ плачь и рыданіе и стонаніе во
22 всѣхъ домѣхъ, другъ друга обнимающе. Наутріяжъ
освитающу дни недѣльному позвониша на Вѣче, и со-

19. *И*: обратить вниманіе, что старинные періоды обыкновенно начинались этимъ союзомъ, слич. періоды 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 28, 29, 31, 32, 33. Изъ новыхъ писателей Жуковскій любитъ также начинать періоды; напр. въ Описаніи Мадонны: и такова сила той души.... и въ самомъ дѣлѣ, это не картина...и точно приходитъ на мысль... и Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя... и какъ мало средствъ... и Онъ, какъ царь земли и неба... и въ этомъ нахожу я главную красоту... *никого же нѣсть*—усиленное отрицаніе. У Кар. «одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести.»

21. У Кар. «на улицахъ, въ домахъ раздавалось стенаніе: всѣ обнимали другъ друга, какъ въ послѣдній часъ жизни» *Обнимающе* прич. наст. множ. числа.

22. *Освитающу дни недѣльному*—дательн. самостоят. день недѣльный—воскресенье; въ Малороссіи, какъ въ старину, недѣля—воскресенье: отсюда понедѣльникъ, т. е. день послѣ недѣли. Лѣтописецъ см. въ Прилож. Вотъ какъ Кар. переложилъ этотъ и слѣдующій періодъ: «на разсвѣтѣ ударили въ Вѣчевый коло-

брашася Посадники и всѣ Псковичи, и прiѣхалъ Дьякъ Государевъ, и начаша ему тако говорити: тако у насъ написано въ лѣтописцехъ—съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его Государемъ крестное цѣлованiе съ Великими Князьями положено, что намъ Псковичамъ отъ Государя своего и Великого Князя, кой ни будетъ на Московскомъ Государствѣ, а намъ отъ него не отъити ни въ Литву ни въ Нѣмцы, а намъ жити по старинѣ въ
23 добровольи. А мы Псковичи отъидемъ отъ Великаго Князя въ Литву или въ Нѣмцы, или о себѣ станемъ жити, безъ Государя, ино на насъ гнѣвъ Божiй, гладъ
24 и огонь и потопъ и нашествiе поганыхъ. А Государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованiе на себѣ дер-

колъ; сей звукъ представилъ гражданамъ мысль о погребенiи. Они собралися. Ждали Дьяка Московскаго. Долматовъ прiѣхалъ. Ему сказали: Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что *добровольные* Псковитяне всегда присягали Великимъ Князьямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ своими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божiю, гладу, огню, потопу и нашествiю иноплеменниковъ.»

23. Вь первой части этого перiода подразумѣвается условный союзъ *если*, коему соотвѣтствуетъ во второй *ино*.

24. Опять подразумѣвается союзъ *если*. Кромѣ *и* древнiе перiоды любили начинаться союзомъ *а*: слич. перiоды 9, 13, 16, 23, 24, 25, 26, 27; или союзомъ *да*, перiоды 17, 18. У Кар. «но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: Великiе князья присягали не лишать насъ древней свободы; клятва таже, таже и казнь преступнику.»

жати, ино на него тотъ же обѣтъ, коли насъ не уч-
25 нетъ въ старинѣ держати. А нынѣ Богъ воленъ да
Государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ во градѣ Псковѣ,
26 и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ. А мы прежняго
своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Госу-
даря своего руки подняти, и въ городѣ заперетися не
27 хотимъ. А Государь нашъ хочетъ Живоначальныя
Троицы помолитися, а въ своей отчинѣ побывати во
Псковѣ, и мы его Государя своего ради всѣмъ серд-
28 цемъ, что насъ не погубилъ до конца. И Генваря въ
13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица,
и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по
своей старинѣ и по своей воли; и повезоша его на
Снятогорской дворъ ко Іоанну Богослову.... (стр. 179)

25. У Кар. «Нынѣ воленъ Богъ и Государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ!»

26. У Кар. «По крайней мѣрѣ мы не хотимъ измѣнить крестному цѣлованію, не хотимъ поднять руки на Великаго Князя.»

27. Части условнаго союза, вмѣсто союзовъ *если — то*, начинаются *а—и*. У Кар. «если угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ и видѣть свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца!»

28. Колоколъ см. въ Прилож. У Кар «Генваря 13 граждане сняли Вѣчевый колоколъ у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старинѣ и волѣ.*» Этимъ надстрочнымъ сличеніемъ съ Исторіею Гос. Рос. ученики въ конецъ убѣдятся въ необходимости изученія древнихъ памятниковъ, для того, чтобы самостоятельно усвоить себѣ слогъ Карамзина.

29 и 30) И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ? О
славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто
31 бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ
Псковъ: како ми не сѣтовати: или како ми не плакати
32 и не скорбѣти своего опустѣнія! И прилетѣлъ бо на
мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ног-
тей, и взятъ отъ меня три кедра ливанова, и красоту
мою и богатество и чада мои восхити, Богу попустившу
за грѣхи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ
нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя
роскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заме-
таша; и отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бы-
вали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и
братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры

29. Замѣтить древнее управленіе глаголовъ *восплакать и возрыдать*.

30—31. Таже самая фигура олицетворенія и разговора попадается въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ племенъ и въ нашей народной поэзіи см. въ Прилож. Особенно обратить вниманіе въ отвѣтѣ на частицу *како*, точно также употребляющуюся въ Судѣ Любуши и въ народныхъ пѣсняхъ. Замѣтить управленіе глаголомъ *скорбѣти*.

32. *Исполнь* — прилагательное несклоняемое, относится къ *крылѣ*: т. е. два крыла исполнены львовыхъ ногтей. Или же можно отнесть *исполнь* къ орлу, а *крылѣ* винит. греческій см. Прилож. *взятъ* вм. *взя* прош вр. Полногласная форма *богатество* вм. *богатство* попадается и въ народныхъ пѣсняхъ. *Богу попустившу* дат. самостоят. *люди* вм. *людей* церковнославян. винит. множ.; точно также и *отцы* вм. *отцевъ заведоша*; а

33 наша въ поруганіе даша. И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческій образъ, не хотяще итти въ плѣнъ отъ своего града.

4. Чтеніе одъ Ломоносова.

Желая дать схоластической Реторикѣ историческій характеръ и педагогическую цѣнность, я примѣняю ее къ чтенію Ломоносова. Онъ написалъ лучшую у насъ Реторику, по которой, болѣе или менѣе, писаны всѣ прочія, и по преимуществу Кошанскаго, введенная въ нашихъ Гимназіяхъ. По своей Реторикѣ Ломоносовъ объяснялъ свои оды, приводя ихъ въ примѣръ правиламъ: слѣд. историческая и

отецъ разведоша уже по новому т. е. родит вм. винительнаго, хотя и въ древней формѣ, т. е. *отецъ* вм. *отцевъ*. Такъ постоянно смѣшиваются въ нашихъ лѣтописахъ и грамотахъ формы церковныя съ рускими. *Торжище* слич. съ *торгъ и торжество*. Жаль, что Кар. уничтожилъ разговорную фигуру этого мѣста: «О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрыльный съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похитилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища, или замѣталъ дрязгомъ; увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ небывали ни отцы ихъ, ни дѣды ни прадѣды.» Манерность карамзинскаго переложенія оказывается въ дактилич. окончаніяхъ: опустѣніи—львиными—ливанскіе—дальнія—прадѣды.

33. *Хотяще* прич. множ.—*итти* новая форма, вм. древней *ити*.

субъективная критика требуетъ объяснять стихотворенія Ломоносова схоластическою Реторикою. Разбросанные по его учебнику отрывки собираю въ одно, къ какой одѣ какой отрывокъ принадлежитъ. Для большаго удобства нумерую порядокъ строфъ. Такъ какъ о многихъ строфахъ Ломоносовъ не говоритъ ничего въ Реторикѣ; то ихъ пропускаю: цыфра указываетъ, сколько ихъ опущено. Учитель въ классѣ будетъ читать, разумѣется, всю оду сполна, и, кромѣ извлеченныхъ мною изъ Реторики, предложитъ и другія замѣчанія. Для переложеній изъ Псалмовъ прилагаю подлинникъ. Такъ какъ переложеніе изъ Іова Ломоносовъ не объясняетъ въ Реторикѣ, потому, къ сожалѣнію не предлагаю здѣсь этого превосходнаго произведенія. Подъ каждой строфой выписываю варіанты изъ текста, помѣщеннаго въ Реторикѣ: они подаютъ весьма полезныя соображенія для Стилистики, и, вѣроятно, современемъ внесутся въ изданія одъ Ломоносова. Въ объясненіяхъ означаются параграфы Реторики.

ПЕРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА. 14

1. Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

—

2. Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

—

3. Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

—

4. Призираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

—

5. Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ,
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

Строф. 1. стих. 4. Верьхъ священныхъ горнихъ мѣстъ
2. 4. Какъ устами говоритъ.
3. 1. Кто языкомъ льстись не знаетъ.

Это переложеніе Ломоносовъ приводитъ въ примѣръ къ правилу о жизненныхъ свойствахъ: «къ одному животному приписаны быть могутъ многія жизненныя свойства.» § 59.

Въ выпискѣ славянскаго текста курсивомъ означаются мѣста, близкія къ переложенію.—*Господи, кто обитаетъ*

въ жилище твоемъ? или кто вселится во святую гору твою? *Ходяй непороченъ*, и дѣлай правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ: *Иже не ульсти языкомъ* своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя: Уничтоженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящыяжеся Господа славитъ: кленыйся искреннему своему, и не отметаяся: Сребра своего не даде въ лихву, и мзды на неповинныхъ не пріятъ: творяй сія не подвижится во вѣкъ.

По славянскому тексту «Иже не ульсти языкомъ» слѣдуетъ удержать варіантъ: «Кто языкомъ льстить не знаетъ,» и слѣдовательно въ предыдущемъ стихѣ тоже возстановить текстъ по варіанту: «устами говоритъ» вм. «языкомъ говоритъ.» Замѣт. сильное переложеніе: Правду завсегда хранитъ—Держится присяжныхъ словъ: въ этихъ стихахъ рускимъ складомъ Ломоносовъ рѣзко отдѣлился отъ подлинника. Буквальное сходство перваго стиха съ началомъ псалма указываетъ ясно, что размѣръ преложенія зависѣлъ отъ впечатлѣнія, произведеннаго началомъ псалма на Ломоносова.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 145.

1. Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

—

2. Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть Князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

—

3. Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ:
Высоки мысли разрушатся,
И гордость ихъ и власть минетъ.

—

4 Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ;—

—

5. Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту;—

—

6. Творящаго на сильныхъ нищу
Поистинѣ въ обидахъ судъ;
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіютъ.

—

7. Господь оковы разрѣшаетъ,
И умудряетъ онъ слѣпцовъ:
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

—

8. Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

4. 2. Всесильному во всѣхъ дѣлахъ.

8. 3. Онъ грѣшныхъ дерзкій путь скончаетъ. Слѣдуетъ возстановить этотъ варіантъ въ текстѣ оды, ибо порядокъ словъ въ немъ лучше.

§ 272. Въ раздѣлительныхъ Силлогизмахъ равнымъ образомъ полагается какъ и въ другихъ прежде всего первая посылка, и къ ней присовокупляется парафрастическое истолкованіе, либо доказательство или распространеніе изъ мѣстъ риторическихъ обѣихъ частей оныя посылки; потомъ слѣдуетъ другая посылка съ риторическими изъясненіями, украшеніями или доказательствами; наконецъ заключеніемъ оканчивается соединеннымъ съ движеніемъ или утоленіемъ страсти къ матеріи приличной.

§ 273. Первая посылка раздѣлительнаго Силлогизма можетъ быть отставлена, и вмѣсто оной положенъ быть краткій приступъ, какъ то видно въ Псалмѣ 145-мъ, который основанъ на слѣдующемъ раздѣлительномъ Силлогизмѣ: *Или уповать на Бога, или на Князей сыновъ человѣческихъ; но уповать на нихъ не надежно, слѣдовательно лучше уповать на Бога.*

Хвали душе моя Господа: Восхвалю Господа в животѣ моемъ, пою Богу моему дондеже есмь. Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, в нихже нѣсть спасенія: Изыдетъ духъ его, и возвратится в землю свою: в той день погибнутъ вся помышленія его. Блаженъ, емуже Богъ Іаковль помощникъ его, упованіе его на Господа Бога сво-

его, Сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в нихъ: хранящаго истину в вѣкъ, Творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущымъ. Господь *рѣшитъ* окованныя: Господь *умудряетъ слѣпцы*: Господь возводитъ низверженныя: Господь любитъ праведники: ***Господь хранитъ пришелцы, сира и вдову прiиметъ***: и путь грѣшныхъ погубитъ. Воцарится Господь во вѣкъ, Богъ твой Сіоне *в родъ и родъ*.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

1. Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

1. 2. Поля покрыла *влажна* ночь.
1, 3. Взошла на горы чорна тѣнь.
1. 4. Лучи отъ насъ *прогнала* прочь.

—

2. Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!

2. 5 и 6. Какъ персть между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

—

3. Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

3. 3. Солнцы,
3. 6. Тамъ *таже* сила естества.

—

4. Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнцель ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдистыль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

4. 6. Ночь.

—

5. О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

5. 5 и 6. Вы знаете пути планетъ
Скажите, что нашъ умъ мятетъ?

—

6. Что зыблетъ ясный нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

6. 1. Ночью.

—

7. Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой:
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ море дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

—

8. Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

8. 6. Ктожъ знаетъ, коль великъ Творецъ?

§ 268. Въ неполномъ Силлогизмѣ или Ентимемѣ полагается одна посылка; потомъ присовокупляется причина, что все заключается слѣдствіемъ. Такимъ образомъ расположена у Горація Ода 30 книги третьей, которая состоитъ въ слѣдующей Ентимемѣ: *я поставилъ знакъ безсмертной своей славы: за тѣмъ что первый сочинялъ въ Италіи Оды, какія писалъ Алцей, Эольскій стихотворецъ:*

того рода должна моя муза ссбя лавровымъ вѣнкомъ увѣнчать. (§ 270) Вмѣсто причины можно положить распространеніе какой нибудь идеи, которая имѣетъ принадлежность къ терминамъ, составляющимъ посылку, какъ въ сей Ентимемѣ: *Тварей изслѣдовать не можемъ, слѣдовательно и Творецъ есть непостижимъ*, распространить можно идеи о ночи, о мірѣ и о сѣверномъ сіяніи.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЯ.

Ода 1.

На взятіе Хотина, 1739.

1. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
И слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

1. 6 и 7. Что межъ травой въ лугу журчитъ
И внизъ съ холмовъ шумя стремится.—Лучше текста.

—

2. Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку;

Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику,
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

10. Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готѳскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь Его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

10. 3—7. Въ Иранскихъ жаждущихъ странахъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Белтъ свой громъ,
Онъ сильну такъ взносилъ десницу.

1. 2. Въ разсужденіи реченій должно остерегаться, чтобы реченій не перемѣшать ненатуральнымъ порядкомъ, и тѣмъ не отнять ясность слова, напримѣръ: *горы ведетъ на верхъ высокой*: ибо лучше сказать: *ведетъ на верхъ горы высокой* (§ 175).

1. Вымыслъ, умягченный фигурою—мечтаніемъ. Умягчаются же вымыслы и въ косвенные обращаются тремя способами, *условіемъ*, *сомнѣніе значащими словами и фигурами* (§ 163).

2. Вымыслъ, умягченный фигурою — вопрошеніемъ (§ 163).

10. Отъ признаковъ можно распространить слова, ежели они будутъ состоять во многихъ дѣйствіяхъ, или имѣть будутъ разныя части, свойства или обстоятельства. Иногда самыя свойства и дѣйствія, какъ признаки предлагаются, будучи совокуплены съ нѣкоторымъ усумнѣніемъ (§ 68).

10. 5—7. Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ. Иногда и два и больше реченій въ началѣ повторяютъ. (§ 203). (Для этого правила слѣдуетъ въ текстѣ возстановить варіантъ.)

Ода 2.

НА ПРИБЫТІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1742.

1. Какой пріятный зѐфиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу Дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе нощь грозитъ врагамъ.

Брегà Невы руками плещутъ,
Брегà Ботнійскихъ водъ трепещутъ.

1. 8. Ночь.

1. 10. Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.

—

5. Священный ужасъ мысль объемлетъ:
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь,
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ Дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ его лицемъ.
Котору въ Свѣтѣ Онъ Своемъ
Прославивъ, щедро къ ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ.

—

8. Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердцà кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утвержденна Мною,
Я буду завсегда съ тобою,

—

23. Такъ флотъ Россійскій въ Понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;

Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами.
Веселый шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готѳамъ страхъ великъ;
Ужé надежду отвергаютъ,
И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

23. 6. Бѣжитъ кипяща пѣна рвами. Въ текстѣ *сѣдая* живописнѣе.

—

32. Какъ лютый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами крàситъ вновь!
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

32. 1. Какъ лютый мразъ *весна* прогнавши.—*Весна*—не слѣдуетъ считать варiантомъ, ибо стоитъ въ отрывочномъ примѣрѣ для ясности.

—

33. Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,

И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ;
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ!

33. 8. То кротость разумъ мой живитъ!

33. 10. Противна мысль противну гонитъ —Здѣсь можно показать ученикамъ отличіе *мысли* отъ *страсти*, и тѣмъ опредѣлить, какое чтеніе вѣрнѣе.

—

36. Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделѣнный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински го̀ры кровавить:
Се царствуетъ Елисавета,
Да миръ падастъ предѣламъ свѣта.

36. 1.—6. Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готѳскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ:
Союзъ возлюбленный приходитъ
И съ кротостью свой гласъ возводитъ
Варіантъ чрезвычайно любопытный! онъ можетъ подать поводъ къ разсужденію, весьма полезному для учениковъ.

—

42. Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой:
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ Твой.
Чтожъ будущіе скажутъ роды?
Покрыты кораблями вȯды,
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
Великій Петръ намъ далъ блаженство,
Елисавета—совершенство.

42. 1—4. Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой.
То бъ храмы въ честь твою создали,
И жертвой чтили бъ образъ твой.
— Показать ученикамъ, почему связь текста правильнѣе этого варіанта.

—

43. Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ,
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ;
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ;
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице Ея сіяло.

43. 7. Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ.
43. 9 и 10. Какъ сердце наше ожидало,

Чтобъ къ намъ лицо твое сіяло.

— Въ этомъ варіантѣ болѣе связи, чѣмъ въ текстѣ. *Ея* слѣдуетъ удержать.

—

1. 9 и 10. Дѣйствіе и страданіе витіеватыя рѣчи раждаютъ, 1) когда отъ чего производится противное дѣйствіе въ той же вещи, или въ двухъ подобныхъ. (§ 136)

1. 9 и 10. Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ, что бываетъ, 1) когда въ началѣ каждой части періода или въ началѣ многихъ короткихъ періодовъ одно слово повторяется. (203.)

5. Восхищеніе есть, когда сочинитель представляетъ себя какъ изумленна въ мечтаніи, происходящемъ отъ весьма великаго, начаяннаго или страннаго и чрезъестественнаго дѣла. Сія фигура совокупляется почти всегда съ вымысломъ, и больше употребительна у стихотворцевъ. (§ 239.)

8. 5—8. Сила въ украшеніи Риторическомъ есть ѕкова, каковы суть пристойныя движенія, взгляды и рѣчи прекрасной особы, дорогимъ платьемъ и иными уборами украшенной. Ибо хотя она пригожествомъ и нарядами взоръ человѣческій къ себѣ привлекаетъ; однако безъ пристойныхъ движеній, взглядовъ и рѣчей вся красота и великолѣпіе какъ бездушны. Равнымъ образомъ слово Риторическое хотя будетъ чисто составлено, приличнымъ теченіемъ установлено, и украшено великолѣпно; но безъ пристойнаго движенія реченій и предложеній, живости въ немъ ни какой не будетъ. (168). Сіе движеніе состоитъ въ об-

ращеніи реченій или предложеній, которымъ слово отъ простаго отмѣняется. Таковыя движенія называются фигурами *рѣчений.* (§ 169.)

23. Изображеніе есть явственное и живое представленіе дѣйствія съ обстоятельствами, которыми оное въ умѣ, какъ самое дѣйствіе, воображается. (§ 236)

32. Эту строфу Ломоносовъ относитъ къ періодамъ *зыблющимся*, т. е. къ такимъ, которыхъ части и члены неравны,—въ противоположность періодамъ *круглымъ*, или *умѣреннымъ*, члены и части коихъ мало рязнятся величиною. Въ этой строфѣ двучленный періодъ съ первымъ членомъ много больше втораго. (§ 43.)

33. Восхищеніе. (§ 239.)

36. Заимословіе бываетъ, когда то, что̀ самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. Почему сія фигура не мало надлежитъ до вымысловъ. (§ 219.)

42. Косвенные вымыслы имѣютъ въ себѣ оговорку, или какое нибудь умягченіе, чѣмъ они съ правдою сопрягаются, и къ ней ближе подходятъ. (§ 153.)—Въ этой строфѣ по Ломоносову вымыселъ смягчается условіемъ.

43. 5 — 10. Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь, и то, съ чѣмъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. (§ 71.)—Въ этой строфѣ, по Ломоносову, уравняемое больше, нежели то, съ чѣмъ оно уравняется.

Ода 3.

НА ПРИБЫТІЕ ИЗЪ ГОЛСТИНІИ И НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, 1742 ГОДА, ФЕВРАЛЯ 10.

5. О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ дняхъ.... цвѣтетъ!
Коль славенъ сѣвера владѣтель
Въ Тебѣ, Россія, возрастетъ!
Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства,
И счастье бѣгъ остановитъ,
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ тобою утвердитъ,
И вѣчно будетъ непремѣнно.

5. 2. Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтетъ! — Этотъ варіантъ непремѣнно долженъ быть возставленъ въ испорченномъ текстѣ: удивительно, какъ до сихъ поръ никто не позаботился объ этомъ стихѣ.

5. 5 и 6. Уже для твоего блаженства
Добротъ въ немъ спѣютъ совершенства.

6. О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ ужѐ издàвна
Россіянъ искренняя любовь!
Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ зачатіи Твоемъ.

Сердца́ желаньемъ закипѣли,
Когда подъ дерзкимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

—

9. Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ, еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась!

9. 3. Онъ всей отрады не вмѣщаетъ.

—

11. Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессальскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разитъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.

11. 3. Видѣніе мой умъ возводитъ.

—

5 Обращеніе съ удивленіемъ (§ 217).

6. 8—10. Емфазисъ есть, когда дѣйствіе или состояніе вещи не прямо изображается, но разумѣется изъ другаго, и чрезъ то великолѣпно возвышается. Побѣлѣніе волнъ есть обстоятельство бѣгущаго по морю корабля, чрезъ которое здѣсь скорое онаго теченіе разумѣется (§ 195).

9. Ипербола есть повышеніе или пониженіе слова невѣроятное (§ 196).—Въ этой строфѣ она употреблена, по Ломоносову, для напряженія (въ противоположность послабленію).

11. Седьмой способъ къ составленію вымысловъ есть преложеніе съ мѣста на мѣсто, или изъ одного времени въ другое (§ 161).—Здѣсь съ мѣста на мѣсто.

Ода 4.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА, 1743.

1. Уже врата отверзло лѣто.
Натура ставитъ общій пиръ.
Земля и сердце въ насъ нагрѣто,
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ,
Объемлетъ мягкій лугъ крылами,
Крутится чистый токъ полями.
Брегà питаетъ тучный илъ.
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ.
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ

1. 8. *Листы* и цвѣтъ покрылись медомъ. — Лучше текста.

1 10. Поспѣшно *красный* вождь свѣтилъ.

— И это предпочитаю тексту.

—

5. Тебѣ Россія вся открыла,
Клянущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
Что мнѣ достоитъ жить Тобой;
Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ,
Весна цвѣты и плодъ являетъ,
Въ возлюбленной душѣ Твоей;
Но грудь пронзитъ народовъ льстивныхъ
Ужасный лучъ въ полки противныхъ
Блистая изъ Своихъ очей.

5. 5.—7. Намъ полдень съ утромъ вдругъ сіяетъ.
Весна плоды и цвѣтъ являетъ,
Въ дражайшей младости твоей.

—

9. Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта,
Охотой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восторгѣ зритъ грядущи лѣта
И грозныхъ древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верхъ дымится!
Тамъ Навинъ, иль Сампсонъ стремится!
Текутъ струи Евфратски вспять!
Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ лунѣ и солнцу стать.

9. 2. Любовью храбрыхъ дѣлъ плѣненъ.

9. 4. И древнихъ грозный видъ временъ.

Этотъ варіантъ въ сличеніи съ текстомъ подаетъ случай къ замѣчанію о порядкѣ словъ.

—

12. Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣлъ ступить;
Да придутъ всѣ страны далеки
Съ концевъ земныхъ Тебѣ служить.
Воззри на свѣта шаръ пространный,
Воззри на Понтъ Тебѣ подстланный,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ
И славу зрѣть Твою желаетъ
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ.

12. 5. Воззри на кругъ земной пространный.— Варіантъ, можетъ быть, и лучше текста, но надобно удержать текстъ, чтобъ избѣжать повторенія *земной* въ двухъ стихахъ сряду.

12. 7. Воззри въ безмѣрный шаръ небесъ.

1. Рѣчь состоитъ изъ весьма короткихъ и по большей части одночленныхъ періодовъ, въ которые могутъ перемѣнены быть долгіе чрезъ отъятіе союзовъ. Такіе періоды называются *отрывными*. (§ 44.) ***Примѣч.*** Потому-то по цитатѣ въ Реторикѣ измѣнилъ я пунктуацію этой строфы, поставивъ, вмѣсто точекъ съ запятою, точки.

5. 5—7. Отъ времени витіеватыя рѣчи раждаются, 1) когда противныя или разныя времена вмѣстѣ соединяются. (§ 137.)

9. Восхищеніе. (§ 239.)

12. 5—10. Указаніе есть, когда идея представляетъ, какъ бы она была въ самое то время въ дѣйствіи, и для большаго оной оживленія употребляются при томъ реченія указательныя, *се*, *вотъ*, *воззри*, *смотри*, *здѣсь*, *тамъ*, и проч. (§ 218.)

Ода 5.

НА ДЕНЬ БРАЧНАГО СОЧЕТАНІЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА И ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, 1745.

5. Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены,
Во дни трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Какъ мысль въ весельи утопаетъ!
О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами;
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

5. 2. Чрезъ день. Въ издан.
5. 9. Между млечными. Въ издан.
5. 9. Надъ бисерными облаками.

—

6. Кристальны го́ры окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцемъ испещренны,
И вѣтьви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь!
Въ пріятномъ мирѣ сердце таетъ;
Не тамъ ли царствуетъ любовь?

—

7. И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа̀ листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.

7. 6. Въ бездушныхъ зрю любовну страсть. Въ издан.

—

8. Нарциссъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красотою,
Стои̂тъ, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Стократъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой.
Зефиръ, сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь съ нихъ полетъ?
Зефиръ, кустовъ и рощъ любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

—

19. Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣтлыя зѣницы,
Пространный видишь шаръ земной,
Въ Россiйской ты державѣ всходишь,
Надъ нею днѐвный путь преводишь
И въ вȯлны кроешь пламень свой.

Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердій нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ Содѣтель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

—

5, 6, 7 и 8. Вымышленное описаніе царства любви (§ 294.)

7. 4—10. Къ украшенію описаній и повѣствованій много способствуетъ оживленіе бездушныхъ вещей. (§ 312.)

19. Обращеніе съ засвидѣтельствованіемъ. (§ 217.)

Ода 6.

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕЛИСАВЕТЫ, 1746.

1. На верхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекаютъ ясны
И прохлаждаютъ Музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,
Но шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древа взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

1, 5 и 6. Меня *надежда* струй прозрачныхъ
На шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ.—
Варіантъ чрезвычайно важный.

—

2. И се ужѐ рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля́, въ лѣса̀, во градъ, въ моря́.
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверди скрыться,
И тѣмъ почтить его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ
И въ красны лики созываетъ
Спасеный днесь Россійскій родъ.

—

3. Взирая на дѣла̀ Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки́
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ Тебѣ, защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль Твоихъ людей.

—

9. Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,

И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ

—

10. Я духомъ зрю минувше время:
Тамъ грозный злится исполинъ
Разсыпать земнородныхъ племя
И разрушить натуры чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ твердь сквозь облака разитъ.
Сиканскій какъ Вулканъ дымится,
Такъ мгла изъ челюстей курится
И помрачаетъ солнца видъ.

10. 8. Какъ Этна въ ярости дымится. Въ изд.

—

11. Но, о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ, чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный сѣверъ освѣщаешь,
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на Елисаветъ,
И купно на ея доброты:
Отъ ней текутъ на всѣхъ щедроты,
Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.

—

12. О, вы недремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли Дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

—

13. Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы́,
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы;
Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россійскія отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердца̀ и ду́ши
Тогдашней но́щи зрится тѣнь!

—

14. По стогнамъ шумный гласъ несется
Елисаветиныхъ похвалъ,
Въ полкахъ стократно раздается:
Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы про̀йдемъ съ нимъ сквозь огнь и во̀ды,
Предо̀лимъ бури и погоды,

Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ потупимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ.

—

16. Что вы, о поздніе потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣлà Петровой Дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ толикой купно красотой!

—

19. Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ богини сей
На будущіе дни взираетъ,
И больше счастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Что ради нашего блаженства
На верхъ поставить совершенства
Всходящій въ небо Петръ велѣлъ.

1. Восхищеніе (§ 239.)

2. Второе (правило къ составленію чистыхъ вымысловъ) состоитъ въ приложеніи, когда части, свойства или дѣйст-

вія вещамъ придаются отъ иныхъ. которыя суть другаго рода. Такимъ образомъ прилагается безсловеснымъ животнымъ слово и пр. (§ 156.)

2 1—4. Указаніе. (§ 218.)

3. 1—5. Дѣепричастія съ своими падежами полагаются приличнѣе напереди. (§ 319.)

9. Вымыслъ, умягченный словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими. (§ 163.)

10. Увеличеніе вещей къ составленію вымысловъ весьма способно, которыми стихотворцы особливо возвышаютъ Героическія поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, къ чему много силы придаютъ ужасныя дѣйствія и свойства. (§ 158.)

11. Вымыслъ. умягченный обращеніемъ. (§ 163.)

12. Вымыслъ, умягченный словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими. (§ 163.)

13. Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь и то, съ чѣмъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. Здѣсь уравняемое есть больше, нежели то, съ чѣмъ оно уравняется. (§ 71.)

14. Заимословіе бываетъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. (§ 219.)

16 Отвѣтствованіе есть, когда сочинитель слова самъ себѣ на свой вопросъ отвѣщаетъ. (§ 215.)

19. 1 — 6. По союзамъ располагаются періоды такъ, какъ сами союзы другъ другу натурально слѣдуютъ. (§ 322.).

Ода 7.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1746. г

1. Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна!
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисаветъ тебѣ дана,
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить,
И выше облакъ вознести

1 5. Воздвигнуть намъ.
1 9. Судей.

—

3. Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ, войнами возмущенный,
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сіяютъ счастливы планеты;
Я слышу тамъ натуры гласъ

—

10. Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ.
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

10. 3. Безъ гнѣва,
10. 7—6. Но пользой больше прочихъ рѣкъ.
Своею тихою водою
Въ брегахъ зеленыхъ пролитою.

—

16. Парящей Поэзіи ревность
Дѣла Твои превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
Похвалъ Твоихъ не пресѣчетъ.
Открыты естества уставы
Твоей умножатъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
И вѣкъ и здравіе Твое.

16. 10. Дражайше здравіе Твое.

—

17. Да будетъ тое невредимо,
Какъ верхъ высокія горы́

Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть:
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

1. Напряженіемъ или стеченіемъ называется стѣсненіе многихъ важныхъ идей до одной матеріи надлежащихъ и въ одномъ періодѣ или членѣ періода включенныхъ. (§ 232.)

3. Седьмой способъ къ составленію вымысловъ есть преложеніе съ мѣста на мѣсто, или изъ одного времени въ другое. Здѣсь прошедшее время относится въ настоящее и изображается подъ видомъ мѣста. (§ 161.)

10. Уподобленіе служитъ къ распространенію слова: когда многія свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самаго подобія между собою прилично снесенныя предлагаются. (§ 69.)

16 и 17. Желаніе. (§ 234.)

ПРИЛОЖЕНІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ.

Стилистика необходимо должна основываться на грамматикѣ; ибо она есть не иное что, какъ та же грамматика, только въ непрестанномъ примѣненіи къ чтенію писателя и къ собственному сочиненію. Многое, предлагавшееся въ Реторикѣ, какъ собственное ея достояніе, принадлежитъ грамматикѣ и Словарю; напр. статьи о чистотѣ, правильности языка—идутъ въ Синтаксисъ, Этимологію и Словарь; о синонимахъ—въ Словарь; объ архаизмахъ—въ историческую грамматику и вообще въ Исторію языка; о провинціализмахъ и варваризмахъ—въ сравнительную грамматику, и т. д. Только понятіе о слогѣ индивидуальномъ или личномъ выступаетъ изъ области Филологіи: ибо слогъ извѣстнаго писателя опредѣляется характеромъ самого писателя: здѣсь Филологія граничитъ съ Исторіею и Философіею. Притомъ слогъ индивидуальный видоизмѣняется по содержанію описываемыхъ предметовъ: здѣсь, кажется, уже и предѣлъ Стилистикѣ: иначе бы ей пришлось разсуждать объ Астрономіи, Анатоміи, Физикѣ, Философіи и пр. Впрочемъ оставляю другимъ точнѣйшее опредѣленіе этого предмета. Для гимназиста весьма достаточно будетъ и того, чтобы путемъ практическимъ познакомиться покороче съ

слогомъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ. Я теперь обращаю вниманіе только на общую часть Стилистики, съ желаніемъ дать ей прочную филологическую основу и неразрывными узами совокупить съ грамматикой: потому многія статьи Стилистики являются дальнѣйшимъ развитіемъ Синтаксиса, Этимологіи и Словаря.

Въ языкѣ выражается вся жизнь народа; слѣд. разложить на стихіи языкъ также трудно, какъ и характеръ народа. Рѣчь, теперь нами употребляемая, есть плодъ тысячелѣтняго историческаго движенія и множества переворотовъ. Опредѣлить ее не иначе можно, какъ путемъ генетическимъ: отсюда необходимость историческаго изслѣдованія.

Самымъ нижнимъ, во глубинѣ лежащимъ слоемъ языка надобно признать первобытный, роднящій насъ съ языками индоевропейскими, и миѳологическій, языческій. Чтобы объяснить миѳологическую ступень въ языкѣ возьмемъ въ примѣръ слово *свобода*: Добровскій производитъ отъ *свой*, черезъ неупотребительное существительное *своба*. (Гр. яз. сл I. 341); мнѣнію сему слѣдуетъ и Юнгманъ, давая при томъ значеніе и слову *своба*: въ глос. Mat verb. zuoba, Feronia, dea paganorum (*). Выраженіе *бить челомъ* теперь употребляется въ смыслѣ кланяться и вмѣстѣ дарить чѣмъ либо: во глубинѣ же стоитъ языческое значеніе: покланяться богамъ (**), въ Краледв. рук. 68: sie biti w cielo

(*) Четск. словарь IV, 413. Какъ производство Рейфа отъ *свой буду* слишкомъ наивно, такъ Павскаго—натянуто: черезъ слобода отъ корня лоб., гр. λυF, лат. lib, lub, нѣм. laub. Филол. набл. II, 101.

(**) Мысль Гримма въ Deutsch. Mythol.

pred boh i, се бити въ чело предъ боги (богами). Поговорка: *какъ мертвою рукою обвести*, т. е. приворожить, обворожить—идетъ отъ языческаго повѣрія носить съ собою мертвую руку, которою обводили спящихъ, чтобы не проснулись (*). Примѣры общаго индоевропейскаго сродства словъ значенія миѳологическаго: день, лит. diena, греч. δαος, лат. dies, гот. dags, санскр. divas и dinas: «понятія божества, неба и дня, говоритъ Гриммъ, (**) совпадаютъ другъ съ другомъ, что видно изъ словъ: санскр. div или divo (coelum), лат. divum, dium (открытое, вольное небо), санскр. dju, dina (dies), dêvas (deus), лит. diewas, лет. dews, лат. deus, divus (divinus) гр. ζεός, эол. δεός, родит. διός, но для отвлеченнаго понятія бога Δ измѣняется въ Θ, Θεός, слич. Θεῖος (divinus) съ чувственнымъ δῖος (coelestis).»— Солнце, sol, ἥλιος, гот. sauil — sunna — sunno, санскр. sûris (σείριος), sûnas происходитъ (***) отъ санскр. глагола *sur* — бросать копье, метать лучи, *sû* — бросать, метать. У Грековъ Аполлонъ богъ солнца и стрѣлометатель. — Огонь, лит. ugnis, лат. ignis, гот. auhns, гр. αἴγλη, посанскр. Agni — и огонь и богъ огня. Другое семейство словъ, выражающихъ тотъ же предметъ: гр πῦρ, нѣм. feuer, фр. feu, отъ санскр корня *pû* — очищать, сроднаго съ лат. purus: припомнить огонь, какъ очистительную стихію въ преданіяхъ многихъ народовъ. Этотъ корень, говоритъ Боппъ (****), есть словесный отецъ вѣтру и огню,

(*) Снегирева Русск. въ своихъ пословиц. II, 35.

(**) Deutsche Mythologie, стр. 425.

(***) Смотр. Эйгофа Paral. des langu. de l' Eur. et de l' Inde. 148.

(****) Bopp. Vergl. Gram. 124 и 125.

кои оба представляются очистителями Санскр. pavana — вѣтеръ, а соотвѣтствующее ему гот. fôna — огонь, что посанскр. pâvoka. Отношеніе готөскаго fôna къ санскр. pavana тоже, что лат. mâlo къ mavolo, отъ коего оно произошло.

Съ основаніемъ Руси вторгаются къ намъ варваризмы. Кто бы ни были Варяги—Славяне или Нѣмцы; во всякомъ случаѣ они принесли въ нашъ языкъ, чего не было въ немъ прежде; съ распространеніемъ Христіянства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницею, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковно-славянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется. Главное, надобно замѣтить то, что старинныя выраженія соотвѣтствуютъ старинному быту народному: отсюда необходимость изслѣдованія архаизмовъ въ связи съ русскими древностями. Такимъ образомъ къ архаизмамъ должно отнести всѣ старинныя выраженія, соотвѣтствовавшія древней русской жизни. Примѣненіе древнѣйшаго къ позднѣйшему составляетъ историческое движеніе архаизмовъ: такъ *стрѣлять* и *лукать* отъ стрѣлы и лука перенесли мы къ ружью, камню: стрѣлять изъ ружья, лукать камнемъ. Такъ баснословные зміи-чародѣи перешли въ названіе воинскаго снаряда: въ Соф. Вр. II, 417: и огненныя пушки и весь снарядъ, такоже и змѣй летячей, и змѣй свертной и прочій снарядъ весь отволокоша. Приня-

тіе Христіянства неминуемо должно было совершить переворотъ въ значеніи многихъ словъ: такъ язычникъ отъ языкъ — народъ—получило значеніе идолопоклонника; нѣм. der Heide отъ двн. прилагат. heidan — принадлежащій народу (двн. heit, гот. haidus); gentilis отъ gens, paganus — изъ коего фр. payen, наше паганый — отъ pagus. Впослѣдствіи Христіянинъ перешло въ крестьянинъ.—Объ языкѣ должно сказать тоже, что о народныхъ историческихъ пѣсняхъ: какъ къ древнѣйшему преданію о Владимірѣ въ продолженіе столѣтій присовокуплялись различные историческіе факты, напр. Владиміръ воюетъ съ Татарами: такъ и къ чистой струѣ русскаго языка постоянно примѣшивался чуждый наплывъ; какъ одинъ и тотъ же герой въ продолженіи столѣтій дѣйствуетъ въ различныхъ событіяхъ народныхъ, и тѣмъ опредѣляетъ свой національный характеръ: такъ и языкъ, многіе вѣки примѣняясь къ самымъ разнообразнымъ потребностямъ, доходитъ къ намъ сокровищницею всей прошедшей жизни нашей.

Господствующее, центральное нарѣчіе не могло оставаться чуждымъ вліянія областныхъ: отсюда необходимость изслѣдованія провинціализмовъ.

Такимъ образомъ свое разсужденіе подраздѣляю на слѣд. отдѣлы: 1) языкъ народный, 2) архаизмы, 3) варваризмы, 4) провинціализмы. Хотя всѣ эти стихіи тѣсно соединены въ живой рѣчи, однако наука для большей ясности требуетъ анализа. Словарь и грамматика проводятся по всѣмъ этимъ четыремъ отдѣламъ: и тѣмъ присовокупляется Стилистика къ Филологіи. Историческій же способъ изложенія всему долженъ дать строгій незыблемый характеръ науки.

Каждый отдѣлъ заключается примѣненіемъ къ современнымъ писателямъ: такимъ образомъ прошедшее связывается съ настоящимъ, и теорія переходитъ въ практику.

Предпосылаю краткое обозрѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, соотвѣтствующее Синонимикѣ, подъ именемъ Ономатики: ибо я распространяю значеніе Синонимики, полагая основою оной историческое и сравнительное изслѣдованіе.

ОНОМАТИКА.

Ономатика (*) содержитъ въ себѣ; 1) Генеалогію, т. е. указаніе корней и словъ производныхъ, съ первоначальнымъ ихъ значеніемъ; 2) Тропологію, изслѣдующую переходъ первоначальнаго значенія къ переносному; 3) и Синонимику, опредѣляющую сродство словъ по мысли, въ противоположность словопроизводству, подводящему къ одному началу слова, сродныя по корню.

Въ языкѣ нѣтъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, значащихъ рѣшительно одно и тоже, какъ двѣ капли воды. Даже слова лобъ и чело, глаза и очи, вострый и острый, вѣнецъ и корона и др., при одинаковомъ значеніи, выражаютъ различные оттѣнки: (здѣсь граница между синонимами и между архаизмами, варваризмами, провинціализмами.) Хотя опредѣленіе словъ авторитетомъ писателей весьма полезно, однако недостаточно: ибо не рѣшается, на какомъ основаніи употребляетъ образцовый писатель то или

(*) Mager, Deutsch. Sprachbuch, 1842, 127.

другое слово. Потому-то въ настоящее время болѣе обращаются къ сравнительнымъ и историческимъ Словарямъ, нежели къ Синонимикѣ. Примѣры опредѣленія Синонимовъ по употребленію можно найти въ Опытѣ Словаря Русскихъ Синонимовъ, составл. П. Калайдовичемъ, 1818; въ этой книгѣ, кромѣ въ первый разъ напечатанныхъ, собраны изслѣдованія: изъ Собесѣдника любит. рос. слова, 1783, изъ Иппокрены, IX, 1801, Сѣвернаго Вѣстника 1804 — 1805, изъ Сочин. и Перевод. Рос. Академ., 1806, II, изъ журнала любителей рос. слова, изъ книги: Въ удовольствіе и пользу, 1812, изъ Сына Отечества 1814. Продолженіе Синонимики печаталось въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. Всего полезнѣе въ старинныхъ разсужденіяхъ о Синонимахъ — примѣры, особенно если они составлены писателями образцовыми: такъ и въ объясненіе словамъ: основать, учредить, установить, устроить—Фонъ Визинъ (*) приводитъ слѣд. примѣръ: въ Россіи Екатерина II *основала* Общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* Намѣстничества, *установила* Совѣстный Судъ и *устроила* благочиніе.

Основаніемъ опредѣленію значенія словъ полагаю слѣд. начала:

1 Словомъ мы выражаемъ не предметъ, а впечатлѣніе, произведенное онымъ на нашу душу: такъ посанскр. слонъ называется *дважды пьющимъ*, *двузубымъ*, *снабженнымъ рукою* (**). Слѣд. синонимы должны опредѣляться не по

(*) Полное собраніе сочиненій 1830, IV, 51.

(**) Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache I, CXII.

предметамъ, ими означаемымъ, а по точкѣ зрѣнія, съ которой человѣкъ смотрѣлъ на предметъ при сотвореніи слова.

2. Впечатлѣніе предполагаетъ нѣчто дѣятельное, движущееся: потому большая часть словъ происходитъ отъ глагольныхъ корней: такъ *тьма*, сербск. *тама* отъ санскр. корня tam — помрачать; *ночь* отъ санскр. naç — стирать, разрушать; *грѣхъ* отъ hri — pudore affici; lupus отъ lû — scindere, vellere, слич. славянск. лупежъ, лупежникъ — грабежъ, грабитель; *вода*, wasser, unda отъ und — fluere и пр. (*)

3. Значеніе словъ физическое древнѣе нравственнаго: напр. *коловратный* теперь значитъ непостоянный, измѣняющійся, прежде: вертящійся колесомъ: самострѣлы коловратными, Ипат. 226.

4. Физическое значеніе, ближайшее къ живому впечатлѣнію, первобытнѣе: такъ понятіе цвѣта: напр. въ нѣм. нарѣчіяхъ: hëllan (sonare) hëll (sonorus, позднѣе lucidus), galan (sonare) gëlo (lucidus flavus), gold (sonorum и lucidum), gëlp (strepens, потомъ coruscans) (**) и пр. Для объясненія слич. наше *быстрый* съ сербск. *бистар*., значащимъ прозрачный, свѣтлый, чистый, напр. о водѣ.

5. Со временемъ живое значеніе слова теряется: впечатлѣніе забывается, и остается только одно отвлеченное понятіе; потому—возстановлять первобытный смыслъ словъ

(*) Pott, Etymol. Forsch. I, 209, 218, 232 и Ейгофа Parallèle des langues de l'Eur. et de l'Jnde, стр. 148 и слѣд.

(**) Grimm, Deutsh, Gram. II, 86 и 87.

значитъ возобновлять въ душѣ своей творчество первоначальнаго языка.

6. Съ перваго листа Библіи видно, какъ высоко и многозначительно слово: И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро: и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тьмою. *И нарече Богъ свѣтъ день, а тьму нощь*, Быт. I, 3—5 И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя, и вся птицы небесныя: и приведе я ко Адаму, видѣти, *что наречетъ я!, и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему* Быт. II, 19.

1. Слово, поэзія, чародѣйство, знаніе и пр.

Глубокій разумъ словъ въ языкахъ народовъ даже необразованныхъ даетъ знать о высокомъ происхожденіи языка. Таже творческая сила, которая непрестанно дѣйствуетъ въ природѣ вещественной, создала и языкъ устами цѣлаго народа, ибо: гласъ народа гласъ Божій.

Христіянство даетъ величайшее значеніе Слову, какъ воплощенію Бога. И язычники сознавали таинственное происхожденіе рѣчи и ея высшую силу. Такъ слова: баять, говорить, шептать, вѣщать, означаютъ ворожбу, чародѣйство, пророчество: обаяніе, заговоръ, нашептыванье, вѣщунъ.

Къ значенію чародѣя присоединялись понятія мудреца, поэта, правовѣдца, писца и чтеца, лѣкаря.

Слово *вѣщій* отъ вѣт (от-вѣтить, при-вѣтить) значитъ умнаго, хитраго въ эпитетѣ Олегу: «и пріиде Олегъ къ Кыеву и ко Игорю, несый злато, и паволокы овощь и

вина, и всяко узорочіе; и прозваша Олга Вѣщій: бяху бо людіе погани и невѣгласи.» (Соф. Врем I, стр. 22). Отсюда видно, что *вѣщій* или принималось въ старинныя времена за званіе богопротивное, по мнѣнію христіанъ, ибо его придавали, какъ прозвище, люди паганые, язычники, по своему невѣжеству: или же означало какое нибудь понятіе слишкомъ возвышенное, неприличное лицу языческому.

Вѣщій значитъ и поэта: потому поэтъ Боянъ въ Сл. о П. И. называется вѣщимъ. *Вѣтія* (вм. *витія* отъ *вѣт*) въ древнемъ языкѣ поэтъ: «якоже Историци и Вѣтія, рекше Лѣтописьци и Пѣснотворци», говоритъ Кириллъ Туровскій (Памятн. Литер. XII в. стр. 74). Такъ какъ проповѣдникъ почелъ нужнымъ объяснить для своихъ слушателей слово Вѣтія, то слѣдуетъ заключить, что значеніе его въ XII в. между народомъ было уже не ясно. Съ понятіемъ поэта соединялось значеніе колдуна: потому *вѣтьство*, старинное слово, означаетъ колдовство. (Карамз. И. Г. Р. I, пр. 506; въ глоссахъ Mater verborum: чешское wěštba — по переводу Юнгмана wahrsagerei: věsčbi (lege: wěščby), vaticinia, poëtarum carmina. Отъ сербскаго *вјешт*, по переводу Караджитя: der es versteht, geschickt, peritus — происходятъ: *вјештина* — die geschicklichkeit, scientia; *вiештац* и *вiештица* — т. е. колдунъ и колдунья. Равнымъ образомъ и *баять* — кромѣ колдовства, напр. сербск. *бајанье* — incantatio, *бајалица* — колдунья, русск. *баяльникъ* — переходитъ въ значеніе стихотворить: такъ въ чешскомъ языкѣ уже въ началѣ XIII в. (1202 г.), въ

глоссахъ. Mater verborum: baje, baie fabulas, mitos. Отсюда въ чешск. языкѣ: bagiř — поэтъ, bágenj — замышленіе, сказка, басня, повѣсть. Слич. у Пушкина: Русалкѣ, *вѣщей* дочери моей, и: словами *вѣщаго* поэта, въ IX томѣ, стр. 96 и 462.

Начало закона теряется въ испоконныхъ преданіяхъ и обычаяхъ доисторическихъ, освященныхъ благоговѣніемъ. Народъ вѣритъ закону, ибо признаетъ его высшее, божественное происхожденіе, видитъ въ немъ завѣтъ отъ временъ незапамятныхъ (*). Потому древнѣйшія юридическія названія имѣютъ связь съ понятіями волшебства и поэзіи. Въ Судѣ Любуши (IX вѣка) сказано о двухъ дѣвахъ — судьяхъ: Vyučeně věščbam vitiezovym, въ изданіи Шафарика и Палацкаго (Die ält. Deukmäl. d. Böhm. Spr. стр. 41 и 46) переведено такъ: edoctae scientias judiciales — unterrichtet in den Richter-Sprüchen. Слѣд. значеніе *вѣщаго* распространяется и на право. Отсюда ясно, почему отъ корня вѣт. происходитъ *вѣче* — народное собраніе, и *повѣтъ*, область, подлежащая суду, вѣдѣнію закона. Переходъ понятія о гаданіи и стихотвореніи къ понятію о формулѣ закона очевиденъ въ латинскомъ carmen: напр. Livius I, 19. lex horrendi carminis. 1, 13. verba carminis. III. 32. rogationis carmen.

Всеобщее преданіе даетъ древнѣйшему періоду письменности характеръ чудеснаго и сверхъестественнаго. Какъ во времена христіанскія переписать книгу считалось дѣ-

(*) Смотр. О поэзіи въ правѣ Я. Гримма въ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg von Savigny etc. 2-er B. 1816.

ломъ богоугоднымъ, такъ и во времена языческія чтеніе и письмо сопровождались понятіемъ о колдовствѣ: что очевидно изъ свидѣтельства Черноризца Храбра (въ половинѣ XIII в.): «прежде оубо Словяне не имѣхѫ писмен. нѫ чрътами и нарѣзнми чтѣхѫ и гадахѫ. еще сѫщи погани,» (Ж. М. Н П 1843, Іюнь, стр. 147). Слѣд. Славяне язычники гадали чертами. А слово *черта* — почешсч. čага, čагса, вмѣстѣ съ словами *черный* и *чортъ* (*), происходятъ отъ *чаръ*, *чары* — чародѣйство. (Корнесловъ Шимкевича II, стр. 119, Добровскаго Гр. яз. сл I, 117 и 223).

Язычество распространяло чарованіе и на врачебное искусство. Потому наше *лѣкарь*, отъ корня *лѣк* (remedium), сродно съ нѣмецкими (mhd.) lâchenoere. lâchenoerinne — волшебникъ, волшебница, (Deutche Mythologie. von Grimm. стр. 668). Заговаривать значитъ не только очаровывать, но и укрощать болѣзнь. Знахарь — вмѣстѣ и колдунъ, и мудрецъ, и лѣкарь.

2. Вещь.

Всякій предметъ существуетъ для человѣка только тогда, когда онъ имъ сознается, когда входитъ въ его мысль и выражается словомъ. Мысль есть основная сущность вещи: потому въ языкахъ названіе вещи происходитъ отъ словъ мыслить, вѣщать. Такъ нѣмецк. ding отъ denken (**);

(*) Я. Гриммъ въ своей Нѣмецкой Миѳологіи на стр. 556 почитаетъ слова черный и чортъ одного корня. А черкать, чертить очевидно происходятъ отъ чер-ный.

(**) Hegel's Wissenschaft der Logik 1833 I, стр. 29.

sache отъ sagen; польское rzecz (res) отъ *рещи*; и наше *вещь*, можетъ быть, отъ *вѣщать*, *вѣт*. (Добровск. Гр. яз. сл. I, 103)

3. Міръ.

Совокупность всего существующаго выражаемъ мы словами: свѣтъ, міръ. Какъ κόσμος собственно означаетъ міръ устроенный, въ мѣру приведенный, и mundus—міръ украшенный, чистый и свѣтлый; такъ и наше *свѣтъ* первоначально означаетъ блистаніе, освѣщеніе, и потомъ уже все открытое, подлежащее свѣту солнечному. Отсюда выраженіе: издать въ свѣтъ—обнародовать. Съ понятіемъ свѣта, равно какъ и дня, соединяется нѣчто божеское: оттого поговорки: свѣту божьяго не видать; выдти на свѣтъ божій: каждый божій день: но — надобно замѣтить, что божья тьма, божья ночь — не вошли въ поговорку. Словомъ *свѣтъ* выражаемъ мы нѣжное чувство любви, привязанности: оттого эпитеты свѣтъ, свѣтикъ. Слово *міръ* менѣе употребляется между народомъ въ смыслѣ вселенной: за то получило характеръ нравственный, означая общество, сборище людей: мірская сходка, рѣшить міромъ, ходить по міру. Любопытно замѣтить, что Я. Гриммъ сближаетъ *міръ* съ словами *миръ* и *мѣра*. (Deutsche Mythologie, стр. 458).

4. Пространство и время.

Переходъ понятія времени къ понятію мѣста, замѣченный Я. Гриммомъ въ языкѣ нѣмецкомъ (Deutshe Mythologie, стр. 457; двн. wër-alt, свн. werlt, отъ коихъ welt,

первоначально значитъ menschenalter), виденъ въ словѣ *свѣтъ*, которое въ книгѣ Ездры стоитъ вм. вѣкъ: создалъ еси свѣтъ—creasti seculum, сотворенъ бысть свѣтъ—creatum est seculum 6. 55 и 59. (Добровск. Гр. яз. сл. I. 175). Переходъ значенія мѣста къ значенію времени сохраняется въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, какъ напр.: и съ тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлый въ Новѣгородѣ, Новг. лѣт. 140.—покамѣстъ, часъ мѣста. Такъ какъ время и мѣсто равно подлежатъ измѣренію: потому одна и таже мѣра иногда принимается въ языкѣ для означенія и пространства — *верста*, и времени: Князь Андрѣй отъ млады верьсты Христа возлюбивъ, Ипат. III. еще унъ сый верстою, но совершенъ умомъ, Пск. лѣт. стр. 44.

Слово *время* можетъ быть произведено отъ глагола врѣть, врѣти, означающаго кипѣть, испускать изъ себя жидкость, источать, кишѣть, копошиться во множествѣ. Время есть общее понятіе для словъ годъ, часъ: ибо *година* у насъ значитъ вообще время, а у Поляковъ часъ; въ Остром. Ев. тоже зн. часъ: и наоборотъ попольски *часъ* значитъ вообще время; въ нашихъ древнихъ памятникахъ *годъ* знач. просто пору, время: «мразъ поби обиліе (жито) въ жатвеныи годъ» Нов. лѣт. 112. «въ годъ вечерній.» Ипат. 130. во вторникъ въ торговъ годъ И. Г. Р. III, пр. 330. А *часъ* въ смыслѣ поры, времени и теперь у насъ употребляется. Равномѣрно и *вѣкъ* вмѣсто извѣстнаго, нѣкотораго продолженія времени. Слѣд. обозначеніе извѣстной мѣры времени словами годъ, часъ — есть случайное. Существенное, внутреннее сходство этихъ словъ состоитъ въ томъ, что они происходятъ отъ глаголовъ, означающихъ

ожиданіе, угожденіе, надежду, замедленіе. Тако, *годъ* одного корня съ *годить*, *ждать* (*г* измѣняется въ *ж*.), а *часъ* происходитъ отъ *чаять*. Понятіе о времени переходитъ къ понятію о счастіи, удобствѣ, добротѣ. Потому слова: *безвременье*, *незгода* или *невзгодье*, *годный*; отъ *пора*—*спорый*, *въ пору*: въ этомъ послѣднемъ выраженіи съ значеніемъ времени соединяется значеніе мѣры, соразмѣрности. *Доба* въ другихъ славянск. нарѣчіяхъ знач. пора: отсюда *доб-рый*, *у-доб-ный*, *з-доб-ный*, *по-доб-ный*: послѣднее слово прежде означало достойный: подобна еси царствовати въ градѣ с нами, Лѣт. Нест. по Лавр. сп. 32. отсюда преподобный.

Названія временъ года также переходятъ отъ одного значенія къ другому: такъ *лѣто* означаетъ и вообще годъ, а въ нѣмецк. языкѣ переходитъ къ понятію весны: lenz, и на оборотъ нѣмецк. jêr, jâr (annus) переходитъ къ значенію весны — въ нѣкот. слав. нарѣч. jar, jaro (отсюда яровой хлѣбъ), въ греч. ἔαρ, въ лат. ver. (Grimm, Deutsche Mythologie, стр. 436).

5. Душа, жизнь.

Отъ стихіи природы вещественной переходитъ понятіе къ природѣ духовной въ словѣ *духъ*, *воздухъ*, отъ глагола *дую*. Духъ первоначально имѣетъ значеніе самой тончайшей матеріи и движенія оной: воздуха, вѣянія, теплоты, запаху: какъ отъ *дуть*—духъ, такъ отъ *пахаю*, *пашу*—запахъ. Потомъ воспринятіе и испущеніе воздуха легкими выражается словомъ того же корня *дых-аніе*. Дыха-

ніе есть признакъ жизни: оттуда задушить, удушить, душегубецъ, издохнуть. Существо безплотное называется духъ, ибо симъ словомъ выражается и въ природѣ вещественной самая нѣжная матерія. Духъ, вдохнутый въ животное: *душа.* Какъ этимологически душа происходитъ отъ духъ, такъ и психологически. Названія многихъ предметовъ дѣйствующихъ отличаются отъ названій предметовъ, подлежащихъ дѣйствію, тѣмъ, что первыя рода мужескаго, вторыя — женскаго: потому *духъ* муж. род., *душа* женск. По мнѣнію народа душа присутствуетъ въ горлѣ и груди: потому душа значитъ часть тѣла нѣсколько пониже горла; оттуда одѣяніе, покрывающее верхнія части тѣла — *душегрѣйка.* Этимъ объясняется и повѣріе въ Словѣ о Полку Игоревѣ: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе.—Этимъ же объясняется и пластическій образъ въ томъ же словѣ: вѣютъ душу отъ тѣла. Слич. въ Соф Вр. II, 333, о смерти В. К. Василія Іоанновича: и видѣ Шигона духъ его отшедше аки *дымецъ малъ.* Различіе духа и души въ Ипат. 220: позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души

Болѣе матеріальное понятіе о бытіи выражается словомъ *жизнь*, отъ гл. *жить*; ибо *животъ* зн. не только жизнь, но и abdomen, какъ источникъ жизни, и имѣніе, достояніе, какъ средства жизненныя. Славяне и сердце почитаютъ средоточіемъ жизни: такъ подреавански или полабски сердце называется *животокъ* (seiwóatak), т. е. маленькій abdomen, Dobr. S'ovanka I, 15. Глубокое понятіе о жизни выражается словомъ *воскресить*: ибо *кресить* значитъ

и оживить, и высѣчь огонь изъ кремня огнивомъ (Шимкевича Корнесл. I. 117)

6. Познавательная способность, чувства, искусство, наука.

Для выраженія познавательной способности и дѣйствій ея мы употребляемъ слова: *умъ*, *разумъ*, *разсудокъ*, *сужденіе*, *понятіе*, *мысль* и др. Отличіе ума отъ разума особенно замѣтно въ прилагательныхъ и глаголахъ: *умный* можетъ быть и звѣрь, *умѣть* можетъ и звѣрь; но быть *разумнымъ* и *разумѣть* не можетъ. *Умѣнье* бываетъ и механическое, отъ навыку: *разумѣнье* предполагаетъ познаніе того, что дѣлаешь. Можно *умѣть* что нибудь дѣлать, и *не разумѣть*, почему такъ дѣлаешь. Отсюда видно превосходство *разума* (vernunft) надъ умомъ (verstand): потому пословицы: умъ безъ разума бѣда, умъ за разумъ зашелъ (*). Такъ какъ обѣ эти способности въ человѣкѣ соединяются, потому и языкъ нашъ соединяетъ оба эти слова въ выраженіи: *умъ-разумъ*. *Смыслить* означаетъ меньшую степень разумѣнія; отсюда: ничего не смыслитъ— сильнѣе, нежели: ничего не знаетъ, не понимаетъ. *Смыслъ* имѣетъ два значенія; субъективное — смыслъ въ головѣ человѣка, человѣкъ со смысломъ, смышленый; и объективное — напр. смыслъ басни, слова, т. е. внутреннее значеніе. Совокупность этихъ обоихъ значеній составляетъ понятіе слова смыслъ, происходящаго отъ *мысль*. *Судить*

(*) Противоположное этому мнѣніе смотр. у Фонъ Визина въ IV-й части сочиненій 1830 г. стр. 64.

выражаетъ болѣе практическую, примѣнительную способность: оттого *судъ*, *судья*. *Сужденіе* предполагаетъ какія либо двѣ стихіи для своей дѣятельности: потому, въ словѣ *разсудить*, *раз*—означаетъ дѣленіе, разложеніе на составы. Сличить слово urtheil, означающее понятіе о первоначальномъ дѣленіи (*). Напротивъ того *понятіе* выражаетъ дѣйствіе совокупляющее, собирающее: ибо происходитъ отъ *по* и *ять* (брать). Человѣкъ изслѣдуетъ и испытываетъ предметы посредствомъ чувствъ. *Чуять* знач. слышать и обонять: *чутье*. *Слухъ* происходитъ, можетъ быть, отъ *слую* (Добровскаго Грам. яз. сл. I, 181.), и слѣдовательно одного корня съ *слово*. Слухъ въ смыслѣ молвы, славы подкрѣпляетъ эту догадку. Такимъ образомъ въ нашемъ языкѣ выражается глубокая мысль о соотвѣтствіи между органами слова и чувствомъ слуха: а на этомъ-то соотвѣтствіи и основывается благозвучіе слова. Такое же соотвѣтствіе между чувствомъ и подлежащимъ чувству является въ словѣ *обоняніе (об-воняніе)*, отъ *воня*, запахъ. Потому обонять прежде употреблялось вмѣсто благоухать: благодаряше Бога въ скорбехъ, и къ томужде своихъ сродниковъ поучаше, аки ливанъ во огни обоняющъ (т. е. благоухающъ) представляя.» Патер. житіе Симона Еписк. Благороднѣйшее изъ чувствъ есть *зрѣніе*: потому *видѣть* и *вѣдать*, можетъ быть, одного корня, и столь же родственны какъ греч. ἰδεῖν съ εἰδέναι (Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 70). Чувства грубѣйшія суть *осязаніе (о-сязать, до-сягать, по-сягать)* и *вкусъ (кусать, ку-*

(*) Hegel, Encyclopädie, 1840, I, 326.

шать). Замѣчательно опять соотвѣтствіе между силою чувства и подлежащимъ оной: *вкусъ* и *искуство (ис-кусство)* происходятъ отъ одного корня *кусити* (санскр. куш. experiri). Съ понятіемъ искусства соединяется мысль объ обманѣ, прельщеніи, что видно изъ родственныхъ съ нимъ словъ: *искусить*, *искуситель*, *искушеніе*. *Художество* отличается отъ искусства происхожденіемъ отъ слова цс *худогъ* — смышленый, умный, мудрый, искусный: «кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и мудрости,» Іаков. 3, 13. Слич. польское chędogi — по переводу Линде — sauber, schön, zierlich. Чувствами мы испытываемъ предметы *Испытать* происходитъ отъ *пытать*—спрашивать: слѣд. *опытъ* есть обстоятельный *(о, об-)* вопросъ (*-пытъ*): опытомъ и наблюденіемъ добываетъ человѣкъ знанія: испытываніемъ и искушеніемъ вкусилъ онъ отъ плода древа познанія добра и зла. Любопытно то, что слово *качество*, одного корня съ частицами вопросительными: *какъ—кач-е-ство*. Слѣдовательно мы узнаемъ предметъ сначала по его качеству, по свойству: оттого то мы и называемъ предметъ по тому признаку, какой въ немъ замѣтимъ; напр. *горница* отъ *горній*, *свѣтлица* отъ *свѣтлый*. *Свойство* есть принадлежность предмета, его исключительная собственность, ему сродная: ибо *свойство* и *свойство́* происходятъ отъ *свой*. Слич. въ Толкованіи неудобь познаваемымъ рѣчамъ, у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг. стр. 196: качьство, естество, *каковому* есть; свойство, кто имать что *особно*. Свойство отличается отъ признака тѣмъ, что свойство выражаетъ понятіе объективно, т. е. какъ принадлежность

предмета, безъ отношенія къ силѣ познающей; а *признакъ* означаетъ субъективное воззрѣніе наше на свойства предмета: т. е. какъ умъ нашъ признаетъ (*при-знакъ*), чѣмъ обозначаетъ для себя этотъ предметъ. Качество же, происходя отъ частицъ вопросит. и относит., занимаетъ средину между понятіями свойства и признака: т. е. отношеніе познающей способности къ свойствамъ предмета познаваемаго. Цѣль познанія, изслѣдованія о предметѣ—есть *истина*. Это слово происходитъ отъ мѣстоименія *истый* (Добровскаго Гр. яз. сл. I, 130), означающаго *тотъ же самый*. Отсюда видно, что подъ истиною мы разумѣемъ совершенное сходство нашей мысли съ предметомъ мыслимымъ, т. е. когда мы думаемъ о предметѣ то самое, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Думаютъ, что *истый* не коренное слово и не родственно латинскому iste (ибо оно состоитъ изъ is и te), а происходитъ отъ глагола *есмь*, *есть*. (Шимкевича Корнесловъ I, 91). Свѣдѣнія, приведенныя въ порядокъ, составляютъ *науку*. Это слово происходитъ отъ *укъ*, которое встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и у Карамзина въ И Г. Р. въ сложномъ словѣ ново-укъ, означающемъ непривыкшаго, неопытнаго; напр. утверждалъ, что мы новоуки въ христіанствѣ, ИГР. IX. стр. 362. *Укъ* одно и тоже, что *вык*: что очевидно напр. изъ словъ *пріучить* и *привыкнуть*. Потому первоначально *наука* и *привычка* сближались своимъ значеніемъ: это подтверждается стариннымъ словомъ *наукъ*, смыслъ коего стоитъ между *наукою* и *навыкомъ*; напр. письмо Василью въ наукъ пошло. пѣнье Василью въ наукъ пошло, грамота ему въ наукъ пошла. (Древн. Русск. Стих.) Слѣд. слово *наука* у

насъ выражаетъ отношеніе предмета познаваемаго или изучаемаго къ субъективности познающаго. Понятіе же о системѣ не входитъ въ смыслъ этого слова. Систематическое изложеніе есть уже *сочиненіе*, отъ слова *чинъ*—порядокъ. Сличить *строеніе* отъ *строй*—тоже порядокъ.

7. Понятія нравственныя, правда, вѣра, блаженство.

Все непреложно истинное есть вмѣстѣ и правосудно и благо. Равномѣрно и все праведное есть истинно: потому вм. *истина* мы иногда употребляемъ слово *правда*. Замѣчательно, что въ самомъ языкѣ таится понятіе о синонимахъ: такъ народная рѣчь совокупляетъ слова: *умъ-разумъ*, *правда-истина*. Слѣдовательно въ понятіяхъ народа представленіе о правдѣ неразлучно съ представленіемъ объ истинѣ. Но правда отличается отъ истины уже самымъ производствомъ, отъ *правый*, коему противоположно *виноватый*; означаетъ справедливость, въ противоположность *кривдѣ*, и законъ вмѣстѣ съ исполненіемъ, судный обычай. Отсюда ***Русская Правда***. Правда, какъ понятіе нравственное, стоитъ выше истины: что видно изъ словъ *праведникъ*, *праведный* — т. е. Святой. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною съ дѣлами добрыми. Потому-то правда называется ***Святою***, ***Божіею***. Слич. пословицу: все минется, а правда остается (*). Въ глоссахъ Mat. Verb. *правда* объясняется такъ: fas, lex divina est; и отличается отъ *право*: jus est humanum. Въ подобномъ же

(*) Въ Юридическихъ Запискахъ, статья Снегирева стр. 267, томъ II.

отношенiи истина стоитъ и къ вѣрѣ. *Вѣра* по производству своему имѣетъ значенiе истины, ибо одного корня съ лат. verus, нѣм. wahr; въ глоссахъ Музейной Псалтири (XII в.): viera veritas. Но въ употребленiи стоитъ выше истины, означая окончательное убѣжденiе въ истинѣ: сличить слова *увѣренность*, *повѣрка*, *вѣрно*, въ смыслѣ безошибочно. Кромѣ того, вѣра, какъ и правда, имѣетъ нравственное значенiе: вѣрный рабъ—т. е. не только не обманываетъ, но и любитъ своего господина: отсюда довѣренность, вѣрность. Слѣдовательно въ словѣ вѣра къ понятiямъ истины и правды присоединяется понятiе любви.

Заблужденiе съ прямаго пути (отъ правды къ кривдѣ) есть *блудъ*—въ смыслѣ грѣха вообще: отсюда *заблудиться*, *блуждать*. Гезенiй, въ Lexicon Manuale, цитуетъ ἁμαρτάνω, которое Гомеръ употребляетъ о стрѣлѣ, непопавшей въ цѣль. *Грѣхъ* (санск. hri—pudore affici), равно какъ и срамъ, *стыдъ*, означаютъ внутреннее чувство согрѣшившаго; а *порокъ* — отъ *порекать*, ругать — дурную молву людей о согрѣшившемъ.

Сила нравственная, двигающая дѣйствiями человѣка, называется *волею*. Значенiе этого слова стоитъ въ связи съ понятiями власти, приказанiя: съ глаголомъ *волить* сродны: *велѣть*, *повелѣть*. Замѣчательно, что мысль о владѣнiи выражаемъ мы двумя такими словами, изъ коихъ значенiе одного относится къ понятiямъ силы нравственной, а другаго къ понятiямъ силы умственной: а именно *править*, *управлять*—отъ *правый*, и *вѣдать*: напр. въ Полтавѣ Пушкина: спокойно вѣдалъ онъ Украйну. Человѣку дана воля свободная: потому слово *воля* значитъ и *сво-*

боду; напр. твоя воля, т. е. ты свободенъ, дѣлай что хочешь. Отсюда *вольный*—свободный. Съ волею не надобно смѣшивать *хотѣнія* и *желанія*. *Хотѣніе* ниже желанія, и направляется болѣе къ предметамъ чувственнымъ: нельзя сказать: желаю ѣсть, пить, а говорятъ: хочу ѣсть, пить. Отсюда похоть. Съ *желаніемъ* соединяется понятіе ожиданія, привязанности, благосклонности, любви къ ближнему: желать кому чего, желанный, вожделѣнный. *Любовь* понимаемъ мы въ смыслѣ чувства свободнаго, подлежащаго вольному избранію: потому *любой* зн. какой угодно; слич. санскр. lubh, lôbhitum—cupere, desiderare; лат. libet, lubet; нѣм. er-lauben. *Милость* попольск. зн. любовь; *милый* также переходитъ въ значеніе чувства нравственнаго, сострадания, благосклонности въ словѣ *милость*. Какъ истина есть цѣль умствованія, такъ *благо* есть цѣль дѣйствіямъ воли человѣческой. Какъ за правду человѣкъ становится праведникомъ, такъ и за благо награждается свыше. Потому *благой* значитъ вмѣстѣ и добродѣтельный и счастливый, отсюда *блаженный*, *блаженство*. *Блаженство* есть самая высшая степень счастія, какъ награда за добро: только *благой*, добрый можетъ быть *блаженнымъ*; счастливъ же бываетъ и злодѣй. *Счастье* предполагаетъ нѣчто случайное, извнѣ пришедшее: происходитъ отъ *часть* (жребій); слѣдовательно никакъ не можетъ употребляться вмѣсто блаженство.

8. Судьба.

Для означенія провидѣнія употребляемымъ слова *судьба*, *рокъ*, *промыслъ*. *Судьба*, отъ *судить*, выражаетъ понятіе

суда, обдуванія и расправы: первоначально, вѣроятно, имѣла смыслъ фатализма, что видно изъ *суженый*, *суженая* Судъ принимается въ смыслѣ смерти; напр. въ Словѣ о Полк. Игор.: Бориса же, Вячеславлича слава на судъ приведе; въ Духовной Владим. Моном: братчю моему судъ пришелъ; въ Екклес. XI, 10: приведетъ тя Богъ на судъ. *Рокъ*, отъ реку, какъ лат. fatum отъ fari, означаетъ приговоръ, рѣшеніе судьбы. Понятіе о провидѣніи, болѣе снисходительное и для человѣка утѣшительное выражается словомъ *промыслъ*. Происходя отъ *про* и *мыслить*, оно означаетъ предупредительную заботу и попеченіе. Любопытно въ этомъ словѣ наивное сближеніе понятій о судьбѣ и ремеслѣ: ибо *промыслъ* значитъ и то и другое.

НАРОДНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Народный языкъ принимаю я въ противоположность теперешней рѣчи письменной и употребляющейся въ кругу людей болѣе или менѣе образованныхъ. Въ недавнее время возродившееся стремленіе къ національности возвысило цѣнность народнаго языка. Онъ относится къ языку образованному точно такъ же, какъ самородная литература къ образованной науками и вліяніемъ чужеземнымъ: какъ и теперь нельзя намъ отрѣшиться отъ общеевропейскаго просвѣщенія и сосредоточиться только въ своемъ быту, такъ невозможно и народный языкъ во всей его цѣлости возвести на степень языка письменнаго, ибо мы принуждены выражать многія понятія, стоящія внѣ круга народной мыслительности. Судей народному языку можно раздѣлить на

двѣ статьи: одни не только равнодушны къ нему, даже его презираютъ: другіе полагаютъ въ немъ все спасеніе нашей литературы Но есть надежда, что современемъ спадетъ чёпорная важность съ первыхъ, тогда перестанутъ слишкомъ завидовать мужикамъ и послѣдніе.

Изученіе народнаго языка не исключаетъ необходимости другихъ стихій нашей рѣчи, вопервыхъ уже и потому, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы постоянно сливается онъ съ варваризмами, съ реченіями церковнославянскими, и пр. Органическая жизнь, которою проникнутъ онъ, даетъ ему характеръ предмета, имѣющаго полное право войти въ область Филологіи, тѣмъ болѣе, что сочувствіе къ нему мало по малу теряется, такъ что для многихъ этотъ по преимуществу родной языкъ сталъ вовсе чуждымъ.

Филологически началъ разработывать нашу народную литературу Снегиревъ въ своихъ сочиненіяхъ: Русскіе въ своихъ пословицахъ, IV части, 1831 — 1832, и Русскіе простонародные праздники и обряды, IV выпуска, 1837—1839. Я съ своей стороны ограничиваюсь Древними Россійскими Стихотвореніями, обращая преимущественное вниманіе на украшенный синтаксисъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить нѣкоторые идіотизмы русскаго языка.

1. Тавтологія.

Тавтологія придаетъ рѣчи бо́льшую силу и одушевленіе, или повтореніемъ одного и того же слова или совокупленіемъ двухъ и трехъ подобозначащихъ. Она весьма упо-

требительна и въ другихъ языкахъ, особенно въ рѣчи безыскусственной, первобытной: такъ Я. Гриммъ въ Deutsche Rechtsalterthümer (стр. 13) приводитъ множество выраженій тавтологическихъ изъ древнихъ памятниковъ нѣмецкаго права. Тавтологія одного языка отличается отъ тавтологіи другаго тѣмъ, что въ одномъ она принята одними словами и понятіями, въ другомъ—другими. Слѣдовательно, чтобы изучить тавтологію русскую, надобно знать тѣ выраженія, въ коихъ она употребляется. Такъ какъ можетъ повторяться или одинъ и тотъ же звукъ, т. е. одинъ и тотъ же корень, или одно и тоже понятіе въ нѣсколькихъ синонимахъ: то и тавтологія можетъ быть или въ звукахъ и корняхъ, или въ понятіяхъ: т. е. или тождесловіе, или подобословіе.

Повтореніе одного и того же звука состоитъ въ томъ, что берется одинъ корень, и отъ него производятся два слова, или глаголъ и существительное, или существительное съ прилагательнымъ и т. п. Повтореніе можетъ быть: въ опредѣленіи: *святой святынѣ* приложиться 167. *старину стародавную* 315. *молодымъ молодицамъ* на перениманье 283. Въ дополненіи: *а поносъ понесла* и дитя родила 45. *шутку шутить* 254. *Сыгришъ сыгралъ* Царяграда 132. Въ обстоятельствахъ: *золотомъ золотилъ* 272. черные вороны *табуномъ табунилися* 288. *перекрестился крестомъ* своимъ 343. *въ полонъ полонитъ* 243. какъ бы двухъ коней *въ поводу повелъ* 212. Въ подлежащемъ и сказуемомъ: *шуточка пошучена* 99. послы поздоровались, «какъ *послы послуются* 126. *подпись подписана*

171. Эта тавтологія въ отношеніи къ слѣдующимъ можетъ быть названа одночленною.

Тавтологія въ совокупленіи словъ подобозначащихъ бываетъ двухчленная и трехчленная. Двухчленная: *колыбель люльку* дѣлали 293. глубота глубота *океанъ море* 1. чтобы видѣть при *пути дороженьки* 256. кабы прежде у меня не служилъ *вѣрою и правдою* 90. я сама дѣвица *знаю вѣдаю* 209. про то *не знаешь не вѣдаешь* 50. а и *жилъ былъ* богатый гость 13. Трехчленная: *съ кѣмъ побиться подраться поратиться* 260. 388. Изъ нѣкоторыхъ выраженій видно, что трехчленная есть развитіе двухчленной, прибавленіемъ къ сей послѣдней третьяго понятія, а именно: *а и смилуйся смилосердивя*, «*смилосердися покажи милость* 277. она съ вечера *трудна больна*, «съ полуночи *недужна* вся 14. осталося *житье бытье богатство* 345. *журить бранить*, *его на умъ учить* 74.

Тавтологія можетъ осложняться слѣдующимъ образомъ: или между синонимами вставляются другія слова: *божился* добрый молодецъ *ратился* 372. чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя *дарить*, «чѣмъ свѣта *жаловати* 3. Или тавтологія распространяется на цѣлыя предложенія, при томъ двоякимъ образомъ: или части предложеній соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ синонимы: *а утоптана трава*, *утолочена мурова* 305; или кромѣ этого соотвѣтствія синонимическаго въ каждомъ предложеніи еще соотвѣтствіе звуковое: *суженое пересуживаешь*, «*ряженое переряживаешь* 141. *суды разсуживаетъ* «и *ряды разряживаетъ* 31. Или, когда говорится о какомъ лицѣ, въ одномъ предложеніи имя, а въ другомъ отчество: отчество соотвѣт-

ствуетъ имени, синонимъ синониму: *ноньь Настасья просватана, «душа Дмитревна запоручена* 137. Къ тавтологіи предложеній относятся и слѣдующія: *становился стоять* Персидскій посолъ 109. *становилъ стоять* молоду жену 100. Здѣсь тождесловіе между предложеніемъ придаточнымъ и главнымъ.

2. Описаніе.

Отъ тавтологіи слѣдуетъ отличать форму описательную, которая состоитъ въ томъ, что понятіе выражается не однимъ словомъ, ему соотвѣтствующимъ, а нѣсколькими, кои всѣ вмѣстѣ взятыя замѣняютъ одно слово. Такъ вмѣсто *сто́итъ*: а куяку и панцырю *цѣна стоитъ* на сто тысячей 203. а куяку и панцырю *цѣна лежитъ* три тысячи 23. Вмѣсто *скакать*: *ускоки давать* конины́е 56. Вмѣсто *зашипѣлъ*: *онъ шипъ пустилъ* позмѣиному 59. *Потрудился*: что много *трудовъ* за ихъ *положилъ* 176. При этой фигурѣ надобно обращать вниманіе на глаголы описывающіе. Такъ описанія съ глаголомъ *держать*: у себя на умѣ держитъ 39, думаетъ. — въ томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица 94, почиваетъ. — отвѣтъ держитъ ей князь Романъ 368, отвѣчаетъ. — и жену, то во любви держалъ 15, любилъ: а страдательный залогъ этого глагола выражается другимъ описаніемъ: когда тебѣ дѣвица *не въ любви пришла* 306. Съ глаголомъ *водить*: не наведи на гнѣвъ князя Владиміра 234. танцы водить 386. приведите, казаки, меня въ вѣру крещеную 108. пиръ навеселѣ, повелъ столы на радостяхъ 38. Вмѣсто *пировать* употребляется еще

описаніе: поднимали пирушку великую 12. Съ глаголомъ *чинить*: вражбу чинить 48. поѣздку чинятъ 160. обѣдъ чинила 29. у нихъ драка сочинилася 109. Иногда описаніе соединяется съ тавтологіею: съ Новымъ городомъ жилъ, *не перечился—поперекъ словечка не говаривалъ* 72.

Выраженіямъ описательнымъ противополагаются въ нашемъ языкѣ краткія предложенія, въ коихъ глаголъ, или прилагательное замѣняются равнозначительнымъ имъ существительнымъ: то *похвальба* Мастрюку 41 — т. е. тѣмъ онъ похваляется. ему *вѣра* побоpотися есть 39—т. е. онъ вѣритъ. тамъ быть имъ *не въ выдачѣ* 336—т. е. ихъ не выдадутъ. быть тебѣ молодцу *въ поиманьи* 377 — т. е. тебя поймаютъ. спуску нѣтъ 48. тебѣ, Государю, *приносу* нѣтъ 157—т. е. тебѣ ничего не принесли. пришелъ-то молодцамъ *на выручку* 82—выручить молодцовъ. не давались ему на обыскъ себѣ 234. не много *житья* было—полтора года 222—т. е. не много жили.

3. Эллипсисъ.

Русская рѣчь отличается опущеніями. Какъ скоро мысль понятна и связь мыслей видна сама по себѣ: опущеніе позволяется. Особенно замѣчательно совокупленіе главнаго предложенія съ придаточнымъ безъ всякой видимой связи: увидѣлъ Дурень «медвѣдя за сосной, «кочку роетъ, «корову коверкатъ 400. увидѣлъ Дурень «четырехъ братовъ—«ячмень молотятъ 392, вм. который роетъ, которые молотятъ, или роющаго, молотящихъ. а тоя-то Камы за синимъ моремъ—«своимъ устьемъ впала въ сине море 24,

т. е. которая впала. Опущеніе союза даетъ рѣчи силу: потащилъ онъ Настасью, лишь туфли звенятъ 141—пропущено: такъ что. она тѣмъ узда дорога (пропущено: что) «царское жалованье «государево величество 33. а отъ пару было отъ конинаго (такъ что, то что) «а и мѣсяцъ, солнце померкнуло 242. Опущеніе связи иногда рѣзко отдѣляетъ одно предложеніе отъ другаго, такъ что они являются двумя частями параллелизма: въ задоръ войду—тебя убью 81. калачикъ съѣшь—больше хочется 27. не дорога камочка—узоръ хитеръ 5. куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ, «куды отвернетъ — съ переулками 250. за царя отдать — ей царицей слыть 137. а и въ горѣ жить — не кручинну быть, «нагому ходить—не стыдиться 381. на Волгѣ жить—ворами слыть, «на Яикъ идти—переходъ великъ, «въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ 114.

Эллипсисъ иногда такъ сжимаетъ предложеніе, что трудно оное распутать по синтаксическимъ частямъ; напр. онъ первое ученье ей руку отсѣкъ 71: впрочемъ мысль понятна, и притомъ сильно выражена, ибо два предложенія не чувствительно сливаются и взаимными силами усиливаютъ мысль. Гдѣ была рыба красная, «очутились у садки червонцы лежатъ 270: съ перваго разу покажется, будто здѣсь два сказуемыхъ одного и того же предложенія—*очутились* и *лежатъ*—однако такъ какъ они разныхъ временъ, то смыслъ требуетъ признать два предложенія, но такъ родственно слитыя воедино, что глаголы—*очутились* и *лежатъ*—мгновенно выражаютъ одно и тоже представленіе. Прекрасно отдѣляются предложенія безсвязныя различіемъ временъ, въ рѣчи повѣствовательной: только

въ чистомъ полѣ наѣхали, «лежатъ три дороги широкія 181.

4. Эпитеты.

Рѣчь народная отличается отъ искуственной постоянствомъ, неизмѣнностью выраженій. Писатели каждый посвоему изъясняютъ одну и туже мысль: оттого часто изысканность и неточность. Въ рѣчи народной мысль, однажды принявъ на себя приличное выраженіе, никогда уже его не мѣняетъ: отсюда точность и простота. Выраженіе, какъ завѣтная икона, повторяется всѣми, кто хочетъ сказать ту мысль, для коей оно составилось первобытно На этомъ основывается употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, въ которыхъ особенно очевидно постоянство и единообразіе выраженій народной рѣчи. Реченія съ постоянными эпитетами можно уподобить типамъ греческихъ божествъ, которые, однажды создавшись, никогда не измѣнялись, потому что Грекъ не находилъ уже другаго лучшаго и приличнѣйшаго образа для олицетворенія Юноны или Зевеса. Русскіе эпитеты бываютъ:

а) Имена прилагательныя: не наѣзживали звѣря *прыскучаго* 156. не видали птицы *перелетныя* 156. оставалася *матера* вдова 72. подломилися ноженьки *рѣзвыя* 8. на *крутомъ красномъ* берегу, «на *желтыхъ разсыпныхъ* пескахъ 106. изрублю я «въ мелкія части *пирожныя* 66. (пирогъ—мелкая дробь монетная) (*). столы *бѣлодубовы*,

(*) Снегирева Памятникъ Московской древности, тетр. I,CVIII.

столы *дубовые* 12. терема *златоверховаты* 6. оружье *долгомѣрно* 108. *звончаты* гусли 9. уйми свое чадо *милое* 79 —говорятъ тѣ, кого оно прибило.

б) Имена существительныя въ одинаковомъ падежѣ съ словомъ, при коемъ они эпитетомъ: выѣзжалъ *удача* добрый молодецъ 22. продавали *душамъ* краснымъ дѣвицамъ 24. а Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, «со *душой* Княгиней Апраксѣевной 359. а зовутъ меня Михайлою Казарянинъ, «а Казарянинъ *душа* Петровичъ младъ 205—206.

в) Имена существительныя съ прилагательными, несогласующіяся съ своимъ опредѣляемымъ, и всегда стоящія въ именительномъ: обертываться гнѣдымъ туромъ—*золотые рога* 47. Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ, «всѣмъ атаманъ—*золотые рога* 67. однорядочки-то *голубъ скурлатъ* 156. обвивается лютой змѣй около чебота *зеленъ сафьянъ* 45. и на ноги сапоги *зеленъ сафьянъ* 125. въ чердакѣ была бесѣда—*дорогъ рыбій зубъ* 3. стоитъ подворотня *дорогъ рыбій зубъ* 51. а столы *дорогъ рыбій зубъ* 109. Словосочиненіе этого эпитета объясняется эллипсисомъ.

г) Родительный опредѣленія: кровать *слоновыхъ костей* 9. покрыша *сѣдыхъ бобровъ*, «потолокъ *черныхъ соболей* 14. полъ, середа *одного серебра* 159.

Надобно отличать эпитетъ постоянный отъ эпитета украшающаго (ornans'): послѣдній часто даже во зло употребляется писателями напыщенными и вычурными. Полезно бы собрать всѣ постоянные эпитеты для того, чтобы опредѣлить, въ какіе предметы преимущественно вдумы-

вался русскій человѣкъ, и какія понятія присоединялъ къ онымъ.

Согласованіе и управленіе эпитетовъ украшающихъ и приложеній въ рѣчи народной требуютъ особаго объясненія, ибо подлежатъ законамъ аттракціи (*). Подъ аттракціею разумѣется вліяніе, производимое одною частью предложенія на другую противъ грамматическаго ихъ отношенія. Напр. колоты онѣ (стрѣлы) изъ трость дерева 24. началась у нихъ драка—бой великая 78 воротись милъ надежа, воротись другъ 66. Въ первомъ примѣрѣ *изъ* не управляетъ приложеніемъ: во второмъ прилагательное согласуется съ первымъ членомъ тавтологическаго соединенія; въ третьемъ *надежа*, какъ эпитетъ друга, принимаетъ родъ сего послѣдняго.

Въ названіяхъ водъ приложеніе а) не управляется: изъ устья Ердань рѣки 175. будутъ они въ Ердань рѣкѣ 173. и бросила его въ тое Енисей быстру рѣку 122 и поплыли по Тагиль рѣкѣ 116. а лѣвая нога во Волховъ рѣкѣ 343.—б) И не согласуется: напущалися на той большой Енисеѣ рѣкѣ 122. а на славной на Амурѣ рѣкѣ 321. Израй рѣка быстрая 346. Таковое употребленіе приложеній объясняется весьма легко; стоитъ только содинить въ одно слово имя собственное съ нарицательнымъ, и разсматривать первое, какъ переднюю половину сложнаго слова: Ердань-рѣки, Ердань-рѣкѣ, во Волховъ-рѣкѣ, Израй-рѣка. Эта синтаксическая особенность весьма способствуетъ возбужденію быстраго впечатлѣнія соединеніемъ двухъ близ-

(*) Смотри подробности объ этомъ въ Die Syntax der deutschen Sprache Герлинга часть 2, стр. 67.

кихъ представленій въ одно. Впрочемъ говорится и: а и гой еси, славный Ильмень озеро 267. и поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку 116.

Этому совокупному представленію противополагается раздѣленіе понятія съ его обстоятельствомъ, подчиненіемъ или дополненіемъ на два понятія. Такая фигура называется гендіадисъ (ἓν διὰ δυοῖν), напр. у Вирг. pateris libamus et auro вм. pateris aureis (*).—Али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя? 150—вм. чарой зелена вина. выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, «тридцать кораблей—единъ корабль I—вм. тридцать одинъ. выпала пороха снѣгу бѣлаго; «по той по порохѣ, по бѣлу снѣгу 139.

5. Періодъ.

Построеніе періода въ древнихъ стихотвореніяхъ можетъ быть подраздѣлено на три разряда: 1) совершенно правильное и округленное, но простое и безыскусственное, 2) построеніе изъ предложеній, одно съ другимъ не гармонирующихъ ни во временахъ, ни въ видахъ глагола, и 3) построеніе симметрическое; два послѣдніе разряда противоположны другъ другу. Примѣръ перваго:

1 **Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,**
у славнаго Князя Владиміра
2 **было пированье, почестный пиръ,**
было столкованье, почестный столъ

(*) Die Syntax der deutschen Sprache Герлинга, часть 2, стр. 217.

3 на многи Князи, бояра
и на русскіе могучіе богатыри
4 и гости богатые 54.

1 обстоятельства, 2 главныя предложенія, 3 опять обстоятельства, 4 заключеніе метрическое.

Построеніе втораго рода, при видимой своей неправильности, чрезвычайно выразительно для рѣчи повѣствовательной. Хотя въ немъ глаголы не соотвѣтствуютъ другъ другу—напр.: бросится дѣвица испужалася 92; много царевичь не спрашиваетъ «выходилъ на крылечко на красное 256; оглянется Тугаринъ назадъ себя, «втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ 193: однако единство изображаемаго дѣйствія и стройность картины нисколько тѣмъ не нарушаются. Надобно только представленіе о времени подчинять кратности дѣйствія, и отличать дѣйствія главныя отъ побочныхъ: тогда въ этомъ разнообразіи увидишь стройное единство. Такъ предложенія: соскочилъ съ съ коня, самъ бьетъ челомъ 234, молода княгиня испужалася, «а и больно она передрогнула, «посылаетъ стольниковъ и чашниковъ 230—должны пониматься такимъ образомъ: соскочивъ съ коня, бьетъ—, испугавшись, посылаетъ.— Здѣсь прошедшее время употребляется почти какъ церковнославянское причастіе. Потому прошедшее время съ своимъ предложеніемъ уходитъ въ даль, оттѣняя главное предложеніе съ настоящимъ временемъ:

1 Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, подносилъ
Михайлѣ Казарянину;

2 приним*аетъ* онъ Михайло единой рукой,
3 и вып*илъ* единымъ духомъ 213.

Въ 3 прошедшее выражаетъ совершенное дѣйствіе. Равнымъ образомъ и будущее подчиняется кратности, означая быстрое совершеніе. Слѣд. въ такомъ соединеніи предложеній надобно отличать дѣйствія длящіяся отъ быстрыхъ, начинающихся или совершенныхъ, и дѣйствія перваго плана отъ подчиненныхъ. Тогда будетъ понятна красота историческаго періода въ древнихъ стихотвореніяхъ. Примѣры.

Дружина спитъ, такъ Волхвъ не спитъ: (наст. вр. и главное дѣйствіе, далѣе оно объясняется:)
онъ обернется (мгновенное дѣйствіе) яснымъ соколомъ, полетѣлъ (вслѣдъ за мгновеннымъ и совершеннымъ—дѣйствіе длящееся, подчиненное) онъ далече на сине море,
а бьетъ (настоящее дѣйствіе на первомъ планѣ) онъ гусей, бѣлыхъ лебедей 48.
И только Илья слово выговорилъ, (совершенное окончательное)
оторвется (мгновенно) голова его татарская,
угодила (подчиненное дѣйствіе, вмѣстѣ съ двумя первыми) та голова по силѣ вдоль,
и бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ (дѣйствія главныя) 250.

Разнообразіе временъ и видовъ придаетъ необыкновенную живость и игривость описанію быстрыхъ движеній: напр. борьба съ Мастрюкомъ:

Потанька *справился*, за плеча *сграбился*,
согнетъ кочаргою, *воздымалъ* выше головы своей,
опустилъ о сыру землю—Мастрюкъ безъ памяти *лежитъ* 43.

Этому построенію періода противополагается симметрическое. Оно подобно еврейскому параллелизму, и состоитъ въ томъ, что рѣчь разсѣкается на два члена, соотвѣтствующихъ другъ другу по содержанію и формѣ. Параллелизмы бываютъ трехъ родовъ (*):

а) Парал. синонимическіе, въ коихъ оба члена выражаютъ одну и туже мысль, только разными словами:

Суженое пересуживаешь,
ряженое переряживаешь 141.
Понѣ Настасья просватана,
душа Дмитревна запоручена 137.

б) Парал. противительные, когда члены противополагаются: недорога камочка—узоръ хитеръ 5 нагому ходить—не стыдитися 381.

в) Парал. синтетическіе когда во второмъ членѣ, кромѣ повторенія мысли перваго, есть прибавленіе: куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ, «куды отвернетъ—*съ переулками* 250. Дополненіе иногда распространяется и является заключеніемъ параллелизма:

На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—грозенъ царь стои́тъ,
Грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ 114.

6. Сравненіе.

Такъ какъ сравненіе предполагаетъ соотвѣтствіе между понятіями и словами; потому приличнѣйшая форма для сравненія есть параллелизмъ:

(*) Gesenius, Hebräisches Lesebuch, 1834, 79.

Изъ Волхова воды не выпити,
во Новѣградѣ людей на выбити 81.
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
у нихъ то молодцовъ думушки прибыло 82.
Упала звѣзда поднебесная,
потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
а меньшаго Ѳедора Ивановича 330.
Ѣдетъ дуга на дугѣ,
шелудякъ на хромой лошади 415.

Русская рѣчь не любитъ длинныхъ сравненій, наблюдая соразмѣрность членовъ сравниваемыхъ: длинное сравненіе иногда выказываетъ изысканность, что особенно замѣтно въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Народная рѣчь говоритъ въ сравненіи столько, сколько нужно объяснить мысль, приставляя сравненіе союзами: что, какъ бы:

Глаза что часы,
усы что вилы,
руки что грабли 390, 391.
А и ноги, носъ—что огонь горятъ 207.
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди 117.
Какъ бы русая лиса голову клонила,
пошла то Чурилья къ заутрени 383.

Оттого сравненіе бываетъ въ картинѣ краткой; рѣзкой и яркой, напр

Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь,
Алеша Поповичь сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ 189.
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осенняя ночь 190.

Для предметовъ отдаленныхъ или неопредѣлено представляемыхъ и сравненія неопредѣленны, неясны:

Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
и зачернѣлись на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей 107.

Отрицательныя сравненія подавали поводъ къ многимъ догадкамъ и своевольнымъ толкованіямъ. Одни объясняли ихъ застѣнчивостью народа русскаго, осторожностью; другіе унылымъ характеромъ народной русской поэзіи, и проч. Народная рѣчь такъ проста, что для объясненія оной не надобно прибѣгать къ отдаленнымъ гипотезамъ. Безо всякаго предубѣжденія прочтемъ какое нибудь отрицательное сравненіе, и поймемъ его грамматически: тогда тотчасъ увидимъ внутренній смыслъ онаго:

Тутъ не черные вороны солетались,
собирались понизовые бурлаки.

Фантазія хотя и сближаетъ въ сравненіи два предмета разнородныхъ, но простой, наивный смыслъ видитъ большую разницу между ними: слѣдовательно сравненіе предполагаетъ и сближеніе и противоположеніе двухъ предметовъ. Это естественное, первоначальное понятіе объ уподобленіи выразилось въ сравненіи отрицательномъ. *Бурлаки* уподобляются *воронамъ, но вороны не бурлаки*—наивно говоритъ простой смыслъ народный. Можно назвать уподобленіями въ превосходной степени такія сравненія, гдѣ отрицаніе присовокупляется не къ уподобленію, а къ уподобляемому:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
изъ за горъ, да горъ высокихъ,

не красно солнце выкатилося,
выкатился бѣлъ горючъ камень,
выкатившись, самъ разсыпался
по мелкому зерну, да по маковому (17 удал. пѣсн. у Сахарова).

7. Фразеологія.

Мало того, чтобы знать, что такое-то выраженіе подлежитъ такому-то грамматическому или реторическому правилу: надобно возбудить сочувствіе къ правильной и изящной рѣчи, обогатить память значительнымъ запасомъ самыхъ выраженій. Потому необходима фразеологія, въ которой обращается вниманіе не только на внѣшнюю форму предложенія, но и на содержаніе. Когда учащійся воспитаетъ въ себѣ разборчивое чутье къ русской рѣчи, его уже не увлечетъ вялый и безцвѣтный слогъ какого нибудь новаго сочиненія. Всякій народъ смотритъ на вещи по своему: постановить учащагося на точку зрѣнія народную можно только изученіемъ выраженій, въ коихъ высказывается духъ народа, а не общими правилами и отвлеченными законами. Когда нѣтъ словъ и выраженій — правила не дадутъ ихъ. Не эстетическіе законы образуютъ вкусъ, а знакомство съ произведеніями образцовыхъ художниковъ. Правила безсмысленны безъ живаго содержанія. Для ученика не въ примѣръ полезнѣе восчувствовать силу и красоту какого нибудь фигурнаго выраженія, нежели знать въ которомъ параграфѣ учебника объясняются правила этого выраженія. Предлагаю нѣсколько примѣровъ фразеологіи изъ тѣхъ же древнихъ стихотвореній.

Тропы:—выраженіе понятій о жизни духовной: материно сердце распущается 168. затуманилось его сердце молодецкое 232. взяло Добрыню пуще остраго ножа «по его сердцу богатырскому 63. надо мною сердце не изнести 208. едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ 365. ей Ставровой молодой женѣ «перепала вѣсть нерадошна 125. Понятія о природѣ вещественной: а божьи церкви на дымъ спустить 47. бока (корабля) взведены по звѣриному 2. трепала (лелѣяла) она рука змѣя Горынчища 71. отъ лица «лучи стоятъ великіе 231.

Отдѣльныя слова и выраженія:

Дѣло въ смыслѣ свойства, вещи, предмета: а наше то дѣло повелѣнное 331—т. е. намъ повелѣли. а и женское дѣло прелестивое, «прелестивое, перепадчивое 69, вм. характеръ. Слич. Котоших. 35 тотъ человѣкъ прикинулся въ болѣзнь нарочнымъ дѣломъ—вм. нарочно.

Перо у растеній вм. лепестокъ: хмѣлево перо 338.

А стань ты подъ башню *проѣзжую* 267—черезъ которую проѣзжаютъ въ ворота.

Она (лебедь) *черезъ перо* была *вся золота* 217: короче и точнѣе нельзя выразить.

А Иванъ, сударь, Васильевичь, *прозритель* 285.

Тотчасъ по поступкамъ Соловья *опознывали* II. какъ ты меня не *опознываешь?* 133. *Опознать* содержитъ въ себѣ понятіе объ утайкѣ кѣмъ нибудь того, что я узналъ или нашелъ. Это слово не надобно смѣшивать съ глаголами *опознаться* (оріентироваться) и *обознаться* (узнавъ кого нибудь, принять его за другаго). Смотр. Луганскаго Пол-

тора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ; въ Москвитянинѣ за 1842 годъ.

Исторія народнаго языка.

Чтобы узаконить необходимость изученія народнаго языка, слѣдуетъ показать тѣсную связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками какъ русской литературы, такъ и прочихъ славянскихъ племенъ, и съ произведеніями новѣйшихъ писателей нашихъ. Для того и другаго достаточно будетъ одного простаго сравненія.

а) Въ Сл. о Полк. Игор.: чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по руской земли.

Въ Думѣ о походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію: вже почавъ вôнъ землю кôньскими копытами орати, «кровъю Молдавьскою поливати! Въ другой малоруск. пѣснѣ: выорала вдовонька мыслоньками поле, «чорными оченьками заволочила, «дрôбными слёзоньками все поле змочила (*).

Еще полнѣе выразилась мысль Слова о П. И въ казацкой пѣснѣ (**).

За славной за рѣченькой Утвою,
по горамъ было Утвинскимъ,
по раздольицамъ по широкимъ,
распахана была пашенка яровая;
не плугомъ была пахана, не сохою,
а вострыми Мурзавецкими копьями;

(*) Максимовича Малорос. пѣсни 1827, стр 31. 34.

(**) Сахарова Сказанія руск. народа I, 243.

не бороною была пашенка взборнована,
а каневыми рѣзвыми ногами;
не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
а посѣяна была пашенка яровая
казачьими буйными головами;
не поливой она всполивана,
ни осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
всполивана была пашенка
казачьими горючьми слезами.

б) Сл. о П. И : ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

Въ малорус. пѣсни (Максимовича 81, 82): иду я туды «де роблять на диво «червонее пиво «зъ крови супостатъ. «хиба-жъ ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться? .. якъ пиръ той минется—» вернусь я назадъ!

Прекрасно развита эта же мысль въ казацкой пѣснѣ (у Сахарова, стр. 240): идетъ молодецъ шатается, мать его спрашиваетъ:

Ты за чѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься
до сырой-то до земли все приклоняешься,
и за травушку за кавылушку все хватаешься?
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся,
напоилъ-то меня Турецкой Царь тремя пойлами,
что тремя-то было пойлами, тремя розными:
какъ и первое-то его пойло—сабля острая,
а другое его пойло—копье мѣткое было,
его третье-то пойло—пуля свинчатая.

в) Сл. о П. И.: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ.

Тоже сближеніе Кукушки съ Дунаемъ въ малорус. пѣснѣ (Максимовича 51): ой летѣла зозу́ленька «черезъ поле, гай; «да й згубила рябе́ пѐрце́ (перушко)» на тихій Дунай.

г) Сл. о П. И.: (Игорь) връжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.

Удивительное сходство съ дѣйствіями оборотня, въ пѣсни Волхъ Всеславьевичь (Др. Р. ст.):

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью.
онъ обернется яснымъ соколомъ,
полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
а и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
а поилъ, кормилъ дружинушку хорабрую.

Приведемъ изъ древнихъ памятниковъ нѣсколько синтаксическихъ формъ, сходныхъ съ предложенными выше изъ Др. Р. ст.

Тавтологія. Нест. по Лавр сп. 6 дань даютъ. 11 до днешняго дне. 21 да не оущитятся щиты своими. 23 да въспятять и (его) опять. Въ Краледворск. рукописи 68 obiecati obiet (обѣщать обѣтъ), по мнѣнію Гримма (*), техническое языческое выраженіе для жертвоприношенія, opfer

(*) Deutsche Mythol. 24.

verheissen, widmen. Въ Сл. о Полк. Игор.: мосты мостити одинъ свѣтъ свѣтлый. ни мыслію смыслити, ни думою сдумати. Всеславъ Князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше. суды рядя до Дуная. Въ Памятн. лит. XII в. 72 на небо небесное. Новог. лѣт. 52 отынища тыномъ. 65 разболѣся болѣзнію. Ипат. 185 побѣдою побѣди. 185 клятвою клени. 213 а свой полонъ отполонили. 321 милостынею бяше милостивъ. Пск. лѣт. 23 срокъ соркоша 124 убѣгомъ побѣже. 148 сталъ станьемъ на выстоянье (осаждая городъ.) 151 много добытка добыша. 177 изволить волю. Котоших. 23 слова разговорные говоритъ. 110 ранены ранами. 111 торги своими торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ. 125 отравами отравиши.

Формы описательныя, съ глаголами: положить: Новог. лѣт. 42 не положи того въ гнѣвъ. 43 положи на нихъ жалобу велику. Воскр. сп. II, 8, 9: не положихъ бо чести надъ тобою. аще еси на мнѣ честь положилъ и на столѣ мя еси посадилъ. держать: Новог. лѣт. 2 рать дрьжяти. Ипатьевск. 226 любовь держаше съ нимъ велику. Слич. Новг. лѣт. 38 Твьрдиславъ же съшьдъся съ княземъ въ любъвь. водить: Новог. лѣт. 38 и съведе и владыка въ любъвь. Ипат. 52 введи мя къ отцю твоему въ любовъ править: Слов. о Полк. Игор. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому. Ипатьевск. 218. и нача посолъство правити.

Весьма любопытна исторія постоянныхъ эпитетовъ нашей народной поэзіи: ибо большая часть ихъ идетъ отъ глубокой древности. 1) *удалой, удатный, удача молодецъ*: въ Краледворск. рукоп. 42 udatna cstmira (удатна Чстмира).

Сл. о Полк. Иг. удалыми сыны Глѣбовы. Ипат. 167 потомъ же Мстиславъ великый удатный князь умре. Древнѣйшее объясненіе этого слова въ чешскихъ глоссахъ Музейной Псалтири (конца XII в.): vdatstua virtutis; въ глоссахъ Mater verb: udatstuo, fortitudo, virtus, 2) *красная дѣвица*: въ Краледворск. рукоп. 94 krasna dieua (красна дѣва), въ Сл. о П. Иг. Готскія красныя дѣвы. 3) *милый сынъ*, *братъ*, *милая дочь*: Краледв. рук. 44 s milu suu dceru (съ милою своею дщерью). Сл. о П. И. жаль бо ему мила брата Всеволода. Ипат. 156 пріялъ бо бѣ Данила како милого сына своего ibid. 202 и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя. 4) *матера вдова*: толкованіе въ глоссахъ Mat. verb. прямо объясняетъ этотъ эпитетъ: matera matrona. Слич. въ Алфавитѣ XVII в.: 42 до 56-го старецъ, по семъ матерство (Востокова Описаніе Румянц Муз. 4). 5) *буйная головушка*: Краледворск. рук. 2 v buinu hlauu (въ буйну главу). ibid 32 nabuinich hlauach (на буйныхъ главахъ). Слич. въ Сл. о П. Иг. за раны Игоревы, буего Святславлича. ibid. высоко плаваеши на дѣло въ буести. лѣтоп. продолж. Нестора 13 младенства ради и буести. Слѣд. это слово первоначально имѣетъ смыслъ удальства, доблести. 6) *красная весна*: въ проповѣд. Кирил. Туровск. въ Пам. Слов. XII в. 21: весна убо красная вѣра есть Христова 7) *ясное солнце*, *темная ночь*: Краледв. рук. 4 iasne slunecko, 82 temnu nocu. Жаль что утро потеряло теперь въ нашей поэзіи свои прежніе эпитеты: сѣрое, сѣдое: въ Краледв. рук. 28 iutro sero, 82 sedim iutrem: или то и другое вмѣстѣ, въ сложномъ сѣдосѣрое ibid. 2 k iutru sedoceru. 8) *сыра земля*, *зелена трава*,

темны лѣса: Краледв. рук. 52 po zelene trawie w siru zemiu чистое поле, tecie (по зеленой травѣ въ сыру землю тече). 96 sira zemie. Сл. о П. И. стлавшу ему зелѣну траву. и поѣха по чистому полю. Крал. рук. 72 les temen. 86 temnim lesem. Но у насъ уже не употребителенъ постоянный эпитетъ лѣса—черный, какъ въ Крал. р. 66 s czrna lesa, w les czrn. 9) *синее море*: въ Сл. о П. Иг. въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море. се бо Готскія красны дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю. лелѣючи корабли на Синѣ морѣ. 10) *тугой лукъ*, *стрѣлы каленыя*: Крал. рук. 26 tuhi luki. 32 kalenich strsiel. Сл. о П. И. стрѣлы каленыя. Ипат. 128 бяху же у нихъ луци тузи самострѣлніи. 11) *питья медвяныя*: Крал. рук. 56 pitie medna, въ старину значило не только на меду разсыченныя, но и вообще сладкія: слич. въ чешск. Псалтиряхъ XIV в. medky (suavis). 12) *борзый конь*, *сѣрый волкъ*: Сл. о П. И. връжеся на бръзъ комонь: значитъ не только быстрый, прекрасный (слич. барзо—очень), но и буйный, ярый, соотвѣтственно чешскому эпитету въ Крал. рук. 62 ors (конь) iarobuini.—Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Сл. о П. Иг.

Украшающіе и постоянные эпитеты. *золотой* и *серебряный*, съ своими сложными, употребляющіяся и въ Др. Р. ст., напр. 6 терема златоверховаты, принадлежатъ глубокой древности, содержа въ себѣ много первобытной наивности. Такъ въ Судѣ Любуши: 11 uodu strebropenu воду сребропѣнну. 15 slatopescu glinu златопещаную глину. 30 u lubusine otne zlate sedle въ Любушинѣ отнѣ отцовскомъ златѣ сѣдлѣ (sedes). 64, 108 s otna zlata stola съ отня злата стола (престола). Въ Слов. о Полк. Иг. златъ стремень.

своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая. отня злата стола (тоже престола). изъ сѣдла злата. се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ. уже бо Сула не течетъ сребреными струями. на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, и проч. Сложные: в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ престолѣ. Слич. въ Даніилѣ Заточн. вострубимъ, браіте, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего. Памятн. лит. XII в. 229.

Эпитеты, выраженные существительными: въ чешск. пѣсни подъ Вышеградомъ (XIII в.): ha ty naaszye slunczә vysegrade twrd, ой ты наше солнце Вышеграде твердъ. въ Ипат. 172 пріѣхавшимъ же соколомъ стрѣлцемъ. въ Слов. о Полк. Иг. буй туръ Всеволодъ. Слич. съ этимъ эпитетомъ творит. уподобленія. въ Судѣ Любуши 104 zarue iarim turem заревѣ ярымъ туромъ,—коему въ Краледв. рук. соотвѣтствуетъ полное сравненіе 28: Vratislau iak tur iari skoci Вратиславъ какъ туръ ярый скочилъ. Въ Др. р. ст. воспоминаніе этого образа сохраняется въ превращеніи мущины въ тура-золотые рога. Что же касается до турьизъ роговъ, упоминаемыхъ въ Др. р. ст. въ смыслѣ кубковъ, то у насъ есть историческія свидѣтельства на дѣйствительное существованіе ихъ: (въ 1485 Генадій) даде въ даръ Псковичемъ турей рогъ, окованъ златомъ, Пск. лѣт. 164. Эта посуда у Славянъ общая съ Германцами: слич Цезаря de bel. gal. VI, 28: haec (буйволовы рога) studiose conquisita ab labris argento circumcludunt atque in amplissimis epulis pro poculis utuntur.

Эпитеты изъ имени существ. съ прилагат., несогласующіеся съ своимъ опредѣляемымъ: И. Г. Р. X пр. 118

попонка бархатъ червчатъ гладкой; повяска атласъ золотной. прим. 130 коверъ розные цвѣты съ золотомъ и серебромъ. комка шолкъ бѣлъ да червчатъ. стоялъ столъ нѣмецкое дѣло. XI прим. 34 круживо шелкъ чернъ съ серебромъ. шуба камка адамашка бѣла. прим. 60 башмачки сафьянъ синь. чюлочки шолкъ жолтъ. прим. 65 одѣяло бархатъ червчатъ. Нѣкоторые изъ этихъ эпитетовъ переходятъ здѣсь въ сказуемыя: слич. весьма любопытное словосочиненіе: И. Г. Р. XI пр. 90: а лѣсъ дубъ, вм. дубовый.

Параллелизмъ: въ Кралед. рук. 56. rostupisie sila uudech «rostupisie bodrost wmislech роступисе сила въ удѣхъ (членахъ), роступисе бодрость въ мыслѣхъ. Сравненіе въ формѣ параллелизма: въ Судѣ Любуш. 105, 106 gore ptencem, c nim se zmia unori, «gore musem, im se sena ulade, горе птенцемъ, къ нимже змія внори (penetrat), «горе мужемъ, имже (дат. множ.) жена владе. Въ Краледв. рук. 6 wstane iedno slunce powsiem nebi, «wstane jarmir nad wsiu zemīu opiet, встанетъ едино солнце по всему небу, встанетъ Ярмиръ надъ всею землею опять. Въ Словѣ о Полк. Иг. солнце свѣтится на небеси, Игорь Князь въ Руской земли. Слич. эпитетъ Владимира красное солнышко, и обычныя выраженія въ причитаніяхъ надъ мертвымъ: уже бо солнце наше зайде ны. Ипат. 220—оплакиваютъ бояра Володимира Васильковича; зайде свѣтъ отъ очію моею, въ Похвальн. слов. Донскому причитаетъ Евдокія.

Отрицательное сравненіе уже и въ Сл. о П. И., и при томъ во всей наивности своей, совершенно согласно съ принятымъ мною объясненіемъ: (Боянъ) помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашешь ı̃ (де-

сять) соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсъ пояше (тотъ прежде пѣснь пѣлъ), старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю Боянъ же, братіе, не ĩ соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въкладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху. Поэтъ сначала замечтался о соколахъ и лебедяхъ, а потомъ оговаривается отрицательнымъ сравненіемъ.

Олицетвореніе бездушныхъ предметовъ, преимущественно рѣкъ, и разговоры съ ними, столь обычные въ нашей народной поэзіи, ведутъ свое начало отъ древнѣйшаго памятника славянской поэзіи, отъ Суда Любуши. Слич. напр. казацкую пѣсню (у Сахорова Сказ. рус. напр. 1, 137):

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ.
ой, что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь?
Ахъ, какѣ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
поверхъ меня, Дона, три роты прошли, и пр.

съ началомъ Суда Любуши:

Ай Влтаво, че мутиши воду?
че шутими воду стребропѣну?
.
како быхъ язъ воды не мутила,
кегды се вадита (litigant) родна братры.

Таже самая грамматическая форма вопросовъ и отвѣтовъ въ олицетвореніи Пскова, въ Пск. лѣт. 179: о славнѣйшій

граде Пскове, великій во градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! Слич. въ Слов. о Полк. Иг. разговоръ Игоря съ Донцемъ въ формѣ параллелизма: Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русской земли веселіа. Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, и пр. Въ глубинѣ поэтическаго олицетворенія рѣкъ миѳологическія преданія.

Повторенія для пѣсеннаго ладу, столь необходимыя въ Др. Рус. ст., попадаются уже не только въ XII в., но даже и въ IX. Такъ въ Др. Р. ст.:

всѣ тутъ князи и бояра разъѣхались,
разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись 222.

Слич. со многими точь въ точь такой же формы повтореніями въ Судѣ Любуш., напр.:

люты Хрудотъ на Отавѣ кривѣ,
на Отавѣ кривѣ златоноснѣ 20, 21.
и почеху тихо говорити,
говорити тихо мезу собу (между собой) 79, 80.

или въ пѣсни подъ Вышеградомъ (XIII в.):

pod tobu rzïeka bystra valyesye
valyesye rzeka vhltaua yara

— подъ тобой рѣка быстрая валится, валится рѣка Влтава ярая. Пѣсеннымъ же ладомъ объясняется повтореніе одного и того же существительнаго въ простомъ и въ уменьшительномъ, или ласкательномъ видѣ, напр. въ Др. р. ст. 381 а и горе горе, гореваньице! въ Краледв. рукоп. 98

na iunosi roste dubec dub — на юношѣ ростетъ дубецъ дубъ; ibid. wirazi z iunose dusu dusicu — выразилъ изъ юноши душу душицу.

Вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссицизмовъ. Отдѣливъ цс. языкъ отъ рускаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія. Такъ въ его Россійской грамматикѣ (1755): о род. пад. ед. сущ. муж.: § 167. Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ род. у, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ Славенскаго отходятъ; а Славенскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ а: *размахъ*, *размаху* и пр. § 168. Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей, весьма чувствительно, и показываетъ себя не рѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: святаго духа, Ангельскаго гласа; а не Святаго духу, Ангельскаго гласу. Напротивъ того свойственнѣе говорится: розоваго духу, птичьяго голосу; нежели розоваго духа, птичья голоса. — О степеняхъ сравненія: § 210. Славенской разсудительной и превосходной степень на-шій мало употребляется, кромѣ важнаго и высокаго стиля, особливо въ стихахъ: свѣтлѣйшій, обильнѣйшій. Но здѣсь должно имѣть осторожность, чтобы сего не употребить въ прилагательныхъ низкаго знаменованія, или въ неупотребительныхъ въ Славенскомъ языкѣ, и не сказать: прытчайшій, препрытчайшій. § 246. Умаленіе прилагательныхъ нерѣдко чрезъ имена существительныя съ нѣкоторыми пред-

логами изображается: черной, чернь, впрочернь; впробѣль, впрохмѣль, сукрасень. Сіи умалительныя родовъ, чиселъ и падежей не имѣютъ; но какъ нарѣчія употребляются. — О дѣепричастіи. § 351. Дѣепричастія на-ючи пристойнѣе у точныхъ Россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Славенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на -я употребительнѣе у Славянскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ лучше сказать толкаючи, нежели толкая; но напротивъ того лучше употребить дерзая, нежели дерзаючи. — О причастіяхъ: § 338. При семъ примѣчать надлежитъ, что сіи причастія (на-щій, -шій, -мый) только отъ тѣхъ Россійскихъ глаголовъ произведены быть могутъ, которые отъ Славенскихъ какъ въ произношеніи, такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ. Употребляются только въ письмѣ, а въ простыхъ разговорахъ должно ихъ изображать чрезъ возносительныя мѣстоименія, который, которая, которое. Весьма не надлежитъ производить причастій отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значатъ, и только въ простыхъ разговорахъ употребительны: ибо причастія имѣютъ въ себѣ нѣкоторую высокость, и для того очень пристойно ихъ употреблять въ высокомъ родѣ стиховъ. Слич. §§ 45, 437, 438, 448. — О причастіяхъ прошедш. страд.: § 441. Прошедшія неопредѣленныя страдательныя причастія весьма употребительны, какъ отъ новыхъ Россійскихъ, такъ и отъ Славянскихъ глаголовъ произведенныя: вѣнчанный, мараной. Разницу одинъ отъ другаго ту имѣютъ, что отъ Славянскихъ происшедшія лучше на-ый, нежели на-ой, простыя Россійскія приличнѣе на-ой, нежели на-ый кончатся.

Въ § 422 замѣчается особенность Русскаго языка: глядь, хвать, брякъ. Замѣчательно, что Сумароковъ въ своей статьѣ О правописаніи поноситъ Ломоносова именно за то, что онъ обратилъ вниманіе на народный языкъ: «грамматика Г. Ломоносова, говоритъ онъ, никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ Московское нарѣчіе въ Колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка. Напр. вм. *лутчій*, *лутчей*; слѣд. склоненія прилагат. перепорчены.» Потомъ особенно нападалъ Сумароковъ на Ломоносова за употребленіе *что* вм. *который*, напр. О ты, что въ горести напрасно и пр. Сумароковъ говоритъ: «а вмѣсто *который*, *которая*, *которое*, употребляется *что*, или отъ невѣденія, или отъ неразсмотрѣнія, или отъ привычки худова и простонароднаго употребленія.» Изъ современниковъ Ломоносова всѣхъ болѣе обращалъ вниманіе на народный языкъ и повѣрья Тредьяковскій. «Многодѣльное первое Христіянство наше, говоритъ онъ, хотя искоренило всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя прославленія богамъ и богинямъ; однако съ пренебреженія, или за упраздненіями, не коснулось къ простонароднымъ обыкновеніямъ: оставило ему забаву общихъ увеселительныхъ пѣсенъ, а съ ними способъ изложенія стиховъ. Сіе точно и есть первородное и природное наше стіхосложеніе, пребывающее и доднесь въ простонародныхъ, молодецкихъ и другихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло. «Въ его трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, 1773, попадаются любопытные намеки на народный языкъ; напр.: такъ какъ у насъ Донъ Івановичь и Русь Андреевна, 126 — сей

точно Апостолъ (Андрей) почитается Апостоломъ Россійскимъ, и по немъ всеконечно, отъ древняго преданія, называется между простыми людьми Россія Андреевною, 144— сей есть сущій нашъ Бова Королевичь, да простится мнѣ сравненіе, 31 — говорится: царь-колоколъ, царь-градъ, царь-дѣвица, и царь-бобы, 40. — Послѣднее сіе имя (Хвалынское) морю и доднесь въ употребленіи: «синее море Хвалынское поется въ простыхъ пѣсняхъ, 91 — изъ нѣкоторыя нашея площадныя пѣсни; «князь Романъ жену терялъ, и въ рѣку металъ, во ту ль рѣку и Смородину, 175 — безъ сомнѣнія, обыкновеніе называть государей надеждою, было всеобщее и древнее въ Словенскомъ языкѣ: Россійскій нашъ народъ, и при моей свѣжей памяти, называлъ благоговѣя Самодержца своего, надежда Государь, 231, и пр. Тредьяковскій хотя основываетъ свою теорію русскаго стихосложенія на народныхъ, или какъ онъ называетъ, на мужицкихъ пѣсняхъ, однако дичится ихъ и упоминаетъ объ нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ: «прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ стиховъ,» смотр. Сочин. и Перев. Тредьяк. 1752, I, 170.

Державинъ очень многое бралъ изъ народной рѣчи въ свои стихотворенія, напр. въ одѣ На счастіе: ни въ сказкахъ складно разсказать, «ни написать перомъ красиво — и громъ за тридевять земель «несетъ на лунно государство — безъ латъ я горе-богатырь—слети ко мнѣ, мое драгое, «серебряное, золотое: здѣсь прекрасно примѣняются къ счастію эти два народные эпитета. Изъ Царь-Дѣвицы:

Царь жила была дѣвица — если больно разсерчала—камень съ гору самоцвѣтъ — по бедру коня хлесть заднюю—шасть къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню — вотъ и всталъ дымъ коромысломъ. Въ Приношеніи красавицамъ: бью стихами вамъ челомъ. Въ Добрынѣ: не сизы соколы по поднебесью, «не бѣлы кречеты подъ облаки, «богатыри слетались русскіе «къ Великому Князю ко Владиміру.—что по гриднѣ Князь, «что по свѣтлой Князь», наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ — что у ласточки, «у косаточки «алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ. «Парчевой кафтанъ», сапоги сафьянъ, «золоту казну и соболи показываетъ.— ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!—какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ, «сильный, могучь богатырь, «Добрыня-то, братцы, Никитьевичь. «Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга, «и сражается онъ съ Тугаринымъ; «у Тугарина собаки крылья бумажныя.—катилося зерно по бархату, и пр.—вьется, вьется хмѣль золотой, и пр.

Мерзляковъ далъ примѣръ греческіе сложные эпитеты прилагательные переводить—по образцу: туръ золотые рога, Дмитрій грозныя очи — существительнымъ съ прилагательнымъ: Гера бѣлыя плечи вм. бѣлоплечая, и т. п.

Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, окончательно узаконили необходимость ввести народный языкъ въ письменный. «Разговорный языкъ, говоритъ Пушкинъ, простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.»—«Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ

Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.» Особенно любопытны замѣчанія Пушкина на два стиха изъ Евгенія Онѣгина:

Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ. Гл. V, стр. XVII.

«Въ Журналахъ, говоритъ Пушкинъ, осуждали слова: *хлопъ*, *молвь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія: «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.» (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*) *Хлопъ* употребляется въ просторѣчіи вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣнія*.

Онъ шипъ пустилъ позмѣиному.

(Древнія русскія стихотворенія).

«Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.» И въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ онъ: «изученіе старинныхъ пѣсень, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ Русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ (*).» Почитаю лишнимъ трудомъ приводить здѣсь примѣры народнаго языка изъ Пушкина: стоитъ только указать, напр., на его драму Русалка, чтобы найти ихъ сотни.

Лучшіе наши писатели и теперь не перестаютъ изучать поэзію и языкъ народный. Для примѣра предлагаю сличеніе одного мѣста изъ Гоголева Тараса Бульбы съ малорусскою думою (**):

(*) Сочиненія Пушкина I. 253 — 254 и XI. 214 215, 230 — 231.

(**) Сочиненія Гоголя II. 225—226, и Украинскія народныя пѣсни изд. Максимовичемъ 1834, 28.

Гоголь: Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и опущенными книзу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава. . . И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава. . .

Малорусская дума:

А щó, якъ наши головы казацьки по степу́-пóлю
поляжуть,
да ще й родною кровъю вмыються,
попереросколотыми шабля́ми покрыються!...
пропадé, мовъ (будто, точно) порошина зъ дула,
тая козацькая слава,
що по всему свѣту дыбомъ стала,

що по всёму́ свѣту стéпомъ розляглáсь, простяглáсь, да по всему свѣту лугóвымъ гóмôномъ роздалáсь, и пр.

АРХАИЗМЫ.

Сначала обратимъ вниманіе на нашъ старинный языкъ съ точки зрѣнія филологической отъ отдѣльныхъ словъ до цѣлаго періода, а потомъ укажемъ, какъ и сколько употребляются архаизмы у новѣйшихъ писателей. Эта статья

такимъ образомъ должна содержать въ себѣ историческую Стилистику, или исторію реченій, старинныхъ любимыхъ выраженій, обычныхъ поговорокъ и фигуръ и т. п.

Образованіе народа стоитъ въ явной противоположности къ совершенствованію языка, и чѣмъ болѣе общечеловѣческаго просвѣщенія входитъ въ языкъ, тѣмъ болѣе теряетъ онъ величія и самобытности своей собственной грамматической природы (*). Внутреннюю силу стариннаго языка можно уподобить острому зрѣнію, чуткому слуху, обонянію дикаря, пастуха или охотника, безыскусственно обращающихся въ простой природѣ. Зато новый языкъ яснѣе и опредѣленнѣе. Поэзія проходитъ, проза (въ обширномъ смыслѣ принимаемая) болѣе способствуетъ нашимъ потребностямъ. Поэзія языка состоитъ въ неувядаемой, яркой изобразительности, необходимомъ достояніи древнѣйшаго періода. Собственно тогда еще и не бываетъ прозы; ибо всякое слово возбуждало тогда поэтическое впечатлѣніе, всякое выраженіе было творческою попыткою. Со временемъ значительность отдѣльнаго слова пропадаетъ, и настаетъ значительность цѣлаго предложенія. Какъ цѣнная монета въ обширныхъ расчетахъ замѣняется ассигнаціями и билетами; такъ и живыя впечатлѣнія въ мышленіи своемъ подводимъ мы къ общимъ мыслямъ и отвлеченнымъ представленіямъ. Рѣчь наша чрезвычайно замедлялась бы, если бы мы постоянно вдумывались въ живое представленіе каждаго предмета и взвѣшивали каждое слово съ такимъ же сочувствіемъ къ нему, съ какимъ оно создавалось

(*) Th. Muntd, die Kunst d. deutsch. Prosa 1837, 19, и предисловіе къ первому изданію грамматики Гримма.

въ древнѣйшую пору. Такимъ образомъ потеря чувственной, живучей силы языка есть не иное что, какъ преобладаніе мысли надъ звукомъ и частнымъ впечатлѣніемъ. Слѣд. намѣсто грамматическаго интереса къ языку выступаетъ интересъ поэтическаго и реторическаго представленія.

Путемъ науки, разумѣется, только частію можемъ мы возбудить въ себѣ сочувствіе къ первобытной творческой силѣ языка. Многія слова и обороты для насъ совсѣмъ умерли: ихъ не воскресить уже и геніальному поэту. Зато мы можемъ сочувствовать такимъ стариннымъ словамъ, звуки коихъ, въ другихъ родственныхъ словахъ, дошли и до нашего времени. Такъ напр. мы говоримъ: невѣста, богъ, божій, поломанный, семья, звѣрь; но потеряли уже: туже бѣ и языческая церквы, *уневѣстивъшіяся* Христу, Кир. Тур. въ Пам. Слов. XII в. 70; *взбожение* сына твоего, vzbozenie syna tvého, das Gottwerden, въ Чешск. молитв. XIV в.; *непоЛомная* шея, nepolomná zije, ibid.; кротость человѣческаго естества *воззвери*, Пск. лѣт. 114; не *семьится* и не соединятися, И. Г. Р. XI, пр. 5. Потому обращаю вниманіе только на тѣ слова, кои, употребляясь и теперь, въ старину имѣли иное значеніе, или теперь остались только въ производныхъ формахъ, затерявъ старинную коренную (*).

1. Ономатика.

Буда, по Карамз. И. Г. Р. III, пр. 23 знач гробъ, напр. въ Ипат. 115 въ буди, либо ои въ гробъ;

(*) Слич. Шишкова Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ, 1803 215, и Труд. Общ. Люб. Рос. сл. 1820, XVIII, и 1826, VI.

отсюда уменьшительная форма *будка*, отъ глагола *будовать*, знач. строить, употребляющагося попольски, малорусски.

Варъ, теперь кипятокъ, прежде и жаръ вообще: «въ Гундустани же силнаго вару нѣтъ; силенъ варъ въ Гурмызѣ, да въ Кятобагряимѣ... а въ Хоросаньской землѣ варно, де не таково; а въ Чеготани велми варно; въ Ширязи, да въ Езди, да въ Катани варно да вѣтръ бываетъ», въ путешествіи Аѳанас. Твер., Соф. Вр. II, 158. Слич. Ев. отъ Матѳ. 20, 12.

Ведро, теперь ясная погода, прежде засуха, страшный жаръ: Новог. лѣт. 52 казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ; 147 ведро бысть страшно на небесѣхъ и на земли; въ Краледв. рук. 30 ptrpiechom nailuteiši uedro, потерпѣхомъ наилютое ведро.

Гривна, золотое или серебряное ожерелье, надѣвавшееся на шею въ знакъ отличія, какъ нынѣ орденъ: Бытія XLI, 43 и возложи гривну злату на выю его; Притч. Солом. I, Сирах. VI. Слич. сербск. *гривнашъ* голубь съ ошейникомъ, чешск. hrziwnac.

Говядо (отсюда *говядина*) — скотъ въ другихъ славянск. нарѣчіяхъ и у насъ въ старину: въ Русск. Пр. Русск. Достоп. II, 180., въ Ипат. 177 и меду и говядъ и овець доволѣ.

Доить, теперь только о животныхъ: доить корову; прежде значило кормить грудью: взя же отроча на руки жена, и абіе къ ней, яко къ матери своей прилѣпися любезно, она же дояша я, Чет. мин. 22 *Воздоить* — воспитать: соблюди ми отроча сіе, и воздой ми е, Исход. 2;

отдоить — отнять младенца отъ грудей: сотвори Авраамъ учрежденіе (пиршество) веліе, въ онь же день отдоися Исаакъ сынъ его, Быт. 21.

Дюжій — сильный отъ *дугъ* сила, здоровье, употребляющагося и теперь въ отрицательномъ *недугъ*; недужій безсильный: мы недужи противу вамъ стати, Нест. по Лавр. 40. Слич. народное *дюжій* — плотный, крѣпкій, здоровый.

Жадный — жаждущій: жадныя и алъчныа насыщая, Ипат. 219.

Жизнь — изобиліе, имѣніе: се есмы села ихъ пожгли вся, и жизнь ихъ всю, и они къ намъ не выйдуть; а пойдемъ къ Любчю, идѣже ихъ есть вся жизнь, Ипат. 37. и всю жизнь нашю повоевали, ibid. 38. веемше подъ нимъ волость его и жизнь его всю, ibid. 82. Не въ этомъ ли же смыслѣ въ Сл. о Полк. Иг. погибашеть жизнь Даждь-Божа внука? Слич. въ Чешск. Псалт. XIV в. (Витенб. и Подебр.): zizn (ubertas), въ глоссахъ Mat. verb. sizn (жизнь) ubertas, habundantia, fecunditas.

Жировать — жить: и не съмѣяху людье жировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть, Новогор. лѣт. 22. Какъ жизнь переходитъ въ значеніе обилія, имущества: такъ наоборотъ и обиліе, тукъ, т. е. жиръ (по Добровск. отъ глагола *жеру*, *жирати*, Slowank. I, 40) имѣетъ смыслъ имѣнія, состоянія жизни: въ Вологодск. губ. *жира* — жизнь, *жирова* — состояніе (Труд. общ. люб. Рос. Сл. 1822, I), посербски *жиръ* значитъ жолудь. Не объясняется ли значеніемъ жизни, имѣнія — *жиръ* въ Сл. о Полк. Иг. погрузи жиръ во днѣ Каялы?

Збруя — вооруженіе, воинскіе доспѣхи: Др. р. ст. 262 беретъ онъ Царь свою збрую богатырскую, «беретъ онъ сабельку острую и копье Мурзамецкое.

Квасъ — закваска: малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ, 1 Коринѳ. V, 7; — ложное ученіе: блюдитеся отъ кваса Фарисейска и Саддукейска, Матѳ. XVI, 5; въ глос. Mat. verb. quazz (квасъ) frigidaria, sulza; quasu (квату) conuiuo. Полужицки kwas значитъ свадьба.

Колачь означало не только хлѣбъ, но и подарокъ: глос. Mat. verb. colach (колачь) munera, dona. colacs (колачь) crustula panis.

Лупить — грабить: лупленіе отъ Тверичь. Черньци и черницы все до наготы излуплено, Нов. лѣт. 90; въ глос. Mat. Verb. lupes (лупежъ) rapina. .lupesnik (лупежникъ) pirata.

Норова — капризъ: въ туюжъ зиму пріѣха Владыка Ѵѳимей во Псковъ, мѣсяца Генваря въ 13 день, не въ свой пріѣздъ, не въ свою череду, но норовою, Пск. лѣт. 69. Теперь *норовъ* употребляетя болѣе о животныхъ, и не такъ смѣло, какъ въ старину.

Порты — вообще одѣяніе, покрывало и т. п.: и тако загорѣся (церковь) сверху, и что бяше внѣ и вну узорочій, и поникадила серебреная, и судъ златыхъ и сребреныхъ безъ числа, портъ шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владыцнихъ сѣній во двѣ же верви чюдныхъ, Ипат. 127. Отъ этого слова происходитъ прилагательное *портной*, употребляющееся существительнымъ.

Почка — самородный кусокъ камня: добраго по десяти рублевъ почка алмазу, Соф. Вр. II, 156.

Прелесть — въ дурномъ смыслѣ, прельщеніе, лесть, обманъ, соблазнъ: прелести безбожія до конца уклонился еси, Служб. Хрусанѳу и Даріи Марта 19. Змій, прельстившій прородителей, называется въ Св. Пис. *прелестникомъ*. Понеже Руские люди прелестны и падки на волхвованіе, Пск. лѣт. 209. а и женское дѣло прелестивое, «прелестивое, перепадчивое, Др. р. ст. 69. сослалъ намъ, Боже, прелестника, »злаго разстригу Гришку Отрепьева ibid. 102. и здавался на его слова прелестныя ibid. 146. Слѣд. эти слова, происшедшія отъ *лесть*, *льщу*, никакъ не должно смѣшивать въ употребленіи съ *красота*, *прекрасный*.

Работа — рабство, отъ глагола *робить* — дѣлать: а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, Нест. по Лавр. сп. 31. работныя (взятыхъ въ рабство) свобождая, Ипат. 219.

Сокровище — сокровенныя мѣста и предметы: пришелъ же ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Іов. XXXVIII, 22, снидохъ и до скровищь (гдѣ скрыты) плѣньникъ моихъ, Кир. Тур. въ Пам. Слов. XII в. 66.

Строгій — вострый, отсюда острога — шпора, строгать: у Ломонос.: ступаетъ по вершинамъ строгимъ.

Строю — управляю: Несторъ говоритъ о себѣ, что онъ вступилъ въ монахи: Ѳеодосію строящу монастырь, т. е. управляющу. И теперь управляющій общежительнымъ монастыремъ называется строителемъ.

Супругъ—пара: супруги воловъ оряху, Іов. I, 14. супругъ воловъ купихъ, Лук. XIV, 19.

Трудъ—бѣдствіе, болѣзнь, страданіе душевное: нищь есмь азъ и въ трудѣхъ отъ юности моея, Пс. LXXXVI, 16. беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда, Пс. LIV, 11. Слич. въ Сл. о Полк. Иг. чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено. Слѣд. это слово существенно отличается отъ синонима своего, *работы*.

Украйна—всякая крайняя страна, въ смыслѣ марки: Датская украйна, Псковская украйна, Пск. лѣт. 27, 202, 203, 212.

Цѣловать—привѣтствовать, здороваться, отъ цѣлый, какъ здороваться отъ здоровый: входяще же въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему, Матѳ. X, 12.

Яловый: теперь говорится яловая корова, т. е. холостая, нестельная; яловая рыба; прежде яловый и вообще безплодный: yalowa sterilis, глосс. чешск. Музейн. Псалт. конца XII в.

2. Изобразительныя выраженія.

Какъ отдѣльныя слова въ древнѣйшую эпоху носятъ на себѣ характеръ бо̀льшей изобразительности, такъ и въ цѣлыхъ выраженіяхъ мысль высказывается не отвлеченно, а ярко, въ живомъ образѣ. Такъ вмѣсто: много трудился, воевалъ, въ Ипат. 15: Володимиръ самъ собою постоя на Дону, и много пота утеръ за землю Рускую. Кенигсб. спис. 101: Ярославъ же, сѣде въ Кіевѣ, утеръ пота со дружиною своею. Вмѣсто голаго исчисленія мѣры времени или пространства и т. п.—поэтическія описанія: свойство не только поэзіи Гомеровой, но всѣхъ древнѣйшихъ памят-

никовъ литературы: Гриммъ находитъ оное даже въ древне-нѣмецкомъ правѣ (*). Такъ, вм. навсегда, вѣчно, въ Игоревомъ договорѣ: дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить, Нест. по Лавр. Лавр. сп. 21; или въ договорѣ Болгаръ съ Владиміромъ: толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути. ibid 52. Описаніе высоты: (церковь) бѣ бо содѣлана при немъ (Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104. Пространство и вѣсъ: мешаша бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень якоже можаху 4 мужи силніи подъяти, Ипат. 174. Слич. ibid. 128: бяху же у нихъ луци тузи самострѣлніи, одва 50 мужь можашеть напрящи. Куры или пѣніе пѣтуха вм. разсвѣта: и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души, ibid. 220. Въ Новог. лѣт. 69: и скот не оставиша ни рога—вм. отвлеченнаго *ничего*. Слич. въ Др. Рус. Ст.: дерево въ охватъ толщины; изба во все дерево; описаніе камня: въ вышину три сажени печатныя, «а и черезъ его только топоръ подать 170, и проч.

3. Бытъ воинскій.

Сначала обратимся къ обычнымъ выраженіямъ жизни воинской. Какъ сочувствовали ей наши предки, мимо множества мѣстъ въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, приведемъ изъ Сл. о Полк. Иг.: а мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны,

(*) Смотр. о поэзіи въ правѣ, статью Гримма въ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc. II, 1816.

конецъ копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, аки сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Слич. подробное описаніе вооруженія и исторію трехъ стрѣлъ въ древнемъ стихотвореніи, Дюкъ Степановичь (стр. 22 и слѣд.). Какъ наши поэты вглядывались въ обычаи воинскіе, показываетъ напр. слѣдующее гомерическое описаніе стрѣльбы, Др. р. ст. 217:

вынимаетъ онъ Потокъ
изъ налушна свой тугой лукъ,
изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
калену стрѣлу въ правую,
накладываетъ на тетивочку шелковую,
потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
калену стрѣлу семи четвертей,
заскрипѣли полосы булатныя
и завыли рога у туга лука.

Слич. также ibid. стр. 208.

Подвожу нашъ старинный воинскій бытъ къ слѣдующимъ обычнымъ выраженіямъ: 1) *копье*: и взя градъ копьемъ, Нест. по Лавр. 40. взяша градъ Рязань копьемъ, Ипат. 175. Воскр. сп II, 23: и язъ тогда много послужилъ ему своимъ копиемъ. Въ старину былъ обычай ставить копье на гробѣ умершаго воина; такъ въ Ипат. 73 говоритъ Ярославъ: аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть; развѣ одино копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть.

Бросаніе копья предводителемъ было символомъ началу битвы: обычай, относящійся еще ко временамъ нашего язычества, и сохранявшійся довольно долго, напр. въ Воскр. сп. II, 17: Андреи же Юрьевичь веземь копие. и еха напередъ преже всѣхъ зломи копие свое. Въ Сл. о Полк. Иг. говоритъ Игорь: хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго. Какъ въ Др. р. ст. измѣряется пространство стрѣлою, напр. 183 промежу глазъ калена стрѣла; такъ въ лѣтописяхъ измѣряется и копьемъ: и тако устрои Богъ мьглу, якоже не видѣти никаможе, толико до конець копья видити, Ипат. 63. и бысть въ тъ день мьгла велика, яко не видити до конець копья, ibid. 73. 2) *щитъ*: възяша градъ Кыевъ на щитъ; Новог. лѣт. 26. взяша Всеволожь градъ на щитъ, Ипат. 36. (Псковичи) начаша думати: ставити ли щитъ противъ Царя и запиратися ли во градѣ? Пск. лѣт. 176. Припомнить древнюю клятву: да не ущитятся щиты своими, Нест. 21. Въ знакъ побѣды Олегъ повѣсилъ щитъ на вратахъ Царьграда. 3) *мечь*: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу, мечемъ, Нов. лѣт. 54. т. е. что завоевали. Припомнить старинную дань мечами, и клятву въ догов. Игор.: да посѣчени будутъ мечи своими; Кенигсб. спис. 14 и 39. Слич въ Соф. Вр. II, 417: поостри мечь свой на градъ. 4) *шлемъ*: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы (шлемами) выльяти, Сл. о Полк. Иг. Тогда Владимиръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, Ипат. 155, т. е. ѣздилъ, воевалъ по Дону, 5) *конь*: какъ копье ставилось на гробѣ воина, такъ въ старину, по преданіямъ, и конь зарывался съ умершимъ его всадникомъ; въ Др. р. ст.

223 Потокъ посаженъ былъ въ могилу жены своей вмѣстѣ съ конемъ. Лѣтописцы повѣствуютъ, какой шерсти были нѣкоторые княжескіе кони; такъ у Мстислава былъ сивый, у Даніила гнѣдой, Ипат. 161: Мьстиславъ же великую похвалу створи Данилови, и дары ему дасть великыи и конь свой борзый сивый. 174 Данилови же гонящу по Половцехъ, донелѣ же конь его застрѣленъ бысть гнѣдый. Князья воздавали честь падшимъ конямъ своимъ похоронами: Ипат. 47 конь же его, язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалую комоньства его (вар.: коня своего) повелѣ и́ погрести надъ Стыремъ. Какъ пить шлемомъ значило воевать гдѣ либо, дѣйствовать, такъ и поить коня: не выдадите ли (бояръ), а я поилъ есмь конѣ Тьхверью, а еще Волховомъ напою, Новог. лѣт. 41, т. е. если не выдадите, я нападу на Новгородъ, говоритъ Георгій посламъ новогородскимъ. 6) *кость*: и ту костью падоша, Новог. лѣт. 41, т. е. были побиты. да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели (нежели) на чюжѣ славну быти, Ипат. 155. ста на костѣхъ, Пск. лѣт. 65, т. е. мѣстѣ битвы. 7) *голова*: можемъ главы своя сложити за тя, Нест. по Лавр. 94. можемъ головы свои за тя сложити, Ипат. 225. и много своихъ головъ подъ городомъ положиша, Пск. лѣт. 185. Очень любопытно сличить въ Сл. о Полк. Иг. слова Игоря: хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону—съ обычными выраженіями въ Ипат. 54: любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и жизнь (т. е. добуду свою отчину и свое имущество). 68 любо голову сложю, любо налѣзу Галичьскую землю. 72 (Володимиръ рече:) но оже буду

живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю. въ Кенигсб. сп. 160 говоритъ Василько: да пойду на Половцы, любо собѣ славу залѣзу, а любо главу свою положу за Рускую землю. Голова въ смыслѣ оружія: добылъ есми головою своею Кіева и Переяславля, Ипат. 43; голова вм. человѣка вообще; часть вмѣсто цѣлаго, синекдоха: и головъ (варіантъ: людей) нѣколико истопе въ Волховѣ, Новг. лѣт. 48. много головъ паде, Пск. л. 33. избиша нѣколико головъ. ibid. 32. 8) *рука*: (Псковичи) и воспомянувше крестное цѣлованіе, что не мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути противъ Великаго Князя, Пск. л. 176.

4. Бытъ юридическій. Лѣтопись. Старина.

Таже изобразительность и во многихъ выраженіяхъ быта юридическаго, напр. 1) *голова*: за безчестье отослать головою къ боярину, Котош. 34, т. е. отослать виновнаго къ тому, кого онъ обидѣлъ. въ Др. Р. ст. 33 у котораго жены-то нѣтъ, «того самого головой возьметъ. 2) *лицо*: какъ голова употребляется вмѣсто человѣка, также вмѣсто дѣйствительной явки его, напр. а нынѣ Садко головой пришелъ, Др. Р. ст. 341; такъ лицо вм. вещи: а лодью лицомъ воротити, Руск. Правд. въ Руск. Достоп. II, 59, т. е. отдать лодью. не будеть лица... ibid, т. е. если же не воротятъ лодьи. 3) *рука* вм. поручительства, обѣщанія, обязательства: Псковичи даша ему на томъ руку, чтобъ добровольно отъѣхати и пріѣхати. тогожъ лѣта по той рукѣ присла Князь Местеръ Рискій своихъ пословъ, Пск. л. 94. 4) *разуть*

ноги вм. выдти замужъ—выраженіе, сохранившее въ себѣ память о старинномъ обрядѣ: онъ же рече дъчери своеи (Рогвольдъ Рогнѣдѣ): хечеши ли за Володимера? она же рече: не хочю розути робычича, но Ярополка хочю, Нест. по Лавр. 45.

Вообще надобно замѣтить, что Филологія нисколько не выступаетъ изъ предѣловъ своихъ, когда, при объясненіи древнихъ памятниковъ, беретъ въ соображеніе бытъ юридическій; ибо онъ, какъ одна изъ главнѣйшихъ стихій жизни народной, входитъ не только въ произведенія краснорѣчія, но и въ поэзію, и кладетъ свой отпечатокъ на языкъ особенными выраженіями. Такъ память о мѣстничествѣ сохранилась намъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Др. рус. ст., напр. 150 что ты, сударыня, идешъ закручинилася? «али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ? 187 а по имени вамъ мочно мѣсто дать. «по изотчеству можно пожаловати, ibid. по отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ. Все это говорится о мѣстѣ на пирахъ.

Чтобы понять значеніе *Лѣтописи*, важнѣйшей формы древней нашей Литературы, надобно знать оффиціальный, юридическій смыслъ ея. Въ тяжбахъ и ссорахъ наши предки ссылались на нихъ, какъ на юридическіе акты, что очевидно изъ слѣд. мѣстъ: (1289) и повелѣ писцю своему писати грамоту: Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставлю ловчее на Берестьаны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадцать десяткъвъ лну. а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ; а потолку со всякаго ста, а на горожанахъ 4

гривны кунъ; а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ. *А вопсалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ*, Ипат. 225. Іоаннъ III посылаетъ дьяка Бородатаго къ Новогородцамъ: да испроси у матери своей, у великой Княини, дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго *говорити по лѣтописцемъ рускимъ*: егда, рече, приидутъ, и онъ воспоминаетъ ему говорити противу ихъ ихъ измѣны давные, кое измѣняли великимъ Княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ, Соф. Вр. II, 102. Въ описаніи взятія Пскова Василіемъ Іоанновичемъ: наутріяжъ освитающу дни недѣльному позвониша на Вѣче, и собрашася Посадники и всѣ Псковичи, и пріѣха Дьякъ Государевъ, и начаша ему тако говорити: *тако у насъ написано въ лѣтописцехъ*—съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его Государемъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, Пск. лѣт. 177. Отсюда и слово *старина* получаетъ обширнѣйшее значеніе, выражая весь старинный общественный бытъ и юридическія отношенія. напр.: и Генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей *старинѣ* и по своей воли, Пск. лѣт. 178.

5. Бытъ религіозный. Отечество. Честь.

Чувство религіозное глубоко проникаетъ старинныя наши произведенія. Умилительною теплотою согрѣваетъ оно разсказъ лѣтописца и вливаетъ утѣшеніе въ сердце, особенно при описаніи какихъ либо бѣдствій, когда человѣку всего

болѣе нужна помощь Божія. Изъ великаго множества примѣровъ тому привожу слѣд.: томъ же лѣтѣ (1233) преставися князь Ѳеодоръ, сынъ Ярославль вячьшіи, іюня въ 10, и положенъ бысть въ манастыри святого Георгія. и еще младъ и кто не пожалуеть (пожалѣетъ) сего? сватба пристроена, меды изварены. невѣста приведена. князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе, за грѣхы наша; нъ, Господи слава тебѣ, царю небесныи! изволшю ти тако. нъ покои его съ всѣми правьдьными. Новг. л. 49. О Володимирѣ Васильковичѣ надгробное сѣтованіе лѣтописца: возстани отъ гроба твоего, о честная главо, возстани, отряси сонъ: нѣси бо умерлъ, но спишь до общаго возстанія. Возстани: нѣси бо вьмерлъ, нѣсть бо ти умерети лѣпо, вѣровавшу во Христа, всему міру Живодавца; отряси сонъ, возведи очи, да видиши какоя тя чести Господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ. Возстани, видь брата твоего, красящаго столъ земля твоея; ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держишь по преданью твоему, како поклоняеться имени твоему, Ипат. 221—222 Прекрасно присоединяется къ такому предчувствію жизни загробной образъ жизни воинской въ причитаніи Евдокіи въ похвалѣ Донскому: крѣпко еси, господине мой драгій, уснулъ; не могу разбудити тебе. съ которыя войны еси пришелъ? истомился еси велми.—Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, какъ блистательно украшалась древняя наша Литература глубокимъ христіанскимъ благоговѣніемъ и высокою нравственностію: въ Поученіи Мономаха, о неистощимой силѣ и безконечномъ

многообразіи Божескаго творчества: и сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка. како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицахъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лиць образомъ по Божіи мудрости.—Кир. Тур. (въ Пам. Сл. XII в. 125), о святыхъ причастникахъ: и вѣнчаетъ же Святый Духъ, яко почиваетъ на святыхъ причастницѣхъ, уже бо я обрѣте себе достойны съсуды, и вселися въ ня, измыша бо храмъ его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша добродѣтелію, кадиша чистыми въздыханьми.—Умильный плачь о преставленіи Невскаго (Соф. Вр. I, 273): горе тебѣ бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего Князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человѣкъ можеть забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ.—Изъ рукописи объ осадѣ Тихвинск. монастыря въ 1613 г. (Новг. лѣт. 284), о зависти и корыстолюбіи: увы, ненасыщаемое дно человѣческихъ очей!—Необходимость присоединенія чувства національности къ благочестію религіозному весьма рано пробудилась у насъ: уже у Нестора въ похвалѣ Ольгѣ: мы же рцѣмъ къ неи: радуися, ***Руское познанье*** къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ Си первое вниде в царство небесное *отъ Руси*, сію бо хвалятъ Рустие сынове, аки началницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь. Припомнить Даніила Паломника, затеплившаго свѣчу передъ гробомъ Господнимъ *ото всей земли Руской*.—Во Псковѣ и Новѣгородѣ, черезъ ***вѣче*** и ***вѣчевой*** или ***вѣчный колоколъ***,

висѣвшій при главномъ городскомъ соборѣ, понятіе о городѣ и бытѣ общественномъ такъ тѣсно связано было съ чувствомъ религіознымъ, что вмѣсто Пскова говаривали *Св. Троица*, вмѣсто Новагорода *Св. Софія*: не училъ добрахотѣти Живоначальной Троицы и мужемъ Псковичѣмъ, Пск. л. 175, т. е. Пскову. да Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ Троицы во Псковъ, Пск. л. 177, т. е. просто пріѣхать во Псковъ. Впрочемъ и Аѳанасій Никитинъ пишетъ: поидохъ отъ святаго *Спаса Златоверхаго*, Соф. Врем. II, 145, вм. изъ Твери. Этимъ объясняется обычная форма рѣчей Мстислава къ Новогородцамъ, и національное, не только религіозное, но и политическое значеніе упоминаемойвъ нихъ Св. Софіи; напр.: (1218 г.) съзва Мьстиславъ вѣцѣ, на Ярославль дворъ, рече: кланяюся святѣй Софіи, и гробу отця моего, и вамъ, хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи Богъ леци у отця у святѣи Софіи, Новг. л. 36. *Вѣчевой колоколъ* былъ символомъ соединенія Православія съ стариннымъ бытомъ и порядкомъ общественнымъ: и генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли,—такъ описываетъ Пск. л. 178 конечное паденіе Псковской самобытности. Пѣснь о колоколѣ, подобная Lied von der Glocke Шиллера, имѣла бы глубокое значеніе въ Псковѣ и Новѣгородѣ. Нѣкоторыя иносказанія или притчи въ рѣчахъ нашихъ предковъ объясняются религіозными обрядами, такъ напр. Левъ говоритъ Владиміру через посла: а бы ты, братъ мой, не изгласилъ свѣчѣ надъ гробомъ стръя своего и братьи своей, абы далъ городъ свой

Берестій: то бы твоя свѣща была. Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово, Ипат. 218.

Христіянское благочестіе нашихъ предковъ выразилось многими обычными выраженіями, изъ коихъ нѣкоторыя намекаютъ на древнѣйшіе обычаи, и повѣрія, другія же кажутся только поговорками: 1) *крестное цѣлованіе* вмѣсто клятвы, обѣщанія и т. п. 2) *о мысляхъ* и намѣреніяхъ человѣка: какъ Богъ по сердцу положитъ, Пск. л. 177, т. е. чего пожелаетъ. 3) *о судьбѣ*: а тогда како ны съ ними Богъ дасть, Ипат. 53, т. е. какъ наша судьба рѣшится съ ними. 4) *Богъ вѣсть* вм. неизвѣстно: а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть, Новг. л. 96. 5) обычное выраженіе о богатыряхъ, вступающихъ въ гридню Князя Владимира: «онъ молился Спасу со Пречистою, «поклонился Князю со Княгинею, «на всѣ четыре стороны, Др. р. ст. 26. 6) *о войнѣ*: се уже мы идемъ на судъ божій, Ипат. 62. 7) *о судѣ*: а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ, ibid. 225. 8) *о смерти*: Всеволодъ во день святыхъ Маккавей пошелъ къ Богови, Ипат. 143, т. е. умеръ, и мн. др.—Чувство религіозное возвысило нашихъ предковъ до истиннаго понятія *о душѣ*: такъ вм.: мы не можемъ измѣнить даннаго слова, говаривали: а душею не можевѣ играти, Ипат. 42. *Душа* вм. человѣка относится къ понятіямъ христіянскимъ: когда у гражданъ все сгорѣло, сказано въ Новг. л. 87: городчане толко душею осташася; болѣе грубый оттѣнокъ той же мысли выражается словомъ *голова*: и тутъ судно наше меншое пограбили, и четыре головы взяли Рускіе, а насъ отпустили го-

лыми головами за море, Соф. Вр. II, 164. Понятія *о славѣ и чести*, столь краснорѣчиво выразившіяся еще въ рѣчи Святослава къ дружинѣ, приличныя воинскому обычаю нашихъ предковъ, еще болѣе утвердились чувствомъ національнымъ, нераздѣльнымъ съ религіознымъ благоговѣніемъ. Обычное выраженіе въ Сл. о П. Иг.—ищучи себѣ чти, а князю славы — объясняется многими мѣстами лѣтописей, напр. Ипат. 145: думай гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей,—и особенно нѣкоторыми сказочными подвигами нашихъ древнихъ богатырей: такъ Илья Муромецъ совершаетъ чудеса храбрости надъ разбойниками: тѣ покоряются ему и готовы на все, чего онъ ни пожелаетъ: ему же кромѣ чести и славы, ничего не надо: а и гой еси братцы, станишники! говоритъ онъ: «поѣзжайте отъ меня во чисто поле, «скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу, «про стараго козака Илью Муромца, Др. р. ст. 420.

6. Бытъ семейный и общественный.

Семейныя и общественныя отношенія искони строго опредѣлялись у насъ, чему свидѣтельствомъ языкъ. Степени родства во всей подробности обозначаются порусски особенными названіями, которыя, къ сожалѣнію, болѣе и болѣе теряются въ памяти людей образованныхъ, такъ что теперь не только *ятровь*, *уй*, *свѣсть* и др. суть архаизмы, но даже устарѣли въ образованномъ языкѣ и золовка, тесть, своячиница и друг. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на имена родни (*). Старинное названіе родства или свой-

(*) Это особенно полезно и необходимо для тѣхъ, кто выросъ на Французскомъ языкѣ, который чрезвычайно бѣденъ названіями родни.

ства было *ужичество*: въ повѣсти о взятіи Трои, переведенн. для Симеона Болгарскаго: отъ ужичества си (Калайд. Іоан. Екс. Болг. 179); *ужикъ*, *ужика* — сродникъ, сродница, ibid. стр. 180, Нест. по Лавр. 76. Родители и родственники вступившихъ въ бракъ взаимно называются *сватъ*, *сватья*. *Свекоръ*, санскр. svassura, гр. ἕκυρός, лат. socer, нѣм. schwieger — мужнинъ отецъ; *свекровь*, древн. свекры, лат. socrus, въ глос. Mat. verb zvecri (свекры) — мужнина мать. *Тесть*, въ Остромиров. Еван., листъ 177, тьсть, глос. Mat. verb. test — женнинъ отецъ; *теща*, въ Остромир. Еванг. л. 63 тыща — женнина мать. *Зять*, санскр. djamatri, лат. gener, польск. zięc. глос. mat. verb. zet — мужъ дочери, сестры, золовки; *сноха*, санскр. snushâ (nurus)—сыновняя жена. *Деверь*, санскр. dèvri, dévara, гр. δαήρ, лат. levir, гл. Mat. verb. dever—мужнинъ братъ; *золовка*, гр. γαλως, лат. glos, чешск. zelwa, польск. zelw, въ гл. Mat. verb. zelva — мужнина сестра; *свѣсть* idem, Кормч. 244 л.; *невѣстка* — деверняя жена, ятровь—idem, Руѳ. I, 15. санскр. iâtri, гр. εἰνάτειρ. *Шуринъ* — женнинъ братъ, *своякъ* — свояченицынъ мужъ, *свячина* — женнина сестра, *ятровья*, idem. *Стрый* — дядя по отцѣ, Ипат. 203, но уже въ Никон. лѣт. II. 288 объясняется: бысть подобенъ стрыю своему сирѣчь дядѣ; *уй* — дядя по матери: Нест. по Лавр. 52 съ Добрыною съ уемъ своимъ. *Братучадъ*, братучадо — сынъ брата, племянникъ: ИГР. III, пр. 194; *братучада* — братнина дочь, племянница: ИГР. IV, 45. *Братанъ*, *братаничь*, *братеничь* — братнинъ сынъ; Прол. Ноябр. 26., Ипат. 93, Быт. XIV, 14, Новг. лѣт. 103.; *сыновецъ* idem: Ипат. 208, 209,

214; *братанна* — братнина дочь, Кормч. 2,203. *Сестреничь*, *сестричищъ* — сестринъ сынъ; *сестрична* — сестрина дочь, Кормч. 5. *л.*; *нетій* тоже что сестреничь, но древнѣе сего послѣдняго, ибо въ Никон. лѣт. V, 88: Волкъ же служа царю Мусулемаку съ нетіи своими, рекше съ сестреничи. Любопытно сложное *братъ-сестръ* вм. братъ и сестра, попадающееся въ Остром. Еван. л. 228: евлампа и евламия присныма братъсестрома. Наслѣдственное неподвижное имѣніе искони называлось производными отъ *дѣдъ* и *отецъ*, *дѣдина* (еще въ Судѣ Любуши) и *отчина*: что указываетъ на древнѣйшее утвержденіе права собственности родствомъ. Равномѣрно и престолонаслѣдіе выражалось словами *дѣдній*, *отній*, *отечній*, кои были постояннымъ эпитетомъ *стола*, или престола: и благодаря бога внидѣ въ Киевъ и сѣде на столѣ дѣдъни отечьни, Воскр. сп. II, 36. Окончаніе *-ичь*, означающее сына, сверхъ того и потомка, изстари было у Слявянъ: въ Суд. Любуш. спорятъ за дѣдину братья Кленовичи; Радимичи и Вятичи, по преданію, отъ Радима и Вятки. Потомки Олега и Мономаха, Олеговичи и Мономаховичи, въ продолженіи столѣтія ведутъ наслѣдственную войну, раздѣляясь отческими именами своихъ предковъ. Впрочемъ и тѣ и другіе никогда не забывали, что они одного племени, внуки одного дѣда, Ярослава: такъ Ольговичи говорятъ Мономаховичу Всеволоду (1195): мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци, Ипат. 146. Кромѣ родства кровнаго въ старину свято соблюдалось родство условное, духовное, т. е. усыновленіе и побратимство: символомъ послѣдняго была мѣна крестами; въ Др. р. ст. 185 Туга-

ринъ говоритъ Алешѣ Поповичу: семъ побратуемся съ тобой. Пріязнь къ ближнему доселѣ выражается въ народѣ тѣмъ, что вовсе не родню называютъ батюшкой, матушкой. дядюшкой, братомъ и др.: обычай не чуждый и другимъ народамъ: смотр. Грим. нѣм. Грам. IV, 316 и его же изданіе Reinhart Fuchs, XXVIII. Это простодушное чувство любви къ ближнему украшаетъ обычными выраженіями рѣчи нашихъ предковъ: Домантъ же рече Псковичемъ: Братья мужи Псковичи, кто старъ, то отецъ; а кто младъ, той братъ; слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ. Се же, братія, намъ предлежитъ смерть и животъ: братія мужи Псковичи, потягнете за Святую Троицу, и за святыя церкви, и за свое отечество, Пск. л. 13. Псковичи собираются на битву; помолившись и простившись другъ съ другомъ, говорятъ: братія мужи Псковичи, не посрамимъ отецъ своихъ и дѣдовъ; кто старъ, то отецъ; а кто младъ, братъ. ibid 26. Подобныя выраженія остались теперь только въ сказкахъ, напр. у Пушкина: коль ты старый человѣкъ, «дядей будешь намъ навѣкъ; «коли парень ты румяный, «братецъ будешь намъ названый; «коль старушка, будь намъ мать и пр. Дружество и согласіе на миру выражались обыкновенно такъ: цѣловаша крестъ ко всему Новугороду за единъ человѣкъ, Новг. л. 77. есмь съ ними одинъ человѣкъ, ibid. 105. Новогородци цѣловаша крестъ за единъ братъ, ibid 110. быти всимъ за единъ братъ, Ипат. 39. за единъ мужъ быти, ibid. 73. Хотя въ старину бесѣдующіе не употребляли нынѣшнихъ мѣстоименныхъ вѣжливостей *вы*, *они* вм. *ты*, *онъ*, однако названіями родственными и именами увеличительными, ла-

скательными и уничижительными (*) удачно умѣли оттѣнять свои общественныя отношенія: такъ скромность и униженіе требовали, чтобы говорящій или пишущій называлъ себя полуименемъ, или именемъ уничижительнымъ: вотъ какъ говорятъ Псковичи В. К. Василью: а мы сироты твои прежде сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами *людишками* своими, Пск. л. 176. Аѳанасій Тверитянинъ въ описаніи своего путешествія: ту же окаянный азъ *рабище* Офонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по Христьянской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ (говѣньяхъ, постахъ) святыхъ Отець устроенныхъ, по заповѣдехъ Апостолскыхъ, и устремихся умомъ поити на Русь. Соф. Вр. II, 162. Состраданіе и ласка выражались ласкательными именами: все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; а гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу и женѣ, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ семеро или осмеро головъ во единъ гробъ, Пск. л. 26. Презрѣніе выражалось именами уничижительными, напр. въ житіи Кирилла, помѣщенномъ въ Прологѣ: *Ѳедорца* же, за укоризну тако нарицаема (т. е. уменьшительно, уничижительно), сего блаженный Кириллъ отъ Божественныхъ писаній ересь обличи и прокля его. Даже названіямъ животныхъ и предметовъ воздушныхъ, близкихъ быту домашнему, встарину любили давать дружественный оттѣнокъ ласкательнымъ окончаніемъ, что и до сихъ поръ частію сохраняется въ языкѣ

(*) О соотвѣтствіи мѣстоименныхъ вѣжливостей съ именами родственными и ласкательными смотр. Гримма Deutsch. Gr. IV, 317.

народномъ, напр. хлѣбецъ, денекъ, лошадушка. Что теперь болѣе и болѣе тратимъ мы сочувствіе къ такимъ словамъ лучшимъ доказательствомъ служатъ слова уменьшительныя, какъ напр. солн-це, вовсе потерявшія теперь свой прежній оттѣнокъ. Замѣчательны слова Гримма (*): «Уменьшительная форма выражаетъ понятіе не только немногаго и малаго (μείωσις), но и любезнаго, ласкательнаго (ὑποκόρισμα). Потому уменьшительную форму придаемъ мы и великимъ, возвышеннымъ, священнымъ и даже страшнымъ предметамъ, для того, чтобы довѣрчиво къ нимъ приблизиться и снискать ихъ благосклонность. Особенно въ словахъ послѣдняго рода первоначальное понятіе уменьшенія со временемъ утрачивается и становится нечувствительнымъ: такъ фр. soleil, слав. солнце, слова уменьшительныя, хотя въ теперешнемъ ихъ употребленіи уменьшенія и не чувствуется». Однако, затерявъ сознаніе къ прежней уменьшительной формѣ, мы образовали другую: солнышко.

7. Языческій взглядъ на природу физическую. Языческая Символика. Миѳологія, поэзія, игры.

Наши древніе писатели не любили попусту описывать красоты природы и восхищаться ими. Можетъ быть, лучше нашего въ простотѣ своего сердца сочувствовали они ей; но, не зная ея законовъ, всѣ явленія приписывали силамъ сверхъестественнымъ. Потому обращали они

(*) Deutsche Gram. III, 664.

вниманіе только на такіе феномены, которые, по ихъ понятію, имѣли таинственное отношеніе къ жизни народа: описанія различныхъ знаменій, затменій и т. п. дышатъ неподдѣльною поэзію, украшенныя свѣжимъ воображеніемъ и проникнутыя живымъ сочувствіемъ, то радостью, то боязнію, то сомнѣніемъ. Напр. Новог. л. 5: почя убывати солнце и погыбе все. о великъ страхъ и тьма бысть! и звѣзды быша и мѣсяць. и пакы нача прибывати, и въбързѣ напълнися; и ради быша вси по граду. Ипат. 90: въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и̓ (варіантъ: ея, въ Воскр сп. II, 59) убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудно, черно, (замѣчательный варіантъ въ Воскр. сп. II, 59: яко сукно чрно) и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лици имущи, одино зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и одиному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе: «не благо есть сяково знаменіе, се прообразуеть княжю смерть» — еже бысть. Иск. л. 207: тоежъ осени явися знаменіе въ Юрьевѣ въ Ливонскомъ два мѣсяца на небеси въ нощи, и ударились вмѣстѣ, и одинъ у другова хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяцъ отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ, и знати стало на мѣсяцы томъ, какъ перепояска. Ипат. 7: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи: снѣдаемо солнце. Софійск. Времен. I, 158: предъ симъ же временемъ и солнце пременися, и не бысть свѣтло; но яко мѣсяць бысть, его же

невѣгласи глаголють снѣдаему сущу. Сія же знаменія бываютъ не на добро—(языческое преданіе о съѣденіи солнца и мѣсяца). ibid. I, 159: и паки солнце безъ лучь сіяше — по семъ бо крамолы и умертвія быша человѣкомъ. ibid. I, 175: предивно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи тутенъ (стукъ, громъ, подземный шумъ), стонущь по улицамъ, яко человѣци рыщущи бѣси. — Бѣдствія Игоря, описанныя въ Сл. о Полк. Игор., кажутся оправданіемъ зловѣщаго предзнаменованія, описаннаго и въ самомъ словѣ: тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ потяту (убиту) быти, неже полонену быти,—и у Лѣтописца еще яснѣе, подъ 1185 г., Ипат. 130: идущимъ же имъ въ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли что есть знаменіе? Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже! се есть не на добро знаменіе се. Игорь же рече: братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити. — Въ какомъ отношеніи такія примѣты стояли къ поученіямъ пастырей церкви, видно изъ Слова о злыхъ дусѣхъ въ сборникѣ XV в. (Москвит. 1844, № 1): Егда ли что ны на пути зло створиться, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка, не доляше поити, а мы ся не послушахомъ. о злое наше безуміе! самахоть (самохотно, своевольно) лишаемся Го-

спода и къ поганымъ прилагаемся. Слич. XII-е слово Кирилла Туровскаго въ Пам Сл. XII в. стр. 92 и слѣд (*).

Впрочемъ, не смотря на ограниченный кругъ воззрѣнія лѣтописцевъ на природу, самый языкъ древній, свѣжестью и живостью впечатлѣній, способствовалъ живописи природы, напр. Новг. л. 5 паде мятыль (мятель) *густъ* по земли и по водѣ и по хоромомъ. Только въ сравненіяхъ представлялся стариннымъ писателямъ случай описывать природу: но лѣтописцы, когда только не вдаются въ тщетное витійство, весьма скупы на сравненія; если и употребляютъ изрѣдка, то очень краткія, какъ напр. Новг. л. 34 вышли есте аки рыбы на сухо. Ипат. 2 выступиша яко борове велиціи. Соф. Врем. I, 225 и сотвориша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ; Князь же Юрій и Ярославъ, видѣвше акы на нивѣ класы пожинаху. ИГР. VIII, пр. 62 Царь же Казанской, яко змій вынырнувъ изъ хврастія, приде безвѣстно Генв. въ 15 подъ Муромъ. — Собственно старинной нашей поэзіи принадлежатъ живописующія природу уподобленія, напр. въ Др. Р. ст. 167: какъ вьюнъ около ее увивается, (сынъ около матери) «проситъ благословеніе великое, 128 она по двору идетъ, будто уточка плыветъ. Въ Краледв. рукоп. стр. 34 Ярославъ, гонящійся за врагами, сравнивается: iako lew drazliui «kdiz mu teplu krew sie uda zrsieti» kehdi nastrsilen zalowcem zene: какъ раздраженный левъ, когда удалось ему узрѣть теплую кровь, подстрѣленный гонится за ловцомъ.

(*) Смотр. объ языческомъ періодѣ нашей Литературы вторую лекцію Шевырева въ Москвитянинѣ за 1844 № 2.

Какъ описанію небесныхъ и другихъ знаменій лѣтописцы придавали таинственное значеніе, такъ и поэтическія украшенія, описанія природы, живописныя уподобленія побольшой части имѣли въ старину миѳологическій смыслъ. Кромѣ Др. Р. ст. и Сл. о Полк. Игор., въ старину вѣроятно было у насъ довольно поэтическихъ произведеній, ибо свидѣтельствуютъ о томъ древніе памятники: такъ въ Ипат. 180 упоминается какой-то знаменитый пѣвецъ Митуса: словутьного пѣвца Митусу, древлѣ за гордость не восхотѣвша служити Князю Данилу, раздраного акы связаного приведоша. Замѣчательно, что Даніилу же пѣли какую-то пѣснь избавленные имъ отъ плѣна: Ипат. 186 — 187: оттуда же Князь Даніилъ приде ко Визьнѣ и прейде рѣку Нарову, и многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има. Въ Словѣ. О Полк Игор., кромѣ пѣсенъ и музыки Бояна, упоминаются пѣсни русскихъ женъ, готскихъ красныхъ дѣвъ, дунайскихъ дѣвицъ, Нѣмцевъ, Венедицевъ и пр., приводится пѣсня Ярославны. Но Христіанское благочестіе чуждалось тогда свѣтскихъ пѣснопѣній, ибо поэзія связывалася съ языческими повѣріями и древнѣйшею Миѳологіею: такъ старинный нашъ поэтъ Боянъ въ Сл. о П. Иг. называется внукомъ Велеса или Волоса, въ Краледв. рук. 68 — 70 упоминаются два славянскіе поэта язычники, древнѣйшій Люмиръ, позднѣйшій Забой, и попадается едва ли не поговорка языческая: pieuce dobra miluiu bozi, пѣвца добраго милуютъ, любятъ боги. По мнѣнію нашихъ предковъ, пѣсни столь же противны церкви, какъ идолослуженіе; пѣснопѣнія вмѣнялись въ грѣхъ, равный идолослуженію; такъ

въ одной рукопис. 1523 года: того ради неподобаеть крестьяномъ игоръ бѣсовскихъ играти иже есть плясба гудьба пѣсни бѣсовъскыя и жертва идольская и огневи молятся подъ овиномъ и виламъ (русалкамъ) и мокоши симу реглу и перену (Перуну), и проч. Опис. Румянц Муз. Восток. 229. Пѣсни, наровнѣ съ зельемъ, почитались чародѣйскимъ средствомъ привораживать: такъ въ Ипат. 155 Сырьчанъ, посылая нѣкотораго гудца (поэта, музыканта) въ Обезы, говоритъ: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхочешь, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Поэтическія произведенія стояли наровнѣ съ еретическими книгами, которыя еще въ XII в. обрекались въ сожженіе, какъ видно изъ вопросовъ Кирика (*). Въ 1410 году Митрополитъ Фотій убѣждаетъ Новгородскаго Архіепископа Іоанна въ своемъ посланіи къ нему: «учите, чтобы басней не слушали» Стоглавъ (1551) кладетъ зарокъ на ложныя книги: «тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли» Въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ (**) свидѣтельствуется, что у насъ въ старину были многіе Сборники такихъ ложныхъ книгъ. Вотъ замѣчательнѣйшее мѣсто о суевѣріяхъ изъ этой статьи: сіе есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу: первая книга Плартолой, рекше Острологъ, 2 Островомія, 3 Землемѣріа, 4 Чаровникъ, въ них-

(*) Памятн. Рос. Словесн. XII в. стр. 189.

(**) Калайдовича Іоаннъ Екс. Болгарск. 208 — 212.

же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ, 5-е Громникъ, 6-е Молнія, 7-е мѣсець окружится, 3-е Колედникъ, 9-е Метаніе, 10-е Мысленикъ, 11-е Сносудець, 12-е Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрми, еже есть храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороноград, куроклинъ, окомигъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышепискъ, мышъ порты грызетъ, жаба воркочетъ, кошка въ окнѣ мышьца держитъ, сонъ страшенъ, слѣпца стрѣтитъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ на волъ, поточникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы (варіантъ: пчела поетъ, рыба вострепещетъ), трава шумитъ (древо о древо скрыпитъ, листъ шумитъ), сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ, гость пріидетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ, волхвованія различная. — Если такимъ образомъ самыя незначительныя явленія природы имѣли встарь такое суевѣрное значеніе, то весьма понятно, почему набожные предки наши почитали поэзію дѣломъ языческимъ.

Для объясненія старинныхъ поэтическихъ выраженій сличимъ нѣкоторые пункты этой статьи съ соотвѣтствующими имъ мѣстами въ Сл. о Полк. Игор.

1) тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ. Въ Сл. преданіе о Всеславѣ оборотнѣ: скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи

изъ Бѣлаграда .. скочи влъкомъ до Немеги... а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Творительный сравненія есть переходъ отъ языческаго суевѣрія къ поэтическому украшенію: полечю, рече, зегзицею (кукушкою) по Дунаеви. (Игорь) скочи съ него (съ коня) босымъ влъкомъ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу.

2) Сносудець... сонъ страшенъ. Таковъ въ Сл. *мутенъ сонъ* Святослава. Бояре судятъ его не къ добру; и самъ сочинитель Слова связываетъ этотъ сонъ съ зловѣщимъ затменіемъ, разсматривая оба эти случая несчастными предтечами Игоревой гибели.

3) вороннограй. Зловѣщіе вороны играютъ большую роль въ Сл.: всю ночь съ вечера босови врани възграяху. Этотъ вороннограй былъ также предвѣстникомъ зла, состоя въ связи съ затменіемъ и сномъ Святослава.

4) курокликъ. Курій или пѣтушій кликъ является важнымъ обстоятельствомъ въ разсказѣ о Всеславѣ: ибо Всеславъ долженъ былъ изъ Кіева въ Тмуторокань рыскать волкомъ до куръ, т. е. до пѣтуховъ. Курокликъ или просто куры въ старину означало полночь, разсвѣтъ: и бысть въ четвергъ на ночь поча изнемогати, и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души. Ипат. 220.

5) волхвующе птицами и звѣрьми... трава шумитъ. сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ. Этимъ обвинительнымъ въ суевѣріи пунктамъ соотвѣтствуютъ въ Сл. поэтическія мѣста, хотя вытекшія изъ души сочинителя отъ со-

чувствія съ природой, однако частію не чуждыя суевѣрнаго убѣжденія о тайномъ сношеніи человѣческой участи съ предметами неразумной природы: кликну, стукну земля, въшумѣ трава. ничитъ трава жалощами а древо с тугою къ земли преклонилось. а галици свою рѣчь говоряхуть. Вотъ какъ сама природа сочувствуетъ счастію Игоря: тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только; дятловое тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Напротивъ того тѣже животныя иначе являются передъ войною: «щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди,» тогда и: «влъци грозу въсрожать по яругамъ.» Слич. въ Словѣ о злыхъ дусѣхъ изъ сборника XV в. (Москвитян. 1843, N 1): Вѣруемъ въ потки и въ дятла и въ вороны и въ синици. Коли гдѣ хощемъ поити, которая посреди поиграеть, то станемъ послушающе, правая ли или лѣвая. Уже Кириллъ Туровскій (Пам. Сл. XII в. 95) нападалъ на эти суевѣрія, осуждая ихъ заодно съ музыкою и поэзіею: вся ка ересь, и вѣруютъ въ стрѣчю, въ чехъ, въ полазъ (въ Сл. о П. И: полозію ползоша) и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни бають и въ гусли гудуть.

Къ этимъ пяти присовокупляю еще три сличенія съ Сл: одно изъ лѣтописи и два изъ сербскаго Громовника XVI в. (*):

6) не дошедшимъ же воемъ рѣки Сяну, сосѣдшимъ же на поли воружиться, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщу-

(*) Строева Описаніе Памятн. Сл. р. Лит. 1841, 125.

щимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николи же не бѣ; и се знаменіе на добро бысть, въ Ипат. 183, подъ 1249 г. Въ Сл. же другое знаменіе было орлами, не на добро: орли клектомъ на кости звѣри зовутъ.

7) ащель магла (мгла) низу паде. то ратъ (рать, война) многа будетъ, Громовн. Въ Сл. передъ битвою: мъгла поля покрыла, щекотъ славій успѣ. пороси (прахъ, туманы) поля прикрываютъ.

8) ащель потутнитъ (застучитъ), то пръмененіе Кнезомъ и страни тои мятежь, Громовн. Въ Сл.: земля тутнетъ, кликну, стукну земля, въшумѣ трава. Въ Мамаев. побоищѣ Димитрій съ Волынцемъ слушаютъ землю.

Кромѣ поэзіи, символическое значеніе природы входило и въ юридическія отношенія; напр. символъ соломы, въ Ипат. 218: посемъ же посла Володимеръ слугу своего, доброго, вѣрного, именемъ Рачтьшю, ко брату своему Мьстиславу, тако река: «молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновець мой Юрьи, просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни города, ни села; а ты, рци, не давай ничегоже,» и вземъ *соломы* въ руку отъ постеля своеѣ, рече: «хотя быхъ ти, рци, братъ мой. тотъ *вехоть соломы* далъ, того не давай по моемъ животѣ никомуже. Такой юридическій обычай существовалъ и въ древнемъ Нѣмецкомъ Правѣ, смотр. Гримма Deutsche Rechtsalterthümer, 1828, 121.

Къ существамъ одушевленнымъ, къ звѣрямъ, птицамъ, гадамъ, разумѣется, еще большее питалось въ старину сочувствіе, нежели къ природѣ неодушевленной. Одаренныя

свободнымъ движеніемъ и многоразличными голосами, животныя казались человѣку какъ бы товарищами и соучастниками одной общей жизни, въ противоположность царству растительному, въ безгласной тишинѣ покоящемуся. Особенно для выраженія разнообразныхъ криковъ ихъ богаты были наши предки словами, которыя теперь, по хладнокровію нашему къ природѣ, болѣе и болѣе теряются; напр.: *воронъ*: врани граяхуть, Сл. о П. И.; вороноградй, въ статьѣ о книг. ист. и ложн. у Калайд. Іоан. Екс. Бол. 211. *гусь*: гусь кокочетъ, Сборн. 1754 г. въ Опис. Рум. Муз. Вост. 551. *жаба*: жаба воркочетъ, у Калайд. ibid. *звѣрь*: (Соловей разбойникъ) а втретьи зрявкаетъ по звѣриному, Др. Р. Ст. 353. *ласточка*: и отъ ластовицѣ не вѣруеши ли, яже у тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ? Прикладн о въстании, въ Іоан. Екс. Бол., Калайд. 137. *лисица*: лисици брешутъ, Сл. о П. И. *медвѣдь*: чреваты жены медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки, да рыкнетъ, дѣвица будетъ, Сборн. 1754 г. у Восток. ibid. 552. *орелъ*: орли клектомъ на кости звѣри зовутъ. Сл. о П. И. орломъ же клекъщущимъ, Ипат. 183. *сорока*: а не сорокы втрοскоташа; сорокы не троскоташа, Сл. о П. И. сорока пощекочетъ, въ ст. о книг. ист. и ложн. у Калайд. 211. *утка*: утица крякнетъ, Сборн. 1754 у Вост. ibid. 551.

Не одна человѣку подобная наружность животныхъ, блистаніе глазъ, соразмѣрная полнота и красота членовъ, привлекали къ нимъ; но и замѣчаемыя въ нихъ побужденія и желанія, способности, страсти и страданія; такъ что первобытной простодушной Фантазіи было легко представить себѣ животное говорящимъ и дѣйствующимъ человѣ-

чески (*). Пѣнье птицъ въ средніе вѣки называлось языкомъ латинскимъ, какъ всякій непонятный языкъ латинскимъ или волошскимъ. У насъ въ Сл. о П. И.: говоръ галичь, галици стою рѣчь говоряхуть; въ похвальномъ словѣ Донскому: сладкоглаголивая ластовица; въ Др. Р. ст. 208 говоритъ черный воронъ, и пр. Таковъ естественный переходъ отъ первобытнаго воззрѣнія на природу къ баснѣ о животныхъ (thierfabel). Какъ языкъ даетъ предметамъ бездушнымъ и отвлеченнымъ родъ, такъ и поэзія приписываетъ животнымъ различныя похожденія и исторіи. Въ древнѣйшей баснѣ предметы неодушевленные отличаются отъ животныхъ: не говорятъ и не дѣйствуютъ. Такъ въ чешской баснѣ O lisce a o čbánu (**)—о лисѣ и жбанѣ, или горшкѣ (первой четверти XIV в.), лиса говоритъ и хлопочетъ, а «горшку нельзя было молвить, ибо изъ глины былъ слѣпленъ: čbánu lze mluwiti neběsse, «nebe z hliny slepen běsse. Даже между животными наблюдается замѣчательное различіе: малыя не столь удобны для басни, ибо менѣе выказывается ихъ характеръ, впрочемъ не безъ исключеній: стрекоза или муравей играютъ побочныя роли. Также и птицы должны уступить право первенства млекопитающимъ, ибо онѣ менѣе схожи съ нами, и обладая, полетомъ, дѣйствуютъ не въ той области, гдѣ мы съ звѣрьми. Притомъ и изъ звѣрей обыкновенно выступаютъ въ народной баснѣ своеземные: иноземные далеки и чужды фантазіи. Главными дѣйствующими лицами въ нѣмецкой древ-

(*) Grimm, Reinhart Fuchs.

(**) Ганки Starobylá skládánie 1817, I, 202 206.

ней баснѣ лиса, волкъ и царь медвѣдь (*). Лиса по цвѣту шерсти *красный* звѣрь: потому der rôte Reinhart, Reinh 284. 1463. le gorpil, rous ot le poil conme Renart, Ren. 101. le rous, ros Ren. 463 и пр. У насъ въ Др. р. ст. 383 какъ бы русая лиса голову клонила, «пошла-то Чюрильня къ заутрени. Замѣчательно, что красный цвѣтъ выражаетъ понятіе о злобѣ и невѣрности, приписываемыхъ лисѣ: ze rôt, Reinh. 284. значитъ zu bôse, treulos (**). Любопытно замѣтить, что у насъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ *красной* равно какъ и *дикой*, зн. глупый дуракъ (***). Слич. въ Краледв. рук: 74 i dozrsiesta lisima zrakoma; 74 tudi spei lisimi skoki. Изъ Новагорода почти по всей Россіи распространилось прозвище человѣку хитрому Лиса Патрикѣевна: такое воспоминаніе оставилъ по себѣ князь Патрикій съ 1384 года, см. ИГР. V, стр. 92, (****) Пословицы предостерегаютъ отъ красныхъ или рыжихъ: hombre *roxo* y hembra barbuda de lexos los saluda, *rothbart* nie gut wart. Даже есть глаголъ лисить вм. хитрить, лукавить.— Волкъ называется *сѣрымъ*: въ Сл. о П. И.: сами скучать, акы сѣрыи влъци въ полѣ. Уже у греческихъ поэтовъ онъ πολιός (hymn in Vener. 70), въ Renart называется онъ

(*) Есть весьма любопытная лужицкая пѣсня о животныхъ, Zwjerina, въ которой между прочими животными первую роль играютъ волкъ и лиса, см. Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden, 1841, I 116.

(**) Grimm, Reinhart Fuch, XXX.—Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 444.

(***) Отечественныя записки за 1844, № 2.

(****) Ходаковскаго Отрывокъ изъ путешествія по Россіи въ Рус. Историч. Сборн. 1839, томъ III, кн. 2.

le *chanu*, въ Reinardus: *canus* et absque fide 3, 100; клянется онъ per *canos* hosce *seniles* 1, 375, per caput hoc *canum* 1, 693, потому онъ называется также senex, senior, и съ этимъ въ связи стоятъ многія обстоятельства басни. Едва ли справедливъ Пушкинъ, назвавъ волка, въ поэмѣ Русланъ и Людмила, бурымъ, а не сѣрымъ: въ темницѣ тамъ царевна тужитъ, «а бурый волкъ ей вѣрно служитъ. Притомъ и вѣрность нейдетъ волку, вору и разбойнику: что уже видно изъ самаго производства: волкъ посанск. vrkas, позенд. věhrkô (*) переходитъ въ altn. vargr lupus, latro, exsul, въ ags. vearh furcifer, въ ahd. warc exsul, sceleratus, и въ слав. *врагъ*, означающее не только непріятеля, но и убійцу, и дьявола (**). Мы переносимъ отъ человѣка къ волку глаголы *рѣзать*, *зарѣзать*, и обыкновенно употребляемъ ихъ вм. растерзать когтями. Слич. въ Др. р. ст. 354 брань: а ты волчья сыть. — Въ старину, кажется, назывался у насъ волкъ *лютымъ звѣремъ*: въ Сл. о П. И.: (Всеславъ) скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи,—и вскорѣ за тѣмъ: а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. Мономахъ, въ своемъ поученіи, говоря объ охотѣ на различныхъ звѣрей, о волкахъ не упоминаетъ: за то говоритъ: лютый звѣрь ко мнѣ скочилъ на бедры, и конь со мною поверже. Слич. въ Др. р. ст. 139 а другой слѣдъ лютаго звѣря. Замѣчательно, что наше *лютый* переходитъ въ литовск. lutas, означающее льва (**): а лит. lutas и лат. lupus, оба, происходятъ отъ санскр.

(*) Bopp, Vergl. Gram. 175.

(**) Grimm, Reinh. f.

(***) Эйхгофа Paral. des langu de l' Eur. et de l' Inde.

корня lû—scindere, vellere. Волкъ выходитъ на добычу ночною порою (ἀμφιλύκη νύξ у Гомера); по литовски zwĕris (звѣрь) преимущественно наз. волкъ: отсюда звѣзда hesperus именуется zwerinnĕ. Съ восходомъ этой звѣзды, по литовск. преданію, *звѣрь* или волкъ выходитъ на ловъ. Слич. чешск: zweřenice, zwiretnice—hesperus; въ томъ же значеніи попадается *звѣряница* въ одномъ старинномъ западнорускомъ переводѣ Іова; 38, 32. Въ старину волку приписывали особенную быстроту и стремительность: въ Сл. о П. И: (Игорь) връжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него *босымъ* влъкомъ. коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече (*). Въ баснѣ первое, въ подражаніе быту общественному, человѣческое учрежденіе есть царская власть. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ орелъ называется уже царемъ, или—гдѣ ему придаютъ женскій родъ—царицею: οἰωνῶν βασιλεύς. Aeschyl. Agam. 113 (Wellauer.) αἰετός—ἄρχος οἰωνῶν. Pind. Pyth. I, 18. οἰωνῶν βασιλῆα δίδυμον. Pind. Ol 13. 30. Орелъ, царь птицъ, птица Юпитера, царя боговъ. Не столь высокой древности достигаетъ царствованіе льва: древнѣйшее свидѣтельство о немъ у Оппіана и Эліана. У насъ въ старину, и теперь въ суевѣрныхъ обрядахъ, эпитетъ *царь* происходитъ отъ воззрѣнія миѳологическаго, а не эпическаго: Царь-огонь, Царь-водица употребляются въ языческихъ обрядахъ какъ очистители (**). Вѣроятно, этотъ обычай стоитъ въ связи съ

(*) Донесеніе Прейса въ Ж. М. Н. П. 1841, Февр.

(**) Ходаковскаго Отрывокъ изъ путешествія, въ Рус. Истор. Сборн. 1839, томъ III, кн. 2. Снегирева Рус. Простон. Празд. и Обр. IV, 22.

судебнымъ испытаніемъ огнемъ и водою, встрѣчающимся уже въ Судѣ Любуши, въ коемъ эти царственныя очистительныя стихіи называются: plamen praudozuesten—ignis juris nuntius, zuatocudna uoda—sancte purgans aqua (*).

Наша старина не оставила намъ басеннаго эпоса, спокойнаго эпическаго разсказа о подвигахъ животныхъ. Только тамъ и сямъ мелькаютъ недосказанные намеки на какія-то полуизгладившіяся преданія, то въ поэтическомъ сравненіи, то въ метафорѣ. Что же касается до зміевъ чародѣевъ, оборотней, вѣщихъ вороновъ и т. п.: они уже выступаютъ изъ области басни, примыкая къ миѳологическимъ вѣрованіямъ и составляя такъ называемое чудесное въ нашихъ старинныхъ эпическихъ пѣсняхъ. Русскія народныя сказки: о волкѣ и лисицѣ, о курѣ и льстивой лисицѣ, о бѣлой кошкѣ, о медвѣдѣ мѣдномъ зубѣ, о ершѣ ершовичѣ и др. — предлагаютъ богатый матеріалъ для разсужденія о народной баснѣ. Въ нѣкоторыхъ, напр. въ сказкѣ о ершѣ ершовичѣ, видны живые историческіе слѣды (**).

Такъ какъ мірское поэтическое одушевленіе нашихъ предковъ питалось Миѳологіею, потому надобно показать связь оной съ произведеніями искусства и съ художественною жизнію народа. Привожу изъ Густинскаго списка XVII в. О идолахъ Русскихъ (Ипат. 256—275):

Здѣсь нѣчто скажемъ о богахъ Русскихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковою слѣпотою тогда діаволъ помрачилъ бяше человѣки и въ таковое безуміе приведе, яко нетокмо не знаху истиннаго Бога,

(*) Шафарика и Палацкаго Die ält. Denkm. d. böhm. Spr. 41, 99.

(**) Сахарова Русскія народныя сказки, 1841.

но еще приведе ихъ въ се, яко и худымъ и бездушнымъ вещемъ и стихіямъ богоподобную честь воздаваху. Вопервыхъ Перконосъ, си естъ Перунъ, бяше у нихъ старѣйшый богъ, созданъ на подобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный аки огнь, ему же яко Богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубового древія непрестанно паляху; аще ли бы случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякого извѣта и милости убиваху. Вторый Волосъ, богъ скотій, бяше у нихъ во великой чести. Третій Позвиздъ, Ляхи его нарицаху Похвистъ; сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иныи погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко Богу кланяющеся моляхуся. Четвертый Ладо (си есть Pluton), богъ пекелный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона, бѣса, по нѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще, Ладо, Ладо приплетающе пѣсни своя, многажды поминаютъ. Пятый Купало, якоже мню, бяше богъ обилія, якоже у Еллинъ Цересъ, ему же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумными память совершаютъ, наченше Іюня 25 дня, въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадъ, обоего полу, и со-

плетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія, или коренія, и и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь, инде же поставляютъ зеленую вѣтвъ, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оного огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакуютъ, оному бѣсу жертву себе приносяще. Шестый Коляда, ему же празникъ прескверный бяше декаврія 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать Рождествомъ Христовымъ осія насъ и идолы погибоша, но единаче діяволъ еще и доселѣ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадъ сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поютъ пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовѣ поминаютъ, но болія Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, ниже смѣяху положити на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпоту не бысть бо на кого уповати, но имѣяху еще и болѣй боговъ, си естъ, Хорса (*), Дажбога, Стрибога, Семаргла (**), Мокоша, иныи же кладяземъ, езеромъ, рощеніямъ (***) жертвы приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду,

(*) Хорсъ—солнце, см. донесеніе Прейса въ Ж. М. Н. П. 1841, Февраль.

(**) Это слово надобно разложить на два, смотр. Восток. Опис. Рум. Муз. 228: и въ сима и въ рьгла.

(***) Слич. Прав. церк. въ Рус. Дост. I, 94 еже жруть бесомъ и болотомъ и колодяземъ.

и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ си естъ бѣсовъ, яко вометаемыи во воду, или о древо или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ.

Изъ этой чрезвычайно любопытной статьи извлекаются слѣд. выводы:

1. Сличивъ это мѣсто съ Несторовымъ описаніемъ идоловъ, видимъ, что до XVII вѣка не только не утратилось въ народѣ преданіе о богахъ языческихъ, но даже неразрывно связалось съ суевѣрными обычаями и съ поэзіею.

2. Наши старинные писатели сравнивали свою Миѳологію съ древнеклассическою, и тѣмъ придавали своимъ божествамъ эстетическій колоритъ греческихъ. Это велось отъ XII в., ибо въ глоссахъ Mater verborum славянскія божества переводятся грекоримскими. Въ старину языческое соединялось съ Еллинскимъ, напр. въ Правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в): пакы же увѣдѣхомъ бесовьская еще дьржаще обычая треклятыхъ елинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творити. Рус. Дост. I, 114.

3. Согласно съ свидѣтельствомъ предложенной статьи, до сихъ поръ находимъ мы въ нашихъ пѣсняхъ, какъ непонятные архаизмы, миѳологическія воспоминанія, а именно: а) *Лада*: въ одной старинной пѣснѣ: у меня Ладо змѣя скороспѣя;—въ другой не утай молодое, да что перва Лада? «ой Дидъ и Ладо! да что перва Лада?—«какъ перва-

то Лада, золотъ съ руки перстень и пр. (*) Въ глос. Mat. verb. lada, uenus, dea libidinis, cytherea, отсюда ladni, nitens, serenum. Слич. въ Судѣ любуши 48 ot sasaui ladni (отъ, Сазавы ладны), знач. чистый, быстрый—эпитетъ рѣки: отсюда Лада, имя рѣкъ и источниковъ, напр. въ Польшѣ, въ Псковск. губ. притокъ Великой и др. (**) Ладный значитъ и вообще прекрасный· въ чешск. Псалт. XIV в., По. 92, 1 decor переводится словомъ labnost (***). Такимъ образомъ мы постоянно видимъ, что понятія о прекрасномъ выражаются словами отъ корней значенія языческаго. Вѣроятно и музыкальный *ладъ* ведетъ свою исторію отъ Лады. б) *Купало*: согласно съ свидѣтельствомъ текста, также сохранился въ пѣсняхъ, соединяясь съ Иваномъ: «Купало на Ивана, «купался Иванъ, та въ воду упавъ (*). Замѣчательно, что, въ одной купальской пѣснѣ Купало присовокупляется къ слову *Дивъ*: ходили дивочки коло тареночки, «коло *дива*—купалы (**) Миѳологичеекосущество Дивъ попадается въ Сл. о П. И.: дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ. Отъ Купалы названіе растенія, *купальница* (лютикъ, ranunculus acris) (***): Купальницею же именуется и день Св. Агриппины, 23 іюня. в) *Коляда*: напр. въ одной колядской

(*) Сахарова Сказанія Русскаго народа.

(**) Ходаковскій думаетъ и Ладогу производить отъ Лады. см. Рус. Историч. Сбор. том III, кн. 2.

(***) Шафарика и Палацкаго Die ält. Denkm. d. böhm. Spr. стр. 52.

(*) Снегирева Рус. простонар. праздн. и обряды, вып. IV, 45.

(**) Рус. Истор Сборн. 1833, томъ III, кн. I, стр. 118.

(***) Карамз. И. Г. Р. I, 90.

пѣснѣ: коляда, коляда! «пришла коляда «наканунѣ Рождества; «мы ходили, мы искали «коляду *святую*, и пр., въ другой колядской пѣснѣ воспѣвается языческое жертвоприношеніе (*), совершаемое подъ пѣсни Колядѣ. г) *Поклоненіе водамъ* сохранилось въ пѣсенномъ припѣвѣ: Дунай мой, Дунай, Силивановичь Дунай. Слич. въ Сл. о П. И. плечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ. На потопленіи въ жертву водамъ основывается все старинное наше стихотвореніе: Садковъ корабль сталъ на морѣ, Др. р. ст. 337. д.) Исчисляя остатки язычества въ пѣсенныхъ припѣвахъ, почитаю не лишнимъ обратить вниманіе на остроумную догадку Коллара, который въ святошной припѣвкѣ *слава*, напр. идетъ кузнецъ изъ кузницы—слава,—видитъ существо миѳологическое (**).

4. Въ связи съ древнимъ язычествомъ стоятъ суевѣрные обряды. Нѣкоторые изъ нихъ доселѣ сохранили характеръ чародѣйства и ворожбы, другіе потерявъ свое первобытное значеніе, перешли въ народныя игры. Игры, наравнѣ съ поэзіею и ворожбою, почитались языческою забавою и предавались проклятію напр. въ Сборникѣ 1754 г. въ Рум. Муз. (***): аще золото хоронитъ или жмурками играютъ или поддверию и окномъ слушаютъ, или лица своя сажами мараютъ, или трепицами главу свою мочатъ, или жгутами биются, а въ гусли и домры и сопѣли и вбубны и лёнки

(*) Снегирева Руск. пр н обр., II, 68, 69.

(**) Sláwa Bohyne 10—21.

(***) Опис. Восток. 551—552.

шахматами и зернію и картами.... или громъ слыша валяются, или жаворонка, или на ростанѣхъ слушаютъ, или снѣгъ полютъ.... или сапоги мечютъ за ворота, и пр.; далѣе слѣдуютъ примѣты, какъ въ выше приведенной статьѣ о суевѣріяхъ, напр.: и морѣ дичитъся и вѣтры сухие или мокрые тянутъ, и т. п. Въ пѣсни «И я золото хороню» миѳологическій архаизмъ: въ коей рукѣ былица, «змѣиныя крылица?

Въ лѣтописяхъ и въ древней поэзіи нашей весьма любопытно обратить вниманіе на отношеніе нѣкоторыхъ языческихъ повѣрій къ Христіянству. Такъ въ Соф. Вр. I, 164—165 говорятъ волхвы: вѣдаемъ, како есть человѣкъ сътворенъ ... Богъ мывся отреся ветхемъ, и сверже съ небеси на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и сътвори діяволъ человѣка а Богъ душу вложи въ онь; тѣмъ же аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу. ibid. 166, говоритъ Кудесникъ Новогородцу христіянину: бози наши живуть въ безднѣ, суть же образомъ черни, и крилати, и хвосты имуще; въсходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небесѣхъ суть, и аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо: аще ли кто отъ нашихъ людей умираеть, то носимъ есть нашимъ богомъ въ бездну. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшихъ легендахъ языческія божества перешли въ демоновъ. Замѣчателенъ архаизмъ въ употребленіи слова: *боги* (*), напр.

(*) Касторскаго Начертаніе Словянской Миѳологіи, 1841.

въ Др р. ст. 405: а и теща къ обѣдни пошла—«что идетъ помалешеньку, «ступаетъ потихоньку, «съ ноги на ногу поступываетъ «на башмачки посматриваетъ, «чеботы накалачиваетъ. «Всѣ *Боги* теща прошла, «а зашедъ-то Николѣ челомъ, «а Николѣ Мясницкому. Отношеніе Христіянства къ искусству, въ Др. р. ст. 341—342:

И развалялся Содко, и пьянъ онъ сталъ,
и уснулъ Садко купецъ, богатый гость;
а во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
говоритъ ему таковы рѣчи:
гой еси ты, Садко купецъ, богатой гость!
а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
разплясался у тебя Царь морской:
а сине море всколебалося,
а и быстры рѣки разливалися,
топятъ много бусы, корабли,
топятъ души напрасныя
того народу православнаго.
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость
изорвалъ онъ струны золоты,
пересталъ Царь морской скакать и плясать:
утихло море синее,
утихли рѣки быстрыя.

Такимъ образомъ искусство жертвуется чувству религіозному, предписывающему добродѣтель. И у насъ какъ въ западной Европѣ, къ чудесному языческому присовокупилось Христіянское.

8. Христіанскій взглядъ на природу физическую. Христіанская Символика. Краснорѣчіе.

Христіанству надлежало не только очистить грѣховнаго человѣка, но и освятить природу неодушевленную, оскверненную язычествомъ. Древнее духовенство наше входило въ малѣйшія подробности въ разсужденіи предметовъ чистыхъ и нечистыхъ, что видно изъ Вопросовъ Черноризца Кирика (Пам. Слов. XII в. 175 — 203), напр.: а пъртъ (одежды) дѣля, въ чемь хотяче ходити? Нѣтуть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ. — Такой вопросъ набожныхъ предковъ нашихъ весьма естественен̄ъ, ибо звѣри были осквернены языческими повѣрьями. Или еще любопытнѣе, ibid.: аще случиться платъ женьскый въ портъ въшити попу, достоитъ ли въ томь служити портѣ? И рече: достоить: ци погана есть жена? — Однако строгость Христіанскаго благочестія не только не заглушила въ человѣкѣ нѣжнаго сочувствія къ природѣ, но еще большую глубину и ясность придала ему: напр. въ тѣхъ же Вопросахъ Кирика: зашедшю солнцю, недостоить мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода; но тако погрести, яко и еще высоко, како и вѣнець ещь (еще) не сыйметься съ него: *то бо послѣднее видить солнце до общаго воскресенія.* Христіанскій символическій взглядъ на природу весьма рано перешелъ къ намъ изъ Византіи (*). Въ проповѣдяхъ

(*) Художникъ Византійской школы хотѣлъ, напр., выразить, что Крестъ Господень есть древо жизни, отъ коего питаются всѣ твари земныя, и которое подъ своимъ кровомъ содержитъ все живущее: и

Кирилла Туровскаго (XII в.) вся видимая природа является непреложнымъ знаменіемъ судебъ Христіянства, осязаемымъ символомъ таинъ Божіихъ. Отъ уподобленія символъ отличается тѣмъ, что въ уподобленіи свободная фантазія по своей волѣ сближаетъ два разнородныхъ предмета; символъ же въ вещественномъ, въ видимомъ образѣ указываетъ необходимый и непремѣнный смыслъ духовнаго и таинственнаго. Если уподобленія и тропы разсматривать исторически; то символъ можно назвать первобытнымъ, архаическимъ періодомъ языка украшеннаго. Въ примѣръ Символики византійской привожу отрывокъ изъ Слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю по Пасцѣ, о поновленіи Въскресеніа и о артусѣ и о Ѳоминѣ испытаніи ребръ Господень, Пам. Сл. XII в. 20. Проповѣдникъ бросаетъ символическій взглядъ на наступающую весну: Днесь ветхаа конецъ пріаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ яко вретища съвлекъшися, и свѣтлымъ въздухомъ славу Господню исповѣдаютъ; не сію, глаголю, видимаа небеса, нъ разумнаа, Апостолы, иже днесь на Сіонѣ вшедша нъ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скрьбь Іудейска страха отврьгше, Святымъ Духомъ осѣнившеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдаютъ. Ныня солнце кра-

этотъ Животворящій Крестъ съ Распятіемъ является блистательнымъ и плодотворнымъ цвѣтомъ царственнаго древа; отъ корня же его истекаетъ живоносный родникъ въ утоленіе жаждущимъ, а многоцвѣтныя вѣтви вьются кругами и растилаются по церковному своду, объемля собою многоразличныхъ звѣрей, птицъ и людей. Такова, напр. мозаика въ старинной церкви Св. Климента въ Римѣ.

суяся къ высотѣ всходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна съ вышьняго съступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по Писанію, съ суботами преста и Пророкы Христову закону съ недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымь ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемь Христовъ (Христовыхъ) ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри. тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемъ поражаеть (пораждаетъ) человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемъ Христа хвалягь. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовомь въчеловѣченіемъ и Апостольскымь ученіемъ и чюдесы, скоро по законъ емъшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссуть (сосутъ); да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли

испущають и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже загради (огороды) сладъкую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо прежде акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися (привилась) Христова вѣра въ нашемъ невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаанія почерпающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари, глубину Божія вьчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая пчела свою мудрость показающи, вся удивляеть; якоже бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты створяеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяжьдо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Съ этимъ Словомъ слич. у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг., 137 Приклади о въстании, т. е. примѣры, воскресеніе объясняющіе, изъ списка Богословія на-

чала XII в.: Многамъ сущимъ притъчамъ, изборъ сътворьше отъ ниихъ малъ, съкажемъ о въстании, невѣрующиимъ рекуще. И отъ ластовицѣ не вѣруеши ли, яже у тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ? и зимѣ пришьдъши отъидеть отъ тебѣ, и за кору залѣзъши приплатитьтися дубу, и перье съврьжеть; году же весньнууму пришьдъшу пакы ся обьржеть перьемь, яко и навь из гроба исходящи, весна бо еи въстание принесеть, и много пакы пришьдъши глаголеть и щьбьчеть, тъкмо не рекущи: человѣчине! отъ мене вѣруи о въскрьсении. И другааго съмотри чрьви, иже изъ себе свилу (шолкъ) точить, и обязася тѣми нитьми домъ си сътворить и гробъ, съпроста же рещи всеи ему плъти ту съсъхъшися; году же пришьдъшю весньнууму пакы онъ же образъ древльнии иж него прииметь, и пакы тъжде животъ будеть.... А о сѣмени житьнѣмь и сочивьнѣмь что хощу глаголати самѣмъ вы добрѣ вѣдущемъ: аще зрьна не падуть въ браздѣ, и яко въ гробѣ не погребуться и раскыдаються разгниваюнца, то не могуть прозябнути, ни класа сътворити.

9. Зодчество, ваяніе, живопись, музыка.

Изъ всѣхъ искусствъ наши предки болѣе сочувствовали зодчеству, и притомъ преимущественно храмовому. Лѣтописцы любятъ въ подробности описывать церкви; напр. въ Ипат. 111—112: (Андрей) уподобися царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь преславну святыя Богородица Рожества, посредѣ города, камену, созда въ Бого-

любомъ, и *удиви* ю паче всихъ церквій, подобна тоѣ Святая Святыхъ юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей сотвори церковь сію въ память собѣ, и украси ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цятами (денарій, у окладныхъ образовъ подвѣсокъ полумѣсяцемъ при вѣнцѣ) (*) и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи *удиви* ю свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и *удививъ* ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и *всякою добродѣтелью* и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, съ каменьи драгими, и рѣпидіи (рипида—вѣяло, круглый на рукояти образъ херувима) многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ дну (въ варіантѣ правильнѣе: извну) церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь (навѣсъ надъ престоломъ и царск. вратами) златомъ украшена отъ верха и до деисуса (икона Спасителя между Богородицею и Іоан. Крест., отъ надписи δέησις) (**), *и всею добродѣтелью церковьною исполнена, изъмечтана всею хытростью*. Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь силно

(*) Добровск. Instit. linguae Slav. 99.

(**) Снегирева Памятн. Моск. древности, въ примѣч. къ Опис. Благовѣщ. Собора.

устроилъ, къ нему же ворота Златая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи *удиви* ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными *просвѣти* церковь, а онъбонъ (амвонъ) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ (сосудовъ, посудъ) и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньне устрои и всими виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ Святая Святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ (тябла или пояса, т. е. ярусы Иконостаса назывались праотеческими, пророческими, апостольскими и праздничными, Деисусомъ и мѣстными образами) златомъ устрои, каменьемъ *усвѣти* и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (варіантъ; птахы) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. — Обратить вниманіе на прекрасныя выраженія курсивомъ; касательно слова *измечтана* надобно замѣтить, что мечта, мечтаніе, мечтать, съ одной стороны у насъ употреблялись для выраженія художественнаго понятія, а съ другой для означенія чего-то дьявольскаго, ворожбы, гаданія языческаго, напр. Софійск. врем. I, 175; предавно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи

тутенъ, стонущь по улицамъ, яко человѣци рыщущи бѣси. Ипат. 184: ... и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волъшбы. Въ молитвѣ мы просимъ Бога дать намъ сонъ безмечтанный. Еще описаніе церкви, Ипат. 196, построенной въ Холмѣ при Даніилѣ: (1259) созда же церковь святаго Ивана, красну и лѣпу; зданье же еѣ сице бысть: комары 4, съ каждого угла преводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3 украшена стеклы Римьскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени, и на нею комара, и выспрь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутрьній же еи помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися яко зерцалу; двери же еи двоя украшены каменіемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ святый Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ.—Нѣкоторыя названія частей церкви и хоромовъ перенесены отъ частей тѣла; напр. шея, глава, лобъ, плечи и др.: побиша лобъ у Святыя Троица желѣзомъ, Пск. лѣт. 102. видяху многажды изо лба церковнаго Преподобнаго Варлаама велію стрѣльбу бывающу ibid. 233. у каменной церкви верхъ огорѣлъ до плечь, Новог. лѣт. 150, у Іоанна Святаго маковица огорѣла да и плеча ibid. 152, повѣсиша колоколъ на персѣхъ на новой стѣнѣ, Пск. лѣт. 102. и постави его на крилѣ церковномъ, Матѳ. 4, 5.

Нѣсколько указаній для старинной художественной тер-

минологіи: постави владыка Іоанъ *теремецъ* каменъ, идѣже воду свящають на всякыи мѣсяць, и *пекелницу* камену,„ Новг. лѣт. 103. постави архіепископъ Новогородскіи владыка Еуѳиміи *ключницу* хлѣбную камену, ibid. 112. *духовницу* камену, ibid. 114. Въ Ипат. 113. *медуша*. Въ Лѣтоп. Арханг. (Князь великій) выйде отъ него въ *повалушу*, а Князю Андрею повелѣ себѣ ждати, и бояромъ его повелѣ итти въ *столовую гридню*. Слич. старую пословицу: теремъ высокъ, а повалуша выше. Въ Пск лѣт. 224: *буя полата* (при церкви: вѣроятно выносились въ нее мертвыя тѣла).—Палатами (*) назывались каменныя зданія, хоромами—большія деревянныя, съ теремами, вышками, гриднями, повалушами и сѣнями, Палаша попадается уже у Нестора. *Срубить городъ*—техническое выраженіе для постройки города. Способъ строенія деревянныхъ домовъ былъ, *въ обло*; *въ лапу*, или *въ замокъ*; *сковородникомъ*; *въ прпсѣкъ*, или *въ крюкъ*; *въ охряпку*, или *скобой*. Крыши о двухъ скатахъ назывались *двускатными*, а на всѣ стороны скатомъ—*шатровыми*, или *епанчею*. Храмы строились: *крещатые*—т. е: по греческому кресту, *коробовые*—т. е. полукруглые, и наконецъ *стрѣльчатые* или монастырскіе, введенные въ Россіи съ XV в. Своды сводили, или собирали сводомъ зданіе: собирая сводомъ сотворипи ковчегъ, Быт. 6, 16. Своды въ церквахъ были *стрѣльчатые*, *котловые* и *коробовые*; въ нихъ дѣлались *голосники*; верхи ихъ сводились въ три яруса теремами

(*) Смотр. Снегирева Памятники Московской древности. тетрадь первую.

и *закомарами*, кои осѣнялись главами.—Иконосписцы по различію дѣлопроизводства различно назывались: *знаменщики*—дѣлали абрисъ, *личевщики*—писали лица, *доличные*—писали одежду. Иконное письмо раздѣлялось на крупное и мелочное, собственно иконное, стѣнное и травное: послѣднее состояло въ расписаніи стѣнъ травами и цвѣтами. Названія для частей иконы: въ лицахъ *отживка*, или *блики*; на высокихъ мѣстахъ *подпробѣлки*, замѣнившія прежнюю костоватость; въ отдѣлахъ волосъ *подрусенки* и *просѣдинки*, въ доличномъ или въ драпировкѣ *гвенты*; лица писались *прямолично* (en face); съ XVII в. на иконахъ появляется *затинка*, соотвѣтствующая свѣтлотѣни. Художественный стиль назывался *пошибомъ*. Иконописцы подлежали вѣдомству Оружейной серебряной палаты *иконнаго вообраafterженія* (т. е. изображенія).—*Обронная* или сканная работа литая называлась и *вольячной*, т. е. массивной; противополагалась тощей или дутой, истуканной и выбойчатой, или *басменной*, которая называлась и *басмою*.

Для старинной музыкальной терминологіи, именно церковной, источниками могутъ служить стихирари (рукописи съ XIV в., смотр. Востокова. Описан. Румянц. муз. стр. 650 и слѣд.), или сборники церковныхъ пѣснопѣній съ крюковыми нотами, или знаменіями. Изъ многихъ названій этихъ нотъ, нѣкоторыя весьма любопытны; напр. *змийка*, *голубчикъ*, *стопица*, *стопица съ очкомъ*, *чашка*, *крюкъ съ облачкомъ*, с *подчашиемъ*, *стрела*, *поводная*, *поездная*, *мрачная*, *свѣтлая*, *громная*, *громная свѣтлая*, *крижь* (крестъ), *мечикъ*, *паукъ*, *лошадка*, *перевязка*, *ѳита двоечелная*, *тристрѣлная*, *громогласная*, *дубинка*,

колчанецъ, ***недоскокъ***, ***перескокъ***, ***колыбелка***, ***тужливая ковычка***, ***кудри***, и проч.

Музыка называлась ***гудьбою***, отъ глагола ***гудѣть***, откуда и ***гудокъ***, и ***погудка***, и ***гусли*** (***л*** въ окончаніи означаетъ орудіе), употребительнѣйшій и древнѣйшій у Славянъ инструментъ. Подъ 591 годомъ Ѳеофилактъ упоминаетъ о троихъ Славянахъ, имѣвшихъ при себѣ не оружіе, а инструменты въ родѣ гуслей. У Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ были съ пляскою и пѣснями игрища, на коихъ совершались языческія свадьбы. Свидѣтельство о древнѣйшихъ родахъ нашей музыки въ Др. р. ст. 132—133:

> **И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:**
> **сыгришъ сыгралъ Царя-града,**
> **танцы навелъ Іерусалима,**
> **величалъ Князя со Княгинею,**
> **сверхъ того игралъ Еврейской стихъ;—**
> **посолъ задремалъ и спать захотѣлъ.**

Слѣд. у насъ пѣлись и игрались: 1) Византійскій сыгришъ, 2) Іерусалимскіе танцы, можетъ быть, тенцоны—драматическія пѣсни, 3) величанія князьямъ, подобныя пѣснямъ о Владимирѣ, 4) Еврейскіе стихи, т. е. Псалмы, столь любимые нашими предками (*).

10. Предложеніе, пословица, періодъ, рѣчь.

Не надобно думать, что въ старину наши писатели не умѣли связывать словъ въ стройныя предложенія и періоды. Поговорки и пословицы (**), сохранившіяся въ древ-

(*) Смотр. въ Очеркахъ Россіи Пассека, III, 64.

(**) Смотр. Снегирева Русскіе въ своихъ пословицахъ 1831 4 части.

нихъ памятникахъ, суть не иное что, какъ лучшіе, избраннѣйшіе отрывки рѣчи нашихъ предковъ, служащіе намъ примѣромъ тому, какъ прежде строились у насъ предложенія и періоды. Еще преподобный Несторъ обратилъ вниманіе на народныя пословицы, или *притчи*, какъ онъ называетъ ихъ; и приводитъ слѣд.: есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре, Лавр. 7. есть притча и до сего дне: бѣда яки в Роднѣ, 46. тѣмь и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгають, 51—52. Пословицами и обычными поговорками объясняются и слѣд. выраженія въ Несторѣ: да будемъ золоти (жолты) яко золото—клятва; аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо—говорили Древляне объ Игорѣ; Руси есть веселье питье, не можемъ без того быти,—сребромь и златомь не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато—говорилъ Владимиръ. Послѣднюю пословицу повторяетъ Даніилъ Заточникъ такимъ образомъ: мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти. Сочинитель Слова о Полк. Игор. приводитъ *припѣвку* вѣщаго Бояна: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути. Здѣсь припѣвка имѣетъ значеніе пословицы, т. е. мудраго изрѣченія; собственно же припѣвка есть прелюдія, какъ напр. въ началѣ древнихъ стихотвореній:

Высота ли высота поднебесная,
глубота, глубота океанъ море;
широко раздолье по всей земли,
глубоки смуты Днѣпровскіе.

Такое безотчетное возвышеніе и углубленіе выражаютъ

полетъ творческаго воодушевленія, и, какъ увертюра передъ оперою, отвлекаютъ читателя или слушателя отъ прозаическаго быта и пріуготовляютъ къ поэтическому разсказу. Не характеризуется ли подобная припѣвка въ началѣ, С. о Полк. Иг.: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити: то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы? Отъ пословицы поговорка отличается тѣмъ, что означаетъ вообще какой нибудь удачный оборотъ рѣчи: слово имѣетъ высшій смыслъ, и даже употребляется какъ общее названіе для рѣчи проповѣди, сочиненія; говоромъ же называется и крикъ животныхъ, напр. въ Сл. о П. И. говоръ галокъ. Такъ поговоркою можно назвать причитанье Русскихъ женъ, плачущихъ по мужьяхъ своихъ въ Сл. о П. И.: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати. Пословица распространяется иногда до полнаго силлогизма придачею меньшей посылки, или частнаго случая къ общей мысли, выражаемой пословицею, ibid: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря— т. е. пословица: тяжко головѣ безъ плечъ, зло тѣлу безъ головы; примѣненіе: Руси безъ Игоря.—Пословицы въ лѣтописяхъ: копая подъ другомъ яму самъ ся въ ню въвалить, Новг. л. 56 не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту, Ипат. 65—сказалъ Изяславъ, узнавши, что сынъ его побѣжденъ. брате! миръ стоить до рати (войны), а рать до мира. ibid. 65—выражаетъ воинскую жизнь нашихъ предковъ. не вѣдуще глаголемаго: идѣ же законъ, ту и обидъ много. ibid. 115—гражданскія отношенія. О

разореніи Бѣльза Даніиломъ въ одну ночь: сію же наречютъ Бѣлжане: злу ночь; сія бо ноць злу игру имъ сыгра, ibid. 163. Слич. подобную этой: Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ, ibid. 170—о погибели Венгровъ на Днѣстрѣ, поговорка въ игрѣ словами. Романе, лихимъ живеши, Литвиномъ ореши (пашешь)—о жестокости Романа Валынскаго съ плѣнными Литовцами. господине! не погнѣтши пчелъ меду не ѣдать, Ипат. 171—говоритъ сотскій Микула Даніилу Романовичу иносказательно, чтобы онъ притѣснялъ бояръ для своей пользы.—Оставляя множество другихъ пословицъ, разсѣянныхъ по древнимъ памятникамъ, обращаю вниманіе на Слово Даніила Заточника, почти все сложенное изъ поговорокъ и изреченій: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села. безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ. какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити: псомъ и свиніямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса: ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. глаголетъ бо въ міръскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь въ звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь. глаголетъ бо въ міръскихъ притчахъ: рѣчь продолжна не

добро, продолжена паволока, и пр. Памят. Рос. Сл. XII в. 229—240 (*). Вотъ какъ въ старину изъ пословицы равивался цѣлый періодъ и образовывался слогъ. Такое историческое изслѣдованіе пролагаетъ путь и къ научному изученію теперь употребляющихся пословицъ. Однако надобно замѣтить, что нынѣ не можемъ уже мы такимъ образомъ начинивать свою рѣчь поговорками: что встарь было простотою и безыскуственностью, то покажется теперь намѣреннымъ, тяжелымъ педанствомъ.

Построеніе періодовъ въ нѣкоторыхъ древнихъ произведеніяхъ чрезвычайно правильно: такъ, въ Словѣ Даніила Заточника всѣ пословицы и поговорки слиты въ стройныя формы періодовъ, а періоды по большой части примыкаются другъ къ другу, составляя неразрѣшимую цѣпь. Вотъ примѣры періодовъ: 1) *противительный*, заключающійся пословицею: богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Обратить вниманіе на соотвѣтствіе предложеній и словъ въ частяхъ втораго періода: богатъ — вси—и; убогъ—вси—и. 2) *сравнительный*: птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся че-

(*) О древнихъ пословицахъ у славянскихъ племенъ см. Маціевскаго Pamietniki 1839, II, 83.

ловѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможь погружаеми.—Яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но раздай людемъ. паволока, испещрена многими шелки, красно лицо являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ. 3) *относительный*: но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща; или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. егда лежиши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. коли пожретъ синица орла, коли каменіе всплыветъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. 4) *многословный*, связывающій нѣсколько пословицъ: злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обретаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Обѣ части этого періода идутъ параллельно, состоя изъ соотвѣтственныхъ уподобленій. 5) *условный*: или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ есми неба полъстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще, или ми речеши: солгалъ ми еси аки песъ: добраго бо пса князи и бояре любятъ. или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать, аще быхъ умѣлъ красти, толико бы не скорбѣхъ. Всѣ эти три условные періода соединяются другъ съ другомъ союзами *или*, и потому всѣ вмѣстѣ представляютъ какъ бы одинъ періодъ раздѣлительный. 6) Соединеніе сравнитель-

наго періода съ винословнымъ: гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крепится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ.

Уже въ Сборникѣ Святославовомъ 1076 года встрѣчаются правильные періоды, напр. въ Словѣ нѣкоего Калугера (καλογέρων, добрый старецъ, монахъ) о четіи (чтеніи) святыхъ книгъ, въ оригинальномъ славянскомъ, по мнѣнію Востокова, произведеніи, періоды сравнительные: реку же, узда коневи правитель есть и въздьржяние: правьдьнику же книгы. Не ставить бо ся корабль безгвоздии, ни правьдникъ безпочитания (безъ чтенія) книжьнааго: и яко же плѣньникомъ умъ стоить у родителъ своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжнѣмь. красота воину оружие. и кораблю вѣтрила: тако и правьдьнику почитание книжьное (Въ Славянск. Христ. Пенинскаго, 1828, стр. 249). Замѣтить въ этихъ періодахъ симметрическое соотвѣтствіе сравниваемыхъ понятій.

Еще любопытнѣе для насъ такіе періоды, въ коихъ ясно отношеніе внутренняго содержанія къ грамматической формѣ, напр *символическіе* періоды, въ третьемъ словѣ Кирилла Туровскаго (Памят. Слов. XII в. стр. 21): «Ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть.» Части періода относятся другъ къ другу, какъ члены параллелизма, ибо символизмъ предполагаетъ параллельное соотвѣтствіе между таинственною мыслію и образомъ: солнцу соотвѣтствуетъ

Христосъ, къ высотѣ въсходить—възиде отъ гроба; землю огрѣваеть—вѣрующая спасаеть. «Ныня зима грѣховная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ ребръ растаяся.» Это періодъ изъяснительный, ибо во второй части объясняются и распространяются слишкомъ сжатыя символическія выраженія первой части. Такъ какъ объясненіе предполагаетъ во второй части развитіе той же мысли, что и въ первой: потому здѣсь части періода соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ члены параллелизма синонимическаго: зима грѣховная покаяніемъ престала есть—зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть. Какъ первый членъ первой части соотвѣтствуетъ первому второй части, такъ второй—второму. Зима грѣховная, ледъ невѣрія—символич. опредѣленіе и родит. падежъ символа. «Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемъ претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаеть.» Въ первомъ періодѣ проповѣдникъ представляетъ картину природы, бросаетъ взглядъ на природу очами внѣшними; въ слѣдующемъ же періодѣ оживляетъ эту картину внутрен-

нимъ, символическимъ значенiемъ: весна—вѣра Христова, бурнiи вѣтри—грѣхотворенiй помысли, земля—земля естества нашего, т. е. душа. Картинѣ природы въ первомъ перiодѣ соотвѣтствуютъ символическiя представленiя втораго перiода: весна оживляетъ природу—Христiянская вѣра человѣческое естество; тихiе вѣтерки лелѣютъ плоды—добродѣтель возращаетъ спасенiе души; земля, питая сѣмена, траву изводитъ—душа человѣка, прiявъ слово Божiе, болящая страхомъ Божiимъ, рождаетъ духъ спасенiя. Таково символическое соединенiе двухъ перiодовъ.

Теченiе ораторское также наблюдалось и въ старину, напр. въ Сл. о Полк. Иг. 1) симметрическая постановка глаголовъ на концѣ предложенiй: заря свѣтъ *запала*, мъгла поля *покрыла*, щекотъ славiй *успь*, говоръ галичь *убуди*. Рано еста начала Половецкую землю мечи *цвѣлити* а себѣ славы *искати*. нъ нечестно *одолѣсте*: нъ не честно бо кровь поганую *пролiясте* (и стройный противительный перiодъ). ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ *скована*, а въ буести *закалена*. Всеславъ князь людямъ *судяше*, княземъ грады *рядяше*, а самъ въ ночь, влъкомъ *рыскаше*. Стройность послѣдняго перiода дополняется тавтологiею судяше — рядяше, и дактилическимъ окончанiемъ ры́скаше. 2) глаголы въ началѣ предложенiй: *стоиши* на борони, *прыщеши* на вои стрѣлами, *гремлеши* о шеломы мечи харалужными. Тоже съ дактилическимъ окончанiемъ. 3) въ противительномъ соединенiи слѣдующее предложенiе начинается тѣмъ же словомъ, которымъ оканчивается предыдущее: Немизѣ кровавѣ брези не бологомъ бяхуть *посѣяни*, *посѣяни* костьми Русскихъ сыновъ. 4) перiодъ окан-

чивается обращеніемъ съ звательнымъ падежемъ: велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и поморію и посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ!— не былонъ (не было оно) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! 5) повтореніе при исчисленіи дней до третьихъ сутокъ: бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Слич. въ Краледв. рукоп. 66 i minu den prui, minu den vteri «i kdaz za trsietem luna wnoci biese—и минулъ день первый и минулъ день второй, когда же за третьимъ луна въ ночи была; ibid. 72 i minu den i minu den vteri» i po trsietiem dni kehdisie zatemnise noc—и минулъ день, и минулъ день второй, и по третьемъ днѣ когда затемнѣла ночь. 6) дактилическія окончанія періодовъ: орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена, чолка, сребрено стружіе храброму Святславличю. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому. Попытки разложить Слово о П. Иг. на стихи только частію удавались: по крайней мѣрѣ никто не отвергнетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соотвѣтственнаго, симметрическаго теченія предложеній:

Высоко плаваеши на дѣло въ буести
яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
суть бо у ваю желѣзныи папорзи,
подъ шеломы латинскими.
тѣми треспу земля и многи страны.

7) риѳмы въ періодахъ, составленныхъ изъ пословицъ; напр.

въ Сл. Даніил. Заточн.: — а князь скупъ. аки рѣка, великъ брегъ имущь камены не лзя *пити*, ни коня *напоити*.

Рѣчи нашихъ предковъ отличаются краткостью; напр. Новог лѣт. 48 или вы собѣ, а мы собѣ. 50 придоша кождо десятыи въ домы своя. Пск. лѣт. 217 а наши головы въ ихъ головы. Закон. Іоан. III: и та отпустнаа грамота въ отпустную; та грамота не въ грамоту (изд. Калайд. и Строев. 8). Самое соединеніе предложеній, при видимой неправильности, много способствовало краткой выразительности. Новог. 60 а Юрьи Князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть. 70 избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ. Въ послѣдствіи времени витіеватость и претензіи на образованность испортили старинный періодъ: разительный примѣръ тому предлагаетъ начало грамоты о избраніи Михаила Θеодоровича: Великого Господа Бога Отца, страшнаго, и всесилнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей и въ превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славе величествия Своего, седящаго на престоле Херувимстемъ съ превѣчнымъ и единороднымъ Своимъ сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и зъ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольные, и равно сильныя и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя и соприсносущныя, и собезначальные и единоначалные, и трисоставные и нераздѣлные, въ триехъ составехъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господь-

ствующимъ непреодоленнаго и всякие силы крепчайшаго, Имъ же Царие царствуютъ и велицыи величаются, сего въ Троице приснославимаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами, и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытия въ бытие создаетца, и отъ несущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него жъ приимша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ Государей, Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго Цесарского престола, и прекрасноцветущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною (*). — Такимъ образомъ, кромѣ періода библейскаго, надобно отличать народный безыскуственный, и въ послѣдствіи витіеватый, напыщенный, отягощенный иностранною конструкціею. Ломоносовъ далъ искуственную, классическую раму неустроенному періоду: преобразованіе это въ отношеніи къ періодамъ варваризмамъ было благодѣтельно; въ отношеніи же къ народной безыскуственной рѣчи — вредно. Надобно было возвратиться къ древнѣйшему построенію рѣчи старинныхъ нашихъ памятниковъ: это совершено было уже Карамзинымъ въ И. Г. Р.

Исторія архаизмовъ.

Какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ и особенно юридическихъ актахъ, постоянно попадаются русскія рѣченія между церковносла-

(*) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, I, 599.

вянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы, напр. въ Др. Русск. Стих. *звуки*: е вм. о: единъ, я вм. ѣ: ясти, щ вм. ч: хощетъ, и пр. *Склоненія*: ед. им. мати 373. ед. род. женск. со тыя горы со высокія 210. только ты дай мнѣ загонъ земли, «непаханыя и неораныя 5. Цс. зват. вм. имен., и Цс. винительн. а то коли тебѣ Господи дочерь дастъ 253. мѣстн. падежъ: на славной Волгѣ рѣкѣ на верхней, «изголовѣ на Бузанѣ островѣ 106. а въ другомъ мѣстѣ уже предложн. въ тѣхъ устьяхъ Тобольскиихъ на изголовѣ становилися 116. множ. творит. со вдовы честны, многоразумными 8. двойств. число: двумя братцами родимыми, «дву удалыми Борисовичи 34, также 35. а при немъ только было казаковъ на дву коломенкахъ 122. сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою 267. — *Спряженія*: неоконч. наклоненіе весьма часто на — и: стали пити, ясти, прохлаждатися 154. сужено поняти, «подъ златъ вѣнецъ стати, «законъ Божій пріяти, любовно жити, «дѣтей сводити 397. прошедш. описат. еще имали были свои добрые кони 404. а поѣхали были на своихъ добрыихъ коняхъ ibid Цс. безличн: не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить 163. NB: на стр. 186 убихъ — вѣроятно ошибка. — Архаизмы въ частицахъ: и паче мнѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбилися, «а Княгинѣ наипаче того 5. и тому Татары дивуются наипаче того 117. почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платье снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своея 109. и буде же я васъ побью 78. а есть ли бо не дождешься въ шесть лѣтъ, «то

жди меня въ двѣнадцать лѣтъ 198: не испорченное ли *если бы*?

Ломоносовъ отдѣлилъ церковнославянскій языкъ отъ Русскаго (*): «Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени, *высокой*, *посредственной* и *низкой*. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще употребительны, напр. *Богъ*, *слава*, *рука*, *нынѣ*, *почитаю*. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напр: *отверзаю*, *Господень*, *насажденный*, *взываю*. Неупотребительныя и весьма обетшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю*, *рясны*, *овогда*, *свѣнѣ* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славенскаго языка, т. е. въ церковныхъ книгахъ, напр: *говорю*, *ручей*, *которой* (**), *пока*, *лишь*.» Изъ перваго роду реченій, по Ломоносову, составляется слогъ средній, изъ втораго — высокій, изъ третьяго — низкій: слѣд. церковнославянскій языкъ входитъ въ русскій, какъ стихія, образующая высокій слогъ. Архаизмы въ одахъ Ломоносова: вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ. вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней. мой гнѣвъ на кротость преложила. пробавилъ милость въ людяхъ сихъ. посли святую благодать. полки противныхъ отжени. уже со многими народы. избавльшія богини зракъ. гордыню сопостатовъ стерти. и время Твоея держа-

(*) О Пользѣ книгъ церковныхъ.

(**) *Который* попадается въ Остромир. Евангеліи.

вы «да ублажатъ раби Твои. внуши народовъ многихъ гласъ. и пр.

Жуковскій, кромѣ Цс. брегъ, глава крилѣ (двойств. числ.) и др., употребляетъ слѣд. архаизмы: защитой бо града единый былъ Гекторъ; дат. самостоят.: смотритъ (судно) въ глубокой долъ, въ глубокую мглу Ахерона; «вдругъ съ волной упадаетъ, и, *кругомъ взгроможденному морю.* «видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо (Ценксъ и Гальціона). Но . . . *богамъ отвратившимся*, поздно ввѣряться надеждѣ: т. е. когда отвратились боги, не ввѣряйся надеждѣ. Слич. Мерзлякова въ переводѣ Идилліи Мосха, Европа: *власамъ распущеннымъ*, трепещуща блѣдна, «кличетъ подружекъ. У Пушкина, въ Борисѣ Годуновѣ: *никая* казнь меня не устрашитъ. *да* правлю я во славѣ свой народъ. Царь Іоаннъ искалъ успокоенья «*въ подобіи* монашескихъ трудовъ. Царю *едино зримый. зане* святый Владыка предъ царемъ «во храминѣ тогда не находился. на *нѣкое* былъ посланъ послушанье. буду царемъ *на* Москвѣ. ты мнѣ была единственной святыней» предъ *ней же* я притворствовать не смѣлъ. Слич. въ Фаустѣ: таковъ вамъ положенъ предѣлъ, «*егожъ* никто не преступаетъ. Въ подражаніи Данту: и полныя святыни *словеса.* Въ Исторіи Пугачевскаго бунта: подкопъ былъ приведенъ въ *дѣйство*; бѣдствіе разгорѣлось съ *вящшею* силою; *обще* съ Капитаномъ; неоднократно употребляются *дабы*, *таковой* и проч. У Лермонтова въ Героѣ нашего времени: я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ.

Съ большей подробностію предлагаю извлеченіе архаизмовъ изъ ИГР., подъ коими разумѣю намѣренно заимствованное Карамзинымъ изъ старинныхъ нашихъ памятниковъ (*). Въ этихъ выраженіяхъ надобно обратить вниманіе на народный складъ въ древней формѣ, на переходъ архаизмовъ къ рѣчи народной.

1. образованіе словъ: а) съ краткими окончаніями: новоукъ V, 56. IX, 362. примыслъ V, 221. разсудъ VIII, 249. прыскъ IX, 179. б) съ особенными окончаніями: женище IX, 274. в) сложныя слова: скородомъ X, 271. двоемысліе XII, 96: слич. Ипат. 192 Андрееви же надвое будущу, ibid. 218 я не двоюрѣчю.

2. значеніе словъ: а) архаизмы: обручи I, 154. изводъ II, 65. ротники III, 275 и мн. др. б) русскія слова взамѣнъ варваризмамъ: смиренное платье вм. трауръ IX, 139. копать борозды вм. вести траншей IX, 331 и 332. кувшины съ зельемъ вм. гранаты IX, 337, и пр. в) народныя слова: прохлада вм. удовольствія и удобства жизни IX, 6. г) слова, расширяющія свое значеніе: разводъ VII, 42. урокъ VIII, 20.

3. описательныя формы: держать страхъ вм. страшиться V, 201. водить круги вм. кружиться VIII, 164.

4. постоянные эпитеты: къ милымъ ближнимъ I, 139— изъ договора Олега съ Греками, въ коемъ сказано: да возвратитъ имѣніе къ милымъ ближникамъ въ Русь, по Кенигсб. сп. 31. Въ подлинникѣ лучше, ибо вмѣсто двухъ

(*) Слич. извлеченіе, предложенное выше.

прилагательныхъ стоитъ существительное съ прилагательнымъ.

5. украшающіе эпитеты: сабли свѣтлыя VI, 308, когда онѣ блещутъ во время битвы. Слич. постоянный эпитетъ въ обычномъ выраженіи у Лужичанъ: ze swjetłym mečom zejhrawač (*).

6. тавтологія: возить повозъ I, 244. судилъ и рядилъ землю VII, 181.

7. обычныя выраженія: отъ мала до велика XII, 257.

8. изобразительныя выраженія вм. отвлеченныхъ: отеръ потъ вм. успокоился отъ трудовъ II, 19.

9. выраженія, соотвѣтствующія древнему быту: а) старина въ смыслѣ древнихъ обычаевъ и правъ: б) бытъ воинскій: сѣдлами закидаютъ III, 156. стояли всю ночь за щитами III, 157. взявъ ихъ землю на щитъ IV, 128. стояли Россіяне на костяхъ IV, 101, V, 72. племянникъ куетъ копіе на дядю V, 217. унять мечь. в) миръ и согласіе: князья Ростовскіе и Ярославскіе со мною одинъ человѣкъ V, 42. г) понятія нравственныя: не можемъ играть душею II, 232. связать душу Васильеву крестомъ и Евангеліемъ V. 325.

10. выраженія соотвѣтствующія нѣкоторымъ историческимъ фактамъ: съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось заразомъ III, 278. голодъ названный въ лѣтописяхъ рослою рожью IV, 241. легатъ отъ ребра Апостольскаго V, 292. (Греки) замѣшали Русскую землю VII, 181 и мн. др. Карамзинъ такъ остороженъ въ своихъ ча-

(*) Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden, 1841, I, 319.

стыхъ выпискахъ изъ древнихъ памятниковъ, что по большой части объясняетъ ихъ для читателя, изъ боязни быть непонятымъ: отъ того бываетъ иногда неловкость, особенно если филологическое толкованіе вкладывается въ уста историческаго лица: не заплатилъ ли я ему выхода, или царской пошлины? IV, 179. Гораздо лучше объясняется это слово въ Др. Рус. ст. 32 наборомъ синонимовъ: дани, невыходы, «Царски невыплаты.

Если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина, увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью.

Стихіи чужеземныя.

Языкъ есть выраженіе не только мыслительности народной, но и всего быта, нравовъ и повѣрій, страны и исторіи народа. Единство языка съ индивидуальностью человѣка составляетъ народность. Искреннія, глубочайшія ощущенія внутренняго бытія своего человѣкъ можетъ выразить только на родномъ языкѣ. Внутренняя нераздѣльность языка и характера народа особенно явствуетъ изъ отношенія языка къ народной образованности, которая есть не иное что, какъ непрестанное развитіе духовной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка (*). Если образованность вышла

(*) Слич. Беккера Organism der Sprache § 6.

не изъ внутренней потребности народа, а привита извнѣ: то и въ языкъ вмѣстѣ съ понятіями входитъ множество словъ чуждыхъ, невразумительныхъ для народа, отягощающихъ рѣчь, какъ лишній наростъ. Простой народъ никогда не понимаетъ этихъ иностранныхъ, или же на иностранный образецъ сработанныхъ словъ, и употребляетъ ихъ некстати и невпопадъ. Сличите новые техническіе термины съ простонародными названіями ремесленными или земледѣльческими: въ первыхъ натяжка, условное значеніе, неясность, вялость; въ послѣднихъ легкость, простота, глубина и жизнь. Все, что развивается въ языкѣ органически само изъ себя, есть выраженіе народнаго ума и быта, и потому удобопонятно само по себѣ: занесенное же и насильственно изобрѣтенное умствующимъ разсудкомъ содержитъ въ себѣ, подобно монетѣ, только условное значеніе. Слова заимствованныя, какъ поддѣльные цвѣты, не коренятся въ языкѣ, ибо народъ не знаетъ ни роду ихъ, ни племени, не сочувствуетъ корню, отъ котораго они происходятъ; стоятъ они, какъ сироты, не будучи окружены производными отъ себя, или сродными по корню. Впрочемъ наука запрещаетъ пристрастно нападать на варваризмы, и упрямо изгонять ихъ изъ всеобщаго употребленія, замѣняя ихъ своими словами, вовсе обветшалыми, и слѣд. непонятными, или же словами родственныхъ намъ племенъ: напр. у Чеховъ есть прекрасныя слова для элемента, эпохи — живелъ, доба: но кто же ихъ пойметъ порусски кромѣ занимающагося филологіею? Какъ приторны въ новѣйшемъ слогѣ мужицкія поговорки, такъ же несносны и педантскіе варваризмы, которые противны читателю наров-

нѣ съ непонятными архаизмами и провинціализмами. Только геніи и великіе писатели даютъ иностраннымъ словамъ право гражданства смѣлымъ нововведеніемъ. Дѣло науки опредѣлить значеніе варваризмовъ въ историческомъ развитіи языка.

Исторія варваризмовъ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею народа. Позднѣйшіе народы по неволѣ должны заимствовать образованность у предшествовавшихъ: потому къ внутреннему развитію присоединяется чуждое вліяніе, къ народному языку варваризмы. Историческіе перевороты сближаютъ одинъ народъ съ другимъ враждебно или дружественно, и заставляютъ ихъ мѣняться мыслями и словами: опять втѣсняются варваризмы. Но такъ какъ въ языкѣ есть особенная живительная сила, потому всякій варваризмъ онъ старается подчинить своему собственному организму звуковъ; такъ напр. въ иностранныхъ словахъ 1) нетерпимые нами ф и ѳ замѣняемъ мы звуками сродственными п и т: Степанъ вм. Стефанъ, театръ вм. ѳеатръ. 2) тонкій гласный звукъ вм. г съ гласнымъ; Юрій вм. Георгій, Гюргій. 3) въ избѣжаніе стеченія гласныхъ вставляемъ в: Иванъ вм. Іоаннъ, или 4) употребляемъ тонкій гласный вм. і съ гласнымъ: ердань вм. Іорданъ, Ерусалимъ вм. Іерусалимъ. 5) отбрасываемъ начальный гласный: патрахиль вм. епитрахиль, въ старину пискупъ вм. епископъ. 6) отбрасываемъ окончательный с, напр. Христа, Христу вм. Христоса, Христосу. 7) я вм. а послѣ і: Христіянскій вм. Христіанскій. 8) измѣняемъ дебелый гласный въ тонкій, послѣ дебелаго: Генуя вм. Генуа. 9) одинокій звукъ вм. удвоеннаго: субота вм. суббота. 10) измѣняемъ р въ м,

н, для избѣжанія двухъ р въ одномъ словѣ: ярмонка вм. ярмарка, Февраль вм. Феврарь, и проч.

До сихъ поръ еще не рѣшено строгимъ филологическимъ изученіемъ, сколько вошло въ старинный нашъ языкъ изъ нѣмецкихъ нарѣчій, изъ языка половецкаго, татарскаго и друг. По крайней мѣрѣ положительно означены грецизмы въ Славянской грамматикѣ Добровскаго. — Собственныя имена иностранныя вторгаются къ намъ вмѣстѣ съ первыми Князьями варяжскими. Около половины X в. на Руси говорили уже на двухъ языкахъ: Константинъ Багрянородный въ книгѣ О правленіи сообщаетъ имена Днѣпровскихъ пороговъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкѣ: пославянски: 1-й назывался эссупи (нессупи, не спи), 2-й островуни прагъ (островный прагъ), 3-й геландри (поисландск. зн. шумящій?), 4-й неаситъ (неясыть, или пеликанъ), 5-й вульнипрагъ (вольный прагъ), 6-й веручи (βερουτζη, quasi dicas aquae scaturigo: ручей, вьрящій?), 7-й напрези (напрягай?); порусски: 1-й также эссупи, 2 й ульворси (гульворси? сканд. гольмъ — островъ, форсъ — порогъ?), 4-й аифаръ (древненѣмецк. aeifar — аистъ), 5-й варуфоросъ (сканд. var — тихій, смирный, fors — порогъ?), 6-й леанти (отъ глагола lain, lein—течь сильно, кипѣть?), 7-й струвунъ (готск. stroup-on — навязывай?) (*).

Христіянство нанесло рѣшительный ударъ грубой древнѣйшей народности нашей, ниспровергнувъ старобытныхъ боговъ, чтимыхъ и любимыхъ народомъ (**). Эти боги тѣ-

(*) Карамз. ИГР. I, пр. 102.

(**) Смотр. Гримма Deutsche Mytholog. 3 и слѣд.

сными узами связывались съ преданіями, обычаями, законами; имъ посвящены были лѣса и воды; имена ихъ возникли въ языкѣ народномъ и срослись съ нимъ. Отъ всего этого надобно было отказаться передъ лицемъ новой религіи, и даже признать смертнымъ грѣхомъ то, что недавно почиталось великимъ и правымъ. Но древнѣйшее, первобытное несполна погибло въ народѣ: оно замѣнило ему поэзію, и стало темной стороною вѣрованія—демонологіею. Такимъ образомъ, поразивши старобытную народность, Христіянство не уничтожило ее; выступивъ впередъ своимъ божественнымъ свѣтомъ, оно только оттѣнило ее, отодвинуло вдаль: сліяніе Христіянства съ народностью набросило на характеръ народа гармоническую свѣтлотѣнь. Названія и выраженія, вошедшія къ намъ съ Христіянствомъ изъ Византіи, не могли долго оставаться чуждыми для народа: церковь и молитва отъ раннихъ лѣтъ сродняли Рускаго съ грецизмами. Притомъ надобно замѣтить, что древнѣйшіе переводчики Св. Писанія берегли чистоту языка славянскаго, и хорошо понимали отличіе его отъ греческаго, чему служатъ свидѣтельствомъ слова Іоан. Екс. Болг. (*): небо равьнѣ ся можеть присно полагати Елиньскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку въ инъ прелагаему тоже бываеть. Небонъ иже глаголъ въ иномь языцѣ красьнъ, то въ друзѣмь некрасьнъ; иже въ иномь страшьнъ, то въ друзѣмь нестрашьнъ; иже въ иномь чьстьнъ, то въ друзѣмь нечьстьнъ.... небо есть льзѣ вьсьдѣ съмотрити Елиньска глагола, нъ разума нужда блюсти; придеть бо

(*) Издан. Калайдовича, стр. 10.

другойци мужьско имя Грьчьскы, а Словеньскы женьско, да преложьше мужьскомь именьмь, якоже лежить Грьчьскы, на велику исказу придеть преложенье.—Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ дѣйствительно находимъ въ древнѣйшемъ языкѣ, при удивительной гибкости, самостоятельную, неподатливую упругость, при переводѣ съ чужаго языка. 1) въ отдѣльныхъ словахъ: вотъ какъ мѣтко и народно переводятся латинскія слова славянскими въ Глос. Mat. Verb: cridlatec (кридлатецъ), pegasus. lada, venus, dea libidinis, cytherea. morana, Ecate, trivia, hecate. perun, iupiter. peuci (пѣвцы), lirici, poete dicti. poludnice, Driades, deae silvarum. premena (премѣна), metonomia. prenozz (преносъ, переносъ), metaphora. pretvora, metamorphosis. prizloue (присловіе), proverbia, adagia. radihost, mercurius. sytiwrat, saturnum pagani illum esse aiunt. scladane (складаніе), poema. zmutna (смутна) tragedia. suatouyt (сватовитъ), Ares, bellum, mauors. trenosca (треножка), tripodes. trezubec (трезубецъ), tridens. veless, pan, ymago hircina. vitez, heros, victor. zuoba (своба), feronia, dea paganorum. siua (жива), Dea frumenti, ceres. 2) Грамматическое построеніе (*): а) мѣстоимен. *ся* при глаголахъ относится ко всѣмъ тремъ лицамъ: не могу аз о себѣ творити ничесоже, Іоан. 5, 3. о себѣ ἀπ' ἐμαυτοῦ. Марка поем приведе съ собою 2 къ Тим. 4, 11. съ собою μετὰ σεαυτοῦ. всегда бо нищих имате с собою, Матѳ. 26. 11, с собою vobiscum μετ' ἑαυτῶν. б) равномѣрно и притяж. *свой*: умерщвляю тѣло свое, I къ Кор. 9, 27, исправл. *мое*. простру руку свою, Іезек. 25, 13,

(*) По Слав. Грам. Добровскаго.

исправл. *мою.* в) двойное отрицаніе, напр. въ Остром. Еванг. л. 2: и без него ничьтоже *не* бысть; въ нынѣшнемъ же исправленномъ текстѣ: и без него ничтоже бысть,— согласно съ подлинникомъ: καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἕν. г) родит. пад. при дѣйствит. залогѣ съ отрицаніемъ, тогда какъ погречески винит. ниже имам душе моее честны себѣ, Дѣян. 20, 24, οὐδὲ ἔχω τὴν ψυχὴν μου τιμίαν ἐμαυτῷ, но послѣ въ Острожск. и въ исправлен. сходно съ греческ:: душу мою честну. д) прилагат. притяжательное вм греч. родит. существит.: Драгомирск: код. любы мирскаа вражда божіа есть, Iак. 4, 4. ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστιν. е) дат. вм. греч. родит.: свѣтъ вьсемоу мироу, Остром. Еванг. л. 55. τὸ φῶς τοῦ κόσμου. ж) дат. самостоят. вм. греч. родит.: дню же бывшу, Матѳ. 11, 7, ἡμέρας δέ γενομένης, die exorto. з) творит. вм. имени или мѣстоименія съ предлогомъ; егда званъ будеши кым (ὑπό τινος) Лук. 14, 8. i) порядокъ словъ въ древнѣйшихъ спискахъ также болѣе отступаетъ отъ греческаго: суху руку имый, Матѳ. 12, 10, τὴν χεῖρα ἔχων ξηραν, а въ позднѣйшихъ уже: руку имый суху, и проч.

1. Грецизмы въ церковномъ языкѣ.

Грецизмы въ Св. Писаніи: 1) единств. число глагола при множ. сред. р. подлежащаго: вся, елика аще творитъ, успѣетъ (κατευοδωθήσεται). 2) иже, яже, для выраженія греч. члена: во еже быти ми служителю, къ Рим. 15, 16. εἰς τὸ εἶναι με Слич. внегда глаголати имъ мнѣ, Псал. 41, 11, ἐν τῷ. :, вм. егда глаголаху мнѣ, какъ въ Вен. Псалт.

3) именит. пад. вм. творит.: еда и вы хощете оученици его быти, Остром. Ев. л. 40, μὴ καὶ ὑμεῖς θέλετε αὐτοῦ μαθηταὶ γενέσθαι. 4) винит. вм. творит., напр. чашу вм. чашею: ниже колижъдо напоить единого отъ малыихъ сихъ чашу студены воды, Остром. Ев. л. 68, καὶ ὅς ἐὰν ποτίσῃ ἕνα τῶν μικρῶν τούτων ποτήριον ψυχροῦ ὕδατος. напоить вы чашу воды, ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος. ibid. л. 249. 5) греческій винит. пад.: окроплени сердца, измовени тѣлеса, въ старин. издан. къ Евр. 10, 22, 23. ἐρραντισμένοι τὰς καρδίας, λελουμένοι τὸ σωμα, и проч.

2. Время.

Къ древнѣйшимъ варваризмамъ принадлежатъ названія мѣсяцовъ: уже въ Остром. Еванг. Априля л. 270, Февруара л. 264. Изъ этого памятника ясно видно, какъ иностранныя названія мѣсяцовъ объясняются еще своими собственными: до мѣсяца авгоста рекомааго зарева л. 210. мѣсяца енуара просиньца рекомааго л. 256. Должно замѣтить къ чести нашихъ предковъ, что они долго удерживали славянскія названія; такъ въ Обиходѣ, рук. XIII в (*):

сентябрь ркомыи рюинъ
октябрь — — листопадъ
ноябрь — — груденъ
декабрь — — студенъ
генварь — — просинечь
февраль — — сѣченъ
мартъ — — сухии

(*) Восток. Опис. Рум. Муз. стр. 404. Слич. стр. 175.

април	— —	брезозоръ
маи	— —	травенъ
июнь	— —	ізокъ
июль	— —	червенъ
августъ	— —	заревъ.

Тѣже самыя славянскія имена мѣсяцамъ въ Синодальномъ Евангеліи 1143 года.

Примѣч. Значеніе Славянскихъ названій (*): 1) *рюенъ* сентябрь. иллир. rujan отъ глаг. рюю, чешск. rige, о крикѣ оленей; ибо тогда олени въ течкѣ, бѣгаются и *ревутъ*; впрочемъ не худо обратить вниманіе на слѣд. мѣсто въ одномъ старомъ переводѣ Византійской лѣтописи: по сихъ же просѣдошася нашествія варварская. и паки дохнувша вихри отвсюду и шумы воспущаху и *руянія* творяху;— по Роковецкому въ Rusk. Prawd. 57 знач. плачущій, влажный, слич. рус. рюмить, слич. сербск. руйно вино—желтоватое вино; въ глос. Mat. verb., ruien и чешск. нынѣшн rigen—октябрь. 2) *листопадъ* октябрь; сохранился не только въ Славоніи и Далмаціи, но и въ Богеміи: только въ послѣдней, равно какъ въ Малорус. и Польшѣ, означаетъ ноябрь. 3) *груденъ* ноябрь, можетъ быть отъ груды, смерзшейся земли; въ лѣтоп.: пойдоша на колѣхъ, *а* по *груду* пути (хотя на колесахъ, однако по снѣгу): бѣ бо мѣсяцъ *груденъ*. ИГР. II. пр. 182;—у Славянъ Панонск. зн. сентябрь; въ Кроац, Крайн., Польш. зн. декабрь; у Чеховъ и январь. 4) *студеный* декабрь; по Фойгту, Сла—

(*) Смотр. Добровскаго Slowanka I, 70 и слѣд., Карамзина ИГР. I, пр. 159. Юнгмана Чешскій Словарь.

вонцы называютъ этимъ именемъ ноябрь. 5) ***просинецъ*** январь, по Добровск. отъ просить; по Карамзину отъ проса; по Раковецкому отъ синій, синевы небесной; или можетъ быть отъ иллир, prosinieti—illuminare, ибо въ этомъ мѣсяцѣ прибавляется день; почешски зн. декабрь. 6) ***сѣченъ*** февраль, по Добровск. отъ сѣку; сохранился у Краинцевъ, Иллирійцевъ; у Поляковъ styczeń—январь; почешски. этотъ мѣс. наз. aunor или unor, въ глос. Mat. Verb. unor,—производятъ отъ нора, нориться. 7) ***сухой*** мартъ, покроатски szussecz, покраински sushez. 8) ***брезозолъ***, ***березозолъ*** апрѣль, по Добровскому, отъ бреза или береза и непонятнаго золъ, можетъ быть сроднаго съ зелье, зеленый; по другимъ отъ прилагат. brezj—беременный, стельный; въ Богеміи brezen мартъ, еще въ глос. Mat. Verb.: малорус. тоже мартъ. 9) ***травенъ*** май; у Кроатовъ traven апрѣль (mali traven малый травенъ), у Краинцевъ также mali travn, а май weliki travn. Иллиры въ Далмаціи, Славоніи называютъ апрѣль travan, а май sviban. 10) ***изокъ*** іюнь: Добровскій не знаетъ происхожденія этого слова, и ждетъ отъ Рускихъ производства его. Калайдовичь полагаетъ, что была птица изокъ, основываясь на текстѣ изъ Іоан. Екс. Болг.: егда слышимъ пѣснивые птице, различными гласы поюще пѣсни красные: славіе же поюще, косы же и сое, влъгы и жлъны, щоры же и *изоки*, ластовицы же и сковраньце, и ины птице. Должно замѣтить, что изокъ значитъ у насъ еще кузнечикъ, стрекоза, une cigale. 11) ***червенъ*** іюль, по Добровскому отъ червь, по другимъ отъ червонный, красный; и у Богемцевъ прежде červen, weliký červen, а потомъ červenec; помалорус. червецъ и

попольск. czerwiec зн. іюнь. 12) *заревъ* августъ, по Добровск. отъ реву (объ оленяхъ), частица *за*—означаетъ начало; по другимъ сродно съ зарницею; у Богемцевъ zarj, zarig сентябрь, въ глос. Mat. Verb. zarui, september mensis.—Добровскій предполагаетъ, что всѣ эти названія первоначально принадлежали Паннонскимъ Славянамъ, отъ коихъ черезъ Кирилловскія литургическія книги перешли къ другимъ Славянамъ. Обратить вниманіе на то, какъ одно и тоже названіе по различнымъ славянскимъ племенамъ давалось различнымъ мѣсяцамъ: причиною тому разность въ природѣ и временахъ года. Кромѣ этихъ названій, есть еще многія другія, смотр. Alters Beitrag zur prakt. Diplomatik für Slawen, 1801 стр. 98—110; Eccardi hist. stud. etymol. Ling. germ. 275—305; Карамз. ИГР. I, пр. 159. Надобно замѣтить, что у насъ гораздо менѣе переворотовъ случилось съ названіями недѣльныхъ дней; покрайней мѣрѣ не можемъ исторически опредѣлить, какія были въ періодъ языческій.

3. Науки и Искусства.

Вмѣстѣ съ религіею въ нашу вообще книжную ученость изстари вошло множество иностранныхъ словъ и оборотовъ. Грамматическіе, риторическіе, философскіе и др. термины суть варваризмы.

Еще Іоаннъ Екс. Болг. съ греческаго перевелъ грамматическую терминологію: имя ὄνομα, рѣчь (глаголъ) ῥῆμα, причастіе μετοχή, различіе (членъ) ἄρθρον, мѣстоимене ἀντωνυμία, предлогъ πρόθεσις, нарѣчіе ἐπίῤῥημα, съузъ

σύνδεσμος (*). У Максима Грека членъ вм. различія, вмѣстоимень вм. мѣстоимене, прирѣчіе вм. нарѣчіе (**), и проч. Изборникъ Святослава (1073) даетъ матеріалы для реторической терминологіи (***): Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи суть 27: 1) инословіе 2) прѣводъ (метафора) 3) напотребіе 4) пріятіе 5) прѣходьное 6) възвратъ 7) съпріятіе 8) сънятіе 9) именотворіе (onomatopeia) 10) сътвореніе 11) въименомѣстьство 12) отъименіе (метонимія) 13) вьспятословіе 14) округословіе 15) нестатъкъ 16) издрядіе 17) лихорѣчье 18) притъча 19) прикладъ 20) отъданіе 21) лицетворье 22) сълогъ 23) поруганіе (иронія) 24) видъ 25) послѣдословіе. Для образца приводимъ опредѣленіе одного изъ этихъ творческихъ образовъ: инословіе убо есть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разумъ указаюшти, яко же еже е речено отъ Бога къ змiи: проклятаты и отъ всѣхъ звѣрій: слово бо акы змiи есть, на дiявола же инорѣчьнѣ змьемъ нарицаема разумѣваемъ.—Философская и филологическая терминологія ведетъ свое начало отъ Іоанна Екс. Бол., отъ его перевода Философіи Дамаскина; напр. о синонимахъ: о многосъименныхъ: многоименна же суть, елика убо уставомъ пріобщаются, именомъ же разнствуютъ, сирѣчь егда тажде вещь мнозѣми нарицается именми, якоже мечь, мечиць, брьдунь (вар. бредунь), сабля, кордъ, ножь: вся бо сія имена единъ предѣлъ пріемлетъ, рекше желѣза обоюдникъ, еже есть желѣзо обоюду наострено. Тотъ же Из-

(*) Издан. Калайд. стр. 76.

(**) Востокова опис. Рус. Муз. стр. 370.

(***) Ж. М. Н. П. 1836. № 2.

борникъ Святослава содержитъ въ себѣ много философскихъ названій, напр. (*): Максимово о различии суштія и естьства по вънѣшьнимъ. о естьствѣ. о собьствѣ. о лици. о различіи. о сълучаніи. о количьствѣ и о мѣремыихъ. о качьствѣ и о творитвьнѣѣмь. о супротивьныихъ. о оглаголемыихъ. о съименьнѣемь и единоименьнѣемь оглаголаніи. о единородьныихъ и единовидьныихъ и инородьныихъ и иновидьныхъ і купьнособьныхъ и проч. Слово *историкъ* было уже у насъ въ XII в. Кир. Тур. объясняетъ его своимъ слушателямъ: Историци и Вѣтія, рѣкше Лѣтописьци и Пѣснотворци.—У Курбскаго о жизни Іоанна Грознаго: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, таковую *трагедію* возвѣщати! ibid. о зломъ совѣтѣ Вассіана Іоанну: и сице соплете *силлогизмъ* сатанинскій. Отъ пребыванія въ литвѣ Курбскій привыкъ ко многимъ полонизмамъ; напр. наилѣпшій; о приставкѣ *най*— говоритъ Ломоносовъ въ своей Грам. § 211: новыя превосходныя, съ Польскаго языка съ приложеніемъ *наи*, *наилутчій*, *наичистѣйшій*, Россійскому слуху непріятны.— Многія изъ техническихъ названій художественныхъ старинные варваризмы; напр. комары καμάραι, стропилы στρωτῆρες, лобъ церковный μέτωπον, ключь въ сводѣ κλεῖς и мн. др.

4. Алфавиты.

Наши старинные грамотѣи съ древнихъ временъ начали уже составлять словари непонятныхъ для нихъ словъ,

(*) Востокова описан. Рум. Муз. стр. 502 и слѣд.

между коими, кромѣ варваризмовъ, хотя попадаются архаизмы и реченія другихъ славянскихъ племенъ, однако и тѣ и другія казались въ старину варваризмами, что́ можно видѣть, напр., изъ слѣд. рукоп. 1282 года (*): рѣчь Жидовьскаго языка преложена Русскую, неразумно на разумъ:

Жидовьскы:	Рускы:
адамъ	земля въплощена
товола	пища.
череща	куща.
исполинъ (**)	силныи.
ковъ	лесть.
бритва	стриголникъ.
неключно	ненадобѣ.
тина	грязь.
зѣло	велми.
сусана	сборище.
адъ	тма.
бисеръ	камень честьнъ.
гусли	языкъ.
тумпанъ.	гласъ.
конобъ	водоносъ
ликъ	мысль.

(*) Калайд. I. Е. Б. 193.

(**) *Исполинъ* происходитъ отъ народа Spalorum, у Іорнанда; какъ чешское obr, попадающееся уже въ Витенб. Пс. XIV в., Пс. 18, ст. 6: iako obr—ut gigas,—отъ народа Обровъ (Avarus, Abarus). Едва ли справедливъ Шафарикъ, производя obr отъ кельтск. ambro, потому что тогда попольски было бы ambr, а не obrzym, какъ попадается въ Псалт. Королевы Маргариты.

олтарь	точило
рогъ	сила.
отоци	около море.
алѣлугиа	хвала Богу.
аминь	право.
iисусъ	спасъ.
степень	лѣствица,
и мн. др.	

Изъ рукоп. 1431 года (*): тлъкованiе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ началныихъ преводникъ ово словенскы, и ино сръбскы, и другаа блъгарскы и гръчьскы, ихже неудоволишася преложити на рускый. Изъ этого заглавiя явствуетъ, что наши предки сербизмы и болгаризмы ставили въ одну категорiю съ грецизмами. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ: васнь—мню. качьство—естество, каковому есть. количьство—мѣра есть колика. свойство—что имать кто особно, а иньга не има. тризна—страдальство, подвигъ. по строю, по устрою—по смотрѣнiю. художъство—хытрость. непшую—мню. еша—еще. таимичище, таимичиць, копеличище—иже не отъ законныя жены отроча. бѣгунъ—ходець, отходецъ. смерчь, пiавица—облакъ кои дьждь узносить; облакъ дъждевенъ, иже воду отъ морѣ възимаеть яко въ губу и пакы проливаетъ на землю; слич. объясненiе Памвы Берынды: сморщь есть сикавка, или оболокъ, которы з неба спустившися, воду смокчетъ; въ Сл. о Полк Иг. сморцы.

(*) Изъ Калайд. I. Е. Б. 196, сличенная съ Восток. Опис. Рус. Муз. 267, 269.

ипостась — съставъ. тезъ — едино. жупелъ—сѣра. доблесть—крѣпость или мужьство. пронирство—лукавьство. кыченіе—высокорѣчіе славы ради. презь—чрезь. гаданіе—съкръвенъ глаголъ. суетно—кромѣ потребы нѣкоея, бываемое праздно: яко имя убо есть, вещь же нѣсть. самолюбіе—еже къ тѣлу страсть и угодное тому. великодушенъ есть—иже на въсѣку скръбь приражающуюся могый понести.—Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій чрезвычайно замѣчательны своею оригинальностью и могозначительностью. Такіе словари непонятныхъ словъ продолжаются у насъ до XVIII ст., подъ именемъ Алфавитовъ. Кромѣ матеріаловъ для исторіи варваризмомъ и архаизмовъ, они любопытны для насъ, какъ энциклопедическіе сборники: ибо вмѣстѣ съ словами объясняются въ нихъ и самые предметы.

5. Варваризмы въ лѣтописяхъ.

Кромѣ грецизмовъ, въ наши лѣтописи и другіе старинные памятники вошли и иныя чужеземныя реченія. Мономахъ въ своемъ Поученіи пишетъ о Всеволодѣ: отецъ мой дома сѣдя изумѣяше пять языкъ: въ томъ бо честь отъ инѣхъ земль. Въ Сл. о П. Иг. упоминаются какія-то пѣсни иностранцевъ, бывшихъ въ Кіевѣ: ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають Князя Игоря. Рускому и Славянскому въ старину противополагались нѣмой, нѣмецъ: Югра же суть языкъ нѣмъ, Кенигсб. спис. 146. Любопытно объясненіе Нѣмца въ глос. Mat. Verb.: nemec, barbarus, tardus, obtundus, imperitus, stolidus etc. etc. Слич. въ глос. Музейн.

Псалт. XII в.: nesmluwneho—barbaro. Наши предки сильно чуждались нѣмецкаго языка, разумѣя подъ языкомъ вмѣстѣ и народъ; изъ множества примѣровъ вотъ одинъ: у насъ то писаное дѣло, что Нѣмецкой языкъ Словенскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ котораго Нѣмчина взять себѣ за Государя? И. Г. Р. Х. пр. 166. Примѣры варваризмовъ изъ лѣтописей: изъ Новог. 89 кумендери, по Карамзину командоры. 111 мастеры дѣлали Нѣмецскіи, изъ заморіа, съ Новогородскыми мастеры. 112 (Исидоръ) нача зватися Легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римскія власти. Изъ Ипат. 133. Половци напилися бяхуть кумыза. 158 и возвратишася во колымагы свои, рекше во станы; слич. 186 во день воскресенія, рекше недѣлю. 183 корелешь поюща (варіант. корелесь, киреілейсонъ). Эту греческую молитву въ старину у насъ пѣвали: ibid. 64: и тако възваша кирелѣисонъ вси полци радующеся, полкы ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого вѣдяче. ibid. 154 и мняться яко аэра достигше; слич. въ Похв. словѣ Димитрію Донскому: егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Дмитрій Рускыя земли, аэръ възмутися. Геній языка, не терпя иностранныхъ словъ, коверкаетъ ихъ на свой ладъ: такъ изъ испорченнаго керелешь, корелесъ образовался глаголъ куралесить. Или же, не понимая ихъ даетъ имъ свое произвольное значеніе: такъ въ Уставѣ церковномъ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе слова—кустодія—слѣд. образомъ: что нарекутъ кустодію пилатову девицу ключницу, то есть ересь; все то не было; кустодія есть воиновъ полкъ, рекше рать. Вост. Опис. Рум. Муз. 717.

6. Варваризмы въ народномъ языкѣ

Варваризмы въ Др Рос. стих. 111 капралъ. 111 гвардія. 117 баталія. 118 манеръ 126 свита 247 лагери. 270 монеты. 285 кононеры. 288 рота. 289 солдатъ. 302 шкарбъ. 314 со драгунами 315 маіоръ, генералъ, лагерь, рапортуетъ. 319 карты, тавлея, губернаторъ. Стихотворенія самыя обильныя варваризмами сочинены уже послѣ преобразованій Петра Великаго, каковы Борисъ Шереметевъ 314, Князь Репнинъ 318. Нѣкоторыя иностранныя слова обрусѣли, мѣтко соединившись съ извѣстными опредѣленіями, напр. 264 мастеръ заплечной, 293 плотники мастеры,—или съ постоянными эпитетами, напр. ярлыки скоропищатые.

7. Исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго.

Со временъ Петра Великаго начинается новый періодъ для исторіи ворваризмовъ. Они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся въ руской рѣчи. Любопытно было бы прослѣдить всѣ преобразованія Петра Великаго въ параллели съ вторженіемъ варваризмовъ, и такимъ обрзомъ показать, сколько каждое изъ нихъ привело съ собою варваризмовъ, и изъ какой страны. Весьма поучительно чтеніе книгъ того времени, потому что указываетъ съ одной стороны насильственную порчу нашего языка, а съ другой богатство и силу его: ибо возлѣ каждаго иностраннаго слова ставилось и руское, разумѣется для того, чтобы чтецы поняли варваризмъ, такъ что тогдашняя книга заклю-

чала въ себѣ, кромѣ какого нибудь своего содержанія, и вокаблы. Замѣчательно отношеніе отечественныхъ реченій къ варваризмамъ: иные варваризмы дошли и до насъ, вытѣснивъ переводъ рускій, ибо и самый переводъ былъ варварскій; иныя рускія реченія не допустили укорениться варваризму, задушивъ его тогда же. Примѣры привожу изъ Устава Воинскаго: піониры (или работники). корволантъ (сирѣчь легкій корпусъ). отдеташовано (или отдѣлено). добраго кондувита (сирѣчь всякія годности). квалитеты (или качества). ауторитетъ (или власть его). лагеръ (или станъ). по инструкціямъ (порядкамъ). рендеву-плацъ (или зборное мѣсто). ливрантовъ (сирѣчь подрядчиковъ). ваканцъ (или порожнія мѣста). маркетентерамъ (или харчевникамъ). въ медицинѣ (докторствѣ). навербованъ (набранъ). по билетамъ (цыдуламъ). чародѣйство (чернокнижество). о рефреширѣ (или объ освѣженіи людей). въ ордеръ де баталіи стать. яко корпусъ де баталіи. въ полѣ (или въ лагерѣ). о ревеліяхъ (или побудкахъ). у барьеру (сирѣчь у крайнихъ или внѣшнихъ карауловъ). о экзекуціи (или вершеніе). апшиду (отпуску). салвусъ кондуктусъ (безопасная грамота). секунданта (или посредственника). дать тринкгелдъ (или на пропой). о процессѣ (или тяжбѣ). принимаетъ по вся вечеры пароль (или соово). въ ретирадѣ (или отводѣ).—Изъ Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII: дедикація или приношеніе. ідеи или мыслеи. портовъ, въ выноскѣ: прістаніщь. дівулгованы (разглашены). на нѣмецкомъ языкѣ шпілізовавы (сочінены). патріотъ (отечества сынъ). трібутаріи (данніки). акты (записки). зѣло куріознаго или любопытного содержанія. амбиціи (честолюбіе). первого

міністра (бояріна). супсідіи или помощные деньги. поссесію (владѣніе). въ секвестръ (въ залогъ). трактаты (договоры). коммунікаціи (сообщенія). максимы (или правила). экзерціціа (обученія). Европейскіе політізованныя (обученныя) Государства, и проч.—

Отъ этихъ варваризмовъ нужно отличать варваризмы переводные и неологизмы. Разительнымъ примѣромъ ихъ вторженія въ нашъ языкъ служитъ Тредьяковскаго слово о мудрости, благоразуміи и добродѣтели, въ которомъ русскіе философскіе термины сопровождаются на поляхъ выставленными латинскими и греческими: бытность existentia. естественность essentia. разумность intelligentia. чистый разумъ purus intellectus. чувственность sensatio. разсужденіе juditium. самозрительное intuitivum, умствовательное discursivum. счетаніе мыслей combinatio idearum. умозрительныя theoretica, дѣятельныя practica. достовѣрныя certa, вѣроятныя probabilis. Философія умственная rationalis, нравственная moralis, естественная naturalis. ученіе о повсемственныхъ universalia. сущее ens. подлежащее subjectum, присвояемое attributum. Геометрія, которая тройное распростертіе (extensio) тѣлъ размѣряетъ чертами (linea), и ограничиваетъ очертаніями (figura). предлежащее objectum. постигаемъ свойства и совершенства Божія, самостоятельныя (absoluta) и возносительныя (relativa). естественное натеченіе influxus physicus. рыбы живородные (vivipari) и яицеродныя (ovipari). обоюду жительныя amphibia, чрепокожныя testacea. право естественное jus naturae. безстрастіе ἀπάθεια. мѣрнострастіе μετριοπάθεια. общество societas. провидѣніе providentia. искусство experientia. и проч. Доказа-

тельствомъ тому, какъ боялся Тредьяковскій, что его русскихъ терминовъ не поймутъ, еще приложенный на концѣ разсужденія словарь латино-французскій тѣхъ же терминовъ.

Уже Сумароковъ жалуется на варваризмы, въ статьѣ о истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка: «воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка... честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія, но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ надѣяться.» Вотъ нѣкоторые варваризмы, кои онъ желалъ бы истребить: *фрукты* вм плоды, *сюртутъ* вм. верхнее платье, *супъ* вм. похлебка, *гувернанта* вм. мамка, *мокероваться* вм. насмѣхаться, *еложь* вм. похвала, *нахтишъ* и *тоалетъ* вм. уборной столъ, *пансивъ* вм. задумчивъ, *жени* вм. остроуміе, *бонсанъ* вм. разсужденіе, *деликатно* вм. нѣжно, *пассія* вм. страсть, *манификъ* вм. великолѣпно, и проч. Въ связи съ нападками на чужія слова надлежитъ разсматривать статью Сумарокова о коренныхъ словахъ Русскаго языка, въ которой онъ доказываетъ древность и превосходство славянскаго языка передъ нѣмецкимъ. Исторія русскаго корнесловія тѣсно связывается съ исторіею варваризмовъ. Нѣмцы, оправдывая сильное вліяніе своего языка на нашъ, производили русскія слова отъ нѣмецкихъ: такъ Шлецеръ въ своей Грамматикѣ Россійской производитъ дѣва отъ dieb (воръ) и другихъ король отъ kerl, князь отъ knecht. Ломоно-

совъ (*) ставитъ ему эти производства въ уголовное преступленіе, точно также какъ Миллеру мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Шведовъ. Какъ Байеръ ведетъ Русь отъ племенъ нѣмецкихъ и производитъ многія наши слова отъ нѣмецкихъ; такъ Тредьяковскій въ Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, множество европейскихъ географическихъ именъ съ величайшими натяжками *присвояваетъ* языку славянскому.

Насмѣшки надъ варваризмами и неологизмами постоянно попадаются въ лучшихъ старинныхъ журналахъ; напр. въ Живописцѣ (1772 г.) пародируется тогдашній языкъ въ письмѣ одной дамы; вотъ нѣсколько выраженій: mon coeur, живописецъ! ты, радость, *безпримѣрный* авторъ—*по чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ!* Читая твои листы, *я безподобно утѣшаюсь*; какъ все у тебя *славно*; слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ*: *клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*, и проч. Сличить подобное же письмо одной дамы въ Собесѣдникѣ Любителей Россійск. Слов. (1783), часть I, стр. 82 — 87; mon mari мнѣ такъ надоѣлъ, что мочи нѣтъ; онъ такъ скученъ; такъ не важенъ... онъ конечно видитъ, что въ хорошихъ сосістахъ... не слушаетъ резону. . спектакль, и проч. Вмѣстѣ съ порчею языка постоянно охуждаются и нравы: и дѣйствительно, когда рѣчь безъ нужды искажается варваризмами, тогда слово теряетъ свою органическую жизнь, оскорбляется природа, несмысленнымъ произволомъ губитъ

(*) Пассека Очерки Россіи, книга II. стр. 45.

въ себѣ человѣкъ даръ Божій; а такъ какъ языкъ есть выраженіе духа народнаго, то, разумѣется, неестественное состояніе перваго есть слѣдствіе втораго.

Дѣятельность Шишкова противъ варваризмовъ объясняется дальнѣйшимъ развитіемъ мнѣній предшествовавшихъ поборниковъ за чистоту русскаго языка. а) Шишковъ точно также связываетъ вопросъ объ языкѣ съ вопросомъ о нравственности, упрекая нововводителей стараніемъ «умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единожды съ прямаго пути она непремѣнно должна попасть въ оныя.» (*) Хотя Дашковъ, знаменитый противникъ Шишкова, осуждаетъ его за сближеніе языка съ нравственностью; однако едва ли не правъ Шишковъ. б) Слѣдуя Ломоносову, Шишковъ ищетъ спасенія отъ варваризмовъ въ церковнославянскомъ языкѣ. «Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ, говоритъ Ломоносовъ (**), сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ

(*) Соч. и Перев. Рос. Акад. V, 263. Дашкова, О легчайшемъ способѣ возражать на критики, 1811.

(**) О пользѣ книгъ церковныхъ.

нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ.» Но, исключивъ изъ теперешняго употребленія выраженія устарѣлыя и непонятныя, Ломоносовъ определенно указалъ, какіе славянизмы терпимы въ языкѣ нашемъ. Для Шишкова же всякое славянское слово хорошо. Въ своемъ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ — въ противоположность варваризмамъ — предлагаетъ онъ славянскія реченія: вертъ, гобзованіе, лысто, непщевать и др. Притомъ Ломоносовъ ясно отдѣлилъ языкъ русскій отъ церковнославянскаго; Шишковъ смѣшалъ ихъ другъ съ другомъ: «какъ! нашъ Русской языкъ *самъ по себѣ?*» восклицаетъ онъ въ критикѣ на Дашкова: «да что такое нашъ Русской языкъ *самъ по себѣ?* гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хоть два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это Славянское, а это Русское?» в) По примѣру Сумарокова и Тредьяковскаго, Шишковъ защищаетъ отечественный языкъ отъ варваризмовъ корнесловіемъ, и точно также, какъ они, любитъ производить иностранныя слова отъ русскихъ, чтобы тѣмъ возвысить достоинство языка своего: такъ нѣм. schornstein производитъ онъ отъ черная стѣна, gatte (мужъ) отъ хотѣть, zinn (олово) отъ синь; nox, nacht, νύξ, ночь отъ *нѣтъ очей*; garderobe отъ *городить* и *рубъ*, отъ коего рубище, рубаха, и т. д.

Въ такомъ отношеніи стоитъ Шишковъ къ своимъ предшественникамъ; что же касается до своей современности, то онъ принесъ великую пользу, ибо нападалъ на варва-

ризмы, которые Карамзинъ съ своими послѣдователями вносилъ въ нашъ языкъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности. Предлагаю извлеченіе для исторіи варваризмовъ изъ Разсужденія Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, 1803: одни... безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ напр. какъ *моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіязмъ, катастрофа* и тому подобныхъ. Сіи суть самыя новомодныя слова, и для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются онѣ почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обветшалыя иностранныя слова, напр. *авантажиться, манериться, компанію водить, куры строить, камедь играть* и пр. Сіи прогнаны уже изъ большаго свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ. 24. Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать нерусскія, какъ напр. вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность*, вмѣсто настоящее время, *настоящность* и пр. 24. Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Русской языкъ... напр. influance переводятъ *вліяніе*, и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по Французской грамматикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: faire (sic! вм. avoir) l'influance sur les esprits, *дѣлать вліяніе на разумы*. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ, развитіе, утончанный, сосредоточить, трогательно, занимательно*, и множество другихъ, 25 и 26.

Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злосло-*

віи и пр.? Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les êsprit, un trait de satire? 46.

Доколѣ буду жить, богини милыя, клянуся васъ любить, и въ другомъ мѣстѣ: *часто начиналъ онъ говорить о безсмертіи, милой надеждѣ своей*... весьма пристойно говорить *милой другъ, милое личико*, напротивъ того весьма странно и дико слышать: *милая богиня, милая надежда безсмертія!* 180 и 181.

Народъ не думая о предметѣ кровопролитія въ изступленіи своемъ веселился общимъ бѣдствіемъ: слово предметъ хотя также есть новое и переводное; ибо нигдѣ въ старинныхъ книгахъ нѣтъ онаго; однакожъ оно довольно знаменательно, такъ что съ успѣхомъ въ языкъ нашъ принято быть можетъ; но при всемъ томъ и оное часто заводитъ насъ въ несвойственныя языку нашему выраженія. Въ вышесказанной рѣчи *предметъ кровопролитія* есть нѣкая загадка, или излишняя кудрявость мыслей 187.

Однако сіе радостное упоеніе вскорѣ прервано было чертою вѣроломства: опять черта, и еще такая, которая прерываетъ упоеніе! 195.

Одѣваться со вкусомъ есть также несобственное наше выраженіе; ибо мы не говоримъ, или покрайней мѣрѣ не должны говорить: *плакать съ горестію, любить съ нѣжностію, жить съ скупотію*; но между тѣмъ, какъ свойство языка нашего во всѣхъ другихъ случаяхъ велитъ намъ говорить: *плакать горько, любить нѣжно, жить скупо*, въ семъ единомъ нельзя сказать: *одѣваться вкусно* 203 и 204.

По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ. когда мнѣ говорятъ: *ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*; напротивъ того я весьма охотно слушаю, когда въ простой пѣснѣ поютъ:

Заплетися, плетевь, заплетися,
Ты развѣйся вамка хрущетая 302.

Умереть грѣху (être mort pour le péché) значило: отрещись на вѣки отъ грѣха; подъ словами: *жить Богови* (vivre pour dieu) разумѣлось: посвятить навсегда жизнь свою Богу. Нынѣ по примѣру чужихъ языковъ объясняемъ мы сію мысль словами: *умереть для грѣха*, *жить для Бога*. 234.

Изложивъ полемику Шишкова, почитаю излишнимъ говорить о галлицизмахъ Карамзинской рѣчи. Да и не слѣдуетъ о нихъ слишкомъ много распространяться, ибо они малозначительны въ сравненіи съ великими красотами И. Г. Р., заимствованными изъ старинной нашей литературы.

Въ настоящее время иностранныя выраженія встрѣчаемъ мы не только у писателей посредственныхъ, но даже у самаго Пушкина, напр. въ Исторіи Пугачевскаго бунта: Пугачевъ... стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, *занимающему* ея правый уголъ *и коего* ветхія стѣны едва держались. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, *негодуя* на свои неудачи, не терялъ *однакоже* надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Сіи горестныя извѣстія *сдѣлали* въ Петербургѣ глубокое *впечатлѣніе*. Въ это время

Пугачевъ занялъ Соколову гору, *господствующую* надъ Саратовомъ. Или у Крылова въ баснѣ Плотичка:

Хоть я и не пророкъ,
Но, *видя* мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ *удается*.

Слич. у Державина въ Водопадѣ:

Пустыня, взоръ *насупя* свой,
Утесы и скалы—*дремали*.

Любопытна исторія вторженія въ нашъ языкъ именъ греческихъ и римскихъ божествъ. Собственно начинается она съ Петра Великаго, хотя и находимъ еще въ Мамаевомъ побоищѣ: сія повѣдай, Уранъ, како случися брань на Дону, У Ломоносова и Державина являются эти божества во всей классической своей важности. Пушкинъ же употребляетъ ихъ имена по большой части только въ шутливомъ смыслѣ, и этимъ примиряетъ варваризмы съ народнымъ духомъ.

ПРОВИНЦІАЛИЗМЫ.

Изученіе народнаго языка и языка древнихъ памятниковъ само собою предполагаетъ уже и изученіе областныхъ нарѣчій. И въ старину, какъ теперь, руской народъ, заселяя огромное пространство, раздѣлялся на областныя нарѣчія: рѣчь Псковская отличалась отъ Кіевской или Владимірской. До насъ дошли памятники литературные изъ разныхъ мѣстъ Россіи: мы пользуемся ими и въ теперешнемъ слогѣ: значитъ, вносимъ въ слогъ провинціализмы. Мы изучаемъ языкъ народный: гдѣ онъ? Въ Кіевѣ, Вологдѣ,

Новѣгородѣ, Москвѣ: слѣд. вмѣстѣ изучаемъ и провинціализмы.

Въ древнихъ памятникахъ провинціализмы оказываются уже измѣненіемъ самыхъ звуковъ; напр. въ Руской Правдѣ: *чѣломудръ* вм. цѣломудръ, *цяшею* вм, чашею, *личемь* вм. лицемь, Русск. Достопам II, 2, 31, 34. У Нестора по Лавр. сп. 3. по разрушеньи, по раздѣленьи: изъ новыхъ писателей Гоголь весьма удачно употребляетъ *ь* вм. *і* въ окончаніяхъ, подобныхъ симъ. Въ Новог. лѣт. 2 *въ пятничю* вм. пятницу, 3 *Половчѣ* вм. Половцы, *Цьрниговѣ* вм. Чьрниговѣ, 5 *черкы* вм. церкы, *посадницать* вм. посадничать, *церезъ* вм черезъ, 6 *Володимирицъ* вм. Володимиричь, 7 *Церниговчи* вм. Черниговцы. Въ Ипат. 36 *у* весельи вм. *въ* весельи. 37 *узвратися* вм. взвратися. 181 *вѣнечь* вм. вѣнецъ, 205 *моцно* вм мочно или мощно, 207 къ *чѣлому* (варіантъ: цѣлому) и пр.

Многія слова, попадающіяся въ древнихъ памятникахъ, доселѣ сохраняются въ областныхъ нарѣчіяхъ; напр Новог лѣт. 63 бысть оттеплѣе, *росполися* вода; Ипат. 37 а семо ся за нами Днѣпръ *роспаливаеть*: въ Сибири до сихъ поръ говорится *распалиться*—о рѣкѣ, когда отъ прибылой воды усилится въ ней теченіе, или она выступитъ изъ береговъ. Новог. лѣт. 105 иде вода на *възводъ*: слич Сибирское *взводень*. Ипат. 115 *каробьци* твои: въ Малороссіи и теперь ibid. 112 ворота златыя *доспѣ*: въ Камчаткѣ всегда *доспѣть* вм сдѣлать: вечёрку доспѣть. Пск лѣт. 20 и выѣха Александръ изо Пскова *пословно* съ Псковичи: въ Сибири *пословна* говорится о собакѣ, вм.

послушна. Въ Бѣлорускомъ нарѣчіи (*): *баня* - верхъ, куполъ церковный иногда и наша баня; банный—банѣ принадлежащій: по свидѣтельству Нестора, Ефремъ, Епископъ Переяславскій, построилъ въ 1090 году *банное* строеніе. *глумиться*—смѣхотворить: въ томъ же значеніи и въ древнихъ нашихъ книгахъ *гостинецъ*—большая дорога (польк gosciniec): толкователи неправильно понимали въ Руск. Правдѣ: оже погубитъ слѣдъ на *гостинцѣ* на великой (въ спискѣ XIII в.: на гостинци на велицѣ), а села не будетъ, или на пустѣ, гдѣ не будетъ ни села ни людій: и Карамзинъ ошибочно перевелъ *гостинница*. *истобка*: у Нестора: *истопка*, истобка: въ Нов. лѣт. *истьба*. *коло*—телѣга, дроги: у Нестора: (Владиміръ) повелѣ пристроити *кола*. *лѣзть*—войти куда либо: у Нестора: яко полѣзѣ въ двери. *омылка*—ошибка: въ томъ же значеніи въ Русской Правдѣ: промиловался. *осочить*—сыскать, найти: въ Рус. Правдѣ: а не осочать отъ себе слѣду. *попріять*—подружить: у Нестора: попріяй ми. *пуща*—лѣсъ, особенно густой, непроходимый: въ поученіи Владимира Мономаха: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ. *рогъ*—уголъ, говоря объ улицѣ: въ Псалм. 117, 27: составите праздникъ во учащающихъ до рогъ олтаревыхъ. *ролейный*—пахатный, отъ роля—пашня: въ Руск. Правдѣ: а иже у господина ролейный закупъ будетъ. *остатокъ*—скотъ: въ Руск. Правдѣ въ смыслѣ имѣнія: иже смердъ умретъ безъ дѣтей, то остатокъ его Князю.

(*) К. Калайдовича о бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Трудахъ Общ. люб. Рос. Слов. 1822, I.

Провинціализмы въ Древн. Руск. Стих. 48 а бьетъ онъ звѣри сохатые (Сибир.). 88 вотъ де те, Дунаю, будетъ паробочекъ. 115 а на другой сторонѣ было у нихъ плодбище. 156 на твоемъ государевомъ займищѣ (въ Сибир. болото). 269 деньги дробныя. 292 домовище вм гробъ. 302 ѣздили за звѣрями обловами (въ Сибири особый родъ охоты) 402 и подъ кокору бросили (въ Яросл. кривое дерево) 419 наѣхали на стараго станишники, «по нашему рускому разбойники. Сами стихотворенія свидѣтельствуютъ о вошедшихъ въ нихъ областныхъ нарѣчіяхъ: 67 по нашему-то сибирскому словетъ полгода. 73 а и нѣтъ *у насъ* такого пѣвца, «во славномъ Новѣгородѣ. Слич. 383.

Какъ архаизмы стоятъ въ связи съ Исторіею народа, такъ провинціализмы съ его Географіею и Статистикою. Не надобно жаловаться на то, будто у насъ недостаетъ многихъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій о природѣ, напр. горной или приморской. Они у насъ есть, и прекрасныя, только разсѣяны по разнымъ концамъ Россіи. И безразсудно было бы требовать, чтобы въ Московскомъ нарѣчіи нашли мы слова для выраженія явленій природы, бывающихъ на Уралѣ или на берегахъ Охотскаго моря. Отвращеніе отъ провинціализмовъ есть старинный реторическій предразсудокъ, который особенно неумѣстенъ у насъ: ибо «народъ Россійскій, говоритъ Ломоносовъ (*), по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того,

(*) О пользѣ книгъ церковныхъ.

въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напр. въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ того жъ нѣмецкаго народа.» Какъ изученіе стариннаго нашего языка роднитъ насъ съ нашими предками, такъ изученіе провинціализмовъ сближаетъ и дружитъ насъ съ нашими соотечественниками всѣхъ концовъ Россіи. Наука никакъ не можетъ предписать, сколько и что можетъ и должно войти въ языкъ письменный изъ областныхъ нарѣчій: русское чутье всякаго оцѣнитъ по достоинству каждый провинціализмъ, а геніальный писатель можетъ внести въ письменный языкъ со всѣхъ сторонъ нашего отечества столько выраженій, что мы и представить себѣ не можемъ.

Примѣры провинціализмовъ у писателей нашихъ: у Державина въ Царь-дѣвицѣ: въ царствахъ *инших*ъ повторяли: въ Малороссіи, равно какъ и въ Польшѣ, иншій вм. иной. Слич. Ломоносова Од. 4, строф. 8. подъ *инну* Трою вновь приступитъ. У Пушкина въ Исторіи Пугачевскаго бунта: онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* (осеннее рыболовство). Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости, и большею частію *Гулебщики* (охотники). Прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малолѣтокъ*: Пушкинъ объясняетъ въ примѣчаніяхъ: недостигшій 14-ти-лѣтняго возраста. Въ Капитанской дочкѣ: матушка, знавшая наизусть всѣ его *свычаи и обычаи*: звычаи и обычаи—Польская поговорка: она попадается и въ Сл. о П Иг.: кая раны дорогá, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата

стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны. *свычая и обычая?* У Марлинскаго въ Страшномъ гаданьи: вихорь гналъ мятель по *насту*: употребляется въ Сибири и въ Др. Рус. ст. 49 а и буйны вѣтры по насту тянутъ.— Гоголь приложилъ словарь малорусскихъ словъ къ первымъ двумъ частямъ своихъ сочиненій.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ПРИЛОЖЕНІЮ.

	Стран.
Адамъ	449
авантажиться	460
актъ	454
аллилуія	450
амбиція	454
аминь	450
Апокрифы, или Ложныя книги	391—2
басма, басемный, басменный	418
басня о животныхъ (thierfabel)	397,401
баять	314
березозолъ, брезозолъ	444—5
билетъ	454
бисеръ	449
благо	327
блаженный, блаженство	327
блики	418
боги	407—8
Богъ въ обычныхъ выраженіяхъ	380
болгаризмы	450
Боянъ	390,420
братанъ	382
бритучадъ	382
будка	365
будущность	460
буя палата	417
быстрый	312
бытность	455
варъ	365
ведро	—
Велесъ	441
верста	318
вещь	316
вкусъ	461
вліяніе	460
волкъ	398,400
Волосъ	402
вольячный	418
воля	326—7
воскресить	320—1
выходъ, невыходы	436
вѣдать	326
вѣра	—
вѣтія, витія	314
вѣче	315
вѣчевой колоколъ	379
вѣщій, вѣщба	313—5
гвенты	418
говядо	365
годъ, година	318—9
Гоголь	361—2,464
голова	373—4,380,468
гривна	365
груденъ мѣсяцъ	444

Стран.

грѣхъ 312,326
гудьба, гусли. . . . 419
Дажьбогъ 403
Даніилъ Заточникъ 420,422—5
429
двускатная крыша . . 417
деверь 382
деисусъ. 414
день. 307
Державинъ. . . 359,463,467
дивъ. 405
Днѣпровскіе пороги . . 439
доба. 319
доить 365
доличное 418
Дунай 406
душа, духъ. . . 319,380,435
дѣдина 383
дѣло. 345
дюжій 366
еллинскій въ смыслѣ языческаго. 404
епанчею (крыша). . . 417
естественность. . . . 455
жадный. 466
желаніе. 327
Жива. 441
Живописецъ Новикова . 457
жизнь, животъ, жить 366,320
жиръ, жировать . . . 366
жмурки. 460
Жуковскій 433
жупелъ 451
занимательно 460
заразъ 435
заревъ мѣсяцъ. . . 443,446
затинка. 418
затменія 387—8
збруя 367
змѣй. 308
знаменія 387

Стран.

знаменьщики 418
золовка. 382
золото хоронить . . 406—7
зять. 382
игры народныя 406
изокъ мѣсяцъ . . . 444—5
имя 446
инструкція. 454
ипостась 451
искусство 323
исполинъ 449
истина. 324
историкъ 448
-ичь. 383
Іоаннъ Екзархъ Болгарскій 440, 446—7
Карамзинъ. . . 430,434,460
качество. 323
квасъ 367
Кириллъ Туровскій . 410,425
ключь у свода. . . . 448
колачъ 367
коловратный 312
колымага 452
коляда 403,405
комары 448
компанію водить . . . 460
конь. 372
копать борозды. . . . 434
копье. 371,435
корелесъ, киріелейсонъ. 452
коробовые храмы . . 417
кость. 373,435
крестное цѣлованіе . . 380
крестьянинъ 309
крещатые храмы . . . 417
крики животныхъ. . . 396
кувшины съ зельемъ. . 434
Купало 402,405
кустодія. 452
лагерь 454

	Стран.
Ладо, Лада	402,404—5,441
ласкательныя имена	385—6
Лермонтовъ	433
лиса	398
листопадъ мѣсяцъ	443—4
лицо	374
личевщики	418
лобъ (въ храмѣ)	416,448
Ломоносовъ	356,430,432,456—7.458,463
лупить	367
лукать	308
лѣкарь	316
любовь	327
лютый звѣрь	399
манериться	460
мастеръ	452
Мерзляковъ	360,433
мертвою рукою обвести	307
мечта	415
мечъ	372
милость	327
министръ	455
Митуса пѣвецъ	390
миѳологія	401,407
міръ	317
Мокошь	403
Морана	441
мѣсто, мѣстничество	375
мѣстоименіе	446—7
нарѣчіе	446
наука	324
невѣстка	382
недѣля	452
нетій	383
ноги разуть	374—5
норовъ	367
ночь	312
Нѣмецъ	451—2
обронный	418
Обры	449

	Стран.
общество	455
огонь	307
оживка, или отживка	418
олицетвореніе	354
олтарь	450
описательныя формы	332,434
опознать	345
опытъ	323
отрицательное уподобленіе	343, 353
отчина	383
параллелизмъ	341,353
патріотъ	454
переворотъ	460
перси (въ храмѣ)	416
Перунъ	402,441
плечи (въ храмѣ)	416
побратимство	383
повѣтъ	315
погудка	419
подлежащее	455
полонизмы	448
Полудница	441
понятіе	322
порокъ	326
порты, портной	367
почка	368
пошибъ	418
поэзія въ древней Руси	390, 392—5,404
правда	325
править	326
предлогъ	446
предметъ	461
прелесть	368
признакъ	324
примѣты	388—9
припѣвка	420
притчи у Нестора	420
причастіе	446
промыслъ	328

Стран.	
просинецъ мѣсяцъ	443,445
прохлада	434
Пушкинъ. 360—1,433,462,467	
пѣсни въ древней Руси 390—1, 451	
работа	368
Радигостъ	441
развитіе	460,462
разумность	455
разумъ, разумѣть	321
Реторика въ Изборникѣ Святослава	447
рипида	414
рокъ	328
рука	374
Рьглъ, Реглъ	403
рюенъ мѣсяцъ	443—4
Садко	406
сватъ, сватья	382
свекоръ, свекровь	—
Своба, свобода	306,441
свойство	332
своякъ, свояченица	382
свѣсть	—
свѣтъ	317
свѣча	379
Святовитъ, Свѣтовидъ	441
сербизмы	450
сестреничъ	383
силлогизмъ	448
символъ юридическій	395
Симъ (Симаргла)	403
слава	381,406
Слово о полку Игоревѣ. 346 349—351,353,370,388,392—5,398—9,421,427,451,467	
смерчь, сморчь	450
смиренное платье	434
смыслъ	321
сноха	382
Собесѣдник. люб. Рос. сл.	457

Стран.	
сокровище	368
солнце	307
сосредоточить	460
Св. Софія вм. Новагорода	379
сочиненіе	326
союзъ	445
срубить городъ	417
старина	376,435
стригольникъ	449
строгій	368
строить	—
стропилы	448
стрый	382
стрѣльчатый	417
стрѣлять	308
студенъ мѣсяцъ	443—4
судить, сужденіе	322
судъ	380
судьба	327—8
суевѣрія	391—2,406
Сумароковъ	358,456
супругъ	368
супъ	456
сухій мѣсяцъ	443,445
сущее	455
счастіе	327
сыновецъ	382
Сытивратъ	441
сѣдло	435
сѣнь (въ церкви)	414
сѣченъ мѣсяцъ	443,445
сюртукъ	456
тезъ	451
тесть, теща	382
точило	450
травенъ мѣсяцъ	444—5
травы	418
трагедія	441,448
Тредьяковскій	358,455,457
тризна	450
трогательно	460

	Стран.
Св. Троица вм. Псковъ .	379
тропы	343
трудъ ,	369
тьма.	312
тябло	415
ужика, ужичество. . .	382
уй.	—
украйна.	369
умозрительный . . .	455
умъ, умный, умѣть . .	321
уничижительныя имена .	385
уподобленіе	389
утонченный	460
фрукты.	456
Хорсъ	403
хотѣніе	327
цѣловать	369
цята	414
челомъ бить	306
червенъ мѣсяцъ . .	444—5
черта	461
честь	381
чортъ	316
чувства.	322
чувствительность . . .	455
чудесное . . .	401,408
шатровыя крыши . . .	417
Шишковъ	458
шлемъ, шеломъ . . .	372
Шлецеръ	456
шуринъ	382
щитъ	372,435
языкъ, язычникъ . . .	309
яловой	369
яро, яровой	309
ятровь	382
эллипсисъ	333

КОНЕЦЪ

Bayerische Staatsbibliothek München

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Buslaev, Fedor Ivanovič,

O prepodavanii otečestvennago jazyka

Moskva 1867

Paed.th. 6749 u
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10764837-6